

Джейми Холманг
НЕСКРОМНОЕ
ПАРИ

ПОКЛОННИКАМ ФИЛЬМА «ЧЕТЫРЕ СВАДЬБЫ И ОДНИ ПОХОРОНЫ»

Лучшие друзья Флин, Джорди и Джессика наконец-то переезжают в новый дом. Это радостное событие заставляет их заново оценить собственную жизнь. Им уже исполнилось по двадцать пять лет, но все они недовольны своей работой. К тому же никто из них так до сих пор и не нашел свою половинку.

И вот друзья заключают пари...

Джейми Холланд
НЕСКРОМНОЕ ПАРИ

Посвящается Рейчел

Благодарности

Множество людей помогало мне в создании этой книги. Но в особенности мне бы хотелось поблагодарить Сьюзен Уотт, Викторию Рутледж, Аннабел Хардмэн, Викторию Эдвардс и Патрика Уолша. Также выражаю свою признательность семье Белл — владельцам поместья в Шотландии — за то, что несколько раз приглашали меня погостить, и Стюарту Миллзу за бесценные знания в области информационных технологий. Я также хочу поблагодарить своих родителей за поддержку и за то, что они вырастили меня в таком прекрасном уголке Земли. Спасибо Бро и Шадо за советы и участие, куда большее, чем обычно ожидается от брата и сводной сестры. И наконец, хочу поблагодарить мою дорогую Рейчел за ее терпение и за то, что она просто замечательный человек.

Глава 1

Первые летние дни и заключение договора

Снаружи паба было все еще светло и на удивление тепло. Им в первый раз в этом году удалось собраться всем вместе в кафе. За последнее время много чего с ними произошло, и им приходилось стараться изо всех сил, чтобы наконец принять решение.

— Хорошо, — упираясь в стол руками, сказала Джессика и решительно посмотрела сначала на Флина, а потом на Джорди: — Мы договорились, да?

Джорди посмотрел на Флина, кивнул, а потом снова перевел взгляд на Джессику:

— Договорились.

— Отлично. Наконец-то. — Джессика встала и улыбнулась. — Я сейчас же звоню хозяину. — Она вытащила из своей сумочки мобильный телефон и отошла от их столика.

Последние несколько недель были сплошной мукой. Вначале идея найти новый дом казалась великолепной, но после того как пришлось пожертвовать двумя субботами и несколькими вечерами ради того, чтобы до изнеможения ходить и смотреть мрачные, грязные дома, все трое освободились от иллюзий. Ничто из увиденного не соответствовало запрашиваемой цене. Даже тот дом, который они все же решились снять, не был идеальным, хотя вполне подходил, чтобы прожить в нем один год. Дом удачно располагался — Баронс-Курт находился на выезде из города рядом с западной дорогой — и это, бесспорно, было большим плюсом.

— Подкрасим его и, думаю, будет выглядеть вполне прилично, — с надеждой сказал Джорди.

— Конечно. Он будет смотреться просто великолепно, — согласился Флин.

— Я запросто могу соорудить несколько полок и привезти какую-нибудь ненужную мебель от родителей.

— Блестяще, — одобрил Флин.

Энтузиазм, с каким Джорди говорил о том, что он может сделать своими руками, порадовал Флина. Ведь ему так хотелось, чтобы их новый дом был как можно более уютным и не походил на грязные, обветшалые съемные комнаты, в которых он жил раньше. В конце концов, они ведь больше не студенты.

Джессика выключила телефон и вернулась к столу.

— Дом девяносто три по Тернвилл-роуд наш, — победоносно улыбнулась она. — На следующей неделе мы подпишем договор, а еще через неделю сможем въехать. — В восторге она чмокнула их обоих. — Жду не дождусь. Все трое вместе. Ну и здорово же будет!

— А у Джорди уже есть отличный план, как обустроить наше новое местечко, — добавил Флин.

— Блестяще. Дорогой, да ты просто мастер на все руки. Честно сказать, не знаю, что бы со мной было, если бы не ты! — Джессика еще раз поцеловала Джорди.

Она необыкновенно обрадовалась их планам по обустройству дома и вдруг почувствовала, как сильно любит своих друзей.

— Но вы оба должны мне помогать, — решительно заявил Джорди.

— Конечно-конечно, — беспечно бросил Флин, а потом напомнил, что это была затея Джорди.

Джорди сходил за очередной порцией напитков, потом сел за стол и закурил:

— Слава богу, мы с этим расправились. Вот веселуха будет, когда будем переезжать. Ведь мне в жизни так не хватает радости.

— Мне тоже, — сказал Флин.

— На самом-то деле мало что изменится. Старая работа и, как всегда, один, без девушки, — продолжил Джорди.

— Мы будем семейством одиночек, — выдала Джессика.

Флин и Джорди в недоумении оторвались от своих кружек и посмотрели на нее.

— Вот уж веселуха, — скривился Флин.

Джессика заправила за ухо выбившиеся из недавно сделанной прически волосы и сказала:

— Ладно, у меня есть идея. Мы въедем двадцать четвертого мая и проживем в этом доме ровно год. Этого же числа следующего года мы все обязаны иметь работу гораздо лучше прежней и любимого и надежного человека рядом. Вот какие у нас должны быть цели.

— Но у меня всю жизнь такие цели, — возразил Джорди. — Я все свое время потратил на мечты: чтобы найти работу повеселее и постоянную подружку.

— А что, если мы устроим состязание, — заинтересовался предложением Джессики Флин. — Ну, это я к тому, что я в том же положении, что и вы с Джорди, но если бы у нас был какой-то предельный срок, то мы бы стали прилагать намного больше усилий.

— В точку, — сказала Джессика. — Мы должны заключить договор, прямо здесь и сейчас.

— Ну давайте, — нахмурился Джорди. — Хотя вы оба в более выгодном положении. Джессика, у тебя же почти всегда есть какой-нибудь приятель.

— Ерунда, это просто знакомые. Я не была на нормальном свидании уже лет сто, тем более я никогда не была влюблена. Ну что, к следующему маю, — решительно заявила Джессика, — я надеюсь, все у нас переменится.

— Но ведь Флин постоянно влюблен, к тому же у нею отличная работа, — продолжал ныть Джорди.

— Чушь, — сказал Флин. — Во-первых, с Клэр мы разошлись почти четыре месяца назад, а во-вторых, я вовсе не любил ее. И какой бы увлекательной ни казалась работа пиарщика фильмов, платят за нее сущие гроши, — ухмыльнулся он. — К следующему маю я хочу, чтобы в меня кто-нибудь был влюблен, и пусть мне больше платят, больше, чем вам обоим.

— А я хочу, чтобы меня повысили в должности, — подключилась Джессика. — И чтобы у меня были более интересные темы докладов, а не только «Еда с низким содержанием жира для микроволновой печи».

— Ладно, — согласился Джорди. — Хотя я, в общем-то, не возражаю, чтобы все оставалось по-прежнему, но в идеале мне все же хочется, чтобы работа была наслаждением и чтобы в меня был кто-то влюблен и я любил кого-то. К концу следующей недели.

— Вот она — сила убеждения, — рассмеялся Флин.

— В этом-то и суть, дорогой, — сказала Джессика. — Я настрою ваши мысли на нужную волну.

— И чуть-чуть духа соперничества еще никому не вредило, — продолжил Флин, похлопывая Джорди по спине.

— А что за приз? — уныло спросил Джорди. — Если это соревнование, значит, должен

быть и приз.

— Хорошо, — решила Джессика. — Приз — бесплатные напитки всю ночь. Двадцать четвертого мая следующего года мы снова соберемся здесь, в «Атланте», и тот, кто не будет влюблен или не получит повышение, должен будет всю ночь покупать двум остальным напитки. Кажется, это справедливо, верно?

— А что будет, если никто не выиграет? — поинтересовался Джорди.

— Мы все равно здесь соберемся, но каждый будет покупать напитки самому себе. А еще мы обсудим, что же мы сделали неправильно. — Джессика оглядела своих друзей и подняла свою кружку: — Мы заключили договор на аренду, и у нас, наконец, есть свой дом. Выпьем за это, дорогие мои.

Через две с половиной недели все трое въехали в новый дом. Флину удалось уговорить Джорди помочь ему перевезти вещи от его сестры (где он бесплатно жил некоторое время), а Джессика и Джорди без особых затруднений переправили пожитки из своей двухкомнатной квартиры в Хаммерсмите^[1]. Стоял чудесный летний день. На деревьях блестели свежие темно-зеленые листья, и в их новом доме воцарилась атмосфера безмятежности. Солнце заливало комнаты ярким светом, и все трое чувствовали, как жажда свершений в предстоящем году захватывает их. Несомненно, это будет отличный год.

Вечером в окружении сумок и коробок они еще раз собрались все вместе, чтобы выпить за достижение поставленных перед ними нелегких целей. Они были в приподнятом настроении, потому что суровое испытание переездом в новый дом наконец-то закончилось. Летнее солнце и новый дом мало-помалу вселили в них уверенность. словно сам факт заключения меж ними договора мог помочь им в решении всех проблем.

Флин был уверен, что встреча с Поппи — это самая невероятная случайность, которая только могла произойти на свете. С Поппи они учились в начальной школе. Поспорив немного, они подсчитали, что не видели друг друга целых шестнадцать лет. На самом деле это она его узнала, когда они стояли в вагоне метро линии «Пиккадилли» прижатые друг к другу как селетки в бочке. Флину не потребовалось много времени, чтобы разглядеть ее, но он не мог поверить собственным глазам: невероятно, чтобы та заносчивая девчонка, которую он ненавидел всем своим детским сердцем, могла превратиться в такую, такую... ну, по-настоящему красивую девушку. Толпа безмолвных пассажиров стала свидетельницей их встречи. Не обращая внимания на то, как попутчики поднимают от удивления брови, Поппи просто засыпала Флина вопросами. Чем он занимается? Где живет? Не переехали ли его родители из Уилтшира? Как было здорово снова видеть его, после стольких лет он совсем не изменился. Она его сразу же узнала. «Но она-то определенно изменилась, — думал про себя Флин. — И определенно в лучшую сторону». Когда поезд подходил к станции «Лестер-сквер», Флин стал протискиваться к выходу.

— Здорово снова встретить тебя после стольких лет, — растянула Поппи свои пухлые, соблазнительные губы в широкую улыбку, обнажая белоснежные зубы. — Приедешь ко мне на вечеринку? В Суссекс.

— С удовольствием, — серьезно сказал Флин.

Она поцеловала его на прощанье:

— Ты обязательно должен зайти, — проворковала Поппи.

И двери вагона закрылись.

Поднимаясь на эскалаторе, Флин никак не мог прийти в себя от удивления. Он допускал, конечно, что ее приглашение — не что иное, как проявление сентиментальности, но все же решил, что будет счастлив увидеться с ней еще раз, прежде чем расстаться на следующие шестнадцать лет. К его большому удовольствию, когда он составлял пресс-релиз на какой-то фильм, она позвонила сама.

— Поппи! Привет! — вздрогнув, воскликнул он. — Как тебе удалось меня разыскать?

— Проще простого, — победоносно заявила она. — Ты сам мне сказал, где работаешь. А разве существуют две кинокомпании с одинаковым названием?

Они обменялись номерами телефонов и адресами.

— На самом деле я только недавно переехал на новое место, — сказал он ей. — На прошлых выходных. Ты первая, кому я даю мой новый адрес.

— Ты делаешь мне честь, — смеясь, ответила она. — Пригласи меня на ужин, и я стану еще и первой, кто увидит твой новый дом.

— Ладно, — согласился Флин. — Как только мы обустроимся, я тебя позову.

Тем временем Поппи сказала, что незамедлительно отправит ему приглашение на свою вечеринку:

— Но ты должен пообещать мне, что приедешь, — продолжила настаивать она.

— Даю слово, — откидываясь в своем кресле и улыбаясь, заверил ее он.

Какое великолепное начало состязания. Ему в жизни так не доставало радостных переживаний, а потому он предался фантазиям о том, к чему может привести эта встреча. В

это время в его рабочую каморку заглянула Тиффани.

— Опять гредишь наяву, Флин?

— А? Ну да, тут со мной кое-что забавное произошло. Вот я и думаю об этом.

— Ну конечно. Не расскажешь?

Флин поведал ей о случайной встрече, а потом спросил:

— И что скажешь?

— Может это твой шанс — как знать? По-моему, она на тебя запала.

— Думаешь?

— Да, уверена. Ну, как бы то ни было, держи меня в курсе.

Тиффани нравилась Флину. Она совсем недавно приехала из Австралии, но уже успела стать его лучшим другом в отделе. Он и с остальными сотрудниками неплохо ладил, но все они казались ему немного нервными, особенно его начальница Мартина, у которой, как говорили, даже был собственный психотерапевт. У Тиффани не было приятеля, по крайней мере, Флин ни одного не видел. И они болтали друг с другом обо всем на свете: Флин рассказывал ей о своих друзьях и своих неудачах, а Тиффани делилась с ним своими радостями и проблемами.

Здорово было, наконец, оказаться в новом доме, а теперь, когда так неожиданно в его жизни появилась Поппи, дела, несомненно, должны были пойти в гору. У него было хорошее предчувствие — словно сама судьба играла на его стороне: новый дом, новая подружка; все оказалось так просто. Жить с сестрой было невыносимо. Сэм и ее дружок Уилл запросто согласились, чтобы Флин жил с ними, за что он, конечно, был им безумно благодарен. Но он все время чувствовал, что это был *их* дом, а он в нем — всего лишь гость. И вот теперь он вместе с Джессикой и Джорди — его старинными друзьями — переехал в отдельное жилище. Вот весело будет, как в старые добрые времена, когда они жили неподалеку друг от друга в маленьком городке и все свое время проводили друг с другом. На новом месте было намного лучше, чем в том доме, который он снимал, прежде чем переехать к сестре. Ему повезло: обычно жилье сдается на год, но когда Эдди решил жениться, все согласились съехать через шесть месяцев. Какое облегчение. Эдди Флину нравился, но вот его дружок Бома... он содрогнулся лишь от мысли о Боме. Отгоняя неприятные воспоминания, Флин начал набирать номер мобильного телефона Джорди.

Джорди был всего в каких-то четырех или пяти милях от дома, но знал: чтобы добраться домой, потребуется не меньше часа. Было почти четыре часа, и он никак не мог понять, почему именно в это время дня на автостраде № 4 такая ужасная пробка. И вот так все время. Какая досада. И какая бесполезная трата времени. Он начал путь в Манчестере, но на расстоянии тридцати миль до Бирмингема и тридцать миль после движение было очень плотным. Чтобы проехать эти шестьдесят миль, ему потребовалось три часа, а потому весь переезд занял шесть часов. Просто нелепо. От злости он крепко стиснул руль. В машине, что стояла за ним, мужчина в сером костюме начал клевать носом, как будто происходящее совершенно его не волновало.

Джорди не слишком любил Лондон. Он понимал, что это по большей части оттого, что он оставался в этом городе новичком, но все же лондонцы казались ему грубиянами. Он терпеть не мог, когда на него орали ошалелые таксисты, когда его подрезали невероятных размеров автобусы. Он ненавидел уличную толчею и людей, которые обращались к нему с расспросами. Ему нравилось свободно, без этой толчеи прогуливаться по тротуарам. Вот

почему, бесполезно простаивая на автостраде, он чертовски злился. И пусть ему твердят, что нет на свете города лучше, чем Лондон, Джорди, не раздумывая, предпочел бы провести вечер в каком-нибудь деревенском пабе, нежели в лондонском кафе.

Но большинство его друзей жили в Лондоне, и, хотя в этом городе было так много всего, что ему не нравилось, он понимал: рано еще думать о бегстве. У него были грандиозные планы. Он поработает в Лондоне еще год, получит необходимые знания в области информационных технологий, а потом ко всем чертям уйдет в свой бизнес. И пусть работать в компании «Эф-Дэ-Ю» в отделе Барта Квонга было безумно скучно, Джорди понимал, что ему придется с этим смириться: проводить презентации, объезжать клиентов, периодически пополнять знания о рынке информационных технологий и не допускать, чтобы равнодушные Барта действовало ему на нервы. Он просто ждал подходящего случая, а покамест делал то, что ему скажут. А вообще, ему было о чем поразмыслить: о новом доме. Нужно позаимствовать у отца кое-какие инструменты, чтобы сделать полки и покрасить стены. А поскольку сезон регби закончился, ему еще нужно зарегистрироваться в новом теннисном клубе. Сейчас, конечно, он высокий и худой, но если дни напролет станет просиживать сиднем в машине, все это быстро изменится. Да и вообще, ему нравилось быть в хорошей форме.

Успешно выкрулив из-за агрессивного вида «БМВ», Джорди откинул с лица пряди светлых волос и уставился в зеркало. По крайней мере, теперь он был впереди этой невероятной очереди. Он взглянул на свой мобильный телефон и начал раздумывать, не должен ли он кому-нибудь позвонить. И тут трубка начала трезвонить:

— У меня такая новость, — сказал Флин.

Его голос звучал приглушенно.

— И какая?

— Я встретил сногшибательную старинную подружку из нашего городка, и она пригласила меня к себе в гости на выходные.

— Сволочь! Как тебе удалось?

Флин во второй раз рассказал свою историю.

— Сволочь! — повторил Джорди. — Знал я, что ты первым придешь к финишу. А мы ведь не прожили в новом доме и недели.

— Что ж, очевидно вам теперь нелегко придется.

— Ну, тебе все равно не отвертеться от покраски дома.

— Конечно, не отвертеться. Но если ты думаешь, что я отменю свою поездку за город в выходные и стану тебе помогать мастерить полки, то ты заблуждаешься.

Приподнятое настроение Флина было плохим утешением для Джорди. Да что с ним такое? Почему так происходит? Ведь раньше все было иначе: у Джорди постоянно кто-то был, тогда как Флину везло меньше. А все потому, что Флину почти всегда нравились недоступные женщины. Когда бы Джорди ни заговорил об этом, Флин всегда отвечал одно и то же: «Но я люблю ее. И с этим я не в силах что-либо сделать». Джорди припомнил, что так было и в школе. Как-то Флин безумно влюбился в старшекласницу, которой был абсолютно неинтересен. Между тем Кейт Роджерс была от него без ума. За Флином постоянно бегали какие-нибудь девчонки: он был популярен. Джорди всегда немного завидовал тому, с какой легкостью удается его другу очаровать всех вокруг. Даже когда они были совсем маленькими, Флина любили чуточку больше, чем его. С тех пор ничто не переменялось. Но за что Джорди был благодарен Флину, так это за то, что он оставался верным другом.

Джорди никогда особо не раздумывал над тем, что значит любить по-настоящему. Ему казалось, что он бывал влюблен; по крайней мере, так он говорил каждой своей пассии. Все говорят, что влюблены. Во всяком случае, он наслаждался тем, что у него всегда находился кто-нибудь, с кем можно провести ночь: на первом курсе университета у него были Алекс и Софи, потом Сюзанна — на втором, и наконец Нел, с которой он порвал только потому, что она собиралась путешествовать, а ему не хотелось чувствовать себя виноватым, если вдруг ему подвернется другая. Но с тех пор, как он переехал в Лондон, у него никого не было.

Разглядывая себя в зеркало, он внезапно заметил обозначившуюся с одной стороны лица морщинку, которая начиналась у носа и тянулась к уголку губ. И откуда только она взялась? Он был абсолютно уверен, что когда в последний раз смотрел на себя в зеркало, ее там не было. Неужели он уже достиг того возраста, когда начинаются процессы старения? А вдобавок его овальной формы очки сплошь заляпаны следами от пальцев. Это уж чересчур: ему двадцать пять, он застрял в пробке на автостраде № 4 и начинает покрываться морщинами. И как он до такой жизни докатился? О чем он только думал, заканчивая университет? На самом-то деле тогда он мало о чем думал. Выбор у зоолога-троечника невелик, но от семьи ему достались кое-какие деньги, а потому он решил повременить с карьерой и углубить свои познания мира. Сначала он полетел на Восток, в Таиланд, а оттуда в Австралию и Новую Зеландию. Там он катался на лыжах, занимался серфингом, бродил по окрестностям и даже успел немного поработать барменом. Потом двинул в Южную Америку и провел почти год в Буэнос-Айресе. Он просто влюбился в Аргентину. Жизнь там была настолько дешевой, что ему не нужно было много работать, так что оставалась куча свободного времени на развлечения. Среди множества приезжих европейцев и американцев он нашел себе друзей. Была у него и подружка: миловидная аргентинка, покорившая его своим латиноамериканским шиком.

В какой-то момент Джорди понял, что ему нужно от жизни. Его родители и друзья с облегчением вздохнули, когда он наконец вернулся в Англию и почти сразу перебрался в Лондон, чтобы найти себе «приличную» работу. Его давняя подруга Джессика тем временем подыскала себе новое жилье, и он переехал к ней. «И вот в каком положении я оказался, — думал он про себя, — сижу в пробке на краю Лондона и старею прямо на глазах».

Он был слегка расстроен. Без путешествий его жизнь стала такой обыденной, рутинной. Но что его больше всего бесило, так это отсутствие девушки. Господи, да он год как сексом не занимался. Как такое вообще возможно? Или просто он становится занудой? А ведь на самом деле ему просто скучно. А может, сейчас у него просто нет времени на общение с людьми? Потому и девушку он никак не найдет. Ему просто надо пойти в какой-нибудь бар и познакомиться с кем-нибудь. Но все нет времени. Он начал вспоминать всех знакомых девушек. О большинстве из них и думать было нечего; остальные ему настолько не нравились, что не годились даже на крайний случай. А Джессика? Ну, она ему просто друг и всегда им останется. Хороший, конечно, договор они между собой заключили, только вот как он собирается добиться всего этого? Порывшись в бардачке, он достал кассету с любимой музыкой — сборник хитов «Электрик лайт оркестра». Лучше не мучить себя тяжкими размышлениями. Здесь, в машине, он мог слушать все, что ему заблагорассудится, и никто не станет его критиковать. Ему нравился «Э. Л. О.», и плевать, что кто-то не разделял его пристрастий. Пока он фальшиво подпевал песню «Мистер Голубое Небо», к нему мало-помалу вернулась уверенность в себе.

Джорди позвонил Джессике и рассказал, что произошло с Флином. Но она утешила его, что вряд ли стоит так сильно волноваться. Она прекрасно понимала, что собой представлял Флин. Он постоянно начинал радоваться, так до конца не разобравшись, что же на самом деле произошло, и обычно дальше его восторгов дело не шло. И вообще, она догадывалась, что Джорди позвонил ей только потому, что не знал, куда деться от скуки. Когда ему нечего было сказать, он пересказывал известия по нескольку раз. Вот и теперь он уже во второй раз сообщал ей, что их с Флином не будет допоздна. Вообще-то она не возражала: на работе выдался трудный денек, и ей очень хотелось побыть какое-то время одной в тишине. Она по-прежнему души не чаяла в Джорди и Флине, но порой от них столько было шума, что просто невыносимо становилось.

Вернувшись домой, она первым делом направилась в ванную, вымыла руки, обильно смазала их кремом, покрыла губы вишневым бальзамом и налила себе большущий бокал вина. Потом скинула туфли, включила телевизор, легла на диван и начала разбирать почту. Письмо из банка — скукота; несколько писем для Джорди — скукота, скучища. А вот когда она получала этот конверт, у нее всегда улучшалось настроение — еженедельное издание «Банги»^[3]. Всем ее знакомым казалось странным, что такая всегда элегантная и уравновешенная леди до сих пор выписывала эту подростковую чушь. Джессика читала этот журнал с десяти лет. Заботясь о дочери, ее матушка каждую неделю исправно покупала его, а теперь та стабильность, с какой это издание оказывалось в почтовом ящике, просто утешала Джессику.

Сегодня ей как никогда хотелось полистать эти страницы, даже если на них разворачивались слезливые школьные драмы, — это ее успокаивало. Она предвкушала, как посвятит следующие несколько часов только себе: разденется, примет ванну, перелистает журналы и ни с кем не будет разговаривать. Досадно только, что ей никак не удавалось выкинуть из головы Ричарда Кибла. Да как он посмел ей такое сказать! А еще этот Роб — все никак не уяснит, что между ними давно все закончилось. А ведь она сказала ему об этом почти месяц назад. Утром, отправляясь на работу, она выглядела безукоризненно, но теперь чувствовала себя грязной и растрепанной. Ни бальзам для губ, ни крем для рук не помогли. Это было просто выше ее сил!

Ричард Кибл постоянно флиртовал с молоденькими девушками. Хотя ему было почти сорок, а лицо украшали рубцы от юношеских прыщей, он был убежден, что девушкам нравится с ним болтать и что его причудливые запонки и яркий галстук делают его образцом ультрасовременного шика. Ходили слухи, что на предыдущей рождественской вечеринке у него что-то было с одной секретаршей, но Джессику это как-то мало заботило, потому что он ей был неприятен. Тем не менее этим утром он подкараулил ее в лифте, когда она спускалась с третьего этажа на первый на совещание.

— Какое короткое платьице, — самодовольно ухмыляясь и шаря взглядом по ее ногам, сказал Кибл.

Краснея от смущения и злости, Джессика не смогла сообразить, что бы такое ему ответить, и просто посмотрела на него с презрением.

— Хотя, конечно, я предпочел бы, чтобы на вас вообще никакого платья не было.

Потом он подмигнул ей, двери открылись, и он остановился, пропуская ее вперед. Вообще-то он к ней не прикасался и не оскорблял ее, но Джессика чувствовала себя как-то глупо и униженно и, к ужасу для себя самой, никак не могла забыть его похотливого взгляда. Как отвратительно. Чтобы отделаться от этого образа, она попыталась представить, что

лежит на бермудском пляже.

Если работаешь в рекламной компании с установкой на современные методы организации труда, это означает, что у тебя, как, впрочем, и у остальных сотрудников, нет собственного рабочего места. Вместо этого у каждого, кто работал на «Фарро и Кин», были тележка для документов, запирающийся шкафчик, ноутбук и мобильный телефон. На работу Джессика пришла пораньше, потому что ей надо было доделать еще целую кучу дел, но это ее совершенно не расстраивало. Она взяла свою тележку и расположилась в одном из укромных уголков здания. А потом произошла эта неприятная встреча с Ричардом Киблом. И только она вернулась к своей «рабочей тележке», как увидела, что из-за угла появился Роб и направился напрямик к ней.

Роб был старше ее на четыре или пять лет и занимал должность старшего сотрудника по связям с клиентами в их рекламном агентстве. Вообще-то, он ей был симпатичен. Ей льстило, что он так сильной ею увлекся. Роб был намного выше ее — что было для нее немаловажным. После того как она порвала с Эдом, за восемь месяцев у нее было несколько мимолетных, почти ничего не значащих встреч. Поэтому, когда полтора месяца назад Роб пригласил ее где-нибудь выпить, она без лишних раздумий согласилась. Поначалу она немного смущалась, но ему удалось рассмешить ее, и встреча получилась довольно приятной. Воодушевленный этим свиданием, Роб пригласил ее на ужин. Она понимала, чем все это может закончиться, но все же приняла его приглашение. Ведь он обещал повести ее в ресторан «У Сарторио».

Там они пили отличное вино, потом ликер. А после, в подпитии, направились к нему домой в Ноттинг-Хилл^[4]. Когда они сели в машину, он начал целовать ее: сначала медленно и нежно, потом крепко и страстно. Смутно понимая, что такой напор не совсем в ее вкусе, она все же уступила ему. Войдя в квартиру, они немедленно отправились в спальню. Ругая себя за то, что в таком состоянии не может до конца владеть собой, она разглядывала его лицо, пока он, выгибаясь и шумно дыша, занимался с ней сексом.

Утром в субботу она постаралась как можно быстрее уйти. Вообще-то, она любила утренние часы, но в тот день у нее раскалывалась голова, и она проклинала себя, что прошлой ночью допустила, чтобы все зашло так далеко. Меньше всего ей хотелось разговоров. Она сказала, что ей нужно ехать к родителям, и попрощалась с ним до следующей недели.

Понедельник был чудесным: было совсем немного работы, и Роб пригласил ее к себе на ужин. Хотя Джессика все еще не разобралась толком в своих чувствах, она решила пойти. Их отношения начали постепенно развиваться. Только не совсем так, как Джессика себе представляла. Сначала он ей безумно нравился. Она даже было начала думать, что из всего этого может получиться нечто стоящее. Но постепенно Роб охладел. Он перестал говорить ей комплименты, да и вообще, казалось, тяготился ею. Когда она заводила об этом разговор — главным образом, надеясь досадить ему, — он просто с ней соглашался. Джессика начала избегать его и все время находила какой-нибудь предлог, чтобы не встречаться с ним по вечерам и на выходных. В конце концов, она решилась и сказала Робу, что больше между ними ничего быть не может. Он был раздавлен этим сообщением, но разве она была виною их разрыва? Скоро Роб все забудет, а она никогда больше не будет заводить служебных романов.

После этого разговора две недели он был в отъезде, но по возвращении то и дело пытался сесть к Джессике как можно ближе. Избегая с ним встреч, она стала приходить на

работу попозже, из-за чего ей доставались худшие рабочие места. Однако этим утром ей пришлось прийти раньше, а потому Роб сел по соседству и пытался как можно ближе к ней придвинуться, пока она недвусмысленно не дала ему понять, что этого делать не стоит. И вот после совещания он торопливым шагом прошел мимо ее тележки и бросил ей на колени записку. Проводив его взглядом, она распечатала конверт и стала читать:

Дорогая Джессика!

Знаю, что ты думаешь, будто я охладел к тебе, но клянусь, я просто хотел, чтобы ты была счастлива. Я понял, что вел себя неправильно. Теперь я буду с тобой таким, каким был на первом свидании. Я уверен, что нам будет хорошо вместе. Если бы ты только знала, каким счастливым ты меня сделала/Прошу тебя, соглашайся. Ответь мне, позволь отвести тебя поужинать сегодня вечером. Теперь, когда я так изменился, мы все начнем заново.

Роб

Как трогательно! Что-то было во всем этом ребяческое. Джессика разозлилась. Сначала ей хотелось просто порвать эту записку и вести себя так, как будто ее и не было вовсе. Но потом она решила, что, если подыграть ему, ей быстрее удастся от него отделаться.

Роб, — написала она. — Неужели тебе не ясно, что твое послание просто нелепо? Я больше никогда, даже через миллион лет, не пойду с тобой на свидание. Просто оставь меня в покое, иначе я вынуждена буду сообщить о твоих домогательствах начальству.

Джессика

Только такими жесткими действиями и можно было его вразумить. Как же этот Роб ее достал! Раздумывая об этом, Джессика вдруг вспомнила этого мерзкого Ричарда Кибла. Передернувшись, она взяла телефон и набрала его номер:

— Ричард? Это Джессика Терпин.

— А, Джессика, привет! Чем могу помочь? — откликнулся он.

— Я просто хотела предупредить, что если вы еще раз позволите себе заговорить со мной таким тоном, как вы это сделали сегодня утром, я не ручаюсь за последствия. Надеюсь, вам все понятно. Всего хорошего.

Она отключила телефон и победоносно уставилась на экран. Может, она и перестаралась, но уж лучше сразу прекратить подобные выходки. Слишком уж мягкотелой была она с Робом и теперь пожинает плоды.

Лежа на диване, Джессика начала разглядывать свои ноги. «Отличные у меня ноги», — призналась она сама себе. Ей просто повезло с ними, особенно если учесть, какого маленького роста была ее мама. Она стала раздумывать, не купить ли ей пару брючных костюмов. Она не ожидала, что сегодняшнее происшествие может ее так сильно огорчить. И вообще, удастся ли ей за эти несколько месяцев встретить кого-нибудь стоящего? Самые продолжительные отношения у нее были с Эдом, да и те длились всего один год. Обычно

никто не задерживался дольше шести месяцев. И почему ее окружают одни ревнивцы да собственники? Все они такие скучные, такие предсказуемые. Может быть, в своем эмоциональном развитии она так и остается школьницей? Хотя она никогда не воспринимала Роба всерьез, но все же никак не ожидала, что он так быстро спечется. Ей ужасно хотелось по-настоящему влюбиться, но, очевидно, этому не суждено случиться. Может быть, она слишком задирает планку, ждет слишком многого? Может, стоит позвонить Эду? Но в итоге он наверняка превратится в вечно нудящего домоседа. А поскольку рано или поздно ее страсть остынет, от сексуальной неудовлетворенности он будет еще и раздражительным. Джессика вздохнула и вернулась к журналу. Действительно, все это выше ее сил. Выше!

Глава 3

La vita è bella^[5]

Оставляя на Джорди завершение покраски стен, Флин клятвенно пообещал, что доделает свою часть работы вечерами на следующей неделе, и направился на вокзал Виктория, откуда поезд доставит его в Суссекс. Он долго думал, что бы такое надеть, и, следуя совету Джессики, остановился на темно-коричневых джинсах и белой хлопчатобумажной рубашке. Просто и со вкусом. А еще его порадовало, что Джессике понравилась его новая прическа.

— Никогда не видела, чтобы ты так коротко стригся. Ты такой привлекательный, просто Джордж Клуни, — похвалила она его.

— А мне кажется, что ты выглядишь по-идиотски, пытаюсь примерить на себя то, что тебе совершенно не идет, — влез в разговор Джорди, но Флин пропустил его замечание мимо ушей. В конечном счете, у Джорди был самый отвратительный вкус из всех, с кем он был знаком, тогда как Джессика, напротив, была сама Мисс Элегантность, и у нее было потрясающее чувство стиля. Сначала он не был до конца уверен в своем выборе наряда, но когда Джессика одобрила его решение, он приободрился. Интересно, в чем будет Поппи и какой у нее дом? Он просто обязан великолепно выглядеть. Как знать, к чему это приведет? Он был полон радостных предчувствий.

Когда он, выйдя из машины и ступив на отличную, выложенную булыжником дорожку, расплачивался с таксистом, парадная дверь открылась.

— Флин, ты приехал! Как я рада видеть тебя! — воскликнула Поппи, спеша к нему навстречу. Она поцеловала его в щеку. Ее слегка взъерошенные каштановые волосы свободно ниспадали на плечи, босые ноги утопали в траве. Она была само очарование. Проводя Флина сквозь дом в направлении сада, Поппи рассказывала ему о том, кто уже к ней пришел и как они собираются повеселиться. Внезапно у Флина испортилось настроение. Он просто хотел повидаться с Поппи, но, оказавшись в ее доме, внезапно почувствовал себя неловко. И что он только делает здесь, в окружении всех этих чужих людей? Он что, и правда надеялся, будто у него что-то может получиться с такой девушкой, как Поппи? Он начал понимать, что совершил самую большую ошибку в жизни, приняв это приглашение. Но уже было слишком поздно что-то менять: в саду вокруг пруда бродило несколько человек, которым Поппи с радостью начала представлять его. Флин никогда не мог похвастаться памятью на имена. Однажды ему кто-то подсказал метод, с помощью которого можно легко запомнить, кого как зовут, но вскоре он забыл сам метод. На этот раз он запомнил Салли и Дункана, но забыл имена всех остальных. Но если он начнет еще и из-за этого беспокоиться, ему туго придется.

Но тут, к его удовольствию, Поппи положила ему руки на плечи и велела рассказывать обо всем, что произошло в его жизни за эти годы. Он болтал без остановки, а она смеялась и льнула к нему так, словно он был для нее самым дорогим человеком на свете. Борясь с желанием продолжить рассказ о своей персоне, он принялся расспрашивать ее, чем она занималась последние шестнадцать лет. Наговорившись вдоволь, они вернулись в сад.

— А теперь пойдём, я покажу тебе мой дом, — пригласила она.

Сказать, что у нее был великолепный дом, значит, не сказать ничего. Из прихожей,

выложенной плитняком, Поппи повела его по скрипучим половицам коридоров. Все в этом доме было отмечено отличным вкусом. Вдоль стен висели выполненные в академическом стиле семейные портреты, удивительным образом сочетавшиеся с произведениями современного искусства.

— Просто поразительно, Поппи, — заметил Флин, останавливаясь напротив одной из гравюр, которую, вероятно, выполнил один из известных художников — приятелей ее бабушки.

Она приобняла его за плечи:

— Мне здесь очень нравится. Я так рада, что мы никуда не переезжаем. Не могу даже представить, как бы я смогла жить в другом месте.

Когда наступила полночь, Поппи с Флином лежали на траве в дальнем конце сада, а вокруг них простирались темные древние холмы Даунса. Яркая, почти полная луна отражалась в воде пруда. Они затягивались сигаретами, попивали вино и смотрели на звезды, пытаясь найти какое-нибудь знакомое созвездие.

— Ведь правда, Большая Медведица сегодня просто изумительна? — мечтательно произнес Флин, хотя на самом деле понятия не имел, что из себя представляет это созвездие.

— Ух ты! Смотри, падающая звезда! — воскликнула Поппи.

— Где?

— Ты проглядел.

Ужин был отличный, и теперь Флин умиротворенно следил за кольцами сигаретного дыма в ночном воздухе. И этот дом, и роскошный ужин произвели на него неизгладимое впечатление. Флин приподнялся и взглянул на Поппи, чья голова покоилась у него на коленях. Как же она прекрасна! Той красотой, что воспевают в своих стихах поэты.

— Хорошо, что Марк нас не видит, — внезапно пробормотала она.

— Какой Марк? — обеспокоенно спросил Флин.

— Мой парень, — равнодушно ответила она и затянулась сигаретой.

У Флина замерло сердце. Сегодня она вела себя с ним так, словно никого у нее не было. Ему следовало догадаться. Слишком уж гладко все шло.

— А-а, — не зная, как реагировать, протянул он.

— Он на матче по крикету, — почти извиняясь, продолжала Поппи, а потом, пытаясь скрыть раздражение, зачем-то добавила: — Со всеми своими друзьями.

Повисла пауза, но Флин, не желая упускать случая, начал нежно гладить ее по голове.

— Что ж, мило, — довольно улыбаясь, промурлыкала Поппи и закрыла глаза. — Может, перепихнемся? — внезапно предложила она.

От неожиданности Флин вздрогнул.

— Да, я только рад, — пролепетал он, и его сердце начало отбивать чечетку. Чего ему бояться, разве что трава мокрая и земля твердовата? Он перевернул Поппи, осторожно уложил ее на траву и начал целовать, медленно поднимая платье Поппи и обнажая ее великолепные ноги. Эта ночь, несомненно, станет самой восхитительной в его жизни. Все развивалось таким фантастическим образом, словно это не жизнь вовсе, а одна из тех многочисленных историй, которые он, еще будучи школьником, читал на последних страницах мужских журналов. Кто может винить его в том, что он ошеломлен происходящим? Луна, звезды над головой, запах свежей летней травы. В рощице неподалеку ухали совы, еле слышно плескалась вода в пруду. У Поппи было такое милое лицо. А еще ему нравилось смотреть на нежный изгиб ее шеи, на ее плечи, которые чуть заметно то

приподнимались, то опускались с каждым ее вдохом и выдохом. Он чувствовал себя настоящим мужчиной: Мэллорс и его леди Чаттерлей^[6], окутанные запахами свежей травы и земли. Д. Г. Лоуенс был бы в восторге.

Чуть позже как-то внезапно похолодало, и они поспешили вернуться в дом. Нежно поцеловав Флина, Поппи плавной походкой пошла наверх. Вот все и закончилось. Устроившись на диване, Флин начал раздумывать, что же с ним произошло? От всего этого у него просто мозги набекрень. Как она поведет себя с ним завтра? Так, словно между ними ничего не было? Что дальше будет у них с Марком? Или то, что произошло в саду, было чем-то вроде разового выездного спектакля? Флину никак не удавалось отделаться от всех этих мыслей, и, измученный событиями прошедшего дня, он вскоре провалился в сон.

В 6.03 утра он проснулся от нестерпимой рези в глазах. Голова раскальвалась, а во рту пересохло так, словно он застрял посреди Сахары и не пил как минимум неделю. Сквозь просвет между шторами солнце заливало гостиную. В Англии начинался еще один прекрасный летний день. Понимая, что уже не сможет заснуть, Флин решил пойти побродить по располагавшимся неподалеку от дома холмам. Выпив почти литр воды и почистив зубы, он почувствовал себя немного лучше и теперь надеялся, что прогулка на свежем воздухе поможет прояснить голову и продрать глаза. Так оно и вышло.

Стоя на мокрой от росы траве на вершине холма, он созерцал открывшийся ему изумительной красоты пейзаж. Солнце, отчаянно пробиваясь сквозь легкий утренний туман, заливало долину, обрамленную, словно картина рамой, меловыми холмами. Деревья внизу были такие зеленые, такие пышные, такие свежие. Флин начал глубоко дышать, наполняя легкие чистым, прохладным воздухом, прочищая ноздри и легкие. Все его беспокойство улетучилось. Что бы ни случилось с ним в будущем, воспоминания о прошедшей ночи всегда будут с ним. Улыбаясь, он представил, как будет рассказывать об этом Джессике и Джорди. Даже теперь, в свои двадцать пять, он продолжал это нелепое соперничество с Джорди. Флин не мог понять, что и зачем он хочет доказать своему другу. Это негласное соперничество существовало всегда, с тех пор, когда они были еще совсем маленькими. А договор, который они между собой заключили, только еще больше его раззадорил.

Когда Флин вернулся и вошел в кухню, чтобы сделать себе чашку чая, Поппи уже сидела там.

— Куда тебя носило в такую рань? — мимоходом целуя его в губы, спросила она.

— Бродил по холмам. Потрясающий вид, очень красиво, — произнес он, пока Поппи наливала ему большую чашку чая.

— Как мило, — улыбнулась она и добавила: — Я обожаю это место, и мне очень приятно, когда другим здесь тоже нравится.

Потом на кухне объявился еще кто-то. Пока все остальные просыпались и подтягивались к кухне, Поппи разливала по чашкам чай и кофе, готовила тосты, подогревала круасаны. «Она отличная хозяйка, — подумал Флин. — Такая предупредительная, вежливая со всеми, даже со мной. Хотя ничего особенного в ее поведении по отношению ко мне не заметно. Она ведет себя так, словно вчера между нами ничего не было».

На прощание Поппи пылко его поцеловала, но он-то знал, что она больше никогда ему не позвонит. И, добравшись до дома, Флин нашел в себе мужество признаться в этом друзьям. Джорди тем временем мастерила полки, а Джессика, нацепив старую спецовку, красила стены желтой краской.

— Что ж, побудем еще немного семейством одиночек, — вздохнул Флин и взял у

Джорди кисточку.

— Да ничего. Не бери в голову, дорогой. Я уверена, это к лучшему, — утешила его Джессика. — Эти любовные треугольники — такая подстава. Лучше найди себе подружку, не обремененную никакими другими отношениями. Бери пример с меня.

— Я с тобой согласен, — ухмыльнулся Джорди, — но не время болтать, пофлиртуй-ка пока со стенами.

Флин неохотно принялся за дело. Вяло проводя кисточкой по стене гостиной, он никак не мог успокоиться: злился на Поппи и гадал, может ли такое случиться, что она все же позвонит ему?

Следующим утром, не успел Флин войти в отдел, как Тиффани кинулась к нему с расспросами. Ей не терпелось узнать, как прошла вечеринка, которой он с таким воодушевлением ждал всю прошлую неделю:

— Кажется, ты отлично провел время: вечеринка в роскошном доме и ночь страсти, — засмеялась она, дослушав подробный рассказ о том, что произошло с Флином.

— Для отношений на одну ночь все прошло даже слишком хорошо, — с тоской признал Флин.

— Ну, никогда не знаешь, как все будет, — улыбнулась ему Тиффани, а Флин вдруг удивился про себя, почему он не проводит с Тиффани больше времени. Они, конечно, иногда обедали вместе, иногда после работы отправлялись пропустить стаканчик в какой-нибудь паб. Но дальше этого их отношения не шли: они просто товарищи. Тиффани даже не знакома с его друзьями. Надо обязательно пригласить ее на ужин в новый дом. Или лучше на новоселье, которое они собираются устроить. Понимая, что в последнее время слишком много говорит о своих делах, Флин решил спросить Тиффани, как она провела выходные. Она была на прощальной вечеринке какого-то друга, который собирался возвращаться в Австралию, а потом — с таким восторгом, словно это было самое удивительное, что случалось в ее жизни, — она рассказала, что в воскресенье ездила смотреть Тауэр.

— Просто поразительно, — восхищалась она. — Так интересно видеть все эти старинные надписи на стенах. Лучшего места, чтобы заняться историей, не найдешь.

Последний раз Флин был там совсем еще ребенком. Когда ты подросток, то в Лондон навещаешь не для того, чтобы по музеям таскаться, а чтобы побродить по замку в Камдене^[7] и заглянуть в музей в Брикстоне^[8]. А с тех пор, как он переехал в Лондон, осмотр достопримечательностей — это последнее, что приходило ему на ум. Постоянно находились какие-нибудь другие дела.

— Ты была в Национальном музее естественной истории? — спросил он, вспомнив, как был потрясен в детстве невероятных размеров динозаврами.

— Нет. Думаешь, стоит сходить?

— Стоит, как мне кажется. Я бы побывал там еще раз и проверил, на самом ли деле динозавры такие огромные, какими мне показались.

— Там есть динозавры?! — хлопая в ладоши от восторга, воскликнула Тиффани. — Тогда там действительно стоит побывать. Вот здорово будет.

— Отлично, сходим туда вместе, — согласился Флин. Но они не успели обсудить свои планы, потому что Мартина громогласно призвала их на еженедельное совещание отдела. Так и не договорившись о дате, они встали и направились к выходу.

К среде Флин был вынужден признать, что произошедшее с ним в выходные останется

не более чем приятным воспоминанием. Но чуть позже, как гром среди ясного неба, все-таки раздался звонок Поппи. Трубку взяла Тиффани и, передавая ее Флину, заговорщическим тоном сообщила:

— Думаю, это она.

Сначала Поппи долго извинялась за то, что не могла позвонить раньше, а потом пригласила Флина в гости в свою квартиру. Она сказала, что приготовит ужин, а потом они вместе сходят в кино или займутся еще чем-то. Он ликовал. Ему и не снилось, что все будет так чудесно. Может, за эти дни она даже успела выяснить отношения с Марком.

Джессика посоветовала:

— Не сходи с ума, действуй осмотрительно.

— Все будет в порядке, — заверил ее Флин. — Мы просто немного повеселимся.

— Ладно, только не влюбляйся в нее слишком сильно, по крайней мере, пока она не даст отставку своему парню. Вот о чем я тебе толкую. А то будешь потом плакать горькими слезами.

— Уверен, она уже послала его подальше, — беспечно заявил Флин. — Иначе она не пригласила бы меня к себе.

Джорди и Джессика многозначительно переглянулись, но Флин не обратил на это никакого внимания. Они просто завидуют ему, потому что он вырвался вперед. Если уж у него с Поппи роман, так надо использовать это по полной. Эта неожиданная встреча сделала его жизнь такой интересной.

Подходя к дому Поппи, располагающемуся на Уэльс-Драйв, Флин чувствовал, как бешено бьется от предвкушения его сердце. Из подъезда как раз выходил какой-то человек, поэтому Флин проник в дом без предварительного звонка по домофону. Пробежав три лестничных пролета, он подошел к двери квартиры Поппи и громко постучал, отчего незапертая дверь распахнулась.

— Привет, Флин, — раздался откуда-то голос. — Извини, я еще в ванной. Иди сюда, поболтаем.

Поппи с забранными кверху волосами лежала в ванне, ее тело покрывала шапка пены. Ноги она закинула на кран, а возбужденные соски отчетливо проглядывали под густой пеной.

— Марка сегодня не будет, так что я вся твоя, — промурлыкала Поппи. — Давай, поцелуй меня.

Теперь все стало ясно: она все еще с Марком. Но, видя ее лежащей в ванне, Флин отчетливо осознал, для чего она его пригласила.

Выйдя из ванны, она накинула шелковый халат, который время от времени открывал ее соблазнительные формы — то грудь, то безупречные длинные ноги. Видно было, что Поппи нравится ее тело и еще больше нравится, когда ее телом восхищается кто-то еще. Из ванной Флин последовал за ней на кухню, где она протянула ему запотевшую бутылку белого вина, чтобы он ее открыл. Достав два бокала, Поппи принялась варить макароны, болтая тем временем без умолку.

Им много что было сказать друг другу, и каждая история казалось свежей и новой. Поппи смешила Флина и сама с неподдельным удовольствием смеялась над его шутками. Когда макароны были готовы, они переместились от стола к дивану, а потом плавно перебрались на пол. Поппи полулежала, а Флин одной рукой ласкал ее грудь, а другой бережно гладил по голове. Флин смутно слышал, как часы пробили десять, когда Поппи,

дразня его, наконец скинула свой шелковый халатик. Все еще одетый, он прилег на диван, любуясь ее прекрасным, стройным, совершенно обнаженным телом; ее растрепавшиеся волосы падали ему на лицо, пока Поппи отчаянно пыталась расстегнуть его ремень. Ему хотелось смаковать этот момент вечно, чтобы дряхлым стариком он смог мысленно вернуться в этот день и пережить его заново. В отличие от сада, где их секс был по необходимости стремительным, теперь у них было время, чтобы как следует изучить тела друг друга и сделать каждое прикосновение, каждый поцелуй долгими и значительными. Когда наконец Флин содрогнулся от финального наслаждения, Поппи тоже застонала от удовольствия, а потом, крепко обняв Флина, осыпала его поцелуями.

Впоследствии Флин не мог не признать, что следующие две недели были самыми захватывающими в его жизни. Друзей он видел редко и максимум времени проводил с Поппи. Его постель в новом доме оставалась холодной, а на работе и Мартина, и Тиффани язвительно прохаживались насчет его утренней усталости. Он понимал, что Джессика обязательно поинтересуется, порвала ли Поппи с Марком, а Джорди все уши прожужжит о том, что Флин должен закончить красить стены, а потому он прикладывал огромные усилия, чтобы не встречаться с ними. Он смутно понимал, что ведет себя как настоящий эгоист, но, в конце концов, их отношения с Поппи только начинали развиваться, и он надеялся, что друзья поймут его. Он знал, что Марк в командировке, но Поппи никогда не говорила о нем, потому что это только все испортило бы. В любом случае, после стольких дней, что они провели друг с другом, Марк едва ли был угрозой их отношениям. Они устраивали пикник в парке, взявшись за руки, бродили вдоль реки, ночи напролет занимались любовью... и Поппи всегда была такой красивой, такой сексапильной! Кожа на ее длинных стройных ногах стала гладкой и оливковой после нескольких дней, проведенных под солнцем. Казалось, что в мире существуют только они двое, и время, которое Флин провел с этой роскошной женщиной, вряд ли могло быть более романтичным.

Но все это внезапно прекратилось. Однажды вечером, взбежав по лестнице и очутившись в квартире Поппи, Флин застал там Марка. Это был невероятно красивый молодой человек. Линия его подбородка была очень четкой, отчего он выглядел здоровым, уверенным в себе и мужественным. У него словно на лбу было написано: «Я сильный и успешный человек». Флин был огорошен: он полагал, что Поппи порвала с Марком. Справившись с волнением, Флин пожал руку своему сопернику. Манжет рубашки Марка приподнялся, и на руке его Флин заметил «ролекс».

— Флин, рад с тобой познакомиться. Выпьешь пива? Или бокал вина?

Теперь в этом доме главным был Марк. Флин был сбит с толку, но все же решил, что будет пить пиво.

— Отлично, приятель, — улыбаясь, произнес Марк и ушел на кухню.

— Привет, Флин, — выскочив из кухни, бросила Поппи. Она поцеловала его в щеку и прошептала: — Извини, дорогой, я не думала, что он сегодня заявится. Надеюсь, ты не будешь сильно против, да?

Конечно, черт возьми, он был против. Еще как. Марк только что расстроил все его планы на этот вечер, а возможно, и всю его жизнь.

Вернувшись из кухни с пивом, Марк спросил:

— Значит, ты тоже собираешься в Альберт-холл?

Что все это значит? Какой еще Альберт-холл? Флин первый раз об этом услышал. Моментально сориентировавшись, он заверил Марка, что так оно и есть, но потом

разозлился на себя. С чего это он должен быть милым с ними обоими? Почему не обматерить Марку и не объяснить ему, что он здесь лишний? Но Флин понимал, что момент упущен, и вообще, держаться вежливо было проще, чем выяснять отношения. Больше всего его бесило, что Поппи удастся оставаться такой невозмутимой. Может, она и беспокоилась, что будет, если оба ее любовника проведут этот вечер вместе, но виду не подавала.

— Флин, ты ведь раньше бывал на подобных мероприятиях? — прошептала она.

— Хм, нет, на самом деле не бывал, — признался он. Однажды он был на концерте классической музыки, но это было еще в школе, к тому же тогда у него был переходный возраст.

— Тогда, думаю, тебе понравится. Всего-то делов: подняться по лестнице, заплатить три фунта и занять любое понравившееся место.

У Флина отлегло от сердца. Он-то было испугался, что этот поход будет стоить ему целое состояние. Поппи это явно заметила.

— Бедненький, ты думал, придется выложить двадцатку? — рассмеялась она, а потом обратилась к Марку: — Несчастный Флин думал, что это будет чертовски дорого!

Марк тоже улыбнулся и заверил Флина, что тоже не пошел бы, если билеты не были бы такими дешевыми. «Высокомерный ублюдок», — подумал Флин, но выдавил улыбку.

— Тут не в деньгах дело, — соврал он. — Я просто думал, вдруг понадобятся флажки или что-то в этом роде^[9]. Я просто не хочу дать маху.

— Флаги нам не нужны, — еще раз рассмеялась Поппи. — Пошли, будет весело.

После концерта Флин распрощался с Марком и Поппи. Его самолюбие, увеличившееся в последнее время до невероятных размеров, больно ущемили. Люди, подобные Марку, были ему противны, но он-то понимал, что просто завидует своему сопернику. Прощаясь с Флином у Алберт-холла, Марк небрежно бросил: «Рад был знакомству, друг», а Поппи очаровательно улыбнулась, словно все шло самым чудесным образом. Потом они сели в такси, а Флин уныло побрел к ближайшей станции метро, находящейся на главной улице Кенсингтона. Он все удивлялся, как рядом с Альберт-холлом Марку удалось так быстро поймать такси. Все это было невыносимо, но Флин понимал, что до богатства и общественного признания ему еще очень далеко.

Конечно, Джессика и Джорди не смогли противиться искушению сказать: «Мы же тебя предупреждали».

— Как ни жаль, дорогой, но она просто тобой воспользовалась. Будь уверен, этот ее дружок, хоть он красавчик и богачей, обращается с ней как с последним дерьмом. Вот она и решила воспользоваться случаем и отомстить ему, потешить свое самолюбие, — заявила Джессика.

— Какая чушь, — упавшим голосом пробормотал Флин.

— Отлично, как скажешь. — Джессика нежно поцеловала его. — Но не смей больше верить ей. Послушай, что говорит мне интуиция.

— Да-а, держись от нее подальше, — влез Джорди. — Знаешь, как мне все это видится? Ты неосмотрительно завел роман с девушкой, которая совершенно тебе не подходит. Так как насчет покраски стен?

Несколько дней спустя, когда Флин уже, было, отчаялся вновь увидеть Поппи, она сама пригласила Флина сходить куда-нибудь поужинать. Он сбивчиво сказал, что сам заплатит за ужин, но быстро уступил, когда она настояла, что на этот раз «ее очередь». Поппи предложила, что он заплатит как-нибудь в другой раз. Они сидели за столиком на открытой

террасе, Флин улыбался, глядя, как Поппи аккуратно брата оливку и, причмокивая, отправляла ее в рот. Наконец Поппи взяла его руку и легонько сжала ее. Потом она опустила взгляд и, прежде чем снова посмотреть ему в глаза, какое-то время сидела, уставившись в стол:

— Я, кажется, была не слишком честна с тобой, да? — неожиданно серьезно начала она. — Ты, наверное, не совсем понимаешь, что происходит?

На самом деле Флину совершенно не хотелось отвечать ей, и он просто улыбнулся.

— Мы с Марком уже очень давно вместе. Мне очень трудно вот так взять и порвать с ним. Но я знаю, что должна. Ты лучше всех. Последние две недели были для меня просто блаженством. А Марк обращается со мной как с последней дрянью. — Поппи сделала большой глоток вина и взяла сигарету, которую протянул ей Флин.

— Вот сегодня, например, — продолжила она, выпуская изо рта дым от первой затяжки, — он поехал на мальчишник со своими приятелями из Сити ^[10]. Конечно же, мне туда нельзя. Я там *persona non grata*, а все потому, что не могу пить с ними наравне, обсуждая матчи по регби, и не владею ситуацией на бирже.

— Но неужели тебе действительно хочется там оказаться? Это же такая тоска.

— Нет, я совсем не хочу туда. Мне просто обидно, что он ходит на эти мальчишники, вместо того чтобы побыть со мной.

— Понятно, — отозвался Флин.

— Знаешь, в наших с ним отношениях последнее слово всегда остается за ним. Да, я ему нравлюсь, но только потому, что он думает, что я отлично выгляжу с ним под руку на вечеринках и в обществе. Но если я ему мешаю заниматься спортом или встречаться с его идиотскими друзьями, тогда он... — Поппи замолчала.

«Хорошо, наверное, иметь много денег», — подумал про себя Флин. Он представить себе не мог, чтобы Поппи платила за Марка. Но Поппи еще не закончила.

— Знаю, все думают, что Марк такой замечательный. В иных обстоятельствах он бы и тебе, наверное, понравился.

Флин в этом сильно сомневался, но Поппи, не дожидаясь ответа, продолжила:

— Отношения у нас в последнее время совсем не ладятся, но я думала, что если мы проведем с ним вместе выходные или хотя бы один вечер, то все, может быть, образуется...

— Но этого не случилось, — закончил за нее Флин.

— Да.

Хотя Флин и потешил свое самолюбие, слушая, каким отвратительным на самом деле был Марк, он отчетливо понимал, что Джессика как в воду глядела. Но теперь, когда Поппи ему обо всем рассказала, можно было попытаться воспользоваться моментом и укрепить позиции. Только действовать надо было осторожно:

— Хм, — неопределенно протянул он, поняв, что сейчас самое время решительно заявить о своих намерениях.

Поппи уставилась на Флина своими огромными печальными глазами:

— Я просто не могу доверять ему. Правда, я очень неуверенный в себе человек. Мне хочется чувствовать себя желанной... Не знаю... особенной.

— Я буду о тебе заботиться, — твердо сказал он. — Я не буду обращаться с тобой, как с красивой куклой, которую можно выбросить, когда она станет ненужной.

Флин был уверен: это как раз та наживка, которую Поппи с удовольствием заглотит, и отличная возможность показать, что он отлично понимает, что ей нужно.

— Милый Флин. Думаю, ты сможешь обо мне позаботиться. Знаешь, какой ты замечательный?

На следующее утро она позвала его с собой в Италию, и, словно на американских горках, Флин почувствовал, как жизнь снова стремительно несет его ввысь. Поппи объяснила, что ее родители снимают жилой дом на ферме в Таскании, в поросшей виноградником с налитыми гроздьями долине между Флоренцией, Сиеной и Сан-Джиминьяно. Дом просто гигантский, а потому в нем обязательно должно собраться много народу. Ее сестра тоже приедет вместе с тремя своими друзьями. Воображение Флина рисовало ему романтические картины: он представлял, как Поппи бродит по итальянским улочкам в длинном легком платье. Она предложила провести ему десять дней в прекрасном уголке земли, вкусно есть, пить дорогое вино, но самое главное — ночи напролет заниматься любовью и не бояться, что Марк будет вертеться у них под ногами.

Правда, Флин собирался отдохнуть вместе с Джессикой и несколькими другими друзьями, но отпуска хватит и на то, чтобы провести время в Италии с Поппи. У него было немного денег — пока он жил с сестрой, ему удалось кое-что скопить, поскольку не приходилось платить за жилье. В то же время Флин понимал, что эти деньги могут ему потребоваться в будущем, а в данный момент деньги должны волновать его в самую последнюю очередь. В конце концов, за виллу платили родители Поппи, и, возможно, ему не придется тратить денег больше, чем в Лондоне. И вообще, Лондон — самый дорогой в мире город. Поэтому единственное, что беспокоило Флина, это стоимость перелета, но когда он понял, что вполне может себе это позволить, он тут же согласился принять ее предложение.

Прямо перед тем как Поппи должна была улететь вместе с родителями, она провела вместе с Марком давно запланированные выходные. Его пригласили какие-то клиенты на рыбалку в Шотландию, и Поппи согласилась поехать вместе с ним. «Это будет ужасно, но я уже пообещала, поэтому должна поехать», — объяснила она. Флину это доставило мало радости, но в предвкушении незабываемых впечатлений он решил не раздувать из этого ссору. Дело осложнялось тем, что Флину предстояло лететь другим рейсом, а потому он должен был присоединиться к итальянской компании чуть позже. Поппи заверила его, что в этом нет никакой проблемы: она встретит его в аэропорту.

Рассказывая своим друзьям о предстоящих каникулах, Флин старался не проговориться о том, что Поппи уехала на выходные с Марком.

— Так, значит, она наконец рассталась со своим дружкой? — спросила его Джессика.

— Да, выставила его за дверь, — солгал Флин.

— Кажется, я ошиблась. Надеюсь, вы хорошо повеселитесь, дорогой.

— Не сомневайся, еще как повеселимся, — энергично заверил Флин. — Десять дней любви с красоткой в окружении тосканских холмов.

— А как насчет ее родственников?

— Уверен, им будет не до нас. Не думаю, что Поппи заставит меня все время сидеть там со своими родственничками. Разок съездим с ними в Уффици — и хватит.

Джессика промолчала, но Флин был так возбужден, что ее скептическое отношение мало его трогало. Да что она может знать? Он отлично проведет время, и, по крайней мере, Джорди весь позеленел от зависти.

Когда Флин прибыл в аэропорт, то оказалось, что там его никто не ждет — ни намека на присутствие Поппи. В какой-то ужасный момент Флин вдруг понял, что не знает адреса

фермы, не говоря уже о номере телефона. Но не успел он запаниковать, как услышал автомобильный гудок и скрежет тормозов «фиата-панды», в котором сидела Поппи и как безумная махала ему рукой из окна. Выскочив из машины, она подбежала к нему и бросилась обнимать, пока он пытался глупо улыбаться.

— Ты прилетел! Это просто здорово! Тебе обязательно понравится, это самый чудесный дом из всех, что здесь есть!

Они поспешили к машине, в которой уже сидели три человека.

— Извини, у нас тут тесновато, так что садись вперед, — велела Поппи. — Это папа, это Алиса, а это Джордж.

Флин пожал руку отцу Поппи, подтянутому благородного вида человеку, и поздоровался с остальными. Тем временем машина тронулась и покатила по городской дороге. Может, ее отец и выглядел спокойным и мягким по характеру, но вскоре Флин обнаружил, что его внешность совершенно не соответствовала тому, как он вел машину: он ехал чертовски быстро. Вписываясь в крутые повороты, он сохранял невозмутимость: на его лице не дрогнула ни один мускул, он ни разу не вцеплялся в руль, как обычно бывает, когда человек ведет машину на большой скорости. Флин сидел, сжимая свою сумку, и старался не смотреть на дорогу. Его не покидала неловкость от того, что он новый человек в этой компании, да к тому же приехал с опозданием. Поппи и Алиса без умолку болтали о доме и еще каких-то местах, которые обязательно нужно посмотреть, и что Флин, если захочет, может к ним присоединиться. Но ему просто хотелось добраться живым до места и остаться с Поппи наедине.

Поездка затянулась больше чем на сорок минут. Наконец крошка «фиат», весь сотрясаясь, с черепашьей скоростью пополз по проселочной дороге вдоль виноградника. Потом они поехали вверх по холму, пока не въехали во внутренний двор. Было уже слишком темно, поэтому Флин не мог рассмотреть, таким ли великолепным был дом, каким его описывала Поппи. Тем не менее в воздухе витало нечто, что Флин определил как аромат роскоши. Все вместе они напрямик отправились на кухню, где их уже поджидала мать Поппи. Она была моложе и выше своего мужа, на ней были бриджи цвета хаки, белая хлопчатобумажная футболка. Фигура у нее была потрясающая.

— Привет, Флин. Добро пожаловать на борт. Я — Лиз.

— Большое вам спасибо, что пригласили меня провести здесь отпуск, — искренне и как можно вежливее сказал Флин. — Это так великодушно с вашей стороны.

Он поставил на пол сумку и поприветствовал двоих друзей Алисы, которые только что появились из передней двери.

— А этих голубков зовут Макс и Чарли, они отлично смотрятся, да? — сказала Поппи, дергая Чарли за руку. Чарли была маленького роста, не выше метра пятидесяти, и очень загорелая. Макс выглядел каким-то отрешенным; облокотившись на дверь, он теребил свою козлиную бородку и, казалось, совершенно не замечал присутствия Флина, отчего тот почувствовал себя как-то неуютно.

— Как жизнь? — наконец спросил Макс и протянул ему руку, но прежде громогласно откашлялся и сплюнул в другую ладонь. — Ой, прости, — вновь обратился он к Флину.

Чарли мило улыбнулась, ничуть не смутившись.

— Тебе здесь понравится, здесь так... — подбирая слова, провела она рукой по воздуху и уставилась в потолок. Так и не придумав, что сказать, она просто передернула плечами и заключила: — Н-да, здесь, ну, клево.

— Пошли, Флин, я покажу тебе твою комнату, — взяла его под руку Поппи, и они вышли из кухни и направились в прихожую, а оттуда — вверх по лестнице. Все стены были белыми, а полы выложены каменными плитами. В комнате Флина оказалось две односпальных кровати, но он не придал этому никакого значения. В углу комнаты располагалась крохотная раковина, а прямо напротив кроватей — два огромных окна с деревянными ставнями.

— Надеюсь, тебе здесь будет удобно, — касаясь губами его плеча, шепнула Поппи. — Я так рада, что ты приехал! Как будешь готов, спускайся вниз, а я пошла, помогу мамуле с ужином. — И она ушла.

За ужином все оживленно беседовали, и Флин начал понимать, что Лиз любит поговорить и горячо поспорить. Это, конечно, было лучше, чем неловкое молчание, но Флин был весь напряжен, потому что изо всех сил старался сказать что-то умное и уместное. Дональд — отец Поппи — говорил очень спокойно, но его все чуть ли не боготворили. А потому всякий раз, когда Дональд открывал рот, остальные тут же замолкали и внимательно слушали, что же этот мудрый старик скажет. Его, по-видимому, забавляла его резкая и излишне энергичная жена. Хотя, кажется, его забавляло все: он все время еле заметно улыбался отработанной улыбкой и часто поднимал брови. Пока продолжался горячий спор о достоинствах и недостатках телевидения, Флин решил молчать и составить свое представление о собравшихся. Алиса и Джордж были на особом положении и занимали отдельную комнату в главном здании, против чего Дональд и Лиз абсолютно не были против. В то же время Макс и Чарли, которые тоже были влюбленной парочкой, отвели комнату в крыле. Только теперь Флин понял, что они с Поппи единственные, кто будет жить в разных комнатах, а потому почувствовал хоть и крошечное, но раздражение. Но потом он решил, что так получилось из-за его опоздания, и выкинул эти размышления из головы.

Казалось, что этот ужин будет длиться вечность, и Флин вновь начал раздражаться. Он отчаянно хотел остаться с Поппи наедине и целовать ее под открытым небом. Повторить все, что произошло в Суссексе, но теперь уже под луной Италии. Наконец, когда кофе был допит, а посуда вымыта и расставлена по местам, Флин извинился и вышел на улицу покурить. Поппи последовала за ним, и они остались вдвоем. Он взял ее за руку и нежно поцеловал в щеку:

— Никак не могу поверить, что я здесь и что у нас тобой впереди больше недели, — сказал он, пока они шли по тропинке в направлении сада. Какое-то время они молчали. Поппи как-то непривычно для нее смущалась. И вдруг Флин понял, в чем дело.

— Флин, не сердись, но в Шотландии мы с Марком помирились. Мы много разговаривали, и я решила, что он заслуживает еще одной попытки.

Флин не мог поверить своим ушам.

— Я это к тому, что здесь, при родителях, мы не должны заходить слишком далеко.

А почему бы и нет? Что она несет? Нет, им можно все! В противном случае, зачем она вообще его сюда пригласила? Неужели она наивно полагала, что он проделал такой путь только ради того, чтобы она в итоге приняла решение, что хочет остаться с тем, кто, по ее собственным словам, полное ничтожество? Флина затрясло. О чем только она думает?

Он глубоко затянулся сигаретой. Внешне он оставался спокоен, но внутри откровенным образом ударился в панику. Но надо было мыслить трезво, потому что ему предстояло провести здесь еще восемь дней. Если он выскажет то, что на самом деле обо всем этом думает, то только усугубит свое и так незавидное положение. Поппи предлагала ему

остаться друзьями. Если он этого не примет, то у него будут неприятности. Флин глубоко вздохнул.

— Долгий путь я проделал, чтобы выслушать это, — с как можно большим достоинством сказал он. — Но здесь, в этом сказочном месте, мы как следует, на всю катушку повеселимся, — натянуто улыбаясь, продолжал он. Слава богу, было темно.

— Мы сможем проводить много времени друг с другом, как и раньше, — сжимая его руку, горячо заверила Поппи, словно это могло облегчить его боль. — Жаль, что так вышло. Ты замечательный, и я уверена, что тебе встретится девушка лучше меня.

Флин проклинал себя. Вся эта поездка обернулась настоящим кошмаром, и ему абсолютно не представлялось возможности выбраться из всего этого.

Глава 4

Джорди и Джессика идут на ужин К Томми Бингу

Джессика вернулась домой совсем недавно и собиралась принять ванну, когда в дверях появился Джорди. Как обычно (с тех пор, как они переехали в новый дом, привычки Джорди не изменились), он прямо с порога поинтересовался у Джессики, нет ли для него сообщений или почты.

— Только несколько счетов и парочка сообщений для Флина от Джоша, — не отрываясь от журнала, сказала она.

И как всегда, Джорди все равно нажал на автоответчик.

— Эй, друган, — раздался голос Джоша. — Я тут собирался с кем-нибудь выпить, написал имена на бумажках, бросил их в шляпу и вытянул тебя. Немедленно позвони мне.

Второе сообщение было еще более коротким:

— Ну конечно, тебя нет дома, ты же лежишь в Италии со своей крошкой. Короче, наплюй на это сообщение.

Джорди вздохнул:

— Ни звонков, ни нормальных писем, даже ни одной открытки от Флина.

— Бедненький, какая жалость, — отрываясь от журнала, ответила Джессика. — Пойди, сделай себе что-нибудь выпить, потом успокойся и возвращайся сюда.

Некоторое время спустя Джессика забралась в ванну. Когда она пробовала новый скраб для тела, раздался звонок.

— Алло, — мгновенно схватив трубку, сказал Джорди.

— Джорди, привет, как дела?

— Флин! Зачем ты звонишь? Где открытка?

— Меня нет всего четыре дня. Я справлюсь. Просто хотел узнать, как вы там... Как наш дом?

— Отлично. Я покрасил ванну и соорудил новый шкафчик. Как сам? Как твои каникулы любви?

— Хм, спасибо, хорошо. Очень хорошо. Отлично.

«Голос Флина звучит как-то странно, — подумал Джорди. — Не особо радостно».

— Флин, с тобой все в порядке? — произнес он вслух.

— Да-да, все великолепно, — замялся Флин. — Послушай, Джорди, Джессика дома?

— В ванной, — отозвался Джорди. — А что?

— Да так, ничего. Не важно. Слушай, у меня заканчиваются деньги. Увидимся на следующей неделе. Пока.

Джорди вприпрыжку поскакал по лестнице, чтобы сообщить обо всем Джессике.

— Не сомневаюсь, что-то с ним, бедолагой, не в порядке, — заявила Джессика из-за двери. — Так и знала, что эта девка — просто тупая корова.

— Он говорил как-то странно, — стоя на лестничной площадке и прислонившись к двери ванной, признался Джорди. — На себя был непохож.

— Ладно, будем надеяться, что он справится, что бы там ни было, — плескаясь в ванной, сказала Джессика.

Джорди кивнул:

— Он всегда слишком быстро влюбляется.

— Сомневаюсь, что он вообще когда-нибудь любил по-настоящему. Мне кажется, что любовь — это нечто большее, чем ему представляется.

— Может быть.

На минуту повисло молчание. Они размышляли, а потом Джессика произнесла:

— О, дорогой, этот скраб для тела ни на что не годится. Я, наверное, после него на всю жизнь останусь с рубцами по всему телу. Джорди, родной, за что же нам все эти неприятности?

Джорди не ответил. Хоть и неохотно, но он был вынужден признаться самому себе, что настроение у него довольно скверное.

Этим же вечером Джорди и Джессика пошли поужинать к Томми. Этот Томми учился вместе с Джорди и Флином в школе, а после поступил в тот же университет, что и Флин. Через них Томми довольно хорошо знал и Джессику — в конце концов все они перезнакомились. Вместе со своим старинным другом Джимом Доусоном Томми снимал квартиру рядом с Баронс-Курт со стороны «Олимпии»^[11]. Оба они были общительными, веселыми, любили пиво и фанатели от спорта. Вечер был просто чудесный, и Джорди с Джессикой решили пройтись пешком. Это заняло у них не так много времени, как они рассчитывали, поэтому они пришли слишком рано: Джим даже не успел вернуться с работы. Джорди решительно подхватил упаковку пива, налил вина Джессике, и все вместе они уселись перед телевизором. Там кто-то невнятно что-то бормотал на фоне быстро сменяющихся картинок. Хотя Джим и Томми и приложили определенные усилия, чтобы их жилище выглядело более-менее прилично — накрыли диван покрывалом, поставили несколько горшков с цветами, повесили парочку картин, — пепельницы, грязные пивные кружки и куча спортивных принадлежностей явно обозначали, что это самая настоящая холостяцкая берлога. Даже цветы в горшках, такой явный признак домашнего уюта, оказались безвкусными маленькими папоротниками, а на каминной полке, которая служит местом славы в любом доме, была навалена целая груда вещей — память о годах, проведенных в грязной комнатухе общежития университета Белфри. В одном углу гостиной стояли сложной конструкции музыкальный центр и громоздкий телевизор, на котором беспорядочно высились стопки компакт-дисков и видеокассет, того и гляди грозя обрушиться. На батареях висели давно высохшие рубашки, носки и боксерские шорты.

Было вполне очевидно, что Томми даже не начинал готовить ужин, и с приходом друзей готовка еще больше откладывалась. Сияя от счастья, Томми без остановки расспрашивал гостей. Как дела на работе? Чем они занимаются в свободное время? Где сейчас Флин? Он постоянно курил, выпуская одно за другим колечки дыма из-под сильно согнутого козырька своей бейсболки с надписью «Окленд атлетике»^[12]. Вскоре должна была прийти и подруга Джима — Кейти Симонс.

— Она симпатичная, — заявил Томми. — Клевою подругу Джим себе отхватил.

Чуть позже к ним собиралась присоединиться знакомая Джимми по работе, которую звали Молли Дугит.

Как только Джорди услышал имя Молли, он не мог успокоиться, гадая — впрочем, как он обычно делал, если ему предстояло встретиться с незнакомой девушкой, — во-первых, красивая ли она, и во-вторых, есть ли у нее приятель. То, что Молли собиралась прийти одна, было хорошим знаком.

— Итак, нас все еще маловато для нормальной гулянки, — продолжил Томми, — но

достаточно, чтобы хорошенько почесать языками.

Потом он встал и объявил, что ему просто необходимо удалиться на кухню, задействовать свой кулинарный талант и соорудить ужин.

Не успел Томми исчезнуть в дверях кухни, как на пороге квартиры появился Джим. Он выглядел слегка обеспокоенным и прямо от двери завернул на кухню к холодильнику, а только после этого пошел в гостиную, чтобы поздороваться с Джессикой и Джорди:

— Привет, Джессика. Как всегда, потрясно выглядишь, — обнял он ее за плечи, расцеловав в обе щеки, а потом обратился к Джорди: — Рад тебя видеть. — Он улыбнулся, слишком крепко пожимая руку Джорди. — Как дела, дружище?

Шлепнувшись на диван и открыв банку с пивом, Джим расспросил их, как они поживают, а затем неторопливой походкой пошел в свою комнату переодеться. И Джим, и Томми были только в самом начале их успешной карьеры, хотя и работали в разных областях: Томми — в фармацевтической компании в качестве рекламного агента, а Джим — в «Сити-банке». Джорди был уверен, что Томми далеко пойдет: у него были деловая хватка и грандиозные амбиции — именно то, что необходимо для достижения успеха в жизни. И у него, и у Джима уже сейчас были немаленькие зарплаты, хотя по обстановке в их квартире вряд ли можно было такое предположить. Лучшее доказательство их достатка стояло за окном, на улице. И это были освещенные оранжевыми неоновыми огнями: «бимер» Томми и «мазда-МХ-5»^[13] Джима.

«Невероятно, как быстро изменился их образ жизни, — думал про себя Джорди. — Еще несколько лет назад они постоянно выглядели такими неухоженными, заспанными, пьяными. Казалось, что им и работать-то было некогда. И вот, пожалуйста, их форменной одеждой стали не потертые джинсы и свитера с оленями, а костюмы в тонкую полоску и рубашки с запонками». Сначала эти перемены привели Джорди в полное замешательство. Когда он отправлялся путешествовать по миру, ни у одного из них не было нормальной работы, а по отношению к жизни и по статусу они все еще оставались студентами, веселящимися ночи напролет и не думающими ни о каких обязательствах. Когда он вернулся, было Рождество, и они были в отъезде, поэтому внешне, ему казалось, все осталось по-прежнему. Но на самом деле все изменилось кардинальным образом. Беззаботные первые деньки самостоятельной взрослой жизни были в прошлом. Наверное, поэтому Джорди так долго и путешествовал: чтобы продлить свою юность, отсрочить взросление. И для него стало огромным потрясением, что его друзья не хотят больше развлекаться каждую ночь.

Два года странствий тем не менее мало чем помогли Джорди в выборе направления карьеры — он понятия не имел, как открыть свое дело. Но поклялся самому себе, что в жизни больше не сдаст ни одного экзамена и не будет работать в тех областях, где работает большинство из его друзей. Он вспомнил, как жарко спорил с Эдди Фаслом, который устроился во «Фрешфилдс»^[14]. Джорди говорил ему, что тот выбрал карьеру юриста только потому, что именно этого от него все и ждали: образование, которое получил Эдди, класс, к которому он принадлежал, надежды его родителей, чувство вины — вот что заставило его сделать выбор в пользу именно этой области деятельности. Эдди парировал, что, может быть, в каком-то смысле это и правда, но если ему не понравится одно место работы, то он всегда с легкостью сможет подыскать себе другое в любом уголке страны. А под конец Эдди и вовсе обозвал Джорди лоботрясом и посулил, что именно он, Эдди, будет смеяться последним. Во время своих путешествий Джорди, устраиваясь на каком-нибудь пляже или намереваясь съехать на лыжах с какой-нибудь горы, всегда вспоминал таких приятелей. С

самого начала своей жизни, чуть за двадцать, они уже работали как одержимые ради карьеры. Какая досада, какая напрасная трата времени. Тем не менее, не успев вернуться домой, Джорди почувствовал, что его оставили позади. Большинство из его знакомых, едва начав карьеру, уже пользовались щедрыми плодами дел рук своих и постепенно обустроивались в жизни. Вероятно, Эдди был прав. Джорди прекрасно знал, что впереди еще много преград.

Сначала Джорди продавал рекламные площади. Он быстро понял, что у него просто талант продавца, но оттого не мог ненавидеть это дело меньше. Его просто тошнило от необходимости целый день звонить по телефону и повторять заученные слова снова и снова. Какое облегчение он испытал, когда вскоре, через три месяца переговоров с компанией «Эф-Дэ-Ю», занимающейся продажей программного обеспечения, ему предложили работу. В его обязанности входила продажа мониторов и работа с ключевыми клиентами. Может, и не самая великолепная на свете работа, ничего близкого к тому, чем он мечтал когда-то заниматься, но компания предоставила ему автомобиль и довольно часто отправляла в командировки по всей стране для встреч с клиентами. В действительности ему частенько приходилось бывать за пределами Лондона, иногда большую часть недели, наматывая невероятный километраж. Это Джорди как раз очень нравилось в его работе, потому что он всегда как-то успокаивался, когда покидал Лондон.

Было уже семь тридцать, когда появилась Молли. Джессика ушла поговорить с Томми на кухню, а Джим все еще переодевался, поэтому Джорди пошел открывать дверь. Как только он увидел новую гостью, то сразу же почувствовал к ней симпатию. Наверное, в этом были виноваты ее глаза — невероятно чистые, искрящиеся, смотрящие прямо на него. Этот взгляд застал его врасплох, и, хотя Джорди замешкался всего лишь долю секунды, первой заговорила она.

— Я, кажется, пришла по адресу, но вы не похожи ни на Томми, ни на Джима, хотя, должна признать, за последнее время они сильно переменились, — еще раз улыбнулась Молли.

Джорди рассмеялся:

— Вы не ошиблись, это действительно квартира Томми и Джима. Я просто их новый портье. А вообще, меня зовут Джорди. Здравствуйте, — протянул он ей руку, так как побоялся, что если поцелует ее, то это будет слишком фамильярно.

Продолжая улыбаться, она пожала его руку:

— Здравствуйте. Я — Молли.

Когда он провожал ее в гостиную, то они почувствовали сильный запах карри, которым щедро было приправлено какое-то блюдо. Потом из своей комнаты появился Джим и взялся за роль хозяина дома:

— Молли, дорогая, что тебе принести выпить? У нас есть вино, а может, тебе подойдет пиво?

— Пиво в самый раз. А где Томми?

Джорди смотрел на Молли с возрастающим восхищением. Довольно высокая, волосы ровно подстрижены до плеч, что еще больше подчеркивало ее глаза. Джорди решил, что она красива не в традиционном понимании, зато милая и забавная. К тому же, как он с удовольствием отметил, она любила пиво и у нее была довольно большая грудь.

Джессика заметила, как откровенно Джорди пялился на Молли, и задала себе самой вопрос, повезет ли Джорди с ней. Она надеялась на это. Ей-богу, должна же и у него

начаться полоса везения. Его нытье по поводу отсутствия девушки Джессике уже изрядно поднадоело. Джорди всегда был остроумным и привлекательным блондином, к тому же довольно обеспеченным. Если сложить все это вместе, то он казался весьма неплохой партией. Может, ей стоит помочь другу научиться элегантно одеваться и привить ему вкус к хорошей музыке. Тем временем Джессика заметила, что Томми не прочь пофлиртовать с ней самой, поэтому решила плюнуть на Джорди и вместо этого с кем-нибудь пококетничать. Не то чтобы было с кем, ей просто хотелось повеселиться. Может, Томми и был симпатичным, но совершенно не в ее вкусе.

Молли оказалась зажата между Джимом и Джорди. К великому разочарованию Джорди, Джим верховодил разговором, а она отвечала смехом на все его реплики. Джим галантно подкладывал ей на тарелку рис, подливал пива и слегка прижимался к ней, вспоминая какую-нибудь веселую историю из своей бурной студенческой жизни.

Наконец, он отодвинул свой стул и вышел из комнаты, а Джорди, держа в руке бутылку, поскорее обратился к Молли:

— Вина?

— Нет, спасибо, Джорди. Джим сейчас принесет мне еще пива.

Глупо улыбаясь, он только и смог выдавить:

— А-а, — и немного волнуясь, уткнулся носом в свой бокал с золотым ободком. Боже правый, да он в нее втрескался! — Я знаю, что ты работаешь вместе с Томми, — сделал Джорди еще одну попытку, — но будет здорово, если ты расскажешь мне еще что-нибудь о себе. Что-нибудь такое, чтобы успеть рассказать, скажем, за шестьдесят секунд.

Она рассмеялась:

— Хорошо, только ты скажи «поехали», когда я должна начать.

Джорди посмотрел на часы, а потом скомандовал:

— Поехали!

— Родилась в Индии в 1972 году, отец работал на чайную компанию, но я об этом мало что помню, помню только, что там было всегда жарко. В семь лет меня отправили сюда в школу, которую я ненавидела, но под руководством жестоких лесбиянок-учительниц мало-помалу обвыклась. Хм, родители к тому времени перебрались на Шри-Ланку, а в Англию вернулись только через пять лет, когда отец вышел на пенсию. Ему уже много лет, как вы поняли, и у меня есть два брата, они уже женаты, обоим уже за тридцать, и я их просто обожаю. В общем, я — незапланированный ребенок. В шестом классе меня перевели в смешанную школу, в которой мне очень нравилось — я там пользовалась популярностью: насколько я помню, у меня было целых пять приятелей. Так-так, что же дальше? Ах да, получила степень по истории, совершенно бесполезную, но университетские годы вспоминаю с радостью: выпивка, вечеринки, а потом я путешествовала целый год, пытаюсь отвратить неизбежное. Я снова побывала в Индии, оттуда поехала дальше на Восток. Потом работала какое-то время в Австралии. Теперь вот живу в Хайбери^[15] вместе с Лиззи, с которой училась в университете. Я люблю поесть, выпить, отдохнуть на природе, посмотреть старые фильмы. Я ненавижу работать, лондонское метро, очереди, вообще ждать чего-нибудь. Ну как? Я уложились?

— Ровно шестьдесят секунд. Просто поразительно!

Ее резюме воодушевило его. И он спрашивал самого себя, удастся ли ему встретить в жизни такую столь похожую на него девушку. Джим вернулся с кучей банок пива марки «Стелла», но его время истекло, и Молли переключила все свое внимание на Джорди:

— Теперь твоя очередь. Дай-ка мне свои часы, чтобы я засекала время.

Джорди затараторил как оголтелый. Он пытался не упустить ничего, что могло бы ей в его истории понравиться: что он вырос в деревушке неподалеку от Солсбери^[16], что у них в доме был бассейн и теннисный корт, что он много путешествовал и что он терпеть не может Лондон, а еще — что он всей душой ненавидит всякие «ярлыки и условности». После рассказа Джорди их разговорам, казалось, не будет конца. Им было что обсудить: путешествия, работу за границей, детство Молли в Индии, выходные за городом. Они все болтали и болтали, весь вечер не замечая никого вокруг и никому не позволяя влезать в их разговор. Джорди полностью сосредоточился на этой девушке-мечте, что сидела рядом с ним. Какое ему было дело до того, что Джессика флиртует с Томми, а остальные болтают о компьютерных технологиях? Джессика первой заговорила о том, чтобы вызвать такси. Хотя Томми ей нравился, она не хотела, чтобы он ее неправильно понял. Но, с другой стороны, он был довольно привлекательным и таким забавным... да какая разница, пора уходить, а дальше просто подождать и посмотреть, как будут развиваться события. Как только были заказаны такси, всякие разговоры прекратились. Молли чертыхнулась, взяла Джорди за руку, посмотрела на часы и призналась, что ей и вправду пора возвращаться в Хайбери.

— Мне так понравилось беседовать с тобой, — сказала Молли Джорди, целуя его на прощание в щеку. — Мы обязательно должны это повторить.

— Когда? — поспешно поинтересовался Джорди.

— Позвони мне, — одарила она его улыбкой, потом поблагодарила Томми и Джима за гостеприимство и ушла.

Пока они ехали в такси в направлении Тернвилл-роуд, Джорди довольно улыбался:

— Джессика, я влюбился! Я по-настоящему влюбился.

— Дорогой, я рада, что ты наконец-то серьезно стал относиться к нашему договору. Но тебе не кажется, что все произошло как-то уж слишком быстро? Я имею в виду, я бы сказала — да и любой бы сказал, — что она тебя просто очаровала, но ведь ты знаешь ее всего несколько часов. А вдруг она опасная шизофреничка?

— У меня было достаточно времени, чтобы понять. Я просто обязан с ней встречаться, обязан! Молли — та, о которой я грезил. К тому же она сказала, что я могу ей позвонить.

— Хорошо, дорогой, делай, как хочешь. Но повремени покамест с заявлениями насчет настоящей любви. Девушкам не нравится, когда на них слишком напирают.

Этим вечером Джессика мгновенно провалилась в сон, но в соседней комнате Джорди лежал и никак не мог сомкнуть глаз, думая о Молли и надеясь на чудо.

Ни Джессика, ни Джорди не слышали никаких новостей от Флина до вечера следующего воскресенья. Для Джессики воскресные вечера были священными, и она ревностно следила, чтобы ничто не помешало ей смотреть телевизор. Ей ни с кем не хотелось говорить, не хотелось идти на вечеринку или в кино или заниматься чем-то еще вне дома. Ей хотелось просто поставить тарелку на колени и поужинать (предпочтительно готовыми ужинами из гастронома), посмотреть телевизор, а потом лечь спать, будучи уверенной, что она провела расслабляющий и непринудительный вечер и теперь готова к предстоящей рабочей неделе. У нее в комнате был телевизор, но лучше всего было, когда удавалось расслабиться перед взятым напрокат двадцатичетырехдюймовым телевизором Джорди, без его ехидных комментариев по поводу того, что она смотрит.

Когда начал трезвонить телефон, на экране появились первые кадры сериала «Биение сердца»: группа стилиг из Уитби ехала на ежегодную ярмарку в Эйденсфилд, чтобы заварить там какую-нибудь кашу. По правде сказать, Джессика практически никогда не отвечала на звонки. Если Флин или Джорди были дома, то они брали трубку, а когда их не было, Джессика обычно дожидалась, пока включится автоответчик. На это у нее было несколько причин, и весьма серьезных. Во-первых, у ее матери была дурацкая привычка звонить по крайней мере один раз в день, и это Джессике безумно раздражало: «Ах, Джессика, *chérie*^[17], как дела, милая?» — начинала она с сильным французским акцентом, а потом принималась расспрашивать дочь, что та делает, как провела день, куда собирается пойти вечером, с кем встречается — вопросы, вопросы, вопросы. Джессика осознала, что это выводит ее из равновесия. Намного легче просто не снимать трубку, ведь в этом случае она не будет чувствовать себя виноватой за то, что нагрубила матери или оскорбила ее чувства. Вторая причина заключалась в том, что ей мог позвонить кто-нибудь вроде Роба или еще какой-нибудь мужчина, с которым ей не хотелось разговаривать. Джессика просто не выносила долгих препирательств по телефону, особенно когда у нее выдавался свободный вечер. Третья причина — довольно часто ей вообще ни с кем не хотелось говорить. Если бы она очутилась на необитаемом острове, то, вероятно, начала бы скучать. Но в целом ей нравилось сидеть в одиночестве и заниматься тем, чем хочется: читать книги и журналы, смотреть телевизор или видео. Поэтому, когда зазвонил телефон, Джессика не обратила на это никакого внимания и продолжила смотреть «Биение сердца», в котором на сцене только что появился констебль Майк Брэдли.

Включился автоответчик:

— Джессика, я же знаю, что ты дома. *Пожалуйста*, только бы ты была дома. Это я. Возьми трубку. — Вздох. Пауза. — Джессика, да возьми ты эту чертову трубку. Джес...

— Флин, ты отдаешь себе отчет, который сейчас час? Только что начался сериал «Биение сердца»! — пролаяла она в трубку. — Только о себе и думаешь, эгоист.

— Послушай, Джессика, дорогая, прости меня, но мне очень нужна твоя помощь.

— Если ты надеешься, что я поеду за тобой в аэропорт Хитроу, то ошибаешься.

— Послушай, пожалуйста, Джессика, мне и правда нужна твоя помощь. — Когда Флину что-то было нужно, он всегда называл ее по имени. — Автомат проглотил мою карту еще во Флоренции, у меня закончились все дорожные чеки и мне просто не добраться до дома. Ты

же знаешь, я бы не стал просить, если бы у меня был выбор. Прошу тебя. — Она молчала, и Флин продолжил: — Разве ты не можешь поставить «Биение сердца» на запись? Это займет всего полчаса, а потом, клянусь, я ничем тебя в воскресный вечер больше не потревожу. Пожалуйста, я тебе отплачу!

Закончив выкрикивать свои призывные мольбы в трубку телефонной будки у выхода № 1, Флин ждал приговора Джессики.

— И как? — наконец произнесла она.

— Что как?

— Как ты будешь мне отплачивать?

— Не знаю. Но я обязательно отплачу, и ты еще будешь рада, что забрала меня отсюда, обещаю! Как насчет подписки на «Джеки»^[18] или вроде того?

— Хм, — протянула Джессика. Она понимала, что ей придется за ним поехать. — Ну ладно, уговорил. Но это в последний раз, понял?

— Спасибо тебе, Джессика! Ты самая лучшая. Я буду у первого выхода. Как приятно снова слышать родной голос!

Джессика положила трубку, пошарила по комнате в поисках чистой видеокассеты и вышла из дома. Как же этот Флин достал ее! Хотя чему тут удивляться — только у него автомат может «съесть» карточку. Вполне в его духе рассчитывать на то, что она или Джорди придут и спасут его. «Но что, черт возьми, за излишняя насчет „родного голоса“?», — в спешке подкрашивая губы и причесываясь, размышляла она.

Все раздражение сошло не нет, когда Джессика увидела, как Флин беспомощно топчется рядом с телефонной будкой. Невероятно, но при всем своем громадном росте он выглядел потерявшимся мальчишкой. Зрелище было жалкое, но все же Джессика была рада видеть своего друга. Флин сразу же приободрился, завидев Джессику. Он уж и забыл, какая она красавица. Сама элегантность и самый что ни на есть настоящий друг. Часом ранее, успокоенный, он сердечно распрощался с ней по телефону. В ожидании Джессики Флин бродил вокруг аэропорта и радовался возвращению в родную Англию. Его переполняли теплые чувства, и он начал вспоминать свою жизнь до встречи с Поппи.

— Выкладывай, — едва заведя машину, велела Джессика.

— Ты действительно хочешь знать? Все просто ужасно. Настоящая вселенская катастрофа.

— Давай, пропой мне свою оду от начала и до самого конца.

— Джессика, я просто терпеть не могу, когда... и, ради бога, не надо мне этого твоего «я же тебя предупреждала». А то я точно тронусь.

— Хорошо, не буду. Но, как мне кажется, раз уж я так великодушно забрала тебя из аэропорта (в воскресенье вечером!), самое меньшее, что ты можешь сделать, так это рассказать мне, что с тобой стряслось.

Флин сдался и поведал ей о той ошеломительной новости, что рассказала ему Поппи.

— Это просто чудовищно, Джес, — признался он. — Как же ты была права. Она использовала меня, чтобы потешить свое самолюбие, но как же чертовски долго до меня это доходило. Я понял, что она просто сделала из меня дурака, хотя, конечно, во все этом была и моя вина. Не надо было мне так легкомысленно пускаться в эту авантюру. Мне следовало понять, что каникулы любви в Италии слишком хороши, чтобы быть правдой.

— Это могло бы быть правдой, но только не с ней, — пытаюсь выразить сочувствие, заметила Джессика.

— Самым же первым утром, как я туда приехал, — начал Флин, прикуривая сигарету из ее пачки, — я встал очень рано, вышел на террасу и подумал, что я бы все отдал, только бы увидеть, как радостные Джорди и Джессика выворачивают из-за угла и идут ко мне. Ну, или еще кто-нибудь из моих друзей, кто-нибудь, с кем бы я мог поговорить по душам. Мне тогда так хотелось, чтобы у меня был с собой мобильник и я мог позвонить кому-нибудь из вас. Надеюсь, Джорди скоро заведет себе сотовый телефон с международным роумингом.

— Ну конечно заведет, — рассмеялась Джессика.

— Но знаешь, самое обидное — там было так красиво! Воздух свежий-свежий, я сидел там, попивая кофе, и наблюдал, как утреннее солнце начинает всходить из-за горизонта, пронзая легкую дымку, подернувшую виноградники. С соседней виллы доносился звук колокола, отсчитывающего время, а я чувствовал себя актером изысканного рекламного ролика или героем фильмов.

— Божественно.

— Так и должно было быть. Но я просто даром потерял время.

— Бедненький мой. А чем вы занимались целую неделю? Только не надо мне рассказывать, что ты сдался и ничего не предпринимал, чтобы поправить дело!

— Не предпринимал. А что мне оставалось? Если бы я ходил с недовольным видом или начал выказывать свое раздражение, то, во-первых, я бы только осложнил себе жизнь, а во-вторых, как бы посмотрели на меня ее родители, которые понятия не имеют, что мы с Поппи несколько больше, чем просто друзья.

— А что представляют собой ее родители?

— Лиз и Дональд? Очень приятные, но, господи, эта Лиз помешана на осмотре достопримечательностей. Она была очень обходительна, но в семье у них она главная, а потому всю неделю мы дни напролет таскались за ней по музеям, монастырям и выслушивали ее экскурсоводческие комментарии. В ней было что-то от Элеонор Лавиш из фильма «Комната с видом». Если бы я хоть что-то понимал в истории искусств, а так это — сплошная нудятина.

Джессика еще раз рассмеялась.

— Ладно, позже обязательно посмеюсь и я над этим, — продолжил Флин. — Но я там с ними чуть умом не двинулся. Расскажу тебе, как прошел один из самых ужасных дней в моей жизни. Мы осматривали церковь Сан-Марко, и Лиз читала нам очередную лекцию: «Только посмотрите, как работает кистью Фра Анджелико, — пропищал он, подражая Лиз. — Можно различить каждый мазок кисти, поскольку он очень тщательно прорисовывал одежды». Так, кажется, она сказала. Но, кроме всего прочего, я уже побывал в этой церкви чуть раньше, когда мы вместе с Джошем ходили в город прогуляться и, честно признаться, если видел какую-нибудь одну фреску, считай, видел их все. Короче, как ты понимаешь, к концу всего этого мне только и хотелось, что вернуться обратно на виллу.

Но нет, потом мы пошли в этот чертов Кафедральный собор, где Лиз собиралась прочитать нам еще одну лекцию. К тому времени, как мы наконец направились к машинам, я просто с ног валился от усталости и был безумно раздражен, а еще я намеревался сделать все, чтобы не оказаться в машине, которую поведет Дональд, потому что он — самый худший водитель из всех, кого я знаю.

— Хуже тебя, дорогой? — ухмыльнулась Джессика.

Флин не заметил ее иронии:

— Намного, намного хуже. Поверь мне. В любом случае, ехать в машине Лиз казалось

мне делом более безопасным, но только до тех пор, пока Поппи и ее сестрица Алиса не начали этот «песенный круговорот». «О, Флин, неужели ты никогда не играл в такую игру, — спросила меня Поппи. — Это очень просто: я пою первую строчку, потом на второй строчке вступает мамочка, а я продолжаю петь, потом к нам присоединяется Алиса, а потом ты и так далее. Ты ведь умеешь петь, да?»

Петь-то я умею, думал тогда про себя Флин, — но это всегда заставляло его чувствовать себя как-то неловко, особенно когда он в компании из четырех человек был единственным мужчиной. Лиз начала первый «песенный круг»: «Лондон пылает, Лондон в огне».

Потом Алиса пропела ту же самую строчку, пока Лиз выводила вторую: «Пожарные машины, машины вызывай».

В тот момент, когда должен был вступить Флин, все — Лиз, Алиса и Поппи — смотрели на него в зеркало и радостно кивали ему. И вот, когда он должен был открыть рот и запеть, он не мог выдать ни звука от смущения.

— Ну давай, твоя очередь вступать, — сказала Алиса, все еще пытаюсь приободрить его.

— Вообще-то, я неважно пою.

Флин понимал, что это прозвучало не очень убедительно.

— Ерунда, чтобы спеть эту песню, быть профессиональным исполнителем вовсе необязательно, — насмеялась над ним Лиз.

— Начинай, Флин, это же так весело, честное слово.

Черная туча отчаяния заволокла небо над его головой, а потом окутала его со всех сторон. И из глубины этой тучи он затянул наконец свою строчку.

— Ну вот. Ничего сложного, правда? — одобряюще улыбнулась ему Поппи.

— Только вот когда поешь, лучше не фальшивить. Так звучит гораздо приятнее.

— Мама, ну что ты придираешься к нему! Пусть Флин поет так, как ему нравится. Так, какую поем дальше?

Следующий «круг» был гораздо более сложным для исполнения, и Флин, как ни пытался, никак не мог вступить вовремя.

— Слушайте, извините меня, но я только порчу вам все веселье, так что пойте без меня. Я просто послушаю, как это правильно делается, — взмолился он.

Решив, что Флин — дело пропавшее и что любые последующие попытки принудить его ничем хорошим не увенчаются, они наконец оставили его в покое и продолжили свое песенное соревнование, все более усложняя последовательность песенных строчек. Флин кусал ногти и рассеянно наблюдал тасканские виды, пронесившиеся за окном, осознавая, что его неделя из обычного ада превращается в какой-то сюрреалистический ужас.

— Господи, это звучит просто ужасно, — признала Джессика, в очередной раз во весь голос рассмеявшись, пока Флин рассказывал свою печальную историю. — С какой стати ты вообще с ними таскался. Придумал бы что-то, что бы тебе понравилось.

— Мне не хотелось показаться неотесанным мужланом, но после Дня Круговорота Песнопений я решил, что мне надо от всего этого отдохнуть, и плевать, обидятся они или нет.

— И что, они обиделись?

— Ни капельки. Мне с самого начала надо было отказаться от всех этих экскурсионных вылазок.

— А в какой момент ты потерял свою кредитную карту?

— В тот самый день, когда открестился от всех этих экскурсий, — вздохнул Флин.

Оказывается, тогдашней поездкой его несчастья не закончились. На следующий день Лиз решила, что им нужно съездить в церковь Санта-Крус во Флоренции, а потом провести остаток дня в галерее Уффици. Флин отказался от осмотра обеих достопримечательностей, но поехал вместе со всеми во Флоренцию. Послонявшись в одиночестве по городу, он направился в кафе-бар, располагавшийся на главной площади города, и завел беседу с двумя молоденькими девушками, которые только что окончили старшую школу и отдыхали перед началом учебного года в колледже.

— Это, наверное, было очень весело? — предположила Джессика.

— Еще как весело. Они очень воодушевились, когда я рассказал им, где работаю. В общем, я немного перед ними порисовался. Но они тоже заставили меня расчувствоваться. Они так возбужденно болтали в предвкушении веселых и свободных деньков, которые им предстоит провести в колледже. Как же мне хотелось быть на четыре года младше и сидеть за столиком вместе с моими друзьями, и чтобы у меня ни перед кем не было никаких обязательств! Мне до смерти надоело быть взрослым и постоянно за что-то отвечать, постоянно переживать насчет работы, денег. Мне так нравилось быть беззаботным, ленивым студентом.

— Да уж, но когда мы были младше, мы никак дождаться не могли, когда же наконец станем взрослыми. Я это очень хорошо помню, — улыбнулась Джессика.

— Н-да, ты права, конечно.

Какое-то время Флин сидел молча, а потом продолжил:

— Как бы то ни было, мы там хорошенько нарезались, особенно та девушка, что опрокинула на меня бокал вина. Ее подруга решила, что надо бы отвести ее назад в отель, а я остался в баре, чтобы пропустить еще пару стаканчиков. У меня между ног все брюки были мокрыми от вина, и мне не хотелось вставать из-за стола, пока они не высохнут.

К тому моменту он и сам порядком захмелел, его клонило в сон — солнце пекло нещадно, — а потому он встал и пошел в парк, чтобы подремать в тени какого-нибудь дерева. Ему просто хотелось поспать часок-другой, но когда он проснулся, то понял, что уже вечер и он должен был вернуться к месту встречи с родителями Поппи несколько часов назад. И конечно, он подскочил как ошпаренный и стремглав бросился к тому месту, но там уже никого не было, ни одной машины. И что в такой ситуации ему было делать?

— И как ты поступил?

— Запаниковал, — сознался Флин.

Это было сущей правдой. Он удивительно ясно помнил все, что с ним в тот момент происходило. Мозги начинали закипать от потока мыслей, спровоцированного нависшей над ним угрозой. Флин продумывал все новые и новые варианты спасения, но все они ни на что не годились. Он не знал номера телефона дома, в котором остановился: когда он приехал в Италию, ему и в голову не приходило, что такое с ним может случиться. Адреса он тоже не знал, но был уверен, что сможет найти дорогу. Наверное. Местечко называется Монтефьери. Ну, или что-то вроде того. Надо найти банкомат, снять немного денег, поймать такси и надеяться, что шофер хоть чуточку говорит по-английски и доставит его до места. Это, конечно, влетит ему в копеечку, но другого выхода Флин не видел. Раздумывая, ищут ли его друзья, обратились ли они за помощью в полицию, он пытался представить, что бы он делал на их месте. Но он абсолютно не в состоянии был думать.

Флин довольно легко нашел банкомат, засунул в него карту и из списка языков выбрал «inglese»^[19], но тут, обливаясь от ужаса холодным потом, сообразил, что не может точно

вспомнить пин-код своей карты. Этой картой он пользовался всего пару недель. Кажется, код был 4432 или 4423. А может, 2243? Сначала он ввел 4432, но этот код оказался неверным. Неверным был и 4423. Нет, не может быть, чтобы это был 2243. Вздвывая руки к небу, он какое-то время расхаживал взад-вперед рядом с банкоматом, а потом остановился и уставился на его экран. Это было уж слишком. И как он мог быть таким ослом? Если итальянские банкоматы устроены так же, как британские, то это значило, что у него осталась всего одна попытка. Да какой же, черт возьми, этот идиотский код? В нем точно было две четверки, и Флин был почти на сто процентов уверен, что в нем была одна двойка и одна тройка, а, может, там была одна тройка и одна семерка? Он ввел 4473, и банкомат «проглотил» его карту.

— И что потом? — спросила его Джессика.

Они уже подъезжали к Хаммерсмиту.

— Пришлось поймать такси и надеяться, что, во-первых, мне удастся вспомнить дорогу, и, во-вторых, что у хозяев дома найдется достаточно наличных, чтобы расплатиться с водителем.

Этот случай был не из приятных, и Флину не хотелось, чтобы пришлось еще когда-нибудь пережить подобное. Таксист был явно озадачен бессмысленностью попыток Флина заговорить с ним по-итальянски, а потому Флин решил, что проще изъясняться жестами. Поэтому он указывал водителю то налево, то направо и непрерывно твердил «scusi»^[20]. Наконец таксист предложил ему потрепанную карту, и Флин, поведив по ней пальцем, ткнул в то место, где, как ему казалось, должна была располагаться вилла.

— А, Монтефьёраль, — с таким облегчением, как будто сам был на месте Флина, воскликнул таксист. К тому времени, как они добрались до виллы, было уже совсем темно, и Флину показалось, что они снова заблудились. Но тут вдруг он увидел знакомую дорогу и через какое-то время оказался на вилле. Он был измотан, сыт приключениями по горло и у него раскалывалась от боли голова.

— Флин, это, пожалуй, самое ужасное, что мне доводилось слышать. Ну, а что они тебе сказали, когда ты вернулся?

— В восторге они уж точно не были. Особенно когда я попросил пятьдесят фунтов, чтобы расплатиться за такси. «Где, черт возьми, тебя носило? Мы ужасно беспокоились», — завопили они и осуждающе на меня уставились. Я готов был под землю провалиться, и хотел было извиниться и уйти в свою комнату, но Поппи настаивала, чтобы я им все объяснил.

— И что ты сказал? — заговорщически улыбнулась Джессика.

— Я сказал, что плохо себя чувствовал еще с утра, а в городе у меня случился тепловой удар и я потерял свою кредитку, поэтому нечего на меня кричать, от этого мне только хуже. На это Поппи мне ничего не смогла ответить, но в оставшееся время была со мной сама забота. Но, если мне ее больше не доведется увидеть, то я жалеть не буду. Честно.

— Несчастный влюбленный. Да, тут уж больше ничего не скажешь, — выворачивая на Тернвилл-роуд, вздохнула Джессика.

— По крайней мере, теперь мы все в одинаковом положении. Если, конечно, тут без меня ничего не произошло.

— Ну, на самом деле произошло, — призналась Джессика.

— О нет! И что же? — в нетерпении выпалил Флин.

— Джорди.

— Джорди? А что с ним?

— Ничего страшного. Просто ему кажется, что он влюбился. Хотя я лично повода для этого не вижу, — сделала Джессика поспешный вывод. Потом она рассказала Флину все, что случилось тем вечером, когда они ужинали у Томми, и что Молли разрешила Джорди ей позвонить.

— Да, здорово, — вздохнул Флин. — Теперь не один я болен этой любовной горячкой. Заразился и мой сосед, которому вскоре суждено вырваться вперед в нашем состязании. Только не говори, что у тебя тоже кто-нибудь появился.

— Флин, если бы ты не был таким мерзким, я бы тебе рассказала, что Томми явно на меня положил глаз.

— Томми? По-моему, он совершенно не в твоём вкусе.

— Не знаю. Может, ты и прав, — раздраженно буркнула Джессика.

— Ладно, забудь. Я так рад вернуться домой, — еще раз вздохнул Флин и угрюмо потащил дорожные сумки в свою комнату.

В одиночестве сидя на кровати, Флин разглядывал свои пожитки. Несколько постеров, прикрепленных к стенам кнопками, пара полок с книгами, CD-дисками и аудиокассетами, которые он уже лет сто не слушал, и еще куча всякого хлама. А вот и его старенький, словно уставший от жизни, проигрыватель фирмы «Айва». С ним он ни за что в жизни не расстанется. А ведь мне уже двадцать пять лет, грустно подумал Флин. Но все, что у него было ценного, так это коллекция старых грампластинок «Биттлз» и несколько CD-дисков. У него не было счета в банке, как у Джорди, не было сбережений, не было высокой зарплаты, как у Джессики и почти всех его друзей. А после этих никчемных итальянских каникул он по уши завяз в долгах.

Отчасти Флин был рад возвращению, особенно к своим друзьям в этот новый дом, но все же ему было грустно, что между ними с Поппи все закончилось. Он ненавидел одиночество, и мысль о том, что все опять придется начинать заново, вгоняла его в депрессию. Вот уже три года, как он окончил университет, но по жизни так никуда особо и не продвинулся. Эдди Фассл женится через три с небольшим недели. Может быть, в этом все дело. В женитьбе. Это благодаря ей они из беспечных выпускников университета превратились в самостоятельных, ответственных людей. Просто поразительно. Флину никогда и в голову не приходило, что люди его возраста могут взять на себя такие обязательства... что они могут быть такими *взрослыми*.

Покупка дома была следующим большим шагом. Если бы у него был свой собственный дом, он чувствовал бы себя несравненно более готовым связать какими-либо обязательствами. Но все это казалось невероятно далеким, почти нереальным будущим. Как же так исхитриться, чтобы найти работу, доходов от которой хватило бы на покупку дома? А потом, чтобы обставить этот дом хорошей мебелью? Флин подумал о тысячах домов Лондона. И как этим людям удалось скопить достаточно денег? Даже малюсенькая квартирка казалась ему невероятно дорогой, а ведь, несмотря на все его почти нищенское положение, он знал, что зарабатывает больше, чем большинство лондонцев. Жизнь может так надломить. Но ему все же следовало бы порадоваться за Джорди. Джессике никогда не составляло большого труда найти себе приятеля, но Джорди... ей-богу, Джорди заслужил передышку. И если Молли действительно окажется той девушкой, с которой ему будет хорошо, то, несмотря ни на какое состязание, Флин будет рад за него.

Распаковав и разложив по местам вещи, Флин спустился вниз. Не успела Джессика сказать ему, чтобы он прекратил свои горестные раздумья, как на пороге появился Джорди:

— Флин, ты вернулся! Как отдохнул со своей красоткой Поппи?

Джессика уставилась на Флина, гадая, что же тот скажет. Флин вздохнул:

— На самом деле не совсем так, как я размечтался.

— Не может быть, — ухмыльнулся Джорди. — Родители мешали вам заниматься сексом по ночам?

— Типа того, — устраиваясь на диване, буркнул Флин.

— Ты что, не собираешься ему ничего рассказывать? — вмешалась Джессика.

Джорди выжидающе уставился на Флина:

— Что рассказывать?

— Да ничего. Слушай, а пойдём посидим в каком-нибудь баре? — предложил Флин.

Он, конечно, *собирался* рассказать обо всем Джорди, но сначала хотел хорошенько отредактировать версию и устроить так, чтобы Джессика не слышала, что он будет рассказывать Джорди. Его откровения по дороге из аэропорта были чем-то вроде неконтролируемого потока сознания, он не собирался рассказывать все это. Но ведь Джессика была такой хорошей слушательницей. Однако, если бы он поведал все то же самое Джорди, то чувствовал бы себя еще более униженно. И пусть Джорди — его лучший друг, но некоторые вещи просто не стоит обсуждать с приятелями.

За кружкой пива в тихом уголке паба Флин объяснил Джорди, как вышло, что они поругались с Поппи, из-за чего весь отпуск пошел насмарку. Он рассказал ему историю с кредитной карточкой, но умолчал о том, что еще в этот день с ним случилось.

— Какой кошмар, — понимая, что надо бы как-то ободрить друга, воскликнул Джорди. Если бы он стал смеяться, то сделал бы ему только хуже.

— Да уж, — угрюмо сказал Флин.

— А я-то был просто уверен, что у тебя все шикарно.

— Хм, — неопределенно промычал Флин.

— Честно сказать, я тебе чертовски завидовал — она ведь такая красотка! Я представлял себе, как вы занимаетесь любовью под оливковыми ветвями, или под виноградными, или под еще какими-нибудь. Бьюсь об заклад, что легкий загар сделал Поппи еще более привлекательной.

Флин поморщился:

— Джорди, ты можешь прекратить все эти разговоры о том, какой она была сногшибательной? Мне от них просто невыносимо становится.

— Я просто тебе сочувствую, — надулся Джорди.

— Ладно, давай сменим тему, — предложил Флин.

— Как скажешь, — согласился Джорди, а потом добавил: — Вынужден признать, что не хотел бы оказаться на твоём месте. Я не слишком тебя задел?

— Ну, что тут скажешь.

Какое-то время они сидели молча, уставившись в большие кружки с пенным напитком.

— Как бы там ни было, у меня есть отличная новость. Мне кажется, что я уже почти влюбился.

— Знаю, Джессика рассказала. Поздравляю, это здорово, — оторвав глаза от кружки, тихим голосом произнес Флин. — Так держать.

— А ты не собираешься меня об этом расспросить?

— Да, конечно. Извини. — Флин взял сигарету из пачки Джорди. — Давай, расскажи мне, как все было.

Когда этим вечером Флин добрался до кровати, то решил попытаться просто взять и не думать, какое фиаско он потерпел с Поппи. Какой прок с того, что он постоянно станет терзать себя этими горестными раздумьями. И пусть его постигло такое неожиданное поражение в этой гонке за романтикой, но у него еще было много времени, чтобы все наладить. По крайней мере, оставалась еще работа. Вот-вот должен был приехать Бруклин Сейл — все эти разговоры о «Сандэнсе»^[21], — и Флин понимал, что это блестящая возможность произвести большое впечатление. У него был шанс поучаствовать в раскрутке этого яркого, нового и восхитительного режиссера-кинозвезды в Соединенном Королевстве, и раз уж Бруклин многие годы остается на гребне популярности, участие Флина в его продвижении в Британии может сильно поспособствовать его карьере. Намного сильнее, чем все те кампании по раскрутке, в которых Флин участвовал раньше. Продвинуться в этой области было чрезвычайно сложным делом, и лучший способ здесь — стать нужным тем людям, которые привлекательны для этого бизнеса. Тут-то работодатели тебя заметят и начнут на тебя «охоту». Все просто.

Глава 6

Размышления о любви

Пока Флин лежал на кровати и вел с самим собой беседу, Джорди пытался расслабиться, плескаясь в ванне. Это был самый важный для него вечерний ритуал. И на это у него было несколько причин. Во-первых, он всегда плохо спал, если перед сном не принимал ванну. Он ненавидел чувствовать себя грязным, но еще больше он ненавидел лезть под свое пуховое одеяло с грязными ногами (если ему не хватало сил на то, чтобы принять ванну, то хотя бы ноги он обязательно мыл). Во-вторых, ему нравилось лежать в теплой воде и читать. Это его успокаивало, помогало сбросить напряжение прошедшего дня. Для этого он держал в ванной целую кучу комиксов про Тэнтэна и Астерикса и журналов по регби. С недавних пор он стал брать с собой в ванну еще и чашку чая. Со временем он понял, что кофе не помогает ему взбодриться, и уж совсем не помогает как следует расслабиться, а значит, и быстро уснуть. Поэтому он заваривал себе чай эрл-грей, добавлял один кусочек сахара и капельку молока.

В окружении миллионов мыльных пузырей, потягивая чай из новой чашки, которую он купил по случаю переезда в новый дом, Джорди пытался читать «Скипетр короля Оттакара»^[221], но понимал, что совершенно не может сосредоточиться. Он не мог не думать о Молли. Джессика сказала, чтобы он подождал несколько дней, прежде чем ей звонить, но он-то знал, что не в состоянии долго терпеть. Господи, как же он надеялся, что все у них с Молли получится! Сама мысль о том, как он поднимает трубку и набирает ее номер, заставляла его дрожать от возбуждения. Он не припоминал, чтобы с ним когда-нибудь так было. Ни одна девушка из тех, с которыми он встречался в прошлом, не вызывала в нем такого эмоционального отклика. Он начал вспоминать своих прошлых подружек — как в Аргентине он расстался с Надин, а потом, вернувшись в Англию после своих скитаний по свету, снова пытался сойтись с Нелл. К тому моменту она уже успела его позабыть и встречалась с каким-то рыжеволосым адвокатом.

Потом он вдруг вспомнил свою самую первую девушку и мысленно самому себе улыбнулся. Кажется, ему тогда было лет пятнадцать, перед самыми выпускными. Тогда, пытаясь казаться крутыми парнями, они с Флином только начали курить. Они вместе пошли на вечеринку, которая была устроена для учениц местных школ для девочек, и познакомились там с Вики и Клариссой. Именно с Вики он и поцеловался впервые в жизни. Весь вечер он не крутился около нее и сейчас, оглядываясь назад, понимал, что просто достал ее. Но его можно было понять: он прежде ни с кем не целовался и ужасно боялся, что она ему откажет. В тот момент, когда он уже было отчаялся чего-либо от нее добиться, она за воротник притянула его к себе и засунула свой язык прямо ему в рот. Флин, что очень раздосадовало Джорди, к тому моменту уже успел вдоволь нацеловаться и распрощаться с Клариссой. В конце вечеринки они обменялись впечатлениями. Джорди был вне себя, но не столько от сексуального возбуждения, сколько от облегчения, что ему наконец удалось преодолеть свою подростковую застенчивость.

Он встречался с Вики около трех недель. Однажды они с Флином повели девочек на ярмарку, разодевшись в плащи спортивного покроя, купленные на блошином рынке, и нещадно смоля «Мальборо». Когда они катались на американских горках, Джорди усиленно делал вид, что это его абсолютно не трогает, но на самом деле его тошнило, а девочки

кричали, смеялись, их волосы растрепались и постоянно лезли в их широко открытые от восторга рты. Кроме чинных прогулок и катаний на каруселях между ними мало что было в плане секса: он пощупал ее за грудь и еще несколько раз поцеловал, но ниже пояса дело не продвинулось. Да и чему тут удивляться: у них было не так много возможностей для тайных встреч. И вот однажды он получил от Вики письмо. У нее был красивый почерк, совсем как у взрослой, и она сообщала, что они слишком далеко зашли, а потому им надо расстаться. Самому Джорди казалось, что они еще и не начинали ничего делать. В тот же день Флин получил от Клариссы письмо с приблизительно таким же содержанием.

Впоследствии лучшей возможностью познакомиться с девушкой были вечеринки, которые проводились в дни школьных каникул на ипподроме в Солсбери. Они ходили на эти вечеринки за тремя вещами: хорошенько напиться, заказать диджею какую-нибудь мрачный и оттого балдежный трек и подцепить девчонку. На одной из таких вечеринок и случилось так, что Флин в очередной раз обставил Джорди. До того вечера никто из них всерьез не говорил об этом. Они, конечно, постоянно болтали про секс и девчонок, но поскольку к тому времени никто из них не успел переспать ни с одной, они обычно избегали обсуждать во всех подробностях чьи-либо сексуальные победы. Но в тот вечер, дожидаясь своего отца, который должен был отвезти их домой, Флин просто ликовал.

— Какая же траханная вечеринка выдалась на этот раз, — довольно заявил он, а потом повернулся к Джорди и, наконец подобрав подходящие слова, добавил: — В прямом смысле слова.

Джорди отчетливо помнил самодовольство, застывшее на лице Флина.

— О чем это ты?

— Ну, я... кхм, как сказать... Мой гномик побывал в пещерке.

— Заливаешь!

— С чего бы это? Можешь не сомневаться, я трахнулся с Софи Стюарт на заднем ряду трибуны.

Джорди просто с ума сходил от зависти, он был взбешен, что его друг снова обошел его. С того самого вечера самым важным в жизни для него стал вопрос, как побыстрее потерять девственность.

Он вернулся к «Тэнтэну». Да, веселые были деньки, ничего не скажешь. Никаких забот о карьере, никаких размышлений о будущем. Как же все изменилось! У него на лице уже появляются морщины. А когда он последний раз был в парикмахерской, то обнаружил несколько седых волосков в копне своих пшенично-золотых волос. Но что еще хуже, он заметил, что волосы немного поредели. Закончились его золотые деньки.

Следующим вечером Джорди объявил Джессике и Флину, что собирается звонить Молли.

— Ты намекаешь, чтобы мы отсюда удалились? Хорошо, не будем тебе мешать, — вставая, сказала Джессика.

Джорди поблагодарил ее. Его сердце готово было выскочить из груди от волнения. Он был рад, что никто его не будет отвлекать и усугублять и без того сильное напряжение.

— Ну что, будем подслушивать? — спросил в прихожей Флин Джессику.

— Ты в своем уме, Флин! Пошли, пусть себе звонит.

Но все же они не выдержали и прижались к двери.

Как неловко было звонить в первый раз! Джорди знал, что Молли поняла — он на нее

запал. Иначе зачем ему ей звонить? Но тем не менее они оба сделали вид, будто дело вовсе не в этом. Глубоко вздохнув, он набрал номер. «Ну, давай же, давай», — нетерпеливо повторял он. Шли длинные гудки, но никто не брал трубку. Приблизительно после десятого гудка трубка неожиданно ожила.

— Привет, Молли, — выпалил Джорди.

— Нет, это не Молли. Это Лиззи. Молли нет дома.

— О, извините.

— Ничего страшного.

«Вот зануда», — деланно смеясь в трубку, подумал Джорди.

— Ладно, вы не могли бы передать ей от меня сообщение.

— Конечно. Только подождите, я поищу карандаш.

Джорди слушал, как она кладет трубку и начинает шуршать бумагами.

— Диктуйте.

— Попросите ее перезвонить Джорди.

— Ах да, Джорди! Ну конечно. Вы познакомились с ней у Томми. А я все думала, когда же вы наконец соизволите позвонить.

Джорди понятия не имел, что ответить на такое нахальное заявление.

— Серьезно? Ну, если вы бы просто попросили ее мне перезвонить, было бы здорово. Я весь вечер буду дома. Большое спасибо, — пролепетал наконец Джорди.

— А вы ничего не забыли?

— Нет вроде. — Он был слишком взволнован.

— А как насчет вашего номера?

Он продиктовал свой номер, попрощался с Лиззи и медленно побрел через гостиную на кухню.

— Ну и? — невинным голосом спросил его Флин.

Джорди пересказал им свой разговор с Лиззи. Он считал, что если Молли рассказала подруге об их встрече, то это хороший знак.

— Просто поразительно. Она явно ждала твоего звонка. Должно быть, ты ее заинтересовал, дорогой. Да, точно заинтересовал, — заверила его Джессика.

— Ты уверена? Это ведь здорово, да?

— Определенно.

Через час, когда они сели за стол, чтобы поужинать готовым тайским блюдом из полуфабрикатов, зазвонил телефон.

— А вот и она, старик, — похлопывая Джорди по спине, ухмыльнулся Флин.

Это на самом деле была она. У Джорди голова пошла кругом. От волнения он весело затрясся.

— Привет, Джорди. Это Молли. Извини, меня не было дома, когда ты звонил.

— Да ничего, не важно. Спасибо, что перезвонила. Как дела?

— В порядке, спасибо. Как сам?

— Спасибо, отлично. Молли?

— Да, Джорди?

— Я тут хотел узнать, может быть, если ты не занята, мы могли бы сходить куда-нибудь в субботу?

— Нет, я не занята. Так, дай-ка подумать, в эту субботу... Нет, точно не занята.

— Я подумал, здорово было бы куда-нибудь сходить.

— Да-да, конечно!

Пока все шло отлично.

Джорди ненавязчиво предложил ей встретиться в Ричмонде^[23]. Он думал, было бы так романтично побродить вдоль берега реки, перекусить где-нибудь, а потом, возможно, сходить в «Хам-Хаус»^[24]. К его огромному удовольствию, Молли была согласна, и они договорились встретиться на вокзале Ричмонда в субботу в полдень.

Повесив трубку, Джорди чувствовал себя победителем.

— Да, моя милая крошка! — завопил он.

Она точно в него влюбилась. Или, по крайней мере, заинтересовалась им. Точно-точно. Был только понедельник. Надо как-то продержаться эти пять дней. А еще он молился, чтобы суббота выдалась солнечной.

Его тайская еда остыла, а Флин с Джессикой уже успели поужинать.

— Отлично, только этого мне не хватало, — печально заметил Флин. — Свихнувшийся от избытка чувств сосед.

— Это просто здорово, — заключила Джессика, а потом стала размышлять над собственной жизнью.

Несмотря на все ее уверения, ей нравилось внимание со стороны Томми. Может, ей отправиться в субботу на матч по крикету, чтобы там с ним встретиться? Она могла бы попросить Люси пойти вместе с ней, чтобы было с кем поболтать, пока мальчики соревнуются на поле. Матчи по крикету могут быть довольно забавным зрелищем, если погода теплая и солнечная и если на трибунах собирается много знакомых. Добавить ко всему этому бутылку-другую вина — и можно надеяться, что выходной пройдет отлично. Она чувствовала, что это великолепный план, и в предвкушении улыбнулась сама себе.

Глава 7

Деньги, точнее — их отсутствие

Несмотря на чудовищное количество происшествий, что стряслись с ним с тех самых пор, как он последний раз был в офисе, Флин, вернувшись на работу, обнаружил, что там мало что изменилось. Будто он вообще никуда не уезжал. Спасибо Тиффани, которая регулярно проверяла его электронную почту и автоответчик и аккуратно разбирала документы в его корзине для входящих бумаг. В тот день, когда он вышел из отпуска, ее в офисе не было, но стоило ей прийти, как она тут же подскочила к его столу и одарила Флина своей искрящейся радостью улыбкой.

— Привет, с возвращением! Как все прошло? Давай, расскажи мне скорее, а то я умру от нетерпения.

— Отпуск хуже некуда. Сущий кошмар, — снова почувствовав себя униженным, признался Флин.

— О нет, не может быть.

Она сидела на краешке его стола, длинная юбка закрывала ее ноги до самых щиколоток; на ней были летние шлепанцы на толстой резиновой подошве, которые сейчас болтались на кончиках пальцев.

— Не знаю, хватит ли мне сил все тебе рассказать. Мне как-то неловко.

На самом деле Флину было более чем неловко, но почему-то он не мог не улыбнуться, глядя на то, с каким сомнением во взгляде она уставилась на него.

— О, Флин, ты просто обязан рассказать!

Он уступил и рассказал ей отредактированную для Джорди версию.

— Ну вот, как сама понимаешь, я почти рад возвращению на работу.

— Как жаль. Та еще стерва, право слово. — На мгновение Тиффани закусила верхнюю губу, а потом добавила: — Ну, я рада, что ты вернулся. Тут без тебя была смертная тоска.

Это ее заявление было таким неожиданным, таким искренним, что у Флина сразу поднялось настроение. Это были самые теплые слова, которые ему говорили за многие годы.

— Спасибо. И отдельное спасибо, что прибралась на моем столе.

Больше никто его особо не расспрашивал об отпуске. Мартина сказала:

— Ничего себе! И как тебе удалось так загореть?

Но она так и не спросила его, как он отдохнул, все ли у него в порядке, и к обеду все уже успели забыть, что он вообще куда-то уезжал.

Еще Флин позвонил в свой банк, чтобы заказать новую карту и договориться забрать из ближайшего к нему филиала тридцать фунтов. Этой суммы обычно на неделю было маловато, но Флин надеялся, что это поможет ему научиться более разумно тратить деньги. К концу рабочего дня он решил еще раз позвонить в свой банк и проверить баланс. Лучше бы он этого не делал. На счету оставалось всего двадцать шесть фунтов и одиннадцать пенни. Если он снимет на пенни больше, то превысит кредит. От этого откровения Флин опять впал в уныние. Оказывается, он потратил почти все свои сбережения, хотя был уверен, что у него в запасе никак не меньше ста фунтов. И как он мог быть таким беспечным? Но, несмотря на столь печальное известие, придется как-то дотянуть до зарплаты, потому что, увы, деньги он печатать не научился.

— Если тебя это хоть как-то утешит, то я тоже на мели, — позже призналась ему

Тиффани.

— Серьезно?

Флин как-то раньше не задумывался, что у кого-то тоже могут быть проблемы с деньгами. Очевидно, Тиффани получала меньше, чем он, потому что была всего лишь помощницей специалиста по рекламе. Он просто думал, что все остальные живут лучше, потому что умеют распоряжаться деньгами. Слушая рассказ Тиффани о том, как ей приходится крутиться, чтобы заработать достаточно денег, он, к своему стыду, повеселел. Что ж, вот он, союз неудачников: она в долгах, потому что мало зарабатывает, а он — потому что неправильно управляет деньгами. Он всегда чувствовал, что выделяется среди своих друзей, что он какой-то не такой, ненормальный. Все они, казалось, легко шагали по жизни, им всегда хватало денег — не важно, получили ли они их в наследство или заработали.

Как назло, в тот вечер Джорди пришел домой вслед за Флином и прямо с порога завел разговор о неоплаченных счетах:

— Нам срочно нужно заплатить за газ, свет и телефон. Вот, посмотри, — протягивая бумаги Флину, сказал он. — Да, уж, если хочешь жить комфортно в новом доме, то придется отдать за это целое состояние.

— Сколько мне нужно заплатить?

— Если не ошибаюсь, твоя доля — сорок восемь фунтов. Нам просто необходимо расплатиться завтра. Извини, что принес тебе таким печальные вести.

У Флина все поплыло перед глазами:

— Проблема в том, старина, что у меня нет столько денег. Осталось всего тридцать шесть фунтов, чтобы протянуть девять дней до зарплаты; десять у меня с собой, наличными. Нельзя подождать, пока придет общая квитанция? Тогда сразу за все и заплатим.

И почему только Джорди всегда такой пунктуальный в подобных вещах, и почему он постоянно тиранит Флина, будто его бедность — это болезнь?

Джорди ухмыльнулся и с сожалением посмотрел на Флина:

— Ладно, не переживай. Я за тебя заплачу, а ты вернешь мне деньги с ближайшей зарплаты. Но, признаться, Флин, ты безнадежен. Я просто отказываюсь понимать, как тебе удается не знать, что там у тебя происходит с балансом.

— Я думал, что знаю, что у меня еще достаточно денег на счете, — промямлил Флин, а потом добавил: — Спасибо, я верну тебе деньги в следующую среду.

— Тебе надо завести блокнот и записывать туда все свои расходы, чтобы ты мог точно знать, на что и сколько денег потратил. Пусть это станет твоей привычкой.

— Да, конечно, постараюсь.

Его друг был прав, да и сам Флин понимал, что Джорди поступил очень благородно, заплатив за него по счетам, но почему-то эта опека его обижала и злила. «Как, должно быть, замечательно, — думал он, — когда у тебя есть столько денег, как у Джорди».

— Может, мне заодно и работу сменить? А что, хороший способ вырваться вперед в нашем состязании, — понуро сказал Флин вслух.

— Не делай глупостей. Я же знаю, ты обожаешь свою работу.

— Да, в целом эта работа мне нравится, но я слишком мало зарабатываю. Сам видишь, никак не могу концы с концами свести. Мне осточертело ходить без гроша в кармане и надеяться, что в случае чего ты мне поможешь.

— Ты будешь жалеть, если бросишь свою работу. Где еще ты сможешь встречаться со

всеми этими кинозвездами, продюсерами и так далее? Может, ты и не зарабатываешь миллионы, но все же у тебя неплохая зарплата, особенно если учесть, что тебе платят за то, что ты смотришь фильмы и посещаешь премьеры. Просто попробуй раз или два в месяц откладывать немного денег.

— Я так и делаю, но потом не выдерживаю и начинаю тратить то, что мне удалось скопить, потому что других денег у меня не осталось. Здорово, конечно, что ты так обо мне печешься, но ты один из тех людей, из-за которых я оказался в таком положении.

— У тебя всегда найдутся отговорки.

— А что я по-твоему чувствую, когда вы с Джессикой идете куда-нибудь повеселиться без меня? Я, наверное, должен быть без ума от счастья, что ты пытаешься мне помочь, но ты, Джорди, понятия не имеешь, что значит постоянно быть без денег.

— Слушай, извини, если я что-то не то сказал. Но зато посмотри, как относятся к тебе люди. Мне не хватает внимания, а ты постоянно в центре событий. У тебя полно хороших друзей, невероятно интересная работа, тебе удалось съездить в отпуск за границу, да и вообще, ты по большей части занимаешься тем, чем тебе хочется. Я понимаю, что поссориться с Поппи — это для тебя страшное несчастье, но на самом деле тебе не на что жаловаться. Тебе просто очень жаль себя, в этом все дело. И не моя вина, что я не такой же бедный, как ты.

Прежде, чем Флин смог ответить, на пороге появилась Джессика.

— Привет, дорогие, можете мне помочь? Вот, решила по дороге с работы пройтись по магазинам.

У дома Джессику дожидалось такси, доверху забитое пакетами из «Теско»^[25], ящиками с пивом, коробками со стиральным порошком, плюс еще огромный мешок картошки. Джорди с Флином покорно выгрузили все покупки из машины и, пока Джессика расплачивалась с водителем, унесли их на кухню. Когда они раскладывали продукты в холодильнике, Джессика появилась на кухне, поцеловала каждого в щеку и сказала, что они задолжали ей по двадцать шесть фунтов.

— Прибавь их к той сумме, что должен вернуть мне с зарплаты, — глядя на убитого горем Флина, сказал Джорди.

— Спасибо, — промямли тот.

Несмотря на великодушие Джорди, Флин просто ненавидел его в такие моменты. Несколько лет назад все было иначе. В школе, а потом в университете всем не хватало денег. Все были в более-менее равном положении. И пусть у Джорди был счет в банке, но всем им приходилось по выходным и на каникулах подрабатывать. При этом, каким-то удивительным образом деньги тогда не были такой уж проблемой — была стипендия, были родители. Иногда даже случалось превышать кредит, чтобы расплатиться с долгами. Но теперь все они сами по себе, и никто друг другу не помогает. Разрыв в уровнях материального положения становился все более очевидным. Почти сразу можно было определить, кто зарабатывал много (все друзья Флина), а кто мало (он сам). На него накатила очередная волна жалости к себе. Но Флин не любил долгое время унывать, а потому он твердо решил изменить свою жизнь к лучшему, и как можно скорее.

Глава 8

Солнечный денек в Ричмонде (и частично в Борхамвуде)

Джорди уже было начал думать, что шеф забыл о его существовании. Но тут, как гром среди ясного неба, Берт вызвал его к себе с планом по улучшению продаж. Джорди как раз работал над ним вместе с Майком — еще одним сотрудником отдела продаж, который поступил на работу в компанию «Эф-Дэ-Ю» незадолго до Джорди. Они с Майком отлично ладили, тот даже пару раз играл в регби вместе с командой Джорди. Майк был единственным человеком во всей конторе, с которым Джорди встречался после работы, а иногда и на выходных за кружкой пива. Майка также одолевала скука, а потому он был как раз тем человеком, которому Джорди мог пожаловаться на свою работу и на Берта:

— Пора вам подключить свои мозги. — Их тайваньский шеф был как всегда прямолинеен. — Хватит просиживать штаны. В ваших интересах, чтобы отчет мне понравился.

Джорди был огорошен, потому что почти разучился хоть сколько-нибудь подключать к работе голову. В конце концов, ему и не надо было: мониторы он мог продавать, даже если откровенно дремал. К тому же на разработку плана Берт дал им всего пару дней. И как усердно Джорди с Майком ни трудились, шеф остался недоволен их работой. Но Джорди неожиданно получил удовольствие от напряженных трудов. В предвкушении встречи с Молли он чувствовал прилив сил.

У него родилась идея связаться с компанией, производящей видеокарты — комплект микросхем, который отвечает за вывод изображения на монитор. Джорди предположил, что если человек захотел улучшить качество графики, то есть изображения, то вполне возможно захочет приобрести и подходящий для вывода качественных изображений монитор. Поэтому он и задумал предложить сотрудничество производителями видеокарт: те будут предлагать покупателям своей продукции приобрести мониторы «Эф-Дэ-Ю» с небольшой скидкой. Таким образом, и эта компания получит преимущество перед конкурентами, и мониторов «Эф-Дэ-Ю» будет продаваться больше. Они с Майком проработали трудный вопрос, как осуществить эту блестящую идею, и восторженно изложили ее Берту.

— Дайте-ка подумать, — протянул он. — Ваша идея похожа на цветок, что расцвел посреди кучи с навозом. Цветок такой красивый, он притягивает взгляды, но посмотришь поближе, а под ним — куча дерьма.

— Хорошо, понятно, — замешкавшись на секунду, сказал Майк. — Вот еще одна идея: мы заключим договор с компанией, производящей видеокарты, по которому человек, купивший и карту, и монитор, получает на них скидку в двадцать пять процентов.

— Опять цветок, и снова на дерьме, — категорически заявил Берт. — Много трудностей и почти никакой отдачи. А вы должны предложить мне такой план, чтобы компания смогла заключить большую сделку и получить большую прибыль. Вот что меня интересует. Реализация этой идеи с производителями видеокарт никогда не принесет нам большой прибыли. Так, мелочь какую-нибудь. Это же розница. Возвращайтесь в кабинет и думайте хорошенько. Может, что и придумаете стоящее.

— Что ж, значит, мы зря потратили время, — пожаловался Джорди Майку, когда они пришли в свой кабинет.

— Н-да, я даже как-то расстроился, — добавил Майк. — Но знаешь, он прав.

Этого от Майка Джорди ну никак не ожидал, поэтому его слова были для Джорди словно звучная пощечина. Но Майк не врал: Берт, конечно, прав. Джорди быстро все обдумал:

— Да, теперь я это тоже понял, — через некоторое время признался он. — Ну, теперь нам надо собраться и придумать что-то такое, что на самом деле его заинтересовало бы, чтобы он просто с ума сошел от нашей невероятной деловой хватки.

Они рассмеялись, но Джорди на самом деле этого очень хотелось. Разрабатывать блестящие маркетинговые стратегии было намного более занятным, чем когда вообще не надо было думать. Джорди работал на Берта не так давно, но уже успел проникнуться к нему уважением за то, чего тот смог добиться. Предпринимательство было у Берта в крови, он построил компанию «Эф-Дэ-Ю», не имея особого капитала, с нуля, мотаясь туда-сюда из Тайваня в Великобританию. И хотя компания все еще была относительно небольшой — там работало всего две дюжины постоянных сотрудников в офисе, расположенном в Борхамвуде, — но у нее были большой годовой оборот, и Джорди полагал, что Берт приносит домой по крайней мере шестизначной величины зарплату. Под тем, что поставило жирный крест на всей его затее, Берт имел в виду, что не стоит тратить драгоценное время ради мелкой поживы. Необходимо использовать свое время по максимуму и отрабатывать деньги, которые он им платил, с наибольшей отдачей. А поэтому придется подумать как следует. Если Джорди намерен начать собственное дело, то ему надо всему этому научиться и неукоснительно следовать.

Вечером, по дороге домой, Джорди понял, что поддался самоуспокоенности. Он был хорошим агентом по продажам, но делал свою работу спустя рукава. С таким отношением его предпринимательские мечты так и останутся просто мечтами. Он не предъявлял к самому себе никаких требований, ни к чему не стремился. Не удивительно, что его жизнь была такой скучной. Он скучал и становился занудой. И именно поэтому никак не мог найти себе девушку. Но Берт помог ему раскрыть глаза. Джорди понял, в чем корень его скуки, и теперь готов был принять вызов шефа. А ведь раньше он не понимал, что Берту в его компании нужны инициативные и энергичные люди. Как раз этого на протяжении последних месяцев ему безумно и не доставало. Шеф не замечал его, потому что он не заслуживал внимания. Успешно продавать мониторы было явно недостаточно.

Джорди также уяснил, что все вышесказанное распространялось и на его попытки покорить сердце Молли, и что уже недалеко то время, когда ему придется пожинать скудные плоды своих никчемных усилий. Это было в пятницу вечером. Впереди очередные выходные. Джорди был убежден, что следующие двадцать четыре часа станут самыми важными в его жизни. Он понимал, что после работы многие отправятся посидеть в паб, но был твердо настроен не тратить этот вечер на пустое чревоугодие и пьянство. Джессика собиралась поужинать с Люси, но Джорди убедил Флина остаться дома, напомнив ему, что на развлечения у того теперь нет денег.

— Отличный выбор, — одобрил Флин, когда увидел пирог, мороженое и банки с пивом, которые принес с собой Джорди. — Я пойду куплю еще сигарет, пока ты сооружаешь пикничок.

— Слушай, я чувствую себя виноватым, если сижу летним вечером дома, — признался Джорди. — А ты?

— А что если пойти в «Ратленд», пропустить по паре кружек? — предложил Флин.

— Неплохая идея, — не раздумывая, согласился Джорди. — Хотя я, вообще-то,

собирался остаться дома и настроиться. Психологически.

— Слушай, не наводи панику. Честно слово, Джорди, мы же просто выпьем немного пива, а я помогу тебе успокоиться.

— Хм, ладно, — решил Джорди.

Ему всегда было трудно отказаться от соблазна провести вечерок в пабе.

— Ну что? Завтра у тебя великий день, — сказал Флин, когда Джорди поставил на стол открытой террасы перед пабом две кружки с пивом.

— Знаешь, мне как-то не по себе, — признался Джорди. — Честно, старина, тем вечером я так ею увлекся, как ни одной девушкой прежде.

— Как же я тебе завидую! Ты почти нашел любовь всей своей жизни, тогда как я распрощался со своей. Да, любит же жизнь пошутить над людьми.

— Слушай, да я видел ее всего один раз в жизни! Может, завтра к концу нашего свидания она решит, что я ей противен. В любом случае, Поппи не была любовью твоей жизни, так что не надо тут мелодрам устраивать. К тому же, все когда-нибудь заканчивается. Любовь в том числе.

— Откуда тебе знать?

— Это правило.

— Значит, по-твоему, если отношения вечными не бывают, так и не стоит из-за них переживать?

— Ага. По крайней мере, в нашем возрасте. Через несколько лет я, например, не хотел бы скакать каждый месяц от одной девушки к другой. Идея длительных отношений мне кажется довольно заманчивой. Но в молодости все по-другому. Можно выбирать из огромного количества окружающих тебя красивых женщин. Намного проще порвать с одной и начать встречаться с другой. Но когда становишься старше, встретить какую-то новую женщину, особенно одинокую женщину, становится чертовски сложно. Я больше не хочу снова и снова заводить новые романы. Да и вообще, кажется, мы договорились, что строим долговечные отношения.

— Вот уж никогда не думал, что подходящая девушка — это девушка на всю жизнь. Ты все это наговорил, потому что втрескался по уши. Не все ведь обязаны следовать примеру Эдди Фассла. Понимаешь?

— Разве я говорил о женитьбе, Флин? Ты утверждаешь, что я втрескался, только потому, что злишься и завидуешь.

Вот так, за разговорами, Джорди и Флин выпили по четыре кружки. А потом пошли домой. Они до сих пор так ничего и не ели, а потому порядком захмелели. Продукты, которые накануне купил Джорди, пришлись кстати, но вместе с едой они стали пить и купленное Джорди пиво. Когда закончился фильм на видео, они были настолько навеселе, что поставили старенькую кассету Флина с фильмом «Витнейл и я» и уселись перед экраном, потягивая виски и выкрикивая любимые строчки диалогов раньше актеров.

Когда наконец Джорди начал подниматься в свою комнату, он осознал, что ему необходимо выпить не меньше литра воды на ночь. Заранее переживая, что от него завтра будет разить алкоголем, он стоял напротив зеркала в ванной и пытался влить в и без того раздувшийся живот как можно больше воды. Как он мог быть таким слабавольным? Заведя часы на девять тридцать утра, он плюхнулся поверх своего пухового одеяла и попытался заснуть, молясь, чтобы завтра утром у него была ясная голова и более-менее нормальное дыхание.

Когда, наконец, наступило утро следующего дня, ничто на свете не могло заставить Джорди замешкаться и опоздать. Хотя место, где он должен был встретиться с Молли, было всего в нескольких милях, он вышел из дома в десять часов. В субботу утром на улице всегда было немного машин, так что пробки ему не грозили. В итоге через сорок пять минут Джорди успел не только добраться до Ричмонда, но и припарковать машину и дойти до вокзала. Сообразив, что несколько поторопился и у него еще полно времени, он пошел в «Макдоналдс» и заказал себе «мак-маффин» с сосиской и яйцом и чашку кофе и попытался расслабиться. Он очень надеялся, что Молли придет вовремя. Джессика, например, постоянно опаздывала, и Джорди всегда позволял себе раздражаться по этому поводу.

Жуя «мак-маффин», Джорди успел прочитать в газете «Сан»^[26], что у одного мужика из «Гладиаторов»^[27] была интрижка с замужней женщиной, которая, к пущим восторгам читателей, открыто призналась, что этот сильный, здоровенный мужик оказался, не в пример ее муже, чувственным и страстным любовником. Джорди считал, что этот гладиатор похож на дикое животное, и его облик никак не вязался с нежностью и лаской. Что, интересно, делает человека хорошим или плохим любовником? Джорди начал раздумывать, является ли он сам нежным и страстным. Как любой подросток, он, что скрывать, просмотрел и прочитал свою долю порнографических фильмов и журналов, но понимал, что не делал и половины того, что там в них вытворяли все эти мужчины и женщины. Интересно, это нормально? Может, ему начать пользоваться всякими приспособлениями для занятий сексом? Правда, никто из его друзей ими вроде не пользовался. Во всяком случае, поклялся Джорди самому себе, если удастся уговорить Молли, он все будет делать очень медленно и не станет в приступе любовной горячки срывать с нее одежду. Он был почти уверен, что таким женщинам, как Молли, нравятся ласковые мужчины, а не дикие звери, которых только что выпустили из клетки. Мужчины, которые особое внимание уделяют предварительным ласкам, а не всаживают, как автомат, по двадцать раз в наносекунду.

Надо было как-то скоротать еще целый час, а потому Джорди решил, что неплохо бы прогуляться по городу. Неторопливо двигаясь по Джордж-стрит, он понял, что это царство с населяющими его эльфами было не совсем таким, как он себе представлял. Отправляясь на прогулку, он думал, что Ричмонд — романтическое место. Он ошибся, но все же прогулку не прекратил, а дошел до конца улицы и остановился у дверей книжного магазина «Уотерстоун». В порыве воодушевления Джорди решил зайти и купить путеводитель по Ричмонду, который подскажет ему несколько идей. Путеводитель, посвященный только Ричмонду, удалось найти не сразу. Он просмотрел несколько полок, на которых стояли детальные путеводители по Лондону, пока вдруг книга с пешими маршрутами по Ричмонду буквально не свалилась на него с полки.

— Отлично, — громко сказал он и заторопился к кассе расплатиться. Быстро просмотрев содержимое, он понял, что это подходит ему просто идеально. В книге рассказывалось о каком-то королевском дворце, и он поспешил в указанном направлении в поисках достопримечательности. К тому времени, когда он оказался на Ричмондском холме, заглядывая в витрины бесчисленных антикварных лавок и ювелирных магазинов, он был рад, что так рано приехал в Ричмонд и так много увидел. Время встречи с Молли приближалось, а потому он двинулся назад к вокзалу, снова раздумывая, придет ли она вовремя.

Она пришла заранее. Подходя к вокзалу, он увидел ее у главного входа. Джорди был вне себя от радости. Он так долго ждал этой встречи. «Ну, что ж, приступим», — сказал он себе,

и в этот момент Молли его заметила и лучезарно улыбнулась.

— Привет, нормально доехала? — спросил Джорди, легко целуя ее в щеку. — Надеюсь, дорога до сюда тебя не слишком утомила.

— Привет! Вообще-то я ехала сюда на поезде всего тридцать минут, так что не особенно устала. Ну, куда мы отправимся?

— Ты знала, что здесь есть дворец?.

— Нет.

— Так вот, он тут совсем неподалеку. Я наткнулся на эту великолепную книгу в «Уотерстоуне».

На самом деле Джорди спрятал книгу в задний карман, потому что не хотел показывать ее Молли, собираясь поразить ее якобы собственными познаниями Ричмонда. И что за процессы происходят в мозгу, из-за которых человек постоянно совершает неконтролируемые действия, и принимает такие поспешные решения, не отдавая себе в том отчета? Он показал ей путеводитель:

— Смотри, вот тут пешеходная прогулка по Ричмонду. Просто нужно следовать указаниям и увидишь все, что есть интересного в городе. Я подумал, что мы могли бы пойти осмотреть некоторые достопримечательности.

— Не знаю, как ты, но я считаю, что мы должны посмотреть все. Думаю, это будет весело.

— Отлично, — энергично сказал Джорди. — Начинаем наше путешествие, а когда нагуляем аппетит, пойдем куда-нибудь перекусить, а потом снова гулять.

— Здорово, хотя, честно признаться, я уже успела порядком проголодаться, так что с ланчем лучше не затягивать.

Джорди был на седьмом небе от счастья. Она не только вовремя пришла, но еще и выглядела так же сногшибательно, как в тот вечер, когда они познакомились, а еще с удовольствием согласилась, следуя маршруту путеводителя, прогуляться по Ричмонду. Он и представить не мог, чтобы Джессика сделала что-то подобное. Она только и могла, что ходить из магазина в магазин и примерять бесчисленное количество разных платьев и костюмов.

— Хорошо, откуда начнем? Ты будешь заведовать книгой и направлять нас.

— Давай сюда, — улыбаясь и указывая в направлении Ричмонд-Грин, сказал Джорди.

Единственное в округе кафе было переполнено. Воздух пропитался сигаретным дымом, запахом пива и заправок для салатов. Но им все же удалось найти крошечный столик в дальнем конце зала. Молли сдвинула на макушку свои большие солнцезащитные очки а ля Одри Хепберн, приподняв тем самым волосы. Джорди никак не мог оторвать взгляд от невероятной голубизны глаз своей спутницы. Она взяла его за руку и сказала:

— Джорди, это отличный день. Спасибо тебе.

— Это тебе спасибо. Здорово, правда, когда все самые интересные места отмечены на карте? Это прямо как настоящая экскурсия, ты сам себе гид и никакой толпы туристов вокруг. Что будешь есть?

— С удовольствием съела бы что-нибудь вроде гамбургера или большого сэндвича и картофель фри. Я голодна как волк.

«Она такая красивая, — думал Джорди. — Я просто обязан сделать все, чтобы она стала моей девушкой. Просто обязан. Пожалуйста, Боженька, помоги мне», — взмолился он, но

потом вспомнил, что был атеистом.

— Никогда раньше не занималась осмотром достопримечательностей, — заявила Молли. — Я вот уже четвертый год в Лондоне и все еще как следует не знаю, что где располагается. Мне всегда казалось, что улицы Лондона распланированы в виде концентрических кругов от станций метро. Несколько улиц вокруг станции метро «Энджел», несколько — вокруг Пиккадилли-Серкус^[28] и вокруг Лестер-Сквер^[29]. Я понятия не имела, как все они друг с другом связываются. Это все из-за того, что мне постоянно приходится ездить на метро. Поэтому здорово, что ты вытащил меня сюда и мы прошлись пешком. Я увидела много достопримечательностей.

— Секрет в том, чтобы время от времени ходить пешком и при любом удобном случае пользоваться автобусом, — поделился с ней опытом Джорди.

— Наверное, ты прав.

— Когда я только переехал сюда, — продолжил он, — то работал в брачном агентстве и занимался тем, что проводил на улицах разные опросы. Так что я быстро сориентировался, что к чему в городе.

— Ну, ты даешь! Уличные опросы.

— Знаю-знаю, — рассмеялся Джорди. — Ночной кошмар, а не работа. Я должен был останавливать на улицах людей и спрашивать, состоят ли они в браке, и если нет, то не хотели бы они воспользоваться услугами нашего агентства. Но основной задачей было выпросить у них номер телефона. Врагу такой работы не пожелаешь. Меня хватило всего на неделю с небольшим.

— Наверно, это так неловко.

— Да уж. Но мне удивительным образом удалось собрать кучу номеров. Я бы сам и за миллион долларов не согласился дать номер своего телефона какому-то идиоту с улицы, разгуливающему с папкой в руках. Каждое утро меня отправляли в какой-либо из районов города, по которому надо было шататься и умолять ничего не подозревающих граждан дать свой телефонный номер. Эта работа помогла мне быстро разобраться, как располагаются улицы в центре Лондона, но я постарался как можно быстрее от нее избавиться. Потом я продавал рекламные площади. Довольно неудачное начало карьеры в Лондоне.

— Ну, а мне до приезда в Лондон пришлось поработать в провинции. Ты представить не можешь, какая это тоска, таскаться по всем «Бутсам»^[30] в Западном Мидленде и пытаться всучить им разные кремы для лица. Я даже работала на одной из станций техобслуживания, что располагаются вдоль автострады. Меня хватило на два дня.

— Это почти также ужасно, как шататься с папкой по улицам.

Они никак не могли наговориться. Молли рассказала ему о своем детстве на Шри-Ланке, о своей семье. Она обожала своих старших братьев и хотела бы почаще с ними встречаться. Один из них все еще жил в Лондоне, а второй перебрался куда-то в предместья Бата^[31] и у него был сын. Ее родители на тот момент жили в небольшом городке рядом с Элддели-Эдж в графстве Чешир. Ей нравились семейные рождественские вечеринки, потому что только на Рождество, не считая свадеб и крестин, вся семья собиралась вместе. Джорди рассказал, что тоже любит, когда все родные собираются вместе. Что у него есть старший брат, который служит в армии и на данный момент находится в Боснии. Но родители их живут не так далеко от Лондона, поэтому при любом удобном случае Джорди старается навестить их. Несмотря на то, что сам он перебрался в Лондон, своим домом он считает Уилтшир, и всякий раз, когда по пути в родной город видит шпиль собора, на него снисходит

умиротворение.

— Я люблю там бывать, и у нас с родителями очень хорошие отношения, но самое главное — моя матушка меня всегда отменно кормит. Хотя, конечно, это не так уж и важно. Помню, как было весело, когда Флин, Джессика и еще куча наших друзей жили там. Мы так здорово проводили время, когда росли. У меня было очень счастливое детство. До сих пор все мы собираемся в местных пабах на Рождество и на День рождественских подарков^[32], но все это уже не то, не так, как раньше.

Выражение лица Молли переменялось, и теперь она выглядела какой-то печально задумчивой:

— Как грустно, да? Ведь родители долгие годы являются самой важной частью твоей жизни. Они заботятся о тебе, кормят, помогают решать проблемы, терпят твое дурное настроение и переходный возраст и безгранично тебя любят. Но однажды ты собираешь вещи и уходишь от них, хотя им казалось, что ты останешься с ними навечно. Когда я возвращаюсь домой, то не чувствую, что моя комната осталась моей. В ней больше нет моих вещей, а на их местах стоят какие-то картины, всякие безделушки, и там всегда слишком чисто. Если мне нужно позвонить, то я спрашиваю разрешения, потому что не хочу обижать родителей.

Последнее высказывание задело Джорди. Он почувствовал себя виноватым, потому ему уже больше не хотелось звонить родителям, по крайней мере, дважды в неделю, как он это делал раньше. Путешествуя, он отвык от этого. Находясь такое длительное время вдали от дома, он неизбежно потерял связь с родителями, теперь они уже не были ему близки так, как прежде. До своего кругосветного путешествия он все еще жил с родителями и зависел от них. Но когда он вернулся, с этим было покончено. Он заявил, что будет жить самостоятельно, и полетел из родительского гнездышка на волю. Все его друзья тоже ушли из дома. Снова взглянув на Молли, Джорди понял, что ни с кем и никогда раньше этого не обсуждал. А с ней было так легко разговаривать. Когда он говорил, Молли очень внимательно слушала, как будто никто и никогда не говорил ей ничего более важного. Джорди открывал в ней все новые и новые качества, которые ему нравились. Или которые он уже любил.

Они бродили по Ричмондским холмам, когда Молли настояла, чтобы они заглянули в одну из антикварных лавок. Даже это не казалось ему скучным, потому что он радовался возможности лучше узнать Молли и ее вкусы. Они обменивались впечатлениями от старинных платьев, антикварных кроватей кованого железа и мастерски покрытых лаком буфетов. Раньше это мало занимало Джорди. В доме его родителей была хорошая мебель, много картин и других предметов искусства, но для него они оставались просто домашней обстановкой и ничем иным. Разглядывая разные вещи, он внезапно осознал, что некоторые из них ему очень нравятся, а другие не нравятся вовсе — в зависимости от того, напоминают ли они по стилю что-либо из обстановки его отчего дома.

— Боюсь показаться невежей, но это просто ужасно, — заявила Молли, рассматривая большой светло-желтый комод искусной работы.

— Это ужасно, и точка. По мне, так это настоящая дрянь! — Джорди вперился взглядом в комод.

— Он обречен.

— Извини, но мне кажется, надо быть полным кретином, чтобы тратить кучу денег на кучу дров, которая того и гляди развалится.

Молли рассмеялась, и они пошли через зал к массивному зеркалу, обрамленному позолоченной, украшенной витиеватым узором рамой. Разглядывая его чуть издалека, Молли вдруг заметила, как Джорди на нее смотрит. Какое-то время они стояли молча, уставившись друг на друга. Потом Молли улыбнулась и спросила:

— Ну что, продолжим?^[33]

Второй важный для Джорди эпизод произошел, когда они были в саду у Хам-Хауса. Когда они прогуливались между живыми изгородями сада, вдыхая ароматы и наслаждаясь звуками лета, Молли взяла его за руку.

— Мне больше нравится в саду, чем в доме, а тебе? — спросила Молли. И, не дождавшись, пока он ответит, она продолжила: — Когда я стану старше, у меня обязательно будет большой сад. Я думаю, что любой сад — это хорошо. Но если это сад у загородного дома, то это просто великолепно.

— Сад, огороженный забором, с теннисным кортом, бассейном и розовыми клумбами.

— Розы? Не представляю тебя в роли тонко чувствующего ценителя роз.

— Просто они хорошо смотрятся, и мне нравится их запах. И вообще, розовый сад — это так по-английски. При виде роз я всегда вспоминаю летние вечеринки в саду и городские праздники, на которых я бывал еще подростком.

— Должна признаться, в Шри-Ланке все было по-другому, — сжала она его руку и добавила: — Но это еще одна причина, по которой мне обязательно надо завести сад, когда я стану старше.

Джорди улыбнулся ей и шутливым голосом спросил:

— Как тебе кажется, ты бы стала сама ухаживать за своим садом или попросила кого-нибудь позаботиться об этом?

— Нет, я бы сама за ним ухаживала, ходила бы со всякими ведрами там, секаторами. Уверена, у меня получится. Я способная.

Они зашли в маленькую, выкрашенную белой краской деревянную беседку и сели на скамейку.

— Когда мне было двенадцать, лучше садоводства для меня дела не было, — начал вслух размышлять Джорди. — Ума не приложу, почему. Я без конца подстригал какие-то деревья и кусты, выращивал авокадо из косточки. Вообще, это было что-то вроде жажды. Но скоро я ее утолил, мне все это наскучило, и все мои растения погибли. От них осталась только что куча тоненьких пластиковых горшочков с сохшейся землей и безжизненные желтые стебли. Разве это не грустно?

Он засмеялся, а потом заметил, что Молли снова пристально на него смотрит и так же внимательно слушает. Что это? Она медленно наклоняет к нему голову? Он понимал, к чему все это, но все же отчего-то боялся ошибиться. Он так волновался, что может совершить непростительную ошибку именно тогда, когда все так хорошо складывается, что быстро встал.

— Ну что? Попьем чаю с кексом, — решив подменить любовное удовлетворение удовлетворением желудка, объявил он. После его поспешных действий атмосфера близости и доверия, такая плотная, что до нее, казалось, можно было дотронуться руками, улетучилась.

— Ты свободна сегодня вечером? — спросил Джорди, когда они поднимались обратно к вершине холма.

— Джорди, мне бы очень хотелось, честно-честно, но я уже пообещала прийти на ужин.

Очень жаль.

— Ничего, не беспокойся, — как только мог весело ответил Джорди.

— Этот день был просто великолепным. Никогда я еще не получала столько удовольствия за раз.

— Я тоже отлично провел время. Но могу я, по крайней мере, довезти тебя до дома?

— Нет, не могу тебе позволить. Ну правда, я живу слишком далеко от твоего дома. Не волнуйся, я быстро доеду на поезде.

— Уверена? Мне ведь не трудно.

— Да, вполне. Все в порядке, я доеду на поезде.

— Тогда соглашайся со мной пообедать на следующей неделе. — Джорди понимал, что ведет себя так, словно он в полном отчаянии. А ведь он не хотел слишком уж на нее наседать.

— С удовольствием. Я тебе позвоню, договорились?

Если Джорди с утра и раздумывал о том, что влюблен, то теперь, вернувшись домой, он был на сто процентов в этом уверен. Вот она — девушка его мечты, и, кажется, он ей тоже нравился. Никаких сомнений. Если бы только он смог ее убедить пойти с ним поужинать, то все было бы совсем отлично. Вместе они бы уже никогда не вспоминали о прошлом, уж это точно. Никогда? Он мог представить себе, что отношения с ней могут продлиться дольше предыдущих и в сущности ничемных отношений с другими девушками. Сев на диван и открыв бутылку с пивом, Джорди вдруг подумал, что они живут в доме, в котором нет и следа хорошего вкуса или стиля. Пластиковый электрический камин выглядел совершенным убожеством, шторы покрывал нелепый, отталкивающий цветочный рисунок. Столам и креслам сильно недоставало изящества. Но это как-то не особо заботило его раньше. Комнаты были прокуренными, воздух спертым. Он вдруг понял, что хочет большего, чем просто отремонтированный студенческий дом. В этот день Джорди понял, что готов немного измениться.

Уже пять лет подряд в одни из выходных дней июля Саймон Стрингер организовывал чемпионат по крикету на землях своей семьи в Лэшеме. Земли, купленные его отцом тридцать лет назад, были идиллическими. Дом стоял прямо в открытом поле и с одной стороны был отгорожен от него кованой изгородью. С другой стороны дома была роща из падубов и каштанов. На стороне Саймона и его команды «Смеющиеся Кавалеры» по традиции играл Томми. Их команда сложилась еще в университете, и с той поры им удавалось не терять друг с другом связь. На протяжении лета они участвовали в нескольких играх. Но поскольку они больше не совершали объездов земельных владений и не придавали большого значения выпивке и завоеванию приза, их ежегодное состязание в Лэшеме и следующая за ним вечеринка были всего лишь удобным случаем для «Смеющихся Кавалеров» вернуться в свои золотые, беззаботные, полные удовольствий деньки. Летнее состязание было самым трудным, потому что против команды Саймона выступала команда его двоюродного брата Гая. В выходные, когда Саймон устраивал чемпионат, выдавалась неизменно отличная погода. За пять лет на небе не возникло даже намека на облака.

Флин убедил своего приятеля Джоша заехать за ним и подбросить его до Лэшема. Флин с равным успехом мог заниматься практически любым спортом, но к крикету он испытывал особую любовь. Они с Джошем были членами «Смеющихся Кавалеров» с самого основания команды и еще ни разу не пропустили чемпионат в Лэшеме. Около полудня в субботу Флин услышал, как гул мотора автомобиля Джоша сливается со звуками песни, раздающейся из салона автомобиля. Джош вырисовывал в воздухе круги зажженной сигаретой и во весь голос подпевал:

— На-на-на, простые люди шагают на-на вместе с простыми людьми...

— Как жизнь, Джош? — забросив сумку в багажник и запрыгивая на пассажирское сиденье, поинтересовался Флин.

— Никакого напряжения, сплошные удовольствия, — ответил Джош.

Колеса привычно взвизгнули, запахло жженой резиной, когда он резко развернулся и отъехал от дома. Каким бы непостоянным ни был Джош, Флин всегда считал его одним из ближайших друзей. Они вместе снимали жилье, когда учились на последнем курсе университета. Это совместное проживание многому Флина научило. Джош был неприлично богат, и его блестящий зеленый гоночный автомобиль был только одним из признаков его богатства. Обычно Флин ставил между счастьем и деньгами знак равенства. Если бы у него был миллион, он был бы счастливейшим из всех людей. Но Джош, по его мнению, был исключением из этого правила. Младший сын старинного шотландского рода, Джош был человеком, у которого настроение менялось с катастрофической быстротой. В одну минуту сладостнее жизни для него ничего не было, но уже в следующую — жизнь ему казалась мукой мученической. Когда Джошу было пятнадцать лет, умер его отец, а через полгода после этого его средний брат покончил жизнь самоубийством. Мать Джоша, раздавленная горем, начала пить. Поэтому все, что Джош с того времени делал, было лишь предлогом оставаться как можно дальше от матери, безутешной, страдающей от одиночества алкоголички. Почти круглые сутки она бывала пьяна и в подпитии обвиняла всех и вся, но только не себя, в той трагедии, что произошла в ее жизни. До того, как Флин с Джошем

стали жить в одном доме, Флин знать ничего обо всем этом не знал. Он знал только того Джоша, что был сердечным другом, заводилой и душой компании. Он пил больше всех и поражал всех своими смелыми выходками. Флин думал, просто такой у Джоша характер, но на самом деле Джош просто хотел привлечь к себе внимание. Когда они стали жить под одной крышей, Флин понял, что жизни его друга был нанесен тяжелый удар трагедией, которая произошла в его семье, и его душевное состояние здоровье было необратимо подорвано. На вечеринках он неизменно был живым и веселым, но от одного телефонного звонка матери он мгновенно менялся. Не раз бывало, что он бросал трубку, хлопал входной дверью и пропадал куда-то до самого утра.

Тем не менее в последнее время он выглядел намного более счастливым. Он купил себе небольшой, необычной архитектуры дом, построенный на месте бывших конюшен в Челси^[34] и гоночный автомобиль. Вот уже год он работал на дому менеджером по персоналу. Обычно он так долго ни на одной работе не задерживался.

— Не могу же я уволить сам себя, сечешь? — пояснил он Флину.

Когда они удалялись от Баронс-Курт, Джош заговорил о сегодняшней игре.

— Я собираюсь набрать целую кучу очков, — заявил он. — Я в отличной форме. Ладно, состязание покажет, кто сможет выбить шестерку^[35].

— И что же ты рассчитываешь получить в награду?

— Всеобщее уважение. — Джош дал Флину легкий подзатыльник. — Соберись, Флин, нам нужна шестерка. Уверен, ты сможешь, Великий Человек.

— Хорошо, я готов! — воскликнул Флин.

Джош радостно завопил и вскинул кулак:

— Скажу тебе, я просто без ума от этой игры! А Лэшем — это просто крикетный рай.

«Поразительно, как быстро пролетело субботнее утро», — подумала Джессика. Сейчас был только час дня, а она уже успела встать, принять ванну, позавтракать тостами, решить, что надеть, доехать до Люси и удостовериться, что та готова к выходу. Люси предложила ей зайти. Они выпили вина, покурили, обсудили последние новости. Джессика не удивлялась, что все рванули прочь из Лондона, — стоял прекрасный денек. Но ей показалось несправедливым, что все эти люди решили отправиться в то же самое время, что и они с Люси. Ну, по крайней мере, подруга была с ней. Люси всю жизнь прожила в Лондоне и, казалось, знала все возможные объездные пути, экономя порядочно времени на дороге.

— Люси, дай прикурить, — попросила Джессика, вставляя в магнитоу кассету. Они провели первую часть поездки почти без разговоров: вместо этого они совершенствовали свои вокальные навыки, подпевая песням группы «АББА». Пока они медленно кружили по улицам Лондона, Джессика подмечала все рекламные щиты и растяжки, которые им встречались на пути. В конце концов, такая у нее была работа — замечать. Вся эта реклама заманивает, привлекает и искушает доверчивых прохожих. Вот высокая, похожая на серу девушка в одном шелковом нижнем белье замерла на месте и с притворной скромностью смотрит на них, а за ней выстроилась еще целая вереница рекламных щитов. На следующем запечатлен лучший полноприводной автомобиль. А дальше мелькают картины праздников, представлены машины, одежда, косметика, музыкальные альбомы — все они так и умоляют прохожих потратить деньги и превысить свой лимит по кредитной карте.

Джессика решила рассказать Люси о Томми.

— Мне казалось, ты хочешь по-настоящему влюбиться, — без обиняков заявила

Люси. — А этот Томми, на мой взгляд, не совсем подходящая кандидатура.

— Ну, возможно, ты права, — признала Джессика. — Я просто решила с ним немного пофлиртовать.

— Но, Джес, вы же давно с ним знакомы, и ты прекрасно знаешь, что его интересует в жизни только регби. С чего вдруг после стольких лет знакомства ты им заинтересовалась?

— Возможно, я всегда им интересовалась, — ответила Джессика.

И почему только эта Люси всегда ее критикует? Люси промолчала.

— Что? — недовольно буркнула Джессика.

— Да ничего, просто ты, по-моему, свихнулась.

— Слушай, но ведь он такой очаровашка, я всегда считала его симпатичным. И в последний раз он был со мной таким внимательным, таким увлеченным. А еще у нас полно общих друзей, поэтому нам легко встречаться и встречи проходят весело.

Люси вздохнула:

— Джес, то, что у вас есть общие друзья, еще не значит, что вы должны встречаться. Хочешь, предскажу тебе с ним будущее: ты будешь просто играть с ним, и он в тебя втрескается по уши и вскоре тебе наскучит. Тут и конец сказке.

— Люси, не будь такой жестокой. Томми такой милый, и, как бы то ни было, может, со временем и я полюблю его. Может, я просто пытаюсь с ним сблизиться. И вообще, я просто не из тех людей, что могут безумно влюбиться.

— Ерунда.

Какое-то время они сидели молча, но потом Джессика добавила:

— В любом случае, я еще в отношении Томми ничего окончательно не решила.

Люси улыбнулась:

— Могу поспорить, что ты пропустишь пару стаканчиков и к вечеру будешь с ним целоваться.

Она, наверное, была права. Со всех сторон права.

— Ничего тебе не могу на это ответить, — криво усмехаясь и прекращая все обсуждения, сказала Джессика и попыталась перейти к другой теме: — А как ты сама?

— Я-то? А что я?

— Ну, как дела у вас с Дэйвом?

— Да как обычно. Все так же нормально.

— Но, помнится, ты говорила, что он подумывает уйти из армии, чтобы вернуться сюда и жить с тобой, — сказала Джессика, понимая, что задела Люси за живое.

— Ну, похоже, он скоро должен пойти на повышение, поэтому пока решил остаться.

— Не может быть, Люси!

— Ну а что я могу сделать? Это его карьера, не моя. Я же не могу принудить его уйти из армии.

— Ладно, может, ты и не в силах его заставить уйти из армии, но сколько, черт возьми, он собирается торчать в Германии? Я это к тому, что вы почти не видите. Ведь так? А если он и приезжает сюда, то сразу бежит к этим своим друзьям. По-моему, ты сама себя пытаешься обмануть, вот в чем все дело. И даже если он уедет из Германии, его обязательно зашлют еще куда-нибудь, на сотни километров от тебя. Сомневаюсь, чтобы его отправили именно в Лондон. Так ведь?

— Господи, Джессика, только твоих проповедей мне еще не хватало. А я была уверена, что Дэйв тебе нравится.

— Да, Дэйв мне нравится. Я просто не думаю, что на тебя очень уж благотворно влияет то, что ты встречаешься с ним один-два раза в месяц, и все эти встречи происходят при несметном количестве других людей. Вы так давно встречаетесь, что ваши отношения уже должны были привести к чему-то большему на данный момент.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что ты — роскошная девушка, дорогая, и мне не кажется справедливым, что у тебя есть приятель только два дня в месяц. Если он занят своей карьерой — отлично. Но тогда ему следует быть готовым к тому, что в твоей жизни может появиться кто-то другой.

— Но ведь я люблю его. Разве это ничего не значит? Разве это не результат наших отношений?

— Я тебя умоляю, Люси. Вы с ним недостаточно часто видите, чтобы ты могла его полюбить. Мне кажется, что ты любишь свои воспоминания об отношениях, которые между вами были, пока он не свалил. Это какие-то фальшивые отношения, которые основаны на памяти о прошлом! — Джессика была довольна своими высказываниями, особенно последним, хотя заметила, что это больно задело Люси.

— Жаль, что ты никогда не встречалась с Флином, — пытаюсь как-то приободрить подругу, продолжила Джессика после паузы.

— Ага, Джес, теперь еще и это, — уничижительно сказала Люси.

— Нет, честное слово. У вас с ним много общего.

— Джессика, между мной и Флином ничего не может быть, никогда. Уж в чем в чем, а в этом я могу заверить тебя на сто процентов.

— А почему бы и нет? Он ведь симпатичный, да и тебе нравится.

— Но, Джес, он совершенно мне не нравится, — возразила ей Люси, а потом сказала: — Почему бы тебе не начать встречаться с Флином?

— Мне?!

— Тебе-тебе. Ты же сама только что сказала: «Он довольно высокий, симпатичный. И тебе нравится».

— Но Флин — мой друг, я не могу с ним встречаться. Как бы то ни было, мы с ним встречались, когда нам было по семнадцать, и если у нас тогда с ним ничего не получилось, почему должно получиться сейчас? — Джессика посмотрела на Люси. — К тому же он не может меня содержать.

— Джессика, ты иногда такое скажешь, что уши вянут, — притворяясь до крайности возмущенной, воскликнула Люси.

— Ну, он мне нравится как друг, но если мне постоянно придется платить за свой ужин, то ничего, кроме раздражения, это мне не принесет. А вообще-то, речь сейчас не обо мне. Мы же говорим о тебе, и с этого момента я беру на себя обязательство найти подходящую замену Дэйву.

Игроки переодевались в небольшом деревянном павильоне в Лэшеме. Томми с Джимом тщательно просматривали содержимое сумок, пытаюсь удостовериться, что не забыли ничего из снаряжения. Робби спрашивал, нет ли у кого лишнего носка. Здесь были также Джонни, Эдди и Гарри, с которыми Флин прежде никогда не встречался, но все они, казалось, знали друг друга. Лучи солнечного света сочились сквозь окна, высвечивая миллионы крошечных взвешенных в воздухе пылинок. В павильоне пахло сеном, пылью и плесенью, на стенах еще

с шестидесятых годов сохранились плохие фотографии деревенских команд. Флину нравилось разглядывать выстроившихся рядами людей, особенно рассматривать участников команд с 1972 по 1980 год, их перекошенные лица, пышные усы и вычурные прически. И как кто-то мог думать, что это отлично выглядит?

На тренировке первые мячи в это день довольно легко взяла команда Гая, умело расставляя игроков и позволяя «Кавалерам» отбивать мяч первыми. На траве рядом с павильоном постелили коврики, и Томми с другими парнями перебрасывались мячом для регби. Некоторые участники команды Гая практиковались ловить мяч, пока медленно двигались к центру площадки. Джош напутствовал Томми и пытался помочь ему с обмундированием, а Флин вышел из павильона, чтобы поболтать с Джимом и Кейти Симонс, которые уже успели расстелить перед собой целую кучу газет. Они отлично устроились. По чистому ясному небосводу плыло одинокое белое облачко. Легкий теплый бриз поднимал уголки газеты, на которой сидела Кейти. В дальнем конце площадки, царствуя в истинно английском пейзаже, что разворачивался вокруг, располагался главный дом поместья.

— Всем добрый день, — заливался соловьем Стрингер-старший, оправляя свою форму судьи и чуть опуская поля поношенной панамы. — Снова выдался чудесный денек.

— Да, просто превосходный, — согласился Флин.

— Ха. Ладно. Удачи, — дружелюбно напутствовал Стрингер и потопал на площадку, чтобы занять свою позицию позади столбиков.

Томми к тому времени уже надел наколенники и налокотники и ждал, чтобы открыть очередной иннинг^[36] с другом Саймона, которого звали Чарли. Флин был с ним почти не знаком.

— Ну, а Джессика собирается приехать? — спросил Томми Флина.

— Думаю, да. Она собиралась заскочить по пути за Люси. Уверен, она скоро заявится, чтобы посмотреть твоё выступление.

— Значит, наш Томми запал на Джессику? — поддел Джош. — А она милашка, Томми!

— Парни, отвалите, — сказал Томми, взмахивая в воздухе битой так, словно отбивал множество летящих друг за другом воображаемых мячей.

— Думаю, вам пора на площадку, — сказал Саймон, и оба заняли свои позиции под еле слышные звуки аплодисментов.

Томми все еще был где-то в центре площадки и продолжал игру, когда, наконец, приехали Джессика и Люси и присоединились к группе людей, собравшейся перед павильоном:

— Привет, дорогой, — сказала Джессика Флину. — Ты уже нашибал кучу бревнышек, или как там они называются?

— Привет. Нет, дорогая, мы — бэтсмены, отбивающие, да и вообще игра началась всего около получаса назад. Я еще не играл, просто лежу здесь и наслаждаюсь видами.

— Да, денек чудный. А я вот хочу открыть бутылку вина и хорошенько напиться, и пусть солнышко на меня так же приветливо светит. А где Томми?

Все от удивления приподняли брови и ухмыльнулись.

— Я сказала что-то смешное? — рассеянно поинтересовалась Джессика, пытаясь что-то найти в сумке.

— Джес, не думаю, что для кого-то осталось незамеченным, как Томми проявил свои намерения, — прямо заявила ей Люси.

— Да, пока мы тут треплемся, он храбро вступает в игру, пытаюсь нас всех впечатлить, — добавил Джош.

— Ладно, но я все равно думаю, что с его стороны это какое-то занудство. Я бы предпочла, чтобы он стоял здесь и болтал со мной. Меня как-то мало волнует его полевой героизм.

В этот момент из игры вышел Чарли, поэтому Джошу пора было на поле. Он подскочил и понесся вдоль разметки, нелепо раскинув руки в стороны.

В первый раз Джошу удалось отбить мяч на шестерку, но во второй раз он просто пропустил его, так что шансов сыграть великий иннинг, как он перед этим похвалялся, осталось немного. После каждого нелепого выпада Джош поворачивался в поисках поддержки к зрителям, которые стояли у павильона. Те выражали ему шумное одобрение, но друг другу тихо замечали «совсем свихнулся» или «это безнадежно». Наконец, после особенно неудачного удара, Джошу пришлось уступить свое место на поле. Он неторопливым шагом побрел назад к павильону, утирая раскрасневшееся лицо.

— Я решил, что Томми выглядит таким уверенным и полным решимости, что пора ему дать шанс помахать битой, — заявил Джош, бросая свою битку.

— Твоя щедрость просто поразительна, — с издевкой сказал Саймон.

Иннинги продолжались в уже в более спокойном темпе. Бэтсмены вступали и выходили из игры. Какое-то время в игре был Саймон, он работал со всей ответственностью, как приличествовало капитану команды, прежде чем пасть под натиском мяча. Потом Томми достиг пятидесяти ярдов. Все поощряли его одобрительными восклицаниями и призывали продолжать — все, кроме Джессики, которая безразлично бросила: «Перебежка в пятьдесят ярдов не кажется мне чем-то из ряда вон». Так как Джош выбыл из игры, на поле появился Флин. Он занял свою позицию, внимательно осматривая поле противника и готовясь отбить первый мяч. Флин мог с уверенностью сказать, что этот боулер^[37] был австралийским спортсменом, который незаконно участвовал в игре и которого Гай специально привез сюда: он был более здоровым и более атлетически сложенным, нежели кто-либо из присутствующих, и он был единственным игроком на поле, на котором красовалась футболка с логотипом спонсора. Через мгновение он запустил первый мяч с огромной скоростью, что застало Флина врасплох. «Ну, давай же, сосредоточься», — бормотал он себе под нос. Он хотел набрать много очков, время на его стороне — чудесный день и отличное для сражения поле.

Но где-то в душе Флина шла битва с Джошем, и по каким-то причинам его желание выбить как можно больше шестерок взяло под контроль часть его мозга, принуждая его быть внимательным и хладнокровным. Когда австралиец послал вторую подачу, Флин отбил ее, и мяч полетел назад над головой изумленного боулера и приземлился в десяти ярдах от кованой ограды в пшеничном поле. Все замерли в молчаливом восторге, особенно не верящий своим глазам австралиец, а потом Флин услышал, как Джош начал радостно улюлюкать вместе с остальными зрителями, находившимися у павильона. Пока несколько игроков искали мяч в пшенице, Флин оперся на свою битку и напустил на себя равнодушный вид, но внутри ликовал от своей пусть и маленькой, но победы.

Тем не менее следующий мяч он пропустил. Австралиец, очевидно, вне себя от ярости, со свистом послал к Флину мяч и вырвал с корнем его средний столбик. Может, Флин и выбил шестерку, но ведь его иннинг продолжался всего лишь три броска. Три броска! А он-то себя уверял, что продержится не меньше часа. Безутешный Флин поплелся прочь с поля.

Теперь ему придется ждать две недели, пока он сможет проявить себя на следующем матче. Расстегивая налокотники и наколенники, он вспоминал школьные деньки, когда он играл два раза в неделю и ему еще удавалось потренироваться в другие дни. Если он проваливался, то надо было всего лишь подождать пару деньков до следующего случая. Флин и вправду скучал по регулярным занятиям спортом: еще одно разочарование взрослой жизни, которое вгоняло его в депрессию.

«Кавалеры» были выбиты как раз перед чаем со 159 очками. Томми принимал участие почти во всех иннингах и набрал впечатляющее количество очков — восемьдесят четыре. Все от всего сердца аплодировали, когда он наконец вошел в павильон, хотя Джессика просматривала какие-то журналы и пару раз лениво хлопнула в ладоши, так и не взглянув на него. Она ожидала, что ей будет уделено немного больше внимания и была не особо впечатлена спортивным героизмом. Сняв свое снаряжение, Томми подошел к ней, собираясь поболтать.

— Ты такой красный и потный, — отметила Джессика.

— Это дело горячит, сама видела.

— Отличный удар, дружище, — сказал кто-то, похлопывая его по плечу.

— Да, отменная игра, — добавил Саймон.

— Томми, ты так хорошо играл, — со всей серьезностью заявила девушка Саймона Софи.

— Кажется, на этот раз нам удалось набрать приличное количество очков, — улыбнулся Томми, кивнув в направлении табло, на котором отмечался счет. Он сел между Джессикой и Люси.

— Разве не чудесный денек? — спросил он.

— Да, отличный. Мы попиваем винцо и мило болтаем с тех самых пор, как приехали, — сказала ему Люси.

— Хм, — нахмурилась Джессика. — А что будет дальше? Полагаю, тебе снова придется выйти на площадку и состязаться?

— Да, но после чая.

— А никто не может тебя заменить? Невероятно, ты и так потратил все время на игру и теперь опять собираешься идти играть. И почему только крикет занимает так много времени?

Томми рассмеялся, но внутри он был немного встревожен, что его великолепно сыгранные иннинги произвели так мало впечатления. Он напряг все силы, чтобы получить возможно большее количество очков за свои пробежки, и вот оказалось, что вся его спортивная доблесть обернулась против него. Какая досада!

После чая «Кавалеры» снова вышли на площадку. Люси, Джессика и несколько других друзей и подружек оказались за границей поля в окружении веселых членов оппозиции.

— Я была уверена, что мы отлично здесь повеселимся, — обратилась Джессика к Люси. — Но крикет оказался безумно скучной игрой. Боже, а ведь предстоит еще один такой же раунд.

— Может, я и не одобряю твоих намерений, но мне показалось, что ты была чересчур жестока по отношению к Томми, — упрекнула ее Люси.

— Я просто чувствовала себя брошенной, вот и все.

— Знаю, но он-то надеялся поразить тебя. Все были впечатлены его игрой. Ты слышала,

как мистер Стрингер поздравлял его?

— Ну хорошо, в другой раз буду с ним поприветливее. Слава богу, уже почти вечер и скоро мы отправимся спать.

На этой ноте Джессика растянулась на ковре, чувствуя на лице яркие лучи солнца.

А на площадке «Кавалеры» довольно успешно начали игру. Первые два бэтсмана довольно быстро ушли с поля. Флин был доволен, что сумел выбить самого первого из них. Но потом в игру вступил австралиец. Обмундирование сидело на нем как влитое и было таким чистым, будто он и не играл вовсе. Флин понимал, что этот парень собирался показать всем класс, уже по тому, как тот занял свою позицию и начал осматривать поле. Он с безразличным видом жевал жевательную резинку и намазал губы бальзамом, защищающим от солнца. Все понимали, что исход сражения зависит от этого игрока. Его первый мяч без усилий преодолел границу линии поля, а «Кавалеры» испустили стон.

Австралиец набрал всего каких-то пятнадцать очков, когда случилось нечто непредвиденное. Он неправильно рассчитал время и ударил по мячу, и тот взмыл высоко в воздух. Флин бродил вдоль линии разметки и раздумывал, уговорил ли Джорди на что-нибудь Молли, когда к своему ужасу заметил, что прямо в него летит мяч. Он подошел слишком близко к линии и попытался отбежать назад. Мяч летел прямо ему в голову. Поднимая руки вверх, чтобы поймать мяч и спасти свой череп, он не мог как следует отбить мяч. Мяч снова взмыл в воздух, и Флин опрокинулся, отбив его одной рукой. Флин сильно ушиб кончики пальцев, но его попытка была тщетной. На секунду воцарилась тишина. Другие члены команды старались быть приветливыми с Флином, в конце концов, все когда-то пропускали мячи, но было очевидно, что Флин витал в облаках и что австралиец вряд ли даст ему еще один шанс.

— Простите меня, ребята, — сказал Флин, со злостью кидая мяч обратно боулеру. Он сгорал от досады и раздражения, ярости и унижения. Вот что, он больше ни разу в жизни не будет играть в эту идиотскую игру. Он видел разочарование на лицах приятелей по команде. Джош уставился на него, издевательски аплодируя. Это был ужасный момент. «Да что со мной, черт возьми?» — бормотал Флин себе под нос, пиная землю.

Два игрока команды противников ходили вокруг границы площадки и перекидывали футбольный мяч. Когда они были в нескольких ярдах от Флина, один из них подобрал с земли мяч и бросил его Флину.

— Эй, лови, — сказал он, и они оба начали смеяться.

— Отвалите! — рявкнул Флин и зашвырнул мяч как можно дальше в поле.

— Да это просто игра. Надо уметь проигрывать, — ухмыльнулся второй противник.

Все вышло так, как Флин и думал. Австралиец ушел с поля с девяносто четырьмя очками, и не потому, что его выбили, а потому, что он выиграл игру. После окончания игры, в павильоне, Джош хлопнул Флина по спине и сказал:

— Ты сегодня событие дня, Флин.

Потом Джош добавил, что то, как Флин в отчаянии несется по полю, пытаясь поймать мяч, было действительно потешным зрелищем. Большинство остальных игроков согласились:

— Ты на самом деле выглядел забавно, Флин, — подтвердил Томми.

— Да, а когда ты забросил этот футбольный мяч в поле, я, честное слово, чуть было концы не отдал от смеха, — влез Саймон.

Снаружи мистер Стрингер поздравлял австралийца.

— Отличная игра, сэр! Прекрасные короткие иннинги. Отличный выигрыш, только, думается, уж очень быстро все закончилось.

— А, да. Мне просто побыстрее хотелось вернуться в павильон.

Флин, услышав все это, еще раз вздохнул. Ему оставалось только одно: как следует напиться сегодня вечером и забыть обо всем. Забыть не только этот пропущенный мяч, но и катастрофу с Поппи, проблемы с деньгами, переживания насчет работы. Все эти унижения его жизни должны быть стерты из памяти. Стоял великолепный летний денек, плавно переходящий в такой же великолепный вечер. Семья Стрингеров организовала пикник с традиционным барбекю, и пока все осушали свои первые рюмки, ароматы угля и жареного мяса смешивался с отчетливым запахом сырой травы. Гай и Саймон по очереди следили за мясом, пока мистер Стрингер обносил гостей пивом и вином. Откуда-то появился спаниель и принялся вертеться у людей под ногами.

— Берти, ко мне! — рявкал время от времени мистер Стрингер, когда чувствовал, что его собака беспокоит гостей. Некоторые из игроков все еще не сняли белые футболки в зеленую и красную полоску, тогда как остальные переоделись, но все подтянулись поближе к решетке и болтали.

Джессика решила, что Люси была права. Она была груба с Томми. Она понимала, что подсознательно хотела испытать Томми. В конце концов, все это было просто игрой. Кошки-мышки, мало дал — мало получил. Вот что делало начало взаимоотношений таким забавным. Но, вероятно, теперь ей следует уделить Томми немного внимания, думала она про себя. Да и вообще, было приятно, что он так расстарался, чтобы впечатлить ее. Джессика подошла к нему и сказала:

— Наконец-то мне выдался случай поговорить с тобой. Крикет такая долгая игра.

Томми улыбнулся:

— Да уж, долгая.

— Ну, несмотря на то, что я была лишена твоего общества, ты просто блестяще выполнил все эти пробежки.

— Не так уж блестяще, чтобы чем-то помочь команде.

— Ах, ну да, конечно, ведь самое главное — это победа, — поддразнила Джессика. — Ну а теперь ты можешь принести мне что-нибудь выпить?

Позже, когда пикник закончился и миссис и мистер Стрингер ушли в дом, вечеринка все еще продолжалась на всю катушку. Ярко светили фонари, где-то в дальней части поля шла импровизированная игра в регби. Джессика видела, что Томми тоже не терпит к ним присоединиться, а когда Джош начал его звать, он больше не мог сопротивляться:

— Какой же он отличный спортсмен, — с иронией заметила Люси Джессике.

— Хм, — прикуривая еще одну сигарету, сказала Джессика. — По мне, так вся эта физкультура чересчур.

Флин к этому моменту уже успел порядочно надраться, и когда его кто-то сильно приложил об землю, он так и остался лежать на земле, тяжело дыша и уставившись в темнеющее небо, пока угроза быть растоптанным не стала слишком серьезной. Флин поднялся и нетвердой походкой поплелся назад к тому месту, где сидели Джессика с Люси.

— Дерьмовый выдался у меня день, — признался он.

— Согласна с тобой, дорогой, — сказала Джессика. — Теперь только осталось всем передрасться.

Джессика была права: чем больше пили ребята, тем более агрессивными они

становились. Блокировки и подножки становились все более беспощадными, ругательства звучали все громче, до тех пор, пока не раздался внезапный треск, который отчетливо был слышен в ночи. Игра резко прекратилась. В мгновение ока все столпились вокруг двух упавших игроков. Томми без сознания лежал ничком на земле, а второй — тот парень, что кинул в Флина футбольным мячом, — растирал ему виски.

— Надо вылить на него ведро воды, — сказал Джош, наклоняясь к Томми с только что зажженной сигаретой в зубах.

— Как думаешь, может, нам вызвать «скорую»? — тяжело дыша, спросил Саймон.

Люси сидела рядом с Томми на корточках, тихонько похлопывая его по лицу.

— Томми, ну, вставай. Томми, — повторяла она.

Джессика стояла где-то позади толпы.

— Что за нелепая, идиотская игра, — сказала она Флину. — Честное слово. И вот теперь все вокруг него столпились. Почему бы им просто не дать ему немного воздуха?

Томми пытался сесть, потирая с одной стороны свою голову.

— Ой, у меня перед глазами черти скачут, — поморщившись, простонал он.

— Томми, лучше бы тебе на сегодня завязать с игрой, — посоветовал ему Саймон.

— Да, ты прав.

— Давай я помогу тебе отвести его в дом, — предложила Люси Джиму.

— Спасибо, Люси, но, кажется, я и сам неплохо справлюсь. Если что, я попрошу Саймона мне помочь.

Толпа безмолвно рассеялась, а Саймон с Джимом подхватили Томми под руки и повели его к дому.

— С ним все будет в порядке? — спросила Джессика Люси.

— Да, думаю, переживет, только завтра утром будет мучиться жуткой головной болью.

— Значит, никакого секса в карете «скорой помощи»? — влез Флин.

— Да, думаю, обойдется, — ответила Люси, а потом улыбнулась: — Честно сказать, мне кажется, что все мы становимся слишком старыми для таких забав.

— Ты, наверное, права, — невнятно произнес Флин.

— Ну, Томми упустил свою блестящую возможность, — беззаботно сказала Джессика.

Люси рассмеялась:

— Ты безнадежна.

— А что? Я просто хотела с ним сегодня немного пококетничать, — продолжила Джессика.

— А как же твои клятвы насчет «держаться в руках»? Мне казалось, ты решила послать всех мужчин подальше, — поддразнил ее Флин.

— Ах, это? Забудь, — решительно сказала Джессика.

Флин рассмеялся:

— Не беспокойся, у вас еще будет возможность, зуб даю.

— К тому времени я, может, уже найду кого-нибудь другого, — возразила Джессика.

Она огляделась по сторонам, а потом, собирая вещи, сказала:

— С меня на сегодня хватит. Пойду поищу себе койку. Спокойной ночи.

Она поцеловала их обоих и пошла к дому.

На следующий день Флин проснулся от того, что его кто-то задел.

— О, прошу прощения. Я не хотела тебя будить. Сделать тебе чаю?

Это была миссис Стрингер. Флин огляделся вокруг и понял, что пух из его

старомодного спального мешка весь вылез наружу. Хотя Флин выглядел так, словно проснулся в курятнике, а не в просторной гостиной, он все же смог сказать:

— Было бы очень мило с вашей стороны, спасибо. Прошу прощения за мой вид.

— Не страшно. Я смотрю, вы там вчера ночью хорошо повеселились.

— Да, было здорово, очень весело, как обычно.

«Пожалуйста, уходи», — взмолился про себя Флин, осознавая, что он в одних семейных трусах и что у него эрекция.

— Я слышала, Томми вчера хорошо досталось, бедняге.

— Да, досталось, голова у него, думаю, поболит с утра.

Флин чувствовал себя неловко и неприлично, лежа посреди ее гостиной, особенно потому, что едва знал хозяйку. Но что еще хуже, ему нестерпимо хотелось в туалет. Но миссис Стрингер продолжала непринужденно болтать:

— Сегодня будет еще один восхитительный денек. Обожаю лето.

Тут две собаки, мокрые от утренней росы, вбежали в комнату и запрыгнули на Флина с Джошем, которые в мгновение ока проснулись.

— О господи, чертовы твари... простите, миссис Стрингер. Я очень извиняюсь за свою грубость.

Джош выглядел взъерошенным и обеспокоенным, хотя вряд ли его беспокоило то, что хозяйка видит его оголенный торс. Миссис Стрингер рассмеялась и выпроводила собак из комнаты.

— Для вас тоже чаю? — спросила она Джоша.

Джош поблагодарил ее и еще раз рассыпался в извинениях, а потом она наконец оставила их в покое. Как только она ушла, Флин схватил свою рубашку и джинсы и оделся, не вылезая из своего спального мешка.

— Просто не верю, что меня только что разбудил своими облизываниями этот спаниель, — проворчал Джош, а потом добавил: — У тебя в волосах полно перьев.

В кафе «Поваренок» они заказали себе завтрак и чай. Там же Джош с Флином обнаружили Томми, Джессику и Люси и, пренебрегая возможностью вежливо побеседовать за тостами и кукурузными хлопьями с хозяевами, извинились и поскорее уехали. Яичница с беконом так и манила, и Джош объявил, что он снова чувствует себя почти человеком:

— Интересно, в следующем году наше состязание будет таким же оживленным? — сказал Флин.

— Я могу сказать тебе прямо сейчас, что сто раз подумаю, прежде чем снова буду по ночам, в стельку пьяный, играть в регби, — проворчал Томми.

— Не думаю, чтобы кто-то еще раз вообще затеял такое.

Джош сказал:

— Отличная была вечеринка. Вы получили удовольствие? — спросил он Люси и Джессику.

— Я — да, — ответила Джессика, — но меня бесит вставать с утра и чувствовать себя разбитой. Не знаю, стоит ли это удовольствие таких мучений.

— В первом семестре в университете я был пьяным почти каждый день. И как мне только удавалось? Не понимаю, — вздохнул Томми.

— Что ж, признайся, мы все стареем, — скривился Флин. — Такая работенка нам уже не по силам.

— Тем не менее на следующих выходных снова большие игры, — вмешался Джош, а

потом, глядя на Флина и Томми, добавил: — По крайней мере для нас. Я раньше никогда не бывал на холостяцких вечеринках, но, похоже, через неделю в это же самое время я буду чувствовать себя гораздо хуже. Это ж ведь наш Бома организует эту вечеринку.

Глава 10

По следам Кэри Гранта и Ингрид Бергман

Днем в субботу Джорди был на седьмом небе от счастья. Но к вечеру он почувствовал какое-то странное раздражение и в течение нескольких следующих дней его не оставляла тревога. Он отчаянно надеялся на то, что стоит в каких-то сантиметрах от того, чтобы обеспечить свое будущее вместе с Молли, но все равно впереди была целая бездна, которую надо было преодолеть. Он договорился встретиться с Молли в центре города и снова предложил поужинать на ее территории, но она запротестовала и сказала, что для них обоих проще будет встретиться в центре. Неужели она намеренно пытается держать его подальше от Хайбери? И вот еще что: их телефонный разговор вечером в понедельник получился каким-то скомканным: слишком коротким и полным недомолвок. Неужели Молли уже успела потерять к нему интерес?

— Джорди, ты слишком остро реагируешь, — сказала ему Джессика. — По-моему, очень разумно встретиться в городе, и вообще ты должен быть благодарен и за это. Не надо везде выискивать какие-то несуществующие подводные камни.

— Хорошо, ладно, ты права, признаю.

Но успокоительные слова Джессики помогли лишь на короткое время. Джорди с головой ушел в свои переживания и с трудом мог сосредоточиться на работе, а дома был заторможенным и рассеянным.

— Слушай, это мне полагается страдать и раздражаться, — ворчал Флин. — Ты же влюблен и должен просто светиться от счастья. Давай, прекращай злиться и нервничать.

Ко вторнику и Джессика, и Флин пришли к единому мнению, что чем скорее Джорди станет официально встречаться с Молли, тем будет лучше для всех.

— Еще никогда не видел его таким, — пожаловался Флин.

— Да он просто переживает, вот и все. Это же девушка его мечты, не забывай.

— Уж тут забудешь! Он уже утомил меня всем этим. Как тебе кажется, Джессика, у него что-нибудь получится с Молли?

— Могу точно сказать, что знаки очень хорошие, если говорить со стороны женщины, дорогой. Мы должны пожелать ему огромной удачи на завтра.

Джорди расспросил Джессику, знает ли она какое-нибудь хорошее место, куда бы он мог повести Молли, и Джессика предложила ему «Кафе-Фиш» на Пантон-стрит. «Девушки любят рыбу», — объяснила она, а потом добавила, что Молли наверняка не ожидает от него такой проницательности. «Отлично», — обрадовался Джорди и заказал на подходящее время столик на двоих.

Снова он пришел на свидание слишком рано и, ругая себя за абсурдное нетерпение, зашел в зал игровых автоматов и попытался отделаться от своего сдерживаемого расстройств и раздражения с помощью различных игр-имитаторов гонок. Обычно он таким образом приятно проводил время, но на этот раз проиграл уже на втором уровне. Но все равно уже было пора уходить. В толпе на Пиккадилли он почувствовал, что не может совладать с нервами. Да что с ним творится? Почему он в таком состоянии? От напряжения его всего колотит. Надо взять себя в руки.

Молли пришла через минуту-две после него, и когда Джорди ее увидел, то почувствовал, как его переполняют чувства. Больше всего на свете он хотел, чтобы Молли

принадлежала ему. Он испытывал вожделение к сотням женщин, начиная с Алисы Тейлор в школе и заканчивая Ульрикой Джонсон, но этим желаниям не суждено было исполниться. А теперь, рядом с Молли, он был ближе, чем когда-либо, к своей мечте. Но если он все испортит тогда, когда до финиша ему остался последний рывок, тогда... он просто не в силах думать об этом.

— Боже, Джорди, шикарно выглядишь.

Она поцеловала его в этот раз в губы, и Джорди отметил для себя этот факт. Он никогда не интересовался одеждой и обычно носил джинсы и свитер. На этот раз у него не было времени переодеться после работы, поэтому на нем был деловой костюм.

— На самом деле я ненавижу костюмы.

Он понимал, что это прозвучало грубо, а поэтому поспешил добавить:

— Ну что? Выпьем?

— Хм, да, джин-тоник, пожалуйста.

Джорди ждал, пока их обслужат, но никак не мог придумать, что бы еще сказать. «Ну, давай же, — думал он про себя, — возьми себя в руки». Допив напитки в баре, они пошли в зал ресторана и сели за совой столик. За едой они разговаривали, но между ними уже не было той непосредственности, как было в их две предыдущие встречи. Джорди знал, что сам в этом виноват, знал, что позволяет своей Венере ускользать прочь, но это только заставляло его все больше страдать. Когда перед ними положили меню десертов, Молли отложила его в сторону и сказала:

— Джорди, с тобой все в порядке?

— Да, конечно, отлично. А что?

— Просто ты как-то отдалился, будто тебя что-то заботит, вот и все.

— Правда? Извини.

Джорди сделал большой глоток пива. Молли смотрела на него вопросительно. Он должен совладать с собой, и быстро.

— Послушай, извини, я... хм. — Он глубоко вдохнул: — Молли, я...

Он снова прервался на полуслове и огляделся по сторонам.

— Что такое, Джорди? Я что-то не то сказала? Что случилось? — нахмурилась она.

— Боже мой, да нет же, ничего страшного, как раз наоборот. Молли, мне еще никогда... — Он запнулся, опустил глаза, а потом опять стал смотреть на нее: — ...никогда еще никто мне так в жизни не нравился... как ты. Вот в чем все дело. И я чувствую себя невероятно глупо и переживаю, что ты не испытываешь ко мне таких же чувств. Мне так понравилось, как мы провели субботний день. Не припомню, чтобы у меня был другой такой великолепный день в жизни, и мне бы хотелось провести еще много таких дней, много-много. Скажи мне, избавь меня от страданий, я сейчас выгляжу глупо и делаю из себя полного придурка, да?

— Да, — улыбнулась Молли.

Разве могут эти зубы быть еще белее?

— Почему, по-твоему, я захотела провести с тобой целый день в субботу или вот пообедать с тобой сегодня вечером? Давай, подумай, — предложила Молли, откидывая волосы назад.

Она подозвала официанта и сказала, что они вернутся через минуту, а потом взяла Джорди за руку и повела наружу. На улице она обняла его за шею и поцеловала. Долгим, проникновенным, страстным поцелуем. Это был самый сладостный момент в его жизни.

— Ух ты, — выдохнул он. — Я бы согласился провести так целую вечность!

Молли лукаво улыбнулась и пошла обратно в ресторан. Облегчение, чувство победы, несказанная радость переполняли Джорди. Он хотел взлететь в небо и кричать от счастья, но вместо этого пошел вслед за Молли и заказал еще одну бутылку вина и пудинг, который они вместе с аппетитом съели.

Два месяца назад пресс-конференция в «Ритци» казалась Флину хорошей идеей. Он даже урегулировал это дело с Мартиной. «Да, отлично, для Бруклина это будет здорово, Флин», — согласилась она. Это едва ли грозило оказаться пиком его раскрутки в Британии, но в «Ритци» было замечательно, и Бруклину понравилась идея сидеть на сцене в южном Лондоне и болтать с людьми о своем фильме. И до тех пор все шло именно так, как Флин надеялся: слава и многочисленные интервью были для Бруклина все еще делом новым и захватывающим. Вместо того, чтобы впопыхах отделяться от журналистов заученными усталыми фразами, он очаровал интервьюеров своей свежестью и готовностью придумывать оригинальные ответы на их вопросы. В результате он и его фильм был широко разрекламирован в прессе, и все в офисе хлопывали в знак одобрения Флина по спине.

Бруклин явно был собой доволен и радостно беседовал с Флином в перерывах между интервью, расспрашивая его о том, что происходит в мире британского кино, о Лондоне и что ему бы следовало знать о следующем интервьюере. В «Ритци» все, казалось, шло гладко. Был аншлаг после премьеры, пресс-конференция хорошо стартовала и Бруклин продолжал ее с победным очарованием.

А потом все пошло не так, как надо. Женщина из последних рядов зала внезапно сказала: «Ваш фильм — это чушь собачья, и все, что вы сейчас говорите, — тоже чушь. Что мне бы хотелось знать, так это то не будете ли вы так любезны вернуть мне деньги?» Бруклин застыл и не мог и слова вымолвить. А потом еще двое потребовали назад свои деньги. Собравшиеся в кинозале люди начали перешептываться. Кто-то крикнул, чтобы они заткнулись и валили отсюда. В зал вошли двое служащих и пошли вдоль проходов, пока не оказались напротив ряда с возмутителями спокойствия, но к этому моменту один из мужчин кричал: «Так что? Вернешь деньги?» Множество людей начало защищать онемевшего Бруклина, в то время как другие присоединились к инакомыслящим. Служащие просили людей покинуть помещение.

— Не беспокойся, мы, твою мать, еще вернемся, — рявкнул один из первых «восставших», пока они протискивались между людьми, сидящими в ряду. Бруклин словно прирос к креслу, в котором сидел, уставившись невидящим взглядом на ряды в зале. Флин, который сидел в первом ряду, хотел свернуться калачиком в своем кресле и умереть. Должен ли он вмешаться и увести Бруклина со сцены или позволить служащим «Ритци» со всем этим разбираться? Он старался хорошенько продумать варианты, но тут кинокритик из газеты «Гардиан» пришел к нему на выручку.

— А теперь успокойтесь, — сказал он, и шум стих.

— Думаю, самое время задать еще один вопрос.

После интервью Флин повел все еще не пришедшего в себя Бруклина к боковому выходу, усадил его в поджидавший лимузин и сел следом за ним. Не представляя, что же ему следует говорить, он попытался замять инцидент.

— Все было просто здорово, — заявил он, пока Бруклин, упираясь подбородком в руки, уставился в окно. Флин продолжил: — Конечно, эти выкрики с задних рядов были не очень

приятным событием, но я не позволю им расстроить вас.

И снова Бруклин промолчал. Флин упорно продолжал:

— Я это к тому, что, несмотря на это происшествие, было очевидно, что всем очень понравился ваш фильм, и на мой взгляд вы великолепно провели пресс-конференцию.

Тут Бруклин медленно повернулся к Флину, засунул руку в карман своего длинного черного кожаного жакета и достал оттуда ручку и листок бумаги. Расположив его на коленях, он что-то тщательно на нем вывел и передал его Флину, а потом снова безмолвно устался в окно. На листке было написано:

Прекрати ты свои разговоры, приятель.

Я слишком расстроен.

Флин свернул лист бумаги. Ему стало еще больше не по себе. Захотелось очутиться дома, чтобы ни минуты больше не находиться здесь в атмосфере ужасной неловкости. Но впереди был следующий день пресс-конференций, которые надо было организовать для Бруклина, хотя сейчас Флин даже думать об этом не мог. Все так хорошо шло, а теперь сомнение этого блестящего молодого режиссера было за какую-то долю секунды разбито вдребезги. Флин проклинал эту женщину, проклинал «Ритци», проклинал самого себя за то, что вообще согласился на все это с самого начала. Вот и его работа превращается в ночной кошмар. Двадцать минут до отеля они ехали молча. Флин чувствовал, что должен что-то сказать, поэтому сбивчиво произнес:

— Увидимся завтра утром, и прошу вас, не беспокойтесь об этом.

Бруклин, даже не взглянув на Флина, вышел из машины и громко хлопнул дверью.

Уже почти стемнело, когда Джорди и Молли вышли из ресторана, но, не желая завершать вечер, они прошлись вдоль Ковент-Гарден, останавливаясь, чтобы поглазеть на уличных актеров и на витрины магазинов, а потом направились в сторону набережной Виктории. Молли взяла его под руку, и они неторопливо прогуливались вдоль древней реки мимо богато украшенных фонарных столбов и скамеек. Джорди чувствовал, что, наконец, понял, что такое романтика:

— Это как в «Неосторожном»^[38], — сказала Молли, глядя на реку.

— Что ты имеешь в виду?

— Фильм «Неосторожный». С Кэри Грантом и Ингрид Бергман. Она актриса или оперная певица или что-то в этом духе, а он городской делец. Они влюбляются друг в друга и после концерта идут гулять на набережную Виктории, прямо как мы сейчас. Это великолепный фильм, настоящая романтика. Хотя я смотрела его уже давным-давно.

Джорди за всю жизнь посмотрел только один фильм с участием Кэри Гранта, и все, что он мог вспомнить, так это то, как Гранта преследовал кто-то на биплане — вряд ли это был «Неосторожный».

Они пошли пешком обратно до Грин-парка. У станции метро Молли еще раз поцеловала его и сказала:

— Не сегодня. Но я тебе позвоню.

Они крепко обнялись, а потом она добавила:

— Спасибо тебе за чудесный вечер, — и ушла.

Джорди никогда в жизни еще не был так счастлив и решил прогуляться еще немного,

потому что не хотел разрушать магии вечера, отправившись напрямик домой. Он дошел до станции метро «Виктория», а потом решил пойти к Слоун-сквер. Там он подумал, что мог бы еще прогуляться до Кинг-роуд, а потом решил, что и оставшуюся часть пути преодолеет пешком. Этим вечером, проходя мимо бесчисленного количества домов, по мириадам улиц и парков, которые все были такими разными, но прекрасными, мимо всех этих кафе, баров и ресторанов — всего, чем живет город, — Джорди решил, что Лондон — изумительное место.

Глава 11

Холостяцкая вечеринка

Они слышали, как Бома громко и радостно хохочет в фойе гостиницы. Ни Флину, ни Джорди прежде еще никогда не доводилось бывать на холостяцких вечеринках, и они ждали этого события с нетерпением. «Как стыдно, что на Бому взвалили все хлопоты по организации вечеринки. Никто ему даже не помог», — размышлял Флин. Поправляя свои галстуки-бабочки и смокинги, они быстро и целенаправленно зашагали по коридору и услышали, как Бома в очередной раз рассмеялся.

Флин поморщился. Этот смех преследовал его на протяжении тех шести месяцев, когда они втроем с Бомой и Эдди снимали дом. На Флина снова накатило негодование по поводу богатства Бомы (тут он вспомнил и Джоша, урожденного виконта Барнсфордского), а еще его жутко раздражала вся эта идиотская буффонада. Он, наверное, никогда не поймет, что нашел в своем друге Эдди.

— Я просто привык к Боме, — однажды объяснил ему Эдди.

Они были друзьями с самого детства, что, вероятно, имело для них большое значение. Но для Флина это было недостаточно убедительным. Он считал, что с Бомой все труднее становится ладить. Однажды Флин даже сорвался и чуть было не ударил его кулаком в лицо, когда услышал, как Бома в очередной раз повторяет эту свою фразу: «Я ничего дурного не хотел сказать». Но Эдди спас положение, объявив, что переносит день свадьбы на более ранний срок. Они с Викторией собирались купить себе жилье. И в итоге съехали на шесть месяцев раньше, чем предполагалось. И вот теперь голос Бомы воскресил в душе Флина память о тех неприятных событиях.

Флин с Джорди пришли одними из первых, поэтому, облокотившись на стойку бара и зажав в зубах по толстой сигаре, с довольным видом оглядывались вокруг, высматривая Эдди, Бому и Саймона Стрингера.

— Ну, вот я и попался, — с явной тревогой в голосе сказал Эдди.

Он пожимал им руки, а они похлопывали его по спине, словно пытаясь его обнадежить.

— Бома! — воскликнул Флин.

Вот он — его старинный приятель и человек-наказание.

— Флин-Флан!^[39] — сердечно сказал Бома.

Еще одна причина не любить его.

— Вот, выпейте, — предложил Бома сквозь зажатую в зубах шестидюймовую сигару и вручил каждому из них по бокалу с жидкостью кремового цвета. Джорди с Флином залпом выпили напиток и начали кашлять. Флина затрясло так, словно случилось землетрясение.

— Ха-ха-ха, приятель! — рассмеялся Бома. — Немного крепковато, но я на то и рассчитывал. Сигару?

— Господи, что это за дрянь такая? — спросил Джорди и взял себе сигару из портсигара Бомы.

— Я называю его «Убийца Бомы», — радостно улыбался Бома. — Секретная смесь моего собственного изобретения. Клянусь честью бармена, что никому не выдам ее тайны.

— Боже, — бормотал себе под нос Флин.

Постепенно на вечеринку подтягивались новые и новые гости, и все, казалось, с удовольствием угощались напитком и сигарами Бомы. Как того и следовало ожидать, Джош

заявился самым последним. Опрокинув штрафную рюмку, он закашлялся и затребовал еще одну. Потом подошел к Флину и хлопнул его по спине с непомерным дружелюбием.

— Время как следует оторваться! — ухмыляясь, заявил он.

Бома постучал по краю своего бокала.

— Прошу тишины, джентльмены, — закричал он. — Стол накрыт.

Все собравшиеся вслед за ним спустились по лестнице и вошли в комнату, отделанную деревянными панелями. В комнате стоял большой безукоризненно сервированный стол. У каждой тарелки стояла табличка с именем. Флин обнаружил, что сидит между людьми, с которыми он прежде никогда не встречался: «Дэвид Копплстоун-Кроу» и «Тим Каммингс». Они пожали друг другу руки и представились. Потом Тим снял свой смокинг и быстрым движением положил кусочек черного хлеба на небольшую тарелочку, располагавшуюся чуть дальше основной тарелки. Почти все остальные собравшиеся сделали то же самое. «Вот и собрался „Клуб трутней“», — подумал про себя Флин, а потом вдруг почувствовал, как какой-то маленький предмет ударил его в лицо. Он поднял глаза и увидел, как Джош с видом победителя размахивает руками и что-то ему кричит.

Отсмеявшись по поводу импровизированного обстрела булками, все быстро уgomонились. Флин повернулся к Тиму, заметив, что его черные подтяжки украшены эмблемами с белыми черепами и перекрещенными костями.

— У тебя отличные подтяжки, — солгал Флин.

Тим скосил на него глаза и самодовольно ухмыльнулся:

— Старинная эмблема.

«Ну, конечно», — подумал Флин.

Тим продолжил:

— В прошлом году я оставил службу в морском флоте. Поначалу там чертовски интересно и даже весело, но посвящать этому всю жизнь — безумие.

Сев на своего конька, Тим продолжал рассказывать, как нелегко было служить в армии, и что он понятия не имеет, зачем вообще туда отправился. Он сказал, что сейчас работает агентом по недвижимости в центре Лондоне, и что он не совсем обычный агент. Он работает только с эксклюзивной недвижимостью, а потому получает «очень хорошие деньги» в качестве комиссионных. Он даже нашел дом для Тома Круза и Николь Кидман. Флин понимал, что Тим лжет, но решил об этом не заикаться.

— Этот Круз — отличный парень, — попивая вино, продолжал Тим, — хоть и ростом не вышел.

Закончив рассказа о своей карьере, Тим прервался на какое-то время, в растерянности озираясь по сторонам. Потом снова повернулся к Флину:

— А чем ты занимаешься? — без особого интереса спросил он.

— Раскручиваю фильмы, — ответил Флин.

— Да, здорово, — протянул Тим.

На этом рассказ Флина о себе и закончился.

Чавкая и причмокивая, они съели суп и принялись за второе блюдо. Время от времени Бома прерывал их и поднимал на ноги, произносил тост и командовал, чтобы все выпили одновременно. Джорди оказался между более общительными и веселыми людьми. Они с Томми горячо спорили с другими холостяками о новых технологиях и будущем.

— Уже очень скоро человек сможет телепортироваться, — авторитетно заявил Томми.

— Ага, как в «Звездном пути»^[40]? — скептически усмехнулся Джорди.

Томми глубоко затянулся сигаретой:

— Недавно я беседовал с одним парнем, и он сказал, что дело только во времени. Скоро мы сможем отправлять по факсу самих себя.

Не обращая внимания на сомнение, с каким на него уставился Джорди, Томми продолжил:

— Ты сам подумай, что в сущности такое человек? Просто цепочка ДНК, состоящая из огромного количества генов, и твоя ДНК лишь самую малость отличается от ДНК твоего соседа. Все просто, надо только найти формулу, по которой гены выстраиваются в цепочку ДНК конкретного человека, а потом разрушать ее и снова собирать столько раз, сколько вздумается. А потом таким образом можно будет и телепортироваться.

— По мне, так очень уж шаткая эта теория, — усомнился Джорди.

— Поживем — увидим, — глубокомысленно изрек Томми.

— А ведь тогда человека можно будет записать на диск, как музыку. Очень интересно, — сказал их сосед, в очередной раз подливая им в бокалы вино. На другом конце стола Флин разговаривал с Дэвидом, худощавым мужчиной с тонкими руками и ногами, который выглядел старше своих лет. Оказалось, что Дэвид был сыном старинных друзей семьи Эдди.

— Где ты живешь? — пытаюсь поддержать разговор, спросил Флин.

— По большей части в Лондоне.

У него был забавный говор. Так уже давно никто не говорил, а еще, казалось, что он с трудом подбирает слова.

— По большей части? А в оставшееся время?

— Дом моей семьи в Шотландии, и я стараюсь почаще навещать их, — сухо пояснил Дэвид.

— Вроде как экскурсия, да? — прервал его Флин.

— Полагаю, да. Но у меня есть и некоторые обязанности и долги там. Я унаследовал место, когда мне исполнилось девятнадцать лет, а это большое бремя.

— Так, а что это за место такое? Ну, которое ты унаследовал?

Или Дэвид был излишне скромн, или слишком высоко оценил Флина.

— Это — поместье площадью около пятнадцати тысяч акров. Не самое большое по тамошним меркам, но все равно требуется довольно много времени, чтобы им управлять. Кроме надзора за землей, нужно еще следить за жителями, решать проблемы в деревне. И, конечно, они хотят, чтобы помещик был всегда на месте. Может ли такое быть? — удивлялся Флин. Двадцать первый век на дворе, но за одним с ним столом сидит человек, который ведет себя так, словно эрцгерцог Франц-Фердинанд еще жив-живехонек^[41].

— Так у тебя есть своя деревня? — недоверчиво переспросил он.

— Могу заявить с полной ответственностью: да, — не заметив иронии в вопросе, ответил Дэвид. — Видишь ли, иногда я бываю ужасным занудой.

Флин понял, что не может чувствовать к этому человеку ни малейшей симпатии.

— Этот твой дом что-то вроде загородной виллы?

Дэвид улыбнулся.

— Нет, это огромный дом. Чертовски много сил и средств уходит на его содержание и ремонт, — объяснил он. — Вероятно, я перееду когда-нибудь туда насовсем, но пока мне не слишком хочется. Мне сейчас слишком уж хорошо живется в Лондоне.

Флин качал головой, удивляясь, как этот пережиток эпохи Эдуардов мог все еще

разговаривать в таком духе.

— Как бы то ни было, — добавил Дэвид, — сначала я намерен обзавестись женой.

Флин не мог поверить своим ушам, но, разглядывая своего собеседника, не нашел и намека на шутку. Жильцы, помещики, поиски жены. Просто невероятно.

— Ну, в Лондоне определенно выбор шире. Полагаю, что шотландские девушки — вид вырождающийся, их и днем с огнем не сыщешь, — пошутил Флин.

— Согласен, — серьезно сказал Дэвид.

Флин недоумевал, почему именно он должен поддерживать все эти разговоры. Сначала Тим трепался исключительно о своей жизни, теперь вот — Дэвид. И как только подобные люди оказываются вокруг него?

Почти в то же самое время, приблизительно в четырех милях по прямой, Джессика и Люси сидели на кухне Люси и готовили себе ужин. Они провели день, катаясь на роликовых коньках по Гайд-парку, и хотя сначала собирались пойти в театр или на вечеринку в ночной клуб, но все же решили вернуться обратно к Люси и посмотреть какой-нибудь фильм на видео. Они уже выпили одну бутылку вина, и, пока Люси открывала вторую, Джессика смешивала чрезвычайно смелый соус для салата.

— Какой-то он слишком сложный, Джей, — засомневалась Люси.

— О, это один из маминых, дай бог ей здоровья. Он невероятно вкусный.

— Кстати, как твои родители? — спросила ее Люси.

— Думаю, все у них в порядке. Мама все еще названивает мне по два раза в неделю, если может.

— «Джессика, *chérie*, я так обеспокоена...», — с плохим французским акцентом проворковала Люси, передразнивая мать Джессики.

— Точно, — рассмеялась Джессика. — Надо бы мне обратиться с заявлением, чтобы на нее наложили ограничительный запрет суда. Уверена, мои родители постепенно выживают из ума. На этой неделе они снова поругались. Мама так разобиделась на папу, что отказывается разговаривать с ним и готовить ему еду, и все свободное время с мрачным видом валяется на кровати. Папа, по-видимому, целыми днями разъезжает где-то на своей машине и возвращается домой только к полуночи.

— Могу себе представить, как твоя мать играет роль королевы в трагедии, сидит одна-одинешенька в своей комнате, и всем-то на нее наплевать, — рассмеялась Люси.

— Да, знаю, она смешна. Честно сказать, я поняла, что они безнадежны. А теперь папа стал лучшим другом местного механика по имени Карл, и они проводят все свое свободное время в гараже — возятся с папиной машиной. Его последняя прихоть — «бентли», и теперь он думает, что знает все об автомобилях и двигателях. Он сводит маму с ума, потому что эта парочка возвращается домой вся в мазуте, а потом они усаживаются выпить и покурить и часами болтают только о машинах.

— Как весело! Когда ты собираешься пригласить меня к вам?

— Довольно скоро. Я подумывала собраться где-нибудь всем вместе и провести длинные выходные. Я имею в виду, что мы могли бы взять отгул на пятницу и вечером в четверг на электричке отправиться в Труро.

— Не забудь про меня. Я с удовольствием поеду, — заявила Люси.

Джессика обожала своих родителей, но никак не могла понять, почему им обязательно быть такими эксцентричными. Матери Джорди и Флина никогда не впадали в истерию, и их

отцы не звонили в час ночи, чтобы «поболтать» или загрузить их рассказами о своих новых безумных прихотях, о которых через шесть месяцев благополучно забывали. Иногда Джессика беспокоилась, что унаследовала их гены, но потом понимала, что с успехом восстает против их эксцентричных выходок, да и вообще, настроение ее не подвержено резким перепадам, а темперамент у нее вполне спокойный.

Люси лениво листала страницы «Харперз энд куин»^[42]:

— Бог мой! Только посмотри на эту женщину!

— Какую женщину? — не удосужившись посмотреть, спросила Джессика.

— Баснословно богатая, симпатичная, со стройными ногами, владелица огромного роскошного дома в Норфолке, мужа, табуна лошадей и трех жеманных детишек. Я же не прошу многого, но мне бы хотелось все это иметь. Вот стерва!

— Боже, как я с тобой согласна! Кому захочется работать, когда у тебя есть лошади, верхом на которых можно совершать прогулки, и детки-малютки, которых надо воспитывать? Есть только один способ всего этого добиться: мы должны найти себе неприлично богатого мужчину, у которого есть поместье в Англии, шале в Валь-Д'Изер и дворец на Средиземноморье. Тогда нам никогда уже не придется работать. Вот тогда мы и будем счастливы.

Джессика никогда особо не задумывалась о своем будущем, но всегда смутно понимала, что она должна удачно выйти замуж, а потом регулярно появляться на страницах дорогих глянцевого журналов в элегантных дизайнерских костюмах.

— Да, мне очень нравится твой план, — согласилась Люси. — Кстати, как у тебя дела на работе?

— О, в порядке. Есть шанс, что меня повысят. Во всяком случае, босс мне недавно на это намекнул. Именно это надо, чтобы выиграть состязание, которое мы затеяли перед самым переездом в новый дом: чтобы работа у нас была гораздо лучше прежней, а рядом был любимый и надежный человек к тому моменту, когда закончится срок аренды, то есть через год.

— Серьезное дело.

— Да уж. Ужасно сложное, я бы сказала. Я уже почувствовала себя, как бы сказать, ну, конкурентоспособной, что ли. Как бы то ни было, Роб, кажется, перестал за мной волочиться, слава богу. Жизнью клянусь, что никогда и за миллион не стану встречаться с коллегами по работе. Ничего, кроме неприятностей, из этого не получается. Сплошное нервное расстройство.

— А что там с этим противным парнем?

— А, ты имеешь в виду Ричарда Кибла? Последние пару недель я его практически не видела. Уверена, мои угрозы подействовали на него, но если он еще раз попытается выкинуть нечто подобное, то я немедленно сообщу боссу.

— Тебе определенно следует это сделать. Это же самое что ни на есть настоящее сексуальное домогательство.

— Да, знаю. Ну, будем надеяться, что до этого не дойдет. В любом случае, если я получу повышение, то уж точно смогу его наказать.

— Главное, что тебе не придется беспокоиться насчет, как вы там договорились, «лучшей работы», — продолжила Люси. — Но ведь ты не считаешь больше, что Томми — подходящая тебе пара, да?

— О, Люси, я не знаю, — вздохнула Джессика. — Да, наверное.

Она облизнула кончики пальцев.

— Отлично, кажется, салат почти готов.

Тем временем в отеле компания молодых людей продолжала ужин. Дэвид все рассказывал Флину о том, как трудно быть шотландским помещиком, как он счастлив, что у него есть возможность рыбачить и ходить на охоту на своих землях, а если лететь самолетом, то путь до Шотландии занимает совсем немного времени. Как и Тиму, Дэвиду, казалось, было абсолютно безразлично, чем живет и где работает Флин. Удивительно, думал Флин. И с чего вдруг Дэвид решил, что если случай свел их на холостяцкой вечеринке Эдди, то Флин не только не будет против, но и придет в восторг от его баек о забавах и жизни феодала? Теперь понятно, почему в Шотландии нет ни одного тори.

Когда официантка наклонилась между ним и Тимом, Флин заметил, что ее белая блузка, прежде застегнутая под горло и повязанная галстуком-бабочкой, теперь была наполовину расстегнута, открывая взорам возбуждающую ложбинку между грудей, которые аккуратно удерживал на месте черный кружевной бюстгальтер. И тут, наконец, до всех дошло, к чему все это. Бома радостно потирал руки.

— Вот и начинается настоящее веселье, — сияя от счастья, объявил он.

Раздались свист, улюлюканье и восторженные крики. Джош встал и залпом выпил бокал вина, потом вскочил на стул и начал раскачивать бедрами из стороны в сторону. Две официантки вернулись с подносами, заставленными шоколадными эклерами. На девушках были только чулки и нижнее белье. Казалось, что несмолкающий свист и крики вроде «давай, снимай лифчик», их совершенно не волновали. Джорди был одним из тех немногих, кто молчал и неловко ерзал на своем стуле. Теперь, когда он был по-настоящему влюблен, даже мысль о стриптизе заставляла его чувствовать себя предателем. Он отчаянно надеялся, что ничего слишком сомнительного от него не ожидается. Кто-то рядом воскликнул:

— Шоколадные эклеры, с ума сойти можно!

А потом одна из стриптизерш, блондинка, совсем еще молоденькая девчушка, велела всем присутствующим снять рубашки. Флин, не успев толком захмелеть, с удовольствием наблюдал, насколько разной была реакция на эту просьбу у парней. Джош в мгновение ока сорвал рубашку и начал гладить себя по груди, смешно пародируя обычные движения стриптизеров. Тим, сидевший рядом с Флином, тоже, не раздумывая, расстегнул рубашку, обнажая свою тощую грудь и торчащие ребра. Остальные не с таким энтузиазмом восприняли эту просьбу. Он видел, какими муками совести терзался Джорди, медленно расстегивая рубашку. Флин не мог сдержать улыбки, увидев, в какой растерянности пребывает его друг, особенно когда Томми, тыча пальцем в Джорди, с осуждением крикнул:

— Ну давай, Джорди, снимай свою проклятую рубашку!

— Томми, достаточно и того, что я пуговицы расстегнул, — раздражаясь, бросил Джорди.

— Нет, тебе придется, снять ее, черт тебя дери! — злобно завопил Бома.

В этот момент темноволосая стриптизерша, на которой теперь оставались одни плавки, подошла к Джорди и, обнимая его за плечи, присела к нему на колени.

— Давай я тебе помогу ее снять? — с притворной скромностью предложила она. Все, кто находились в комнате, начали громко смеяться и свистеть. Некоторые начали ритмично колотить по столу ложками и в такт повторять: «Снимай, снимай, снимай». Что тут мог поделывать бедолага Джорди? Он весь напрягся, словно его пытали. Наконец, когда он снял

рубашку, девушка взяла ложку, подцепила небольшой, пропитанный кремом кусочек эклера и начала кормить Джорди. Он попытался поймать губами ложку, но ее содержимое упало прямо ему на грудь.

— Какой противный щеночек! — воскликнула девушка и начала слизывать крем с его груди, неторопливо двигая влажным язычком вверх-вниз по груди Джорди.

— По-моему, ты возбуждился! — заорал Томми.

Снова последовали крики и свист. Но очень скоро все и думать забыли про смущение Джорди, потому что две девушки начали по очереди садиться каждому из сидящих за столом на колени. Обойдя всех, они снова исчезли, пообещав, что через минуту вернуться. Парней оставили на минуту одних, чтобы они успокоились, пришли в себя и доели свой ужин.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Тим Флина.

— Это было прелестно, — ответил Флин.

— Нет, я имею в виду, не собираешься с одной из них трахнуть? — самодовольно ухмыльнулся Тим.

— Но ведь они стриптизерши. Не думаю, что они согласятся, чтобы их кто-то «трахнул».

— Конечно, они согласятся. Лично я не собираюсь на этом останавливаться. Определенно не собираюсь. Разве не для этого сюда пригласили этих малышей?

На другом конце стола Бому засыпали расспросами, что будет дальше в программе вечера.

— Вам, кучке извращенцев, я ничего не скажу, — заявил тот. — Так что придется подождать.

Джорди чувствовал себя все неудобнее и молился, чтобы дальнейшая программа не потребовало его непосредственного участия.

— Какой трогательный фильм, — шмыгая носом, сказала Люси, когда на экране появилась надпись «Конец».

Никто из них раньше не смотрел этот фильм, и обе девушки всю наслаждались его романтической сентиментальностью.

— Может, просто обоснуюсь где-нибудь в маленьком коттеджике за городом с любящим, заботливым мужем и парочкой светлоглазых маленьких ангелочков, — сказала Джессика.

— Чувствую, нам надо выйти на улицу и сделать что-нибудь хорошее, как ты считаешь, Джес? — предложила Люси.

— Знаю, к чему ты клонишь. Это такого рода фильм, который возрождает веру в основные семейные ценности. Я тоже очень растрогана, — призналась Джессика, вытирая платком глаза.

Теперь стриптизерши устроили небольшое шоу в одном конце комнаты. Возбужденные пьяные мужчины сопровождали криком и свистом те места программы, которые им особо понравились, пока девушки двигались по кругу, выгибались и наклонялись. Джош начал танцевать между ними до тех пор, пока его неодобрительными возгласами не спровадили с маленькой площадки. Потом они стащили Томми со стула, вывели на сцену и начали расстегивать его брюки. Томми был слишком пьян, чтобы чувствовать себя неловко, и в исступленном восторге позволил им гладить и ласкать его ноги. Потом блондинка взяла

маленькую плетку с двумя хвостами и начала несильно ударять его. А остальные продолжали свистеть и смеяться. Когда Томми затолкали обратно в толпу, другие выстроились в очередь, чтобы их тоже отхлестали.

— Я хочу, чтобы меня отодрали! — орал Саймон Стрингер.

— Никогда ничего подобного раньше не видел, — проворчал Флин, когда Джорди подсел к нему рядом за стол позади безумствующей толпы. — Смотреть на голых девушек — это одно, но наблюдать, как мужчины снимают брюки и требуют, чтобы их выпороли, — совсем другое.

— Согласен. Мне как-то не по себе от всего происходящего, старина, — пожаловался Джорди.

В комнате был полный беспорядок. Воздух был сизым от дыма сигарет и сигар, а скатерть, до того идеально белая, была заляпана объедками и забрызгана вином. На столе валялись разбитые бокалы и несколько стульев, которые поставили туда, чтобы лучше увидеть происходившее действие.

— Что об этом подумала бы подружка Саймона? Или, кстати сказать, что подумала бы Джессика, если бы узнала, как тут развлекается Томми? — продолжил Джорди.

И тут Томми заорал:

— Хлещи его посильнее, красотка!

— Парень, с которым я сидел по соседству, намеревался одну из них поиметь. А у него тоже есть девушка.

— Вот что я скажу тебе, Флин, это отвратительно! — От выпивки Джорди исполнился благочестивого гнева: — Знаешь что? — Он ткнул сигаретой в воздух. — Как будто только потому, что мы на холостяцкой вечеринке, это автоматически дает нам право вести себя так, как нам нравится. Мы делаем то, что совершенно недопустимо для наших девушек, но это не в счет, потому что это — холостяцкая вечеринка. Все это, — кивнул он на вожделеющую толпу, — ненормально, неправильно.

— Я не так обеспокоен этической стороной вопроса, — усмехнулся Флин. — Мне просто не хочется глазеть на сборище потных мужиков, которые скидывают брюки и умоляют, чтобы их выпороли. Я теперь уже никогда не смогу прямо смотреть им в глаза.

Финал шоу был уже близок, и Бома вытолкнул Эдди к двум девушкам, которые, как гарпии, принялись орудовать своими пальчиками, развязывая каждый узел, расстегивая пуговицы и молнию, пока, в конце концов, не пригвоздили его к полу. Они терлись об него, а потом прижались своими грудями к его лицу.

— Эдди, продолжай! Смотри, какие сиськи! — выкрикнул Бома, и его призыв подхватили другие гости вечеринки.

Но Эдди был уже в практически коматозном состоянии. Когда девушки с ног до головы покрыли его пеной для бритья и завернули в целлофан, он закрыл глаза и смирился со своей участью.

Как только Эдди был тщательно упакован, будто кусок высококачественного филе из «Теско», девушки прекратили свой спектакль и стремительно ретировались; на этом для них вечер закончился. Флин заметил, что Тим пошел за ними вслед, а Бома и Саймон пытались поставить Эдди на ноги. Джош подошел и сел рядом с Флином.

— По-моему, отличное представление, — сказал ему Флин. — Ты превзошел самого себя.

— Я нанюхался кокаина до черта, — со скукой в голосе признался Джош. — А ты чего

ожидал?

— Никак не меньше, чем только что было, — бросил Флин. — Что дальше?

— Ну, не знаю, как ты, а я собираюсь разорить казино.

Джош облокотился на стол и попытался налить себе вина, но большая часть жидкости пролилась мимо бокала, и на скатерти появилось еще одно расплывающееся пятно.

К ним приполз Эдди, полуголый, с комочками засохшей пены для бритья на воротнике и в волосах; Бома поддерживал его за пояс, не давая упасть:

— А теперь время танцев! — объявил Бома. — Кто с нами? Но скучные типы пусть остаются.

Несколько человек потянулись за ним, но всем было понятно, что вечеринка себя исчерпала.

Оказавшись на холодном и довольно свежем воздухе, Джорди обратился к Флину:

— Черт с ними, мне хочется спать.

— Да ладно, на этот вечер с меня хватит уже Бомы. Пусть они все вместе поймают такси, а потом мы смотаемся. В конце концов, так сделаем не только мы. Джош уже смылся в казино.

Флин заметил, что к группе снаружи присоединился Тим, и все его начали расспрашивать, удалось ли ему получить то, чего он хотел. То, как он все еще застегивал и поправлял свою рубашку, предполагало, что ему удалось. Наконец, кому-то удалось поймать такси и затолкать туда Эдди. Бома стоял на обочине, а потом вместе с остальными забрался в машину.

— Так вы за нами, да? — крикнул он Флину и Джорди. — Чтобы никаких дезертиров, понятно? Мы должны как следует потанцевать.

На этом он уехал, а для Флина и Джорди холостяцкая вечеринка Эдди закончилась.

Глава 12

Семьи

Когда следующим утром Флин, пошатываясь, спустился вниз, чтобы сделать себе чаю, Джорди был уже на ногах. В семейных трусах и в майке он сидел на диване. По телевизору шла какая-то программа о сельском хозяйстве, но Джорди мутным взглядом уставился в тарелку с кукурузными хлопьями.

— Про что это? — пробормотал Флин, в аналогичном наряде стоя в дверном проеме и почесывая голову.

— Что-то насчет дойки коров. Мне плохо спалось.

— А мне — отлично. Господи, еще только восемь тридцать, — добавил он, взглянув на табло с часами на видеомагнитофоне. — Хочешь чаю?

Флин ушел на кухню и спустя несколько минут вернулся с двумя большими кружками чая.

— Как тебе вечеринка? — спросил он.

— Да ничего особого. Не могу сказать, что это был лучший вечер в моей жизни.

— Немного все вышло из-под контроля, думается. Как будто мы вдруг оказались на собрании какой-то тайной секты, где все, что происходит в окружении четырех стен, — это безобидная игра, и эту игру не нужно судить с позиций принятых норм и принципов. Честно говоря, ни за что не поверил бы, если бы мне сказали, что в моей жизни будет такой день, когда я буду сидеть и смотреть, как мои друзья скидывают брюки и выстраиваются в очередь, чтобы их отхлестали кнутом. Как-то ненормально все это.

Джорди медленно кивнул, соглашаясь с другом:

— Я думаю, что все будут чувствовать, что несколько переборщили, когда проснутся сегодня утром.

Внезапно появилась заспанная Джессика. Она прошла через гостиную прямо на кухню, открыла холодильник и выпила стакан молока, а потом сказала:

— Боже, прямо с утра вы так шумите.

— Извини, — сказал Джорди.

— Ну, как вечеринка? — спросила она, возвращаясь в гостиную.

— О, нормально, отлично, — невозмутимо ответил Флин. — А как ты провела вечер?

— Слушай, — возмутилась Джессика, — я ожидаю немного большего, чем это «нормально».

— Так и быть, — вздохнул Флин. — Ужин был отличный, а потом все напились как черти.

— И что, никто даже не опозорился, не поругался? Не о чем посплетничать?

— Нет, ничего такого, — подтвердил Джорди.

Джессика сомневалась, что он честен, но понимала, что из них больше и слова не удастся вытянуть. Она сдалась:

— Ладно, это звучит совершенно отвратительно. А я провела чудесный вечер с Люси. Вы выглядите так, что мне кажется, вам обоим было бы гораздо лучше с нами, а не на этом мальчишнике.

— Наверное, ты права, — согласился Джорди, а потом, вдруг вскочил: — У меня идея: если уж все мы так рано встали и сегодня такой отличный денек, почему бы нам не поехать

к моим родителям на ланч? И поплаваем заодно.

— Блестяще, дорогой, — одобрила Джессика.

— Да, отличная мысль, — согласился Флин. — А Молли?

— Она уехала к своим родителям, так что едем втроем.

Родители Джорди жили все в том же доме, в той же деревушке недалеко от Солсбери уже многие годы. Джорди не помнил, чтобы у них когда-то был другой дом. Это был особняк времен королевы Анны с флигелями и конюшней, покоящейся на каменном холме, самое замечательное место в детстве. Когда они были младше, Флин проводил в этом доме больше времени, чем сам Джорди. И дом, и сад казались тогда больше, и там была куча интересных занятий. Когда они стали старше, это место стало самым любимым пристанищем многих из друзей Джорди. Джорди рос у двух социально очень активных родителей, которые никогда, казалось, не уставали от того, что по выходным поутру обнаруживали в своем доме с десятков молодых людей, распластавшихся на полу в спальнях мешках. На самом деле, Розы Хаверс, мать Джорди, всегда рассказывала подругам, что ей нравится, когда в доме так много детей, и что теперь, когда Джерри, старший брат Джорди, служил в армии и находится далеко от дома, они с мужем приглашают младшего сына приезжать с друзьями в любое время. Они и Джорди всегда так говорили, и он частенько этим приглашением пользовался.

— О, Джессика, дорогая, чудно снова видеть тебя, — сказал Джон, отец Джорди, взяв Джессику за плечи и осторожно поцеловав ее в обе щеки. — Флин, как поживаешь? Рад видеть вас. Пошли, заходите в дом.

На нем были шорты и голубая футболка, которая натягивалась на его небольшом животике.

— Как дела, пап? — спросил его Джорди.

— Кажется, все отлично. Твоя мама имела большой успех на деревенском празднике, но пусть она сама тебе обо всем расскажет.

Мать Джорди влетела в прихожую. На ней были свободная летняя юбка и футболка.

— Привет, дорогой, — сказала она, сначала поцеловав Джорди, а потом повернувшись к Джессике и Флину: — Просто отлично видеть вас. Мы подумывали устроить барбекю. Мясо на углях и джин-тоник.

Пока Джон с Джорди пошли разводить костер, чтобы приготовить угли для барбекю, Розы позвала Флина и Джессику поболтать и обсудить последние лондонские новости и сплетни.

— Ну, самое интересное, — начал Флин, — что Джорди, по-видимому, по-настоящему влюбился.

— Господи! Так это же просто замечательно! — улыбнулась Розы, а потом добавила: — Бедная девушка!

— Это не просто девушка, настоящая звезда, — добавила Джессика, — и зовут ее Молли. Я встречалась с ней только один раз, но мне она показалась невероятно милой и симпатичной. Но самое главное, ей очень нравится ваш сын.

— Джессике виднее, Розы, потому что мне до сих пор еще не позволили познакомиться с ней, — добавил Флин. — Но могу вам с уверенностью сказать, что он вдруг стал очень мягким и покладистым и редко говорит о чем-то, кроме Молли.

— Да, вам, наверное, это порядком поднадоело. Но я безумно рада за него, — призналась Розы. — Наконец-то у него появилась подходящая девушка. Я было уже

отчаялась. А как вы сами?

Оба сказали, что все у них в порядке, хотя им пока не удалось встретить свою половинку.

— А что у вас произошло с той обаятельной, симпатичной девушкой, от которой ты был в восторге, Флин? — спросила Рози.

— Непримиримые различия, боюсь, — насупился Флин. — Мне невероятно стыдно, и вообще не стоит об этом говорить.

Рози решила расспросить Джорди о Молли как следует, но ее сын был немногословен.

— Оставь ты бедного парня в покое, Рози, — строго велел Джон.

— Спасибо, пап, я твой должник, — улыбнулся ему Джорди.

— Ладно уж, — махнула рукой Рози, — но мне кажется, ты мог бы с матерью быть и пооткровеннее. Все матери хотят знать больше, когда с их сыновьями такое происходит.

За ланчем Рози и Джон рассказали гостям о деревенском празднике, где Рози выиграла приз за свою цветочную композицию, об «обедах на колесах»^[43] и о том, как жители деревни выступали с протестами против застройки старого футбольного поля. Ничего не переменилось: Рози всегда участвовала в делах местных общественных организаций, а Джон поддерживал ее по мере сил. Рози беспокоилась, будет ли у нее время сделать для местной церкви то, что она запланировала, и навестить миссис Рилей, чтобы обсудить с ней какие-то дела. Совсем не те волнения, которые были у Флина. Он переживал, собирается ли какой-нибудь режиссер дать интервью. Флин не считал, что его заботы более стоящие или более важные. Да и вообще, кому судить, что важно для людей, а что нет? «В конце концов, все в этой жизни относительно», — раздумывал Флин. Ничто, казалось, не изменилось в этом доме за все то время, что он знал Джорди, и он был несказанно этому рад. Это его обнадеживало, как и визиты к собственным родителям. Те тоже, казалось, практически ничего не изменили в образе жизни за все эти годы. Когда бы Флин ни переступал порог их дома, его приветствовали все те же картины в не изменившейся прихожей, все те же скачущие от радости собаки, как будто они жили в своем собственном микрокосмосе и не соприкасались с внешним миром. Когда почти все в собственной жизни так неопределенно и шатко, бывает чудесно вновь очутиться под защитой мира, в котором все так ясно и непреходяще.

Теперь, в саду в самом что ни на есть английском духе с родителями Джорди, окруженный множеством благоухающих цветов и недавно подстриженных лужаек, Флин чувствовал себя полностью расслабленным, он кожей ощущал, как прекрасна жизнь. Он закрыл глаза и позволил солнцу освещать его веки. До него долетали успокоительные звуки: голос Джона, песни птиц, жужжание пчел, а потом всплеск воды, словно кто-то нырнул в бассейн. Английская идиллия, какой она должна быть. Он был словно в коконе, который защищал его от напастей внешнего мира; ничто его не заботило и не расстраивало.

Когда они вернулись домой в Лондон, на автоответчике их ждали четыре сообщения. Одно от Молли для Джорди, одно от матери Джессики, и два для Флина.

«Привет, братишка. Это Сэм, — начиналось первое сообщение. — У меня для тебя новости, так что перезвони мне, когда появится свободная минутка».

Втрое сообщение: «Привет, это мама, Элен. Хм, мама Флина, ну вот. Флин, позвони мне, как только сможешь. Пока. Сынок! Ты будешь...» Короткие гудки.

Флин набрал номер сестры, узнать, что с ней могло стрястись.

— Привет, это Уилл? — сказал он, когда приятель сестры взял трубку.

— Да, привет, Флин! Как дела? Ты получил сообщение от Сэм?

— Да, конечно.

— И что это за новость, гадая о которой, я весь извелся?

— Ну, пусть лучше Сэм сама тебе скажет. погоди минутку, я позову ее к телефону.

Флин слышал, как Уилл пошел в прихожую и что есть мочи прокричал:

— Сэм!

Он услышал торопливые шаги, а потом голос своей сестры:

— Флин? Привет, братишка мой дорогой!

Сэм всегда относилась к нему, как к самому младшему в семье. Разница между ними была в семь лет, и для Сэм Флин всегда оставался маленьким братиком, ребенком, которого когда-то баловали и над которым тряслись все ее подружки.

— Моя красавица старшая сестренка! — подыгрывая ей, ответил он. — Выкладывай, что там у тебя?

— Ладно, а ты готов это услышать?

— Да. Что стряслось?

Она на минуту замолчала, сделала глубокий вдох, а потом сказала:

— Я беременна!

Флин был ошеломлен этим известием. Первый раз в жизни он никак не мог подобрать нужных слов.

— Э-эй? Ты тут? Скажи мне что-нибудь, — нервно позвала Сэм.

— Здорово! Чертовски здорово. Это просто... — Что он мог еще сказать? — просто фантастика, это прекрасно, просто невероятно, Сэм!

На другом конце провода его сестра рассмеялась.

— Так ты рад? Да? Скажи, что да! — почти умоляла она.

— Ну конечно, я рад. Я просто... честно говоря, Сэм, ты просто застала меня врасплох. Это так неожиданно.

— Слушай, приходи к нам завтра на ужин, ладно? К тому времени, думаю, ты уже справишься со своим шоком, бедненький маленький братишка.

— Да, с удовольствием. Будет здорово. Слушай, Сэм. Я думаю, это потрясная новость. Правда. Я просто не могу поверить, что скоро стану дядей! Господи, я же еще не дорос до этого!

— Эй, да тебе уже двадцать пять. К этому времени некоторые уже несколько лет живут в браке и успевают обзавестись тремя детьми. Ты же знаешь, что будешь замечательным дядей.

— Такая перспектива просто ужасна, — в шутку сказал он, а потом добавил: — Поздравь от меня Уилла.

Он все еще не мог прийти в себя, когда стал звонить родителям. Его мать, Элен, взяла трубку и сразу же спросила его, разговаривал ли он с сестрой.

— Мам, никак не могу поверить. Я все еще в шоке.

— Ну, я тоже взволнована, — призналась она. — Я только надеюсь, что это, наконец, заставит их пожениться.

— Ну конечно, они поженятся, иначе что о них подумает «Совет матерей»! — поддразнил Флин мать.

— Не будь таким противным. Ты же знаешь, к чему я это говорю. Но я поняла, что сейчас люди не придают большого значения таким вещам и что мне следует попытаться

стать более современной.

— Только не надо меня расспрашивать, я понятия не имею, какие у них планы. Не могу сказать, что я вообще предполагал, что такое возможно. А как тебе мысль, что ты скоро станешь бабушкой?

— Я в восторге, честное слово, очень рада, и отец рад. Хотя это заставило меня почувствовать себя немного старой.

— Ты чувствуешь себя старой? А как ты думаешь, что чувствую я? Я вот-вот стану дядей, а прошлым вечером я был на холостяцкой вечеринке Эдди. Эдди, понимаешь? А ведь ему столько же лет, сколько и мне! Да, скажу тебе, мама, ужасно много всего стряслось за последнее время.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Они продолжили разговор. Флин рассказал ей, что происходит в его жизни, а она рассказала, как Парснип охотился за овцой, и как они переволновались, потому что думали, что никогда не вернут его обратно домой. Потом он поговорил с отцом, который также, казалось, немного ошеломлен, а потому немногословен. Но это продолжалось только до тех пор, пока Флин не спросил насчет деревенского состязания по крикету. Этот разговор его отец поддержал гораздо более охотно.

— Команда сыграла совсем неплохо, на самом деле, — сказал он своему сыну. — Вчера я набрал целых двадцать три очка, — добавил он с гордостью.

— Что? Сэм беременна? — спросила Джессика, как только Флин повесил трубку. — А когда ребеночек появится?

— Господи, да не знаю я. Забыл спросить. Слишком уж все это было неожиданно, чтобы задавать подобные вопросы.

— А они собираются пожениться? — вмешался Джорди.

— Боюсь, этого я тоже тебе сказать не могу. Не знаю. Моя мама тоже этим очень обеспокоена.

— Думаю, мои родили тоже стали бы волноваться.

— Да брось, — засмеялась Джессика. — В наше-то время? Не думаю, что это вообще имеет какое-нибудь значение. Самое главное, что у них все в порядке и они счастливы.

— И несмотря на это, они скорее всего поженятся, как мне кажется, — неуверенно сказал Флин. — От всех этих разговоров я чувствую себя очень-очень старым. Как бы то ни было, завтра я пойду к ним в гости и разузнаю, какие на самом деле у них планы.

Сэм открыла дверь своему младшему брату. Флин не видел сестру почти месяц и очень себя за это ругал. Он ведь жил в ее доме бесплатно, а потом просто взял да и слинял. И вправду, ему следовало быть более внимательным. Было бы ужасно, если бы они отделились и виделись только на Рождество раз в году.

— Братишка, а ну-ка обними меня скорее! — закричала Сэм.

Помня о ее положении, Флин был очень осторожен, стараясь не обнять ее слишком крепко. В конце концов, он не хотел задушить ребенка. Они обнялись, и Флин почувствовал, как к его щеке прикоснулись волосы сестры и его окутал нежный знакомый аромат ее духов, которыми она, сколько Флин помнил, пользовалась постоянно.

— Просто хочу тебя предупредить, что в такие моменты я чувствую, как эмоции переполняют меня, — уткнувшись лицом в его воротник, произнесла Сэм.

Флин рассмеялся:

— Чего уж тут, казалось бы. Только один вопрос: могу я получить плечо назад в собственное пользование?

Его сестра начала хохотать, а Флин добавил:

— Сэм, я был невероятно взволнован твоим сообщением. Это удивительно, здорово, но очень неожиданно. А когда должен родиться ребенок?

— В начале января.

— Не так уж и много осталось ждать. А он уже начал пинаться ножками?

— Пока нет, но не беспокойся, когда начнет, я тебе сообщу. А теперь пойдем выпьем.

Она провела его в кухню. Это было большое помещение с двумя двустворчатыми окнами от пола до потолка, отчего в кухне, казалось, было много света.

— А где Уилл? — спросил Флин.

— Ему, боюсь, придется задержаться. Какие-то у него срочные дела на работе, но, как всегда, все это немного секретно. Сам понимаешь.

Уилл работал в Министерстве иностранных дел и, как говорила Сэм, дела у него шли отлично. Это заявление как нельзя лучше подтверждалось размером и обстановкой их дома, который Флин всегда считал идеальным лондонским домом — такой бы ему и самому хотелось иметь. Он считал, что Уилл и Сэм обставили свое жилище с безупречным вкусом. Они купили его почти три года назад. Это был не дом, а голые стены, от пола до потолка оклеенные какими-то старомодными, а потому жутко безвкусными обоями. Каждый квадратный сантиметр пола покрывали жесткие ковры, которые от старости в некоторых местах покрылись плесенью. Ковры немедленно были содраны, полы продезинфицированы, отшлифованы и выложены паркетом. Флин вспомнил, сколько труда и времени потребовалось, чтобы удалить обои. Иногда он помогал им, а теперь вспоминал, как на сестре, когда она занималась покраской, были надеты рабочие брюки из грубой хлопчатобумажной ткани, и как она постоянно умудрялась капнуть краской себе на лицо или на волосы. Теперь в доме было столько всего интересного: книги, CD-диски и маленькие *objets d'art*^[44]. Здесь удивительным образом сочеталась мебель, увезенная от родителей, и совсем новые современные предметы: огромный диван и кровать с кованой железной спинкой. На стенах висело даже несколько настоящих картин. Возвращаясь к себе домой от Сэм и Уилла, Флин всегда чувствовал некоторую неудовлетворенность своим съемным пристанищем.

— Что ж, Сэм, давай, выкладывай все, как есть, — велел Флин, как только они уселись в гостиной. — Если ребенок родится в январе, значит, ты уже почти три месяца беременна. Как тебе удавалось так долго от всех это скрывать?

Сэм рассмеялась:

— Честно говоря, не знаю. Я буквально сгорала от желания все тебе рассказать. Поразительно, что ты сам ничего не заметил. Я же не пила алкоголь и заметно поправилась.

— А вот это полная чушь. По мне, так ты выглядишь как и всегда.

— Очень мило с твоей стороны, но уверяю тебя, в весе я прибавила прилично. Одному богу известно, как я буду выглядеть к Рождеству.

— Все это очень странно, понимаешь, — сказал Флин, обнимая сестру за плечи. — Казалось бы, совсем недавно мы были детьми, жили с родителями. И вот ты почти замужем, живешь в собственном доме, а через несколько месяцев у тебя будет ребенок. И тогда у тебя будет самая настоящая семья.

— Но ведь это так здорово! К тому же, я уверена, ты будешь самым лучшим на свете

дядюшкой, — добавила Сэм, и в ее глазах заблестели слезинки. Она начала тереть глаза кончиками пальцев, смеясь и плача. — Говорила же я тебе, что у меня теперь все время глаза на мокром месте!

Флин чувствовал себя неловко. Он никогда не умел обращаться с людьми, которые плачут у него на глазах. Потому он спросил сестру:

— А вы собираетесь расписываться?

— Что? Чтобы у меня была «свадьба по необходимости»? — возмутилась Сэм, быстро забыв о своей чувствительности.

— Мама места себе не находит, — вставил Флин.

— Не сомневаюсь. Действительно, что об этом подумают в деревне? — рассмеялась она.

— Я ей почти то же самое сказал.

— Не знаю, как дальше будет. Полагаю, для ребенка это может стать проблемой, когда он или она пойдет в школу. Все зависит от того, отправят ли Уилла работать за границу в ближайшие несколько лет. Жаль, конечно, расстраивать родственников, но не думаю, что нашей свадьбе суждено состояться в скором времени. Как бы то ни было, только вообрази себе, как мама будет виться на свадьбе вокруг меня, толстой и беременной. Ночной кошмар, да и только.

— Ты права. Представляю, что из этого всего получится, — согласился Флин. — Ничего, кроме самого большого в жизни разочарования, из этого не выйдет.

— Да уж. Вообще-то, я и без всякой свадьбы счастлива.

Через несколько минут пришел Уилл, и они втроем сели ужинать. Почти все разговоры были о ребенке: на кого он будет похож, как их родители восприняли эту весть, как ухаживать за грудными детьми. Уилл и Сэм поправляли Флина, когда его размышления по поводу беременности и младенцев были ошибочными. Уилл очень нравился Флину. Он искренне радовался этому, потому что до этого Сэм встречалась с несколькими парнями, которые казались Флину ужасными. Хотя Уилл был всего на семь лет старше Флина, он казался человеком из какой-то другой эпохи. Флин не мог себя представить к тридцати годам таким же взрослым, возмужавшим. Может, таким серьезным Уилл стал из-за той ответственности, которая легла на него как на сотрудника Министерства иностранных дел, а может, он выглядел таким оттого, что виски у него уже начали сесть. Сэм не казалась такой же взрослой. Но ведь Сэм — это Сэм. Впрочем, вероятно, все переменится, когда она станет матерью.

Ребенок! Весь следующий день Флин только и размышлял, что о нем. Когда он рассказал о своих чувствах Тиффани, то обнаружил с ее стороны горячую эмоциональную поддержку, потому что у нее уже было несколько племянников.

— Честное слово, Флин, я была сама не своя. Мне никак не верилось, что у моего старшего брата родился ребенок. Мне было что-то около девятнадцати, у меня в голове не укладывалось, что я — тетя.

— Придется с этим мириться, но я не чувствую себя настолько взрослым, чтобы становиться дядей.

— Понимаю. Меня тоже не интересовали дети до тех пор, пока не появился Грег. Но когда рождается ребенок, в котором течет и частичка твоей крови, все меняется. У меня сейчас два племянника и три племянницы, и я их всех просто обожаю.

Тиффани достала из кошелька фотографию с замятыми уголками, на которой были запечатлены все пятеро ее племянников и племянниц:

— Но вот что я тебе скажу. У каждой медали есть своя обратная сторона. Мне, конечно, нравится жить в Лондоне, но я безумно по ним скучаю.

Когда следующим вечером Флин встретился с Джошем в кафе «Бленхейм», он понял, что все никак не перестанет раздумывать о последних новостях:

— Уж и не знаю, почему меня все это так задело, Джош. Знаю, нелепица какая-то.

— Это все потому, что она — твоя сестра, и ты никак не можешь представить ее себе в другой роли. Ты не можешь представить ее в роли матери и принять, что у нее с Уиллом будет собственная семья, — глубокомысленно изрек Джош.

— Может быть, может быть. Признаюсь, когда мы ужинали, я взглянул на Сэм и Уилла и внезапно представил, как они занимаются сексом, как они сопят совершенно голые и вспотевшие. Омерзительно. Никогда раньше не думал, что Сэм может такое делать.

— Это вроде как представить, что твои предки этим занимаются.

— Что-то вроде того. Ну, может, не так ужасно. В любом случае, придется напрячь силы и смириться с этим.

— Но это не так-то и просто, — продолжил Джош, — когда вдруг понимаешь, что не за горами то время, когда ты сам окажешься на их месте. Это такое же ужасное чувство, как когда до тебя доходит, что некоторые игроки футбольной команды «Глазго рейнджерз» младше тебя. Вот оно. Вот этот момент, когда ты понимаешь, что упустил свой шанс, и теперь, как бы ты ни старался и что бы ни случилось в твоей жизни, ты уже никогда и за миллион не станешь профессиональным футболистом.

— Дружище, ты прав! Именно так я себя и чувствую. Дети, холостяцкие вечеринки, свадьбы. Мы на пороге новой эры, наша молодость подходит к концу.

— Как ни печально, но это сущая правда, друг мой.

Они замолчали и раздумывали какое-то время каждый о своем, а потом Джош пошел купить еще выпивки. Флин и Джош довольно часто вот так встречались друг с другом и болтали в каком-нибудь кафе. Часто Флину доводилось видеть, как в том же кафе его знакомые сидят с компанией приятелей, и тогда он понимал, что мало с кем из друзей он вот так вот встречался один на один и вел душевные разговоры. Джош и Флин во многом друг от друга отличались: у Джоша был совершенно иной круг знакомств, в том числе университетских, он был баснословно богат и довольно много времени проводил в казино за покером. А Флин не понимал даже как устроен самый простой игровой автомат и никогда не катался не лыжах в Альпах. Но, несмотря на все эти различия, они оставались близкими друзьями, и Флин надеялся, что их с Джошем дружба никогда не кончится.

— Как тебе холостяцкая вечеринка Эдди? — спросил его Джош, когда вернулся назад с кружками с пивом.

— Все это было как-то ненормально.

— А по-моему, просто ужасно. Я переусердствовал и сделал из себя посмешище, — признался Джош.

— Да уж. Ты вел себя как одержимый.

— Будет мне урок, — подмигнул Джош. — Больше никакой наркоты, старина.

— Ну, уверен, что ты провел время лучше, чем я. Я там обнаружил, что никак не могу опьянеть. Видимо я слишком много всего съел. Так что мне пришлось наблюдать все это отвратительное действо по трезвости. Это уж слишком, когда люди умоляют, чтобы их

выпороли. Это какое-то извращение, честное слово.

Джош передернул плечами:

— Скрытые сексуальные пристрастия?

Флин улыбнулся. Может, они были и разные с Джошем, но когда они встречались вот так вдвоем, то отлично проводили время. Флин понимал, что иногда этого вполне достаточно.

Глава 13

Как в кино

Пока Флин гостил у своей сестры, Джорди наконец ехал к Молли в Хайбери. Ее соседки по квартире — Лиззи — этим вечером не было дома, а Молли готовила для него ужин. «Она, возможно, в какой-то момент вернется, но большую часть вечера квартира в нашем распоряжении», — накануне сказала ему Молли. От этих слов он почувствовал прилив возбуждения и радостного предчувствия, потому что понимал, что все идет к тому, что он наконец-то окажется в ее постели.

На следующий день Джорди уезжал по делам в Манчестер. Но сейчас, пытаясь как можно скорее доехать до другого конца Лондона, он об этом и думать забыл. Путешествие заняло целую вечность, но, вдохновленной предстоящими событиями вечера, Джорди оставался довольно спокойным и закричал только один раз — на велосипедиста, который зацепил его боковое зеркало. Добравшись наконец до Хайбери, он быстро нашел нужный дом, припарковал машину, проворно взбежал по лестнице и набрал на домофоне номер ее квартиры. Из домофона не последовало никаких сигналов, а потому Джорди занервничал. А потом откуда-то сверху он услышал голос Молли:

— На самый верх.

Когда он взлетел на третий этаж, Молли, как всегда само очарование, поджидала его на лестничной площадке. Она обняла его и поцеловала в губы.

— Вот ты и приехал! Наверное, все эти переезды тебя рассердили? Как там дела на севере?

Джорди рассмеялся.

— Я был очень спокоен всю... ну, почти всю дорогу. Я еще никогда не был в этом районе Лондона. Здесь такой красивый парк, — сказал он, а потом добавил: — Вот, смотри, я тут тебе кое-что купил, — протянул он ей букет цветов.

Он раньше никогда никому не дарил цветов, а потому столь романтичный жест заставил его чрезмерно смутиться. Он был рад, что никто из знакомых его сейчас не видит. Продавец цветов спросил, чего бы он хотел, но Джорди так растерялся, что попросил готовый букет. «Мне нужно что-нибудь такое, что приятно выглядит и пахнет», — промямлил он продавцу, который в ответ предложил ему букет, составленный из разных цветов и листьев. Джорди этот букет очень понравился, но лучше всего было, что предприятие с покупкой цветов так быстро закончилось. Хотя все его мучения стоили того, чтобы увидеть, как обрадовалась Молли, когда он вручил ей букет. Джессика говорила ему, что мужчина никогда не ошибется с подарком, если преподнесет цветы. Она оказалась права.

— О, какие красивые! Спасибо. — Молли уткнулась носом в букет и глубоко вдохнула аромат цветов. — Какой роскошный аромат. Спасибо тебе, Джорди. Так приятно получать цветы.

Флорист явно не подкачал.

— А еще у меня с собой вино, — сказал Джорди, доставая из своей сумки бутылку, — а вот это я нашел в центре Борхамвуда.

Он привез видеокассету с фильмом «Неосторожный».

— Какой ты молодец! Сто лет уже не смотрела это кино. Большое спасибо!

Потом Молли пригласила его в гостиную, поставила цветы в вазу, включила видео и

обняла Джорди за шею и еще раз поцеловала.

— Я так рада тебя видеть, — призналась она.

Джорди посмотрел в ее светло-голубые глаза и почувствовал, как тает его сердце.

— Как насчет экскурсии? — спросил он шутливо.

Когда он вошел в квартиру, то сразу обратил внимание на то, как в ней уютно и с каким вкусом она обставлена. Ему всего этого очень не доставало в его доме. Рамы двух окон гостиной были подняты, и прохладный вечерний бриз поигрывал шторами тяжелого шелка. Все здесь было просто отлично. На широком, мягком и удобном диване располагалось несколько подобранных по цвету подушечек. В центре гостиной стоял накрытый на двоих стол. В одном конце комнаты располагался изысканный, тонкой работы сервант, а с другой — камин, перед которым лежал шикарный ковер. Все здесь говорило о том, что у хозяев отличное чувство вкуса и стиля.

— Здесь чудно, — сказал Джорди, понимая, что Молли могла быть только разочарована домом в Баронс-Курт.

— Здесь мило. Эта квартира уже долгое время принадлежит родителям Лиззи, а потому они берут с нас очень маленькую арендную плату. Так что мне очень повезло.

Кухня, как и следовало ожидать, не шла ни в какое сравнение с той, что была в доме, который он снимал вместе с Джессикой и Флином. А потому Джорди снова почувствовал неудовлетворенность тем, в каких условиях он жил. Квартира Молли была очаровательной, в ней хотелось жить, и она разительно отличалась от съемного жилья, заставленного несуразной мебелью 1970-х годов.

Молли достала из холодильника две бутылки пива, открыла их, проверила духовку, а потом повела Джорди обратно в гостиную.

— Не думаю, что тебе понравился мой дом, — заметил он, глядя в окно на парк.

Молли улыбнулась ему. На ней были летнее платье и легкие парусиновые туфли на резиновой подошве. Она рассеянно отдирала этикетку со своей бутылки пива. Вечернее солнце освещало небольшой пятючок на полу, диван и Молли, отчего волосы ее переливались золотисто-каштановым и рыжим цветами. Этого Джорди раньше не замечал.

— Пока я тут живу, я совсем разленилась. По крайней мере, у тебя рядом с домом есть речка. Мне нравится, когда у меня в любой момент есть возможность встать и прогуляться по берегу Темзы. А еще там столько пабов...

Она сделала большой глоток из своей бутылки, а Джорди подошел и сел рядом с ней. Внезапно ему показалось, что он слышит, как на деревьях в парке поют птицы. Он был влюблен, а потому стал таким восприимчивым и чувствительным. Он был глубоко взволнован тем, что ощущает прикосновение ее волос к своей щеке, что может вдыхать их аромат, чувствовать ее руки у себя на плечах. Вот он, момент, когда их платонической любви суждено перейти в новое качество. Свободной рукой Джорди начал нежно гладить Молли по волосам.

— Мне и вправду надо начать играть в лотерею, — сказала она, улыбаясь, — тогда я куплю себе дом в том районе. Вообще-то, я постоянно забываю купить лотерейный билет, но здорово иногда помечтать, что бы ты сделала, если бы на самом деле выиграла.

Джорди рассмеялся:

— Я бы уехал из Лондона и купил тот большой дом в окрестностях Солсбери. Это роскошный, великолепный дом, и при нем располагается большая ферма. А еще, наверное, я бы ушел в долгий-предолгий отпуск, кругосветное путешествие длиной в год.

— Ты и без лотереи сможешь все это осуществить, но как же твоя работа?

— Ну, будем надеяться, что у меня все же будет ферма, но прежде мне надо пойти в какой-нибудь сельскохозяйственный колледж, поучиться годик-другой, чтобы ею управлять. Будь уверена, я брошу весь этот компьютерный бизнес.

— Я бы тоже ушла с работы, хоть завтра, если бы могла. Уж тогда-то я нашла бы миллион способов хорошо провести время. У нас бы были курочки, которых бы я стала кормить, и собаки, которых бы я стала выгуливать.

«У нас»? Она сказала «у нас». Они же просто шутили, но, как бы то ни было, она сказала «у нас», и сказала это так, словно у них было совместное будущее.

На кухне вдруг раздался звонок.

— Время ужинать! — объявила Молли, высвободилась из объятий Джорди и понеслась на кухню. Джорди был в восторге, что она ради него так старается, но в то же время он чувствовал себя немного неловко. Перед ним появилась тарелка с едой, и Молли стала с любопытством за ним наблюдать. Как же в этот момент ему захотелось очутиться в ресторане, в окружении других посетителей, только чтобы его вот так пристально не разглядывали! Наконец Молли и сама начала есть, болтать и подливать ему вина. Стоило ему начать ужин, как от чувства неловкости не осталось и следа.

Мясо было сочным, подливка густой, и Джорди наслаждался каждым кусочком. Было очень вкусно, и он сказал об этом Молли.

— Помню, как ты сказал, что традиционная кухня всегда самая лучшая, вот я и решила нечто такое соорудить. Я даже пудинг приготовила.

Джорди, весь сияя от счастья, влюбленно смотрел на нее. Может ли быть, чтобы девушка была настолько совершенной? Вообще-то, именно так его обычно кормили родители, так что тут не было ничего необычного, но каким-то удивительным образом Молли удалось придать этим блюдам какой-то незабываемый вкус, добавить что-то не совсем обычное. Яблочный пудинг был самым вкусным из всех, что ему когда-либо довелось попробовать, в нем было много изюма и корицы, и он был хорошо пропитан сиропом и щедро украшен кремом. Джорди чувствовал себя по-настоящему счастливым человеком. С Молли ему было очень легко. Ему так несказанно повезло. Она была роскошна. Маленький комочек крема упал ей на подбородок, и она пыталась не рассмеяться. Джорди протянул руку и пальцами смахнул его.

— Очень вкусно.

Они поужинали и снова сели на диван. Джорди понимал, что главный момент приближается. У него вдруг появилось мимолетное ощущение, что все начинается заново, что он делает первый шаг в своей жизни. Как плохо, что он так наелся и чувствовал себя тяжеловато. Ну, что поделать, он никогда не мог отказаться от добавки.

— Посмотрим фильм, — предложила Молли. — Хочу его посмотреть вместе с тобой.

— Давай, — согласился он.

За окном темнело, и Джорди заметил, что Молли замерзла.

— Иди ко мне, — позвал он, и Молли придвинулась к нему, а он ее покрепче обнял. На экране начали мелькать имена актеров, а потом появилась Ингрид Бергман. Она была немного старше, чем представлял себе Джорди, но в то же время сногшибательна. Он поцеловал Молли в макушку и сцепил руки в замок под ее грудью. А потом на экране появился Кэри Грант и вступил с кем-то в драку.

— Он был очень, очень обходительным, правда? Таким манерам в школе не учат, —

сказал Джорди. Молли, соглашаясь с ним, что-то пробормотала себе под нос. Джорди поцеловал ее в ухо и передвинул руки поближе к ее груди. Она была такой мягкой, и в то же время упругой под хлопковой материей ее платья и кружевным бюстгальтером. На экране Кэри Грант и Ингрид Бергман знакомились друг с другом. Видно было, что они влюбились с первого взгляда. Молли поглаживала Джорди по ноге. У Джорди возникла эрекция, и он нервничал, чувствует ли Молли, как натянулись его брюки и как его член упирается ей в спину. Он начал думать, что будет дальше, и от этого только еще больше возбудился. Его манили ее пышная грудь, белые руки и шея, но ему хотелось увидеть ее полностью обнаженной, прикоснуться к ней. Вспомнив историю про чувственного гладиатора, которую он прочитал в «Макдоналдсе» в Ричмонде, он положил руки ей прямо на грудь и поцеловал ее в щеку, потом в ухо и шею, сначала нежно и осторожно, а потом все более настойчиво и страстно. Улыбаясь, Молли закрыла глаза и медленно вытянула ноги. Джорди опустил руку и тихонько, сантиметр за сантиметром, поднял ее платье. Он гладил ее бедра сначала с внешней стороны, а потом, легко и аккуратно раздвинув ее ноги, начал вести рукой вдоль внутренней части бедра все выше, пока не почувствовал ткань ее плавков. Их больше не волновали ни Кэри, ни Ингрид, ни их диалоги, ни музыка, которая сопровождала приключения героев фильма. Все это стало лишь фоном их ласк.

Внезапно Молли перевернулась и встала.

— Пошли, — сказала она Джорди, и повела его в спальню.

Смеясь, она рухнула на кровать и раскинула руки в стороны, маня его к себе. Джорди забрался в постель, и Молли, сев на него сверху, поцеловала его. Джорди притянул ее к себе и еще раз жадно поцеловал. У него в теле больше не было той тяжести, что была после ужина. Он чувствовал, как она расстегивает его брюки, как гладит своими маленькими ладошками его грудь. Он, в свою очередь, начал осторожно снимать с нее платье. Опять закрыв глаза и чуть приоткрыв рот, она немного наклонилась, чтобы помочь ему. Джорди нащупал пуговицы на спине платья и начал их расстегивать, пока Молли покрывала его лицо поцелуями. Она целовала его в глаза, в нос, в губы, в щеки, проводила пальцами по его волосам. Расстегнув пуговицы, он ощутил, какая у нее на спине была мягкая кожа. Ему мешал только бюстгальтер, который он, так же неумело, как и платье, расстегнул. Снова взявшись обеими руками за платье, он, наконец, стащил его с нее и швырнул через всю комнату. Молли распрямила спину, и он снял с нее лифчик. На ней теперь оставались только плавки. Джорди больше себя не контролировал. Возбужденный до предела, он стащил с нее плавки, пока она лихорадочно снимала с него брюки. За считанные секунды он тоже оказался обнаженным, и Молли нежно прошептала ему в ухо:

— Да, Джорди, давай.

Он вел себя как дикий зверь, стараясь как можно глубже проникнуть в нее. Было ли это чувственно? У Джорди не было времени на раздумья, но одно он знал наверняка: Молли хотела его так же сильно, как он хотел ее. С каждым толчком их дыхание становилось все тяжелее. Он понимал, что на это раз все быстро закончится, но чем глубже он входил в нее, тем громче она стонала от удовольствия, а он все сильнее возбуждался. Он не контролировал происходящее, и когда почувствовал, как на него накатила волна экстатического удовольствия, он внезапно вскрикнул и кончил прямо в нее.

На какое-то время они замерли, а потом легли друг с другом рядом на кровать и, укрывшись одеялом, обнялись. Обоим было жарко, они вспотели и начали смеяться. Наконец Молли выбралась из-под одеяла и вышла из комнаты, а Джорди остался лежать на

кровати. Он ликовал. Это был лучший секс в его жизни, пусть и не самый продолжительный. Никогда и никого он еще не хотел так сильно. Никогда он не испытывал такого сильного желания. Он услышал, как в ванной Молли открыла воду. Через несколько минут она позвала его к себе.

Она лежала в ванной под толстым слоем пены, но и для него оставалось местечко, поэтому он забрался к ней и лег сзади. Какое-то время они лежали молча. Джорди гладил ее влажное тело и наслаждался ее наготой. Какая же мягкая была у нее грудь, какая нежная, чистая кожа! Все совсем не так, как у него.

— Никогда раньше ни с кем не принимала вместе ванну, — вдруг призналась Молли.

— Я тоже, — ответил Джорди.

— Разве что с моим братом, когда я была совсем еще крошкой. Очень приятно, не считаешь?

— Определенно. Тебе следует почаще это делать.

— Когда у нас появится огромный загородный особняк, я думаю, нам просто необходимо завести там большую ванну.

— С джакузи.

— С джакузи.

Они вернулись в спальню, а потом Молли вспомнила, что не выключила видеомэгнитофон и побежала в гостиную. Джорди, все еще голый, лежал на кровати, когда она вернулась.

— Здорово, — вырвалось у него.

Молли игриво ему улыбнулась, подошла и легла рядом с ним.

— Ты такая красивая.

— Ты тоже ничего, — засмеялась она.

Он снова заглянул в ее светло-голубые глаза, увидел, как пряди ее волос обрамляют ее милое лицо, и задумался, что же дальше будет у него с этой девушкой, которую он так любит. За что только ему так повезло? В этот момент Джорди поклялся самому себе, что вечно будет ее любить и никогда не отпустит.

Джорди разыгрывал из себя «чувственного гладиатора» всю оставшуюся часть вечера, и наутро безумно обрадовался, когда увидел, что Молли все еще лежит рядом. Значит, то, что с ним произошло накануне, не сон! Но ему надо было вставать и ехать на работу, поэтому, выскользнув из-под одеяла и подхватив трусы и футболку, он направился в ванную.

— Привет, — сказала одетая в пижаму девушка с копной курчавых светлых волос, закрывавших почти все ее лицо. — Ты, по все видимости, Джорди?

— Привет, ты Лиззи?

Джорди совсем забыл о том, что у Молли есть соседка. Он слышал, как она вернулась домой поздно вечером, но никак не ожидал, что первым, кого он увидит утром, пробудившись от крепкого сна, будет она.

— Хочешь чаю? — проходя мимо него на кухню, спросила Лиззи.

— Да, спасибо, неплохо было бы. Можно воспользоваться ванной?

— Да, конечно. Только помой от сбритой щетины раковину и опусти крышку унитаза, когда сделаешь свои дела.

«Грубовато», — подумал про себя Джорди, но решил, что это справедливо. А потому после бритья несколько минут потратил на то, чтобы вымыть раковину и тщательно осмотреть ее, не осталась ли где его щетина.

— Твой чай дожидается тебя за дверью, — прокричала Лиззи, пока Джорди стоял на коленях и протирал пол.

— Большое спасибо, — крикнул он.

Закончив наконец уборку, он вернулся в комнату Молли. На кровати рядом с Молли сидела Лиззи. Девушки о чем-то болтали.

— Не обращай на меня внимания, — сказала Лиззи.

Но Джорди чувствовал себя неловко и хотел поговорить с Молли наедине. Не произнеся не звука, он надел свой костюм и собрал вещи, пока Лиззи весело продолжала рассказывать Молли о том, как провела прошлый вечер в испанском баре.

— Слушайте, мне пора, — наконец сказал Джорди.

— Ладно, влюбленные голубки, оставлю вас наедине, — засмеялась Лиззи и, подмигнув Джорди, вышла из комнаты.

— Извини, Джорди, для нее это все тоже необычно, но она милая, честное слово.

— Спасибо за вечер и за ночь, — шепнул он. — Когда я тебя снова увижу?

— Когда ты возвращаешься из командировки?

— В четверг.

— Тогда приходи ко мне в четверг. Ты позвонишь?

Джорди пообещал, что позвонит, а потом поцеловал Молли, улыбнулся на прощание и ушел.

Если сравнивать с восторгами Флина по поводу беременности Сэм и Джорди по поводу проведенной с Молли ночи, то для Джессики неделя прошла довольно спокойно. Она работала над одним крупным проектом, и ей приходилось задерживаться в офисе допоздна, а потому у нее совершенно не было сил на вечеринки. Ее пока не повысили, но она была почти уверена, что это вопрос времени. Ей нравилось иногда уходить с головой в работу. Если проект был ей интересен, то она сосредотачивалась на нем, и дни пролетали очень быстро, а она чувствовала удовлетворение от проделанной работы. Вечером в четверг она была несколько раздражена, когда Ричард Кибл подошел к ее рабочей тележке. К своему ужасу она поняла, что вокруг нет ни одной живой души, и у нее в голове промелькнула ужасающая картина, как этот омерзительный человек забирается на нее и жестоко насилует.

— Привет, — сказал ей Кибл.

Джессика на мгновение оторвалась от работы, только чтобы удостовериться, что его присутствие ей не приснилось.

— Да уж, хорошо ты меня на днях отчитала. Ничего не скажешь. Может, сходим куда-нибудь, я угощу тебя выпивкой, и мы помиримся?

— Ты, наверное, шутишь, да? — холодно произнесла Джессика, так и не подняв на него взгляд.

— Шучу? Нет, правда. Я просто хочу извиниться, — примирительно сказал Кибл, усевшись рядом с ней на стул.

Джессика пришла в ярость:

— Отвали, понял? Не смей даже заговаривать со мной еще раз.

Он был ошарашен, а Джессика почувствовала, как горят ее щеки.

— Господи боже, — наконец прошептал Кибл, а потом громко добавил: — Чертова злобная стерва!

Когда через полчаса Джессика вышла из офиса, то поняла, что совершенно не в настроении с кем-либо вести беседы. Потому, едва вернувшись домой, тут же отправилась в свою комнату и легла на кровать.

Тем не менее она планировала сходить куда-нибудь в пятницу вечером. В этот день она и мельком не видела Ричарда Кибла. В середине недели ей на работу позвонила Ким и пригласила ее сходить в ресторан, который недавно открыл один из ее друзей. «Мы с тобой уже лет сто не виделись, да и вообще, мы там отлично проведем время. Вот увидишь. Паоло отличный парень. Уверена, он тебе понравится», — сказала ей Ким. Джессика тогда как раз дописывала что-то очень важное и сосредоточилась больше на своем ноутбуке, нежели на разговоре с Ким, а потому согласилась. Ким была одной из ее ближайших подруг. Много хорошего было в ней, но были у нее и такие черты и привычки, которые раздражали Джессику. Хотя даже неплохо, когда есть человек, о котором можно посудачить. Слишком уж скучно, когда все вокруг тебе нравятся. Джессика познакомилась с Ким, когда, закончив университет, пыталась устроиться на работу в редакцию журнала «Вог». Между ними оказалось много общего: обе девушки любили наряды и походы по магазинам, и между ними даже возникло негласное соперничество, хотя было ясно, что Ким следит за модой более пристально, чем Джессика. Потом Джессика начала заниматься рекламным бизнесом, а Ким

продолжала работать на один из дорогах глянцевого журналов и организовывала показы мод по всему миру. Казалось, она постоянно куда-то едет: то на Коста-Рику, то в Париж, то в Тунис или еще в какую-нибудь экзотическую страну. И она никогда не упускала случая похвастаться Джессике о своих успехах.

«Ким достала меня, — бывало, жаловалась Джессика, — все время говорит мне о знаменитостях, которых она знает. Только что вот рассказывала, как организовывала фотосессию для Наоми в Испании».

Флин с Джорди обычно отвечали ей, что работа Ким — это нечто вроде работы прислуги. Ей постоянно приходится удовлетворять капризы и справляться с быстрой сменой настроения всех этих взбалмошных моделей. Джессике было приятно это слышать, но про себя она считала, что у Ким, пожалуй, самая лучшая работа из всех ее знакомых.

В пятницу вечером девушки встретились в баре, битком набитом жаждущими отдохнуть после рабочей недели людьми. Ким коротко подстригла свои длинные светлые волосы, на ней был легкий летний костюм. Выглядела она безукоризненно.

— Джессика, дорогая, как поживаешь? — прощепетала она, легонько чмокая подругу в одну, а потом в другую щеку.

— Спасибо, хорошо. Как ты? Отличные духи.

— Новый аромат от Диора. Скоро будет в открытой продаже. Тебе и правда нравится?

— Просто великолепные.

Несколько минут они осыпали друг друга комплиментами, а потом Джессика спросила:

— Так какой у нас план на вечер?

— Выпьем пару стаканчиков в центре, а потом прыгнем в такси и поедem в сторону Ноттинг-Хилла, где мы и встретимся с Паоло в его новом ресторане, а потом втроем поужинаем. Только он просил нас не приезжать очень рано, так что, надеюсь, ты не возражаешь, если мы проведем здесь еще немного времени.

— Да, конечно. Отличный план. А что там за ресторан?

— Называется «Барберино». В современном европейском стиле. Сам Паоло — итальянец, но у него уже есть итальянский ресторан рядом с Ковент-Гарден^[45].

— А что за парень? — небрежно поинтересовалась Джессика. — Откуда ты его знаешь?

— Я раньше часто по работе ходила в его итальянский ресторан, и в один из таких визитов с ним и познакомилась. Он очарователен и очень хорошо запоминает лица и имена людей. Он знает всех своих постоянных клиентов, что, как мне кажется, сыграло немаловажную роль в успешности его бизнеса. Раньше он занимался строительством, но потом решил, что хочет открыть собственный ресторан.

— Когда допьем, может, пойдем еще куда-нибудь? — предложила Джессика. Ей было жарко в плотном костюме. — Здесь столько народу, так шумно, что я свои собственные мысли едва могу разобрать.

— Конечно. Пошли, выпьем по коктейлю в «Кво вадис».

Джессика не возражала. Она на все была согласна, лишь бы скорее выбраться из этого бара. «Какого черта я злюсь?» — думала Джессика, проходя мимо головы коровы Дамиена Хёрста^[46]. За нее только что заплатили, так что она с удовольствием выпьет еще один дорогой коктейль.

— Что для вас, мадам? А для вас?

Подобострастный официант протянул им список коктейлей.

— И почему, интересно, в центре Лондона официанты без европейского акцента

пользуются дурной репутацией? — сказала Джессика Ким. — И почему они при этом всегда такие худые, темноволосые и так плохо говорят по-английски?

Ким рассмеялась:

— Не знаю. Очевидно, это создает некую космополитическую атмосферу. Но вообще англичане не особо славятся своей кухней, так ведь?

— Не знаю. В Лондоне можно отведать любое блюдо любой кухни мира. Так что, думаю, лондонцы довольно искушенные по части всяческих кулинарных изысков.

— Да, но знаешь, все эти иностранные блюда готовятся здесь не так, как в тех странах, откуда они родом.

— Наверное, ты права. Что собираешься заказать?

— «Чай со льдом на Лонг-Айленде».

Джессика заказала себе то же самое, и, попивая напитки, они начали разговор о том, как обстоят дела на работе. Ким щебетала что-то насчет мира моды, пересказывала Джессике последние слухи и сплетни, которые она слышала от дизайнеров и моделей, а еще рассказывала, чем она собирается пополнить свое гардероб к грядущей зиме. Их разговор был игрой в одни ворота: казалось, Ким было интереснее рассказывать о своей жизни в мире моды, нежели слушать о жизни Джессики в мире рекламы. Ким говорила о рекламе только тогда, когда это хоть как-то было связано с модой:

— Да, ты права, это был отличный рекламный ход, — заметила она, когда Джессика рассказала ей о последней рекламной кампании косметической линии «Фэрроу энд Кин», над которой она работала. — Видимо у Стеллы неплохо идут дела, раз она готова так потратиться. Думаю, эта кампания недешево ей обойдется.

— Да, нам это точно не по карману.

Джессика невольно задумалась, неужели Ким со всеми своими друзьями так себя ведет — кичится знакомством со знаменитостями и владельцами косметических компаний, — или всякий раз пытается впечатлить только ее? Но Джессике все это не только не впечатляло, но напротив, жутко раздражало. А может, Ким как раз этого и добивается?

Заказав по второму коктейлю, они начали обсуждать дела сердечные. Когда встречаются две подруги, рано или поздно разговор заходит об этом, и обычно обеим сторонам есть что сказать по этому поводу. Ким почти целый год встречалась с одним парнем, но потом поехала на Гавайи, где завела интрижку с каким-то фотографом. Ему не нужны были серьезные отношения, он просто хотел поразвлечься, а потому по возвращении в Лондон Ким первый раз в жизни осталась одна. Ей, конечно, удалось познакомиться с несколькими мужчинами, но отношения с ними длились недолго. Ситуация, в которой оказалась Джессика, была примерно такой же.

— Знаешь, в чем твоя проблема, Ким? — сказала Джессика, когда Ким рассказала о своем последнем романе с музыкантом по имени Джон, который совсем недавно изменил ей.

— И в чем же? — отпив через трубочку коктейль, спросила Ким.

— Ты относишься к сексу слишком по-мужски.

— А поподробнее? Ты хочешь меня обидеть, да?

— Вовсе нет, не преувеличивай. Я хочу сказать, ты обращаешь внимание только на внешность мужчины, а не на то, что он за человек. Именно так и поступают мужчины, и именно поэтому все они без ума от всех этих голливудских красоток.

— Но я не могу, если мужчина мне не нравится.

— Знаю. Но большинство женщин в первую очередь интересуется характер, человеческие качества мужчины, а не то, похож ли он на Брэда Питта.

— О, его-то как раз я не считаю привлекательным. Он определенно не мой тип.

— Но если бы ты с ним познакомилась поближе, он бы мог оказаться как раз «твоим типом». Тебе Надо найти такого человека, который нравился бы тебе внешне, но при этом не был полным дерьмом.

— Я бы рада. А может, у тебя есть кто на примете из твоих друзей? Познакомь меня.

Джессика обещала подумать и в свою очередь рассказала, что никак не может решить, стоит ли ей строить отношения с Томми.

— Не думаю, что он тебе подходит, — заявила Ким. — Из того, что ты только что мне сказала, насчет всяких там человеческих качеств, не думаю, что у вас с ним что-то получится.

Поскольку Джессика всегда все делала наперекор советам друзей, то твердо решила, что переспит с Томми при первом же удобном случае.

Выпив по три коктейля, они вышли из бара. Джессика порядком захмелела. И неудивительно — с обеда она ничего не ела, да и тогда лишь слегка перекусила.

— Не помню, чтобы когда-то в жизни я была столь же голодна, — сказала она Ким, когда они сели в такси.

— Да, я тоже очень проголодалась. Хоть бы удалось доехать без проблем! Не забывай, это же Сохо, к тому же сегодня пятница.

Она была права. Они довольно быстро добрались до Комптон-стрит, но, едва повернув на Уорддор-стрит, попали в пробку и не могли сдвинуться ни назад, ни вперед.

— Господи, как же меня это раздражает! — воскликнула Джессика.

Когда она была голодной, то всегда быстро раздражалась.

— Проклятуший Лондон с этим чертовым движением. Неудивительно, что тут на дорогах столько аварий. Это все меня просто с ума сводит!

Ким удивленно покосилась на нее, а водитель такси так и уставился на Джессику в зеркало заднего вида.

— Это из-за того, что на Риджент-стрит ведутся ремонтные работы. Из-за этого весь сыр-бор, — пояснил он.

— Извините, — вздохнула Джессика. — Это как-то случайно у меня вырвалось.

— Ничего. Представляю, как вы, должно быть, себя чувствуете.

— Послушай, Джессика, — вмешалась Ким, — мы с тобой ничего с этим сделать не можем. Да и вообще, не так и долго осталось. Как только выедем из Сохо, свернем на Оксфорд-стрит, а там до места — рукой подать. Как бы то ни было, после всего этого ты только еще острее почувствуешь вкус блюд, которые нам подадут.

Джессика закурила и выглянула в окно. Сохо был ужасно шумным: повсюду сновали толпы людей. Они выходили из своих машин, шли в бар и обратно, сидели за столиками многочисленных открытых веранд ресторанов и кафе, ходили по вечно открытым магазинам. Самый настоящий улей. «Как же Сохо отличается от всех остальных районов», — подумала Джессика и выпустила в открытое окно струйку дыма. Такси медленно поползло вдоль улицы. Отовсюду долетали обрывки разговоров, историй из жизни, смех. И почему на улице обязательно должно быть столько народу? И почему обязательно должно быть столько машин?

— Лондон — удивительное место, и я его просто обожаю, — вдруг выпалила она, — но

было бы гораздо лучше, если бы тут не было столько людей.

— В Лос-Анджелесе еще хуже, — пожалала плечами Ким.

До самого Ноттинг-Хилла они молчали.

Когда они наконец переступили порог «Барберино», было уже полдесятого. Официант в костюме, отдаленно напоминающем традиционный индийский, проводил их к столику в небольшой нише чуть в стороне от основного зала ресторана. Когда они заказали бутылку вина, к ним присоединился Паоло. Он был моложе, чем представляла себе Джессика. Темные волосы и обильная растительность на лице выдавали его средиземноморское происхождение.

— Привет, Ким. Рад, что вы пришли. Я уже перестал надеяться. Заставили же вы меня понервничать.

Его смех был очень заразительным.

— Да, прости, Паоло. Но это все движение. Мы торчали в пробке. Это — Джессика.

Паоло посмотрел на Джессику с чисто южным восторгом и взял обе ее руки в свои.

— Очень, очень рад с вами познакомиться, Джессика, — медленно сказал он, пристально разглядывая ее. — Наслышан о вас. Надеюсь, вам понравится мой ресторан.

Джессика нервно хихикнула и поспешила его заверить, что место выглядит потрясающе.

— Нет, подождите, пока вы попробуете мои блюда, — ответил он и снова рассмеялся.

Или выпитые коктейли давали о себе знать, или подействовали обещания вкусной еды, но Джессика тоже начала хихикать. Это только больше развеселило Паоло, а потом к ним присоединилась и Ким.

Наконец, они совладали со своим весельем, и Паоло, открыв меню, принялся давать им советы насчет выбора блюд:

— Вот это очень вкусно, — заявил он, тыча пальцем в строку, где значилось блюдо из телячьей печенки с рагу из савойской капусты и ризотто с шалфеем. — Скажите мне, что вы любите, и мы угостим вас на славу. Джессика, что сегодня угодно твоей душе?

— Я очень, нет, просто безумно голодна, Паоло, и мне необходимо съесть хоть что-нибудь и как можно скорее.

Паоло снова разразился смехом, да таким, словно смешнее этих слов он не слышал ничего за всю свою жизнь.

— Ладно, — сказал он и тут же стал предельно серьезным: — В таком случае вам надо отведать барашка.

А потом он наклонился к Джессике поближе и буквально пропел ей в самое ухо:

— Это такое нежное-пренежное мясо с тончайшей хрустящей корочкой, подается с тушеными цуккини и баклажанами. Уверен, тебе это блюдо понравится.

— Думаю, это — то, что надо. Но для начала я бы хотела какую-нибудь закуску. Спаржу.

— Да, непросто выбрать, — внимательно изучив меню, протянула Ким. — Я буду суп-пюре из крабов, а потом морское ассорти.

— Ваши желания для меня закон, — воскликнул Паоло, одобрительно кивнул и снова рассмеялся. — Передам шеф-повару ваши пожелания и сразу же вернусь. Договорились?

— Он всегда так много смеется? — спросила Джессика Ким.

— Боюсь, что да. Но он такой обходительный, разве нет?

— Почему ты с ним не встречаешься, Ким? Он очень симпатичный и, кажется, неплохой человек. По-моему, идеальная для тебя пара.

— Я не могу. Он слишком маленького роста.

— Ерунда.

— Так и есть, маленького! Он всего сантиметра на два меня выше, не больше. А если я захочу надеть шляпу?

— О господи, что за бред! Я умываю руки. Честно, больше ни слова тебе о мужчинах не скажу, — возмутилась Джессика.

К тому времени, как принесли барашка, Джессика уже снова развеселилась. Как только, рассказав очередную байку про Италию или про строительную компанию, на которую он работал, Паоло начинал смеяться, Джессика тоже не могла удержаться. Она хохотала от души, хотя смутно понимала, что Ким вовсе не в восторге от их веселья. Джессика также чувствовала, что Паоло, рассказывая очередную историю, наклоняется к ней все ближе и ближе. Иногда ему, правда, приходилось отстраняться от нее, чтобы подлить девушкам вина или позвать официанта. Паоло шепотом давал какие-то указания, и официант кивал и тут же испарялся.

Когда они доели основное блюдо, Паоло снова протянул им меню:

— Что пожелаете на десерт?

— Я не буду, Паоло. Если ты, конечно, не возражаешь, — сказала Ким.

— Что?! — в комическом ужасе воскликнул Паоло. — Ким, как ты можешь так поступать со мной?! Ты должна что-то выбрать, просто чтобы попробовать.

— Ну, а я буду пудинг, — решила Джессика.

— Ха-ха-ха, молодчина! Люблю женщин с хорошим аппетитом. Я люблю всех людей с хорошим аппетитом! Ха-ха-ха-ха, — смеялся Паоло, раскинув руки в стороны.

Они выбрали экзотический десерт, тарелку с шоколадом разных сортов и кусочками фруктов, и разделили на троих заказанный Джессикой пудинг. Сама Джессика чувствовала себя удавом, который только что заглотил жертву в десять раз больше себя, а потому опасалась, не станет ли ей после всего этого дурно.

Ресторан опустел, оставались только их троица да официанты, которые носились по залу туда и обратно, как трудолюбивые пчелки. Паоло заявил, что уходить еще рано. Сначала они должны выпить по чашке кофе и по рюмке самого изысканного ликера, который он только знает на свете.

«Это будет прекрасным завершением ужина», — добавил он, на минуту став серьезным и нахмутив брови. А Джессика чувствовала, что в такт смеху Паоло комната кружится перед ее глазами.

Глава 15

Свадьба Эдди Фассла

Трудным для Джорди выдалось это утро. Он провел ночь у Молли, но понимал, что из-за свадьбы Эдди ему просто кровь из носу необходимо вернуться домой, а потому встал так же рано, как обычно вставал в будний день. Молли что-то пробормотала, когда зазвенел будильник, но потом снова заснула. На цыпочках Джорди прокрался в ванную и забрался под душ. Тут в дверь кто-то забарабанил.

— Да? — перекрикивая шум воды, произнес Джорди.

— Ты можешь прекратить этот шум, черт тебя дери? Господи, грохот такой, словно в ванную забралось стадо слонов, не меньше.

— О, черт, прости, — ответил Джорди.

Ему-то казалось, что он все делает довольно тихо.

— И что, обязательно все время петь песни в душе, а? Я от этого просто с ума схожу, право слово! Господи, Джорди, сегодня же выходной!

Джорди действительно имел привычку напевать в душе, но понятия не имел, что Лиззи это слышит. Он думал, что это был секрет, который знали только он и стены ванной.

— Извини, — снова пробормотал он.

Он чувствовал себя крайне неловко. Джессика с Флином тоже иногда жаловались, что он слишком шумит по утрам, хотя он-то совсем не хотел никому мешать. Джорди твердо решил, что отныне будет стараться вести себя еще тише. Вообще-то Лиззи стала для Джорди проблемой: что бы он ни делал, она все время раздражалась. Кажется, он просто ей не нравился, хотя это осложняло положение и заставляло его чувствовать себя неуютно в этой квартире.

Хотя он и встал рано, тем самым не дав Лиззи спокойно поваляться в постели, но вернувшись домой, обнаружил, что Джессики все еще нет, а потому они несомненно опоздают к началу церемонии.

— Где ее черт носит? — ворчал Джорди, беспомощно рассматривая из окна пустую улицу.

— Что будем делать? — спросил Флин.

Джорди посмотрел на часы. Пунктуальность он считал одним из лучших своих качеств, а потому терпеть не мог опаздывать.

— Время поджимает, — заявил он, — если в течении двадцати минут мы не отправимся, то скорее всего опоздаем. Вряд ли мы теперь успеем, как планировали, приехать туда пораньше и до начала церемонии снять комнаты, в которых проведем ночь после вечеринки.

Было уже около половины первого, а это означало, что через два с половиной часа в маленькой деревенской церквушке Эдди будет клясться в преданности до гроба.

— У нас еще есть время. Не переживай ты так. Она сейчас придет.

Пока они продумывали, какой дорогой лучше поехать, чтобы как можно быстрее добраться до места, Джессика сидела в «порше», который мчал ее по узким улочкам Кенсингтона. Она чувствовала себя ужасно. Когда автомобиль притормаживал или слегка дергался, набирая скорость, Джессика испытывала приступы тошноты. Она проснулась полчаса назад и, открыв глаза, сразу поняла: что-то не так. Она лежала в чужой кровати, в

апартаментах. Пол был выложен ярким паркетом, мебели вокруг самый минимум. Повернувшись, она увидела спину смуглого мужчины. А потом до нее дошло, что он лежал совершенного голый. Что же она натворила? Что она делала в постели с этим чужим ей мужчиной? Последним, что Джессика помнила, была рюмка какого-то ликера, а еще заразительный смех Паоло. Неужели она с ним переспала? Ругая себя последними словами, Джессика поклялась, что в последний раз она так напивается. Последний. По крайней мере, она больше не будет напиваться до беспамятства. Вот и еще одна клятва, которую ей пришлось себе дать. Выскользнув из-под одеяла, она стала шарить по комнате в поисках своей одежды. Где же ее вещи? Ей было стыдно, что она в обнаженном виде расхаживает по квартире незнакомца.

— А ты очень красивая леди.

Джессика от неожиданности вздрогнула и прикрыла грудь руками. Паоло лежал на кровати и созерцал Джессику во всем ее великолепии.

— Где моя одежда? — выпалила она.

— Зачем она тебе? Иди ко мне.

— Паоло, где, черт возьми, моя одежда? Это совсем не смешно.

— Хорошо, хорошо. Она там, в шкафу. Эй, я что-то не то сделал? Или по утрам ты всегда такая сердитая?

Она поспешила к шкафу и взяла свою одежду.

— Где у тебя ванная?

— То есть ты ничего не помнишь? — не мог поверить своим ушам Паоло.

— Прошу тебя, Паоло!

— В конце комнаты, направо.

Сжимая свою одежду, Джессика пулей вылетела из комнаты. Как же все это отвратительно! Она понимала, что ей придется объясниться с Паоло, как только она выйдет из ванной. Но самое отвратительное это то, что пришлось надевать грязную, пропахшую сигаретным дымом одежду. «Кажется, у меня появилась новая привычка: напиваться до потери сознания, а потом просыпаться в чужих постелях, — думала она. — Но от этой привычки надо срочно избавляться».

— Ненавижу тебя за это, — сказала она своему отражению в зеркале.

У нее были мутные опухшие глаза, к тому же она забыла свой крем. А потом она вспомнила, что сегодня должна быть на свадьбе. Который час? Вернувшись обратно в комнату, она серьезно сказала:

— Паоло, извини, что вынуждена тебя спрашивать, но где мы находимся? Мне немедленно нужно возвращаться в Баронс-Курт.

Паоло потер свой щетинистый подбородок:

— Слушай, не волнуйся. Я о тебе позабочусь. Мы в Ноттинг-Хилл, не так далеко. Дай мне пару минут, и я отвезу тебя домой.

Джессика отыскала кухню и выпила столько воды, сколько смогла. У нее раскалывалась голова. И почему, почему только она сотворила с собой такое?

— Ты набитая дура! — громко сказала она самой себе.

— С тобой все в порядке? — Паоло положил ей руку на плечо.

Она согнулась над раковиной, и уже во второй раз за утро ее вырвало.

— Да, прости, я в порядке. Просто мне сегодня нужно ехать на свадьбу, а потому я уже должна бы быть дома. Ты уверен, что сможешь меня довезти?

— Конечно. С удовольствием, но только при одном условии, — сказал он, на мгновение замолчал и посмотрел прямо в ее затуманенные глаза. — Ты согласишься еще раз со мной поужинать. Причем очень скоро. Согласна?

Джессика понимала, что сил на споры у нее просто нет.

— Договорились, — слабо улыбнулась она ему.

«А он обходительный», — подумала она. А как весело ей было прошлым вечером! Может, не так уж все и плохо?

— Паоло, можно я задам тебе вопрос? — произнесла она, когда он закрывал парадную дверь. — Прошлой ночью... хм, между нами что-то было?

— Боже мой, ты была настоящей бестией. Какая страсть, какой огонь. Все было просто потрясающе, скажу я тебе, — плотоядно улыбнулся он, а Джессика от стыда готова была провалиться под землю. Она была в шоке.

— Господи, — сказала она, пряча лицо в ладонях.

— Ладно, я шучу! Мне просто приснился сон, просто сон, ха-ха-ха!

У Джессики отлегло от сердца, но для порядка она шлепнула Паоло по руке.

— Ой, ой! — завопил он. — Эта сумасшедшая женщина напала на меня!

Он еще раз широко улыбнулся ей. «Слишком уж он дурачится», — подумала про себя Джессика, но не могла не улыбнуться ему в ответ.

Когда они сели в ярко-красный «порше», Паоло повернулся к ней:

— Я люблю пошутить, но, даю тебе слово, ничего между нами не было. Ты уснула в моем ресторане, видимо, большое впечатление на тебя произвело мое гостеприимство, ха-ха! А потом я отвез тебя к себе домой и уложил в кровать. Ким хотела забрать тебя с собой, но она тоже была не в лучшей форме, да и моя квартира недалеко от ресторана. Вот и все.

— А кто раздел меня?

— Я, но что мне оставалось делать? Разве я мог позволить, чтобы ты спала в грязной одежде?

Джессика подумала, что ничего бы страшного не случилось, если бы она поспала в одежде. Но, возможно, так принято у них в Италии?

— Тогда спасибо тебе за заботу. И извини, что я уснула, как последняя зануда.

— Да ладно. По-моему, мы провели чудный вечер. Тебе же весело было, да?

Джессика кивнула.

— Тогда в чем проблема? Лучше скажи, куда бы ты хотела со мной сходить, — предложил Паоло, когда они проезжали мимо рекламного щита универмага «Уайтлиз».

«Когда вы путешествуете в этой машине, вам кажется, что вы не едете по дороге, а парите в небесах», — гласила надпись под фотографией изящного автомобиля на другом рекламном щите. «Только не в Лондоне», — угрюмо подумала Джессика.

Джорди расхаживал взад-вперед перед дверью дома и выглядывал на дорогу, не едет ли Джессика. И вот появился красный «порше». Он остановился перед домом, и из него вышла Джессика. На ней была та же одежда, в которой она вчера уходила на работу. Мотор рыкнул, послышалось несколько коротких гудков, и автомобиль исчез за поворотом так же быстро, как и появился. Джорди стоял с открытым от удивления ртом, а Джессика, проходя мимо него, рывкнула:

— Ни о чем не спрашивай, — и поспешила в дом.

Когда Джорди зашел внутрь, то услышал, как Джессика носится наверху из комнаты в

ванную и обратно, громко хлопая дверями. Флин сидел на диване и лишь беспомощно пожал плечами.

— Раз уж она там так грохочет и носится, надо полагать, что она осознает, как мы опаздываем, — изрек он.

Через пятнадцать минут Джессика предстала перед ними. Она удивительным образом преобразилась и выглядела невозмутимой и собранной. На ней был элегантный кремового цвета пиджак, мини-юбка и шляпа с широкими полями. Полный шик и лоск.

— Ну что? Поехали? — сказала она Джорди с Флином.

— Ого, ты выглядишь сногшибательно, дорогая! — воскликнул Флин.

— Ошеломляюще, — добавил Джорди.

— А! Вы знаете, что девушке хочется услышать. Моя школа! Вы оба тоже отлично выглядите.

Оба были в серых брюках, пиджаках и цилиндрах, а потому выглядели они так же радикально, как и Джессика. Все для них было в новинку, в том числе и то, в чем принято появляться на свадьбе.

— Может, эти костюмы смотрятся отлично, — пожаловался Флин, — но для таких деньков они слишком уж жаркие. На мне надеты трусы, рубашка, жилет, визитка и брюки, которые, между прочим, сделаны из толстой шерстяной ткани.

— Что ж, потерпи немного, дорогой, потом при первом же удобном случае снимешь; — посоветовала Джессика.

Она чувствовала себя намного лучше. Вода и аспирин сотворили с ней чудо.

— Итак, Джессика, — отъехав от дома, начал Джорди, — выкладывай, как провела вчерашний вечер. Ты просто обязана нам рассказать, мы хотим знать.

— Честно говоря, это долгая история, да и вообще, на самом деле вам вовсе не хочется ничего знать.

— Нет уж, ты просто обязана нам рассказать! — вмешался Флин. — Ну, давай же, поделись с нами.

— Хорошо, если уж вы так настаиваете.

Джессика глубоко вдохнула, закурила первую за день сигарету и рассказала, как оказалась в квартире Паоло.

Снова был чудесный день, хотя по прогнозу обещали дождливую погоду. Наверняка это был хороший знак — очевидно, брак Эдди будет удачным. Джорди не пришлось волноваться. До деревеньки они добрались довольно быстро, так что вполне успевали снять комнаты на ночь до того, как начнется церемония. Припарковав машину, они осторожно пересекли двор и подошли к фермерскому дому. Где-то вдалеке мычала корова, а в поле старенький трактор сгребал в кучу высушенное сено. Джорди нажал на кнопку звонка у парадного входа, и чрез мгновение им открыла дверь женщина с раскрасневшимся лицом. Внутри дома все казалось каким-то обветшалым.

— Простите за беспорядок, — извинилась она, когда они начали пробираться между ящиками с фруктами и банками с джемом. Потом они вышли в коридор и стали подниматься вслед за ней по узкой лестнице.

— Кто близнецы, а у кого просто костюмы одинаковые — сейчас не разберешь, что к чему, — пошутила хозяйка.

— Ну, мы — близнецы, — признался Флин, показывая на Джорди, и теперь уже все

рассмеялись вместе с хозяйкой.

— Ну, вот мы и на месте, — сказала она, открывая дверь и пропуская их в комнату, оклеенную яркими с цветочным узором обоями. — Под лестницей есть еще две комнаты, а туалет как раз между ними. Ну что, устраивает?

— Кажется, да, спасибо, — сказал Джорди.

Она протянула им ключ от парадной двери:

— Можете приходить, когда вам вздумается, но запомните, завтрак я подаю между восемью и десятью утра. Полный английский завтрак подойдет?

— Как нельзя лучше, — кивнул Джорди.

— Тогда оставляю вас, — сказала она и вышла из комнаты.

— Какая приятная женщина, такая румяная. Настоящая деревенская жительница, — порадовалась Джессика, пока они бесцельно топтались на лестничной площадке.

— Может, выпьем чего-нибудь по-быстренькому? — предложил Флин.

— Нет, дорогой, нет времени, — решительно сказала Джессика. — Надо отправляться в церковь, чтобы занять хорошие места.

Колокольня церквушки виднелась невдалеке от фермы, а потому они решили пройтись до нее пешком. В деревне было очень тихо по сравнению с шумным Лондоном с его переполненными людьми улицами. Они шли по залитой солнцем проселочной дороге. Джорди с Флином сняли пиджаки и перекинули их через руку, а шляпа Джессики отбрасывала огромную круглой формы тень на дорогу.

— Вот уж никогда не думал, что придется воспользоваться услугой «ночлег с завтраком», да еще и на ферме. А еще я никогда не был на свадьбе. Так что, целых две вещи сегодня со мной уже произошли впервые в жизни, — поделился Флин.

— Я тоже никогда не пользовалась «ночлегом и завтраком», но на свадьбе уже один раз побывала. Много лет назад, — сказала Джессика.

— Я даже не помню, когда я в последний раз был в церкви, — признался Джорди. — Я очень волнуюсь. Когда происходит что-то новенькое, это как-то по-особому будоражит.

— Интересно, кто следующий, — мечтательно протянул Флин. — Пока у нас нет явных претендентов. Не припомню никого, кто бы мог хотя бы заговорить о женитьбе.

Джессика с Джорди пожали плечами, а Флин продолжил:

— Лично мне кажется, что Эдди немного не в себе, раз решил так рано жениться. Я хотел сказать... ну, взять хотя бы нас. Я чувствую себя так, словно только вчера окончил университет, и мне все еще нравится веселиться и делать то, что я делал, когда учился. Далеко мне еще до женитьбы, я не созрел. Думаю, все мы еще слишком для этого молоды.

— Дорогой, тебе совершенно не обязательно превращаться в брюзжащего старикашку, чтобы жениться. Думаешь, Эдди взрослее, чем мы, что он созрел? — насмешливо поинтересовалась Джессика.

Флин отметил, что Эдди всегда казался немного взрослее, опытнее, но все же сказал:

— Наверное, ты права, Джессика.

Они прошли мимо паба. Кругом элегантно одетые люди парковали машины и медленно и торжественно выбирались на улицу. Женщины всех возрастов поправляли шляпки и оживленно беседовали друг с другом. Наряды их были всех цветов радуги: желтые, красные, зеленые, белые и даже черные. Буйство красок.

— Смотри, вон они, — воскликнул Флин и замахал рукой Джиму, Кейти и Томми, которые только что вышли из паба.

— Ну, Джессика, как у тебя с Томми? — поддразнил ее Джорди.

— Не твое дело, — отрезала Джессика.

— Ожидание становится почти осязаемым, вы не чувствуете? — сказала Кейти.

Она была миниатюрной девушкой и выглядела очень элегантно.

— Вот зрелище будет, когда Эдди начнет там твердить свои «согласен, согласен», — засмеялся Джим, поправляя пиджак из ткани в тоненькую светлую полоску.

— Да уж, повеселимся на славу, — добавил Томми. — Жду не дождусь.

Джессика болтала с Кейти.

— Ты хоть малейшее представление имеешь, в каком она будет платье?

— Ну, целиком платье я не видела, — оживленно начала рассказывать Кейти. — Но Софи Чемпнесс, которая знает Викторию с детских лет, сказала мне, что она купила его в бутике Филлипы Липли.

— Отличный выбор, — одобрила Джессика. — В этом сезоне на пике популярности простые прямые свадебные платья. Так, по крайней мере, было написано в каком-то журнале.

— Одно я знаю наверняка: ее платье не будет похоже на торт со взбитыми сливками. Все эти наряды с рукавами-фонариками и кучей рюшек в фильме «Четыре свадьбы и одни похороны» были просто ужасны.

У дверей церкви стояли Саймон Стрингер и брат Эдди — Крис. Они раздавали входящим листы бумаги с псалмами и провожали их на места. Фотограф, который совершенно не вписывался в обстановку, поскольку на нем были надеты джинсы и светло-зеленая рубашка, с деловитым видом снимал на пленку каждого человека, который входил в церковь. На скамейке в первом ряду сидел Эдди. Он явно был взволнован и нервно потирал руки. Рядом с ним сидел Бома, безукоризненно одетый; он время от времени оглядывался, чтобы поприветствовать вновь прибывших гостей. Группа из шести человек, среди которых был и Флин, заняла всю скамейку с правой стороны от прохода. В церкви уже находились несколько знакомых людей, включая тех, кого Флин не видел с самого окончания университета. Он подумал про себя, что нужно по возможности избегать всяческих разговоров с ними.

— Так я и знал, зря я столько пил. Безумно хочу в туалет, — шепотом пожаловался ему Томми.

— Думаю, у тебя есть пара минут, чтобы сгонять туда-сюда по-быстренькому, если уж тебе так невтерпех, — шепнул в ответ Флин.

— Ну, не знаю, — сказал Томми, озираясь по сторонам. — Вряд ли я успею сбежать до паба и вернуться сюда к трем.

— Так заверни за церковь и все дела.

— Не могу. Ладно, все нормально, потерплю, — поморщился тот.

Ровно в три часа в церковь влетел Джош. Он выглядел взъерошенным и каким-то растерянным.

— Так и знала, что он опоздает, — прокомментировала Джессика.

— Давно пора понять, что он просто не в состоянии все делать вовремя, — ответил Флин, а органист заиграл мелодию «Прибытие царицы Савской».

— Ну, началось, — прошептал Флин Джессике, вставая на ноги вместе с остальными собравшимися.

Джессика не без удовольствия отметила, что на Виктории простое прямое платье. Они

не могли рассмотреть ее лица, скрытого под вуалью, но отец невесты, мистер Бигл, казалось, нисколько не волновался и был всем доволен. Он широко улыбался, когда шел мимо скамеек. Когда собравшиеся запели псалмы, напряженность постепенно исчезла. Флин, Томми и Джим подпевали во всю мочь, легонько толкая локтями и передразнивая друг друга. Но Джорди, у которого отродясь не было музыкального слуха, бормотал что-то себе под нос, уставившись в свой листок.

— Кончайте спектакль! — прошипела Джессика, довольно сильно ткнув локтем Флина под ребра.

Затаив дыхание, они наблюдали, как Эдди и Виктория клялись друг другу в верности до гроба. На этом церемония, казалось, закончилась. Но потом заиграла мелодия «Иерусалим», и все запели еще громче, пока мистер и миссис Эдвард Фассл шли по проходу между скамьями к выходу.

Гости проследовали за ними и, обогнув церковь, увидели вместительный высокий белый шатер, в котором были накрыты столы. Пока Флин, Джессика, Джош, Томми и невероятно худая девушка по имени Мелисса Тодд стояли в очереди, чтобы пройти в шатер и занять столик, к ним подошел официант и предложил выпить по бокалу шампанского.

— Сколько же надо на этих свадьбах стоять, черт возьми, — озираясь по сторонам, пожаловался Флин.

— А еще эти надоедливые фотографии, да? — добавила Мелисса, надевая солнцезащитные очки.

— Да уж, но как только мы окажемся внутри этого тента, мы сможем делать все, что нам заблагорассудится. Отличная будет вечеринка. Ради этого, думаю, можно и постоять немного, — ухмыльнулся Джош.

— Очень надеюсь, что окажусь за столиком вместе со знакомыми, — сказал Флин. — Мне так не хочется разговаривать с совершенно чужими людьми. Для меня это настоящая пытка.

— Не волнуйся, может, тебя посадят рядом с обворожительной незнакомкой, которая окажется одинокой и которой ты безумно понравишься. Так что вы отлично поболтаете, — попытался ободрить его Томми.

В итоге Флин оказался за одним столом с Саймоном Стрингером и Софи, но других пятерых человек он видел впервые в жизни. Он тяжело вздохнул. Все как обычно. Справа от него сидела довольно скучного вида кузина Виктории по имени Анна, но слева была девушка по имени Зоуи, которая, казалось, была довольно милой. Правда, вела себя она довольно сдержанно и, видимо, оттого не казалась ему привлекательной. Что-то, Флин не мог понять, что именно, мешало ей быть по-настоящему роскошной леди. Не рассчитывая на дружескую беседу, он просто решил предложить ей вина.

— Здравствуйте, меня зовут Флин, — сказал он.

— Это уменьшительное имя, да? — ответила она, едва на него взглянув.

— Да, точно. Но меня так редко называют Алеком, что я просто-напросто позабыл, как меня на самом деле зовут, — улыбнулся он ей, но она оставалась такой же угрюмой и даже не улыбнулась ему в ответ.

Потом она сказала:

— Ну, а меня зовут Зоуи. Это полное имя.

— По-видимому, вы родственница или подруга Виктории? — предположил Флин.

— Да. Мы с ней вместе учились в университете.

— Честно говоря, я мало с ней знаком, — охотно продолжил разговор Флин. — Ну, я встречал ее несколько раз вместе с Эдди, но мне так и не удалось с ней толком поговорить, узнать, что она за человек. Ну, может, мне удастся когда-нибудь с ней получше познакомиться.

— Думаю, вы не пожалеете. Она замечательный человек, — коротко и невежливым тоном ответила Зоуи.

Флин чувствовал, что настроение у него начинает портиться. Он пытался поддерживать беседу, но она отвечала неохотно. Однако потом, когда он спросил о работе, Зоуи оживилась. Оказалось, что она работает помощницей режиссера в какой-то небольшой кинокомпании.

— Seriously? — с облегчением произнес Флин. — Я тоже работаю в кинокомпании, только в отделе пиар. Раскручиваю фильмы.

Вскоре они уже увлеченно обсуждали фильмы, которые вот-вот должны были выйти в прокат, культовых режиссеров последних лет и последние проекты каждого из них. Зоуи хвалила известных сценаристов и режиссеров, рассказывала об их личных трагедиях и о том, как жестоки и грубы они бывают во время съемок, но зато фильмы получаются просто блестящими. Флин обнаружил, что ее предпочтения в кино говорят, что она — типичный молодой представитель мира кино, который понимает, что такое стиль. Сам он не любил смешивать кино и реальность и терпеть не мог, когда, посмотрев в кинотеатре какой-нибудь фильм, начинал впадать в депрессию. Когда он сказал ей об этом, Зоуи посмотрела на него с презрением и заявила, что ничего он в кино не смыслит, раз только и хочет видеть, что пустые романтические бредни. Она начинала его раздражать. И почему только его всегда усаживают за столом рядом с такими занудными и заносчивыми людьми? Или все дело в нем? Это он провоцирует их так себя вести?

В это время официанты подали первое блюдо, и мужчина, который сидел слева от Зоуи, воспользовался моментом и завел с ней беседу. Флин испытал облегчение и повернулся к Анне, надеясь поговорить с ней. Как раз в этот момент все сидящие за столом затихли, а Саймон сказал паре, которая сидела рядом с ним:

— Если вы думаете, что все это так уж плохо, то вам надо попросить Флина рассказать его жуткую историю!

— Что за жуткая история? — спросил Флин.

Плохие предчувствия внутри него забили в набат.

— Ну, та история с девушкой, с которой ты ездил в Италию.

«Ублюдок», — подумал про себя Флин.

— Ах, это. Мне просто не повезло, — нервно хихикнул он, уставился в свою тарелку и продолжил есть, чтобы избежать дальнейших обсуждений.

— А что случилось-то? — спросила девушка, которая сидела рядом с Саймоном.

Не удалось Флину сорваться с этого крючка.

— Что случилось? Да ничего особенного. Саймон преувеличивает, — вздохнул он и откинулся на спинку стула, но все смотрели на него и жаждали услышать его историю.

— Ну хорошо, в общем, случилось вот что... — сказал он, и поведал им ту отредактированную версию случившегося, что недавно рассказывал Джорди. — А мораль этой басни такова, — весело сказал он, — не надо ездить в отпуск с девушкой, с которой ты только вчера начал встречаться.

Потом он всем широко улыбнулся в надежде, что на этом-то уж точно все расспросы

прекратятся.

— И что, ее старый приятель так и не объявился? — с интересом спросил Саймон.

Флин думал, как бы так изловчиться и пнуть его под столом, но он не был уверен, что попадет именно по ноге Саймона.

— Вот это, наверное, самый интересный момент в этой истории! — рассмеялся он, понимая, что слова его звучат совсем невесело. — Нет, Саймон. Все было не так уж плохо, как тебе кажется. Если бы он там появился, то я вряд ли бы сидел сейчас здесь с вами и рассказывал вам свою историю.

Флину хотелось растерзать Саймона на куски. Как он смеет так над ним издеваться?

Пока официанты убирали грязные тарелки и разносили вторые блюда, Флин извинился и пошел к Джессике с Джорди, которые сидели за столиком недалеко от входа в шатер. За их столиком оказались также Томми, Джош и девушка по имени Салли Саммерсон, которая Флину всегда очень нравилась.

— Как проводишь время за своим столиком? — спросил его Джорди, когда Флин подошел и встал рядом с ним.

— Хуже некуда. Со мной рядом сидит свирепая корова, да еще и этот Саймон болтает всем про мою поездку в Италию.

— Ублюдок, — посочувствовал ему Джорди. — Ну, а мы отлично тут проводим время. Лучшей компании и быть не может.

Джорди вдруг понял, что вряд ли Флина это обрадует, а потому поторопился добавить:

— Ну, по крайней мере, твой столик стоит в удачном месте.

— Да, здорово. И почему ты всегда сидишь с приличной компанией? То же самое было и на холостяцкой вечеринке.

— Не знаю. Счастливая случайность, наверное.

— Да, не иначе, — раздраженно брякнул Флин и ушел.

Всю оставшуюся часть обеда Флин проговорил с Саймоном, Софи и Анной, которая оказалась очень вежливой и приветливой, несмотря на то, что у них мало чего было общего. Отец Виктории, сияя улыбкой, говорил, как он счастлив, что у него появился сын и что он сохранил теплые, близкие отношения со своей дочерью и безумно рад видеть, как красива его дочь в день ее свадьбы. Собравшиеся перешептывались: «Слушайте, вы слышите?», а Виктория мило и немного застенчиво улыбалась.

Когда встал Эдди, все заметили, как он взволнован, как трясутся от нервного напряжения его руки. Он церемонно поблагодарил всех собравшихся, как-то неуверенно пошутил и сказал, какая отличная у него жена. Потом настал черед Бомы произнести речь.

— Вот кого я хочу послушать, — сказал Саймон Флину.

— Даже думать не хочу, что он там собирается сказать, — буркнул Флин.

— Согласен, он тот еще придурок.

Флин был с этим на все сто согласен, но при этом ему было немного жаль Бому. Тяжело развеселить двести человек разного возраста, особенно если публичное выступление для тебя в новинку.

Бома легонько постучал по микрофону и заговорил в него:

— Проверка, раз, два.

Потом он посмотрел на собравшихся и ухмыльнулся. Кто-то хихикнул, а Бома прочистил горло и начал:

— Дамы и господа, когда Эдди попросил меня быть его шафером, то я подумал, что вся

эта свадьба будет чем-то вроде того, как переспать с королевой Елизаветой. — На секунду он немного отошел от микрофона, выдерживая паузу перед кульминационным моментом своей речи: — Много ответственности, а потому почти никакого удовольствия.

Кто-то из молодых мужчин-гостей на свадьбе рассмеялся, но первые слова речи Бомы произвели эффект разорвавшейся бомбы. Гости старшего возраста выглядели ошеломленными, сбитыми с толку, а Флин от стыда и смущения непроизвольно поднес ко рту руку. Чудовищное начало, но сам Бома, хотя и заметил, что собравшиеся безмолвствуют, нимало не смутившись, продолжил рассказывать истории о том, как однажды в школе Эдди выпороли, когда учитель географии застукал его целующимся в одном из кабинетов с какой-то девушкой; как позже в колледже Эдди организовал «Клуб любителей повеселиться» и однажды наблевал на газон перед домом ректора. По тому, как по ходу монолога Бомы менялся в лице Эдди, было понятно, что он жалел о том, что попросил Бому выступить с речью. Напоследок Бома пошутил что-то насчет размера пениса Эдди и выразил надежду, что в брачную ночь Виктории все же удастся его отыскать. За это он и предложил выпить и сел на место, с довольной улыбкой отложив текст своей речи в сторону. Он был доволен, что груз ответственности, который лежал на нем как на шафере, наконец-то свалился с его плеч. Его щеки горели даже ярче, чем обычно. И, казалось, его совсем не трогает то, что его выступлению никто не аплодировал.

— Старина, если я и соберусь когда-нибудь жениться, — прошептал Джорди Флину, — не смей на моей свадьбе говорить ничего подобного.

— Согласен с тобой, дружище, — ответил Флин, а потом добавил: — Ну, теперь, по крайней мере, мы знаем, почему у него такое прозвище^[47].

После обеда официанты унесли столы и начались танцы. Все с нетерпением ждали, когда Эдди, смущенный и растерянный, станцует со своей женой первый вальс. После этого гости старшего возраста мало-помалу начали расходиться, а потому танцевальную площадку быстро заполнили молодые люди. Вскоре Томми и Джессика уже танцевали друг с другом, и Флин, выплясывающий неподалеку, подумал, что, похоже, Томми получит наконец долгожданный приз за свое терпение.

Снаружи шатра зажгли огни. Джорди терпеть не мог танцы и всегда внутренне напрягался, когда его приглашали потанцевать. Он гулял по саду и столкнулся с отцом Виктории. Джорди поблагодарил его за великолепный праздник, который тот устроил, и они завели друг с другом беседу.

— Не желаете? — спросил его мистер Бигл, протягивая ему шестидюймовую превосходно скрученную сигару.

— Хм, да, спасибо, большое спасибо. Просто чудесный вечер.

— Да, лучше и быть не может. Нам повезло, ведь обещали дождь. — Он посмотрел в небо, а потом на Джорди, и сказал: — Извините, но я не запомнил, как ваше имя.

— Джорди. Джорди Хаверс. Я друг Эдди.

— Рад с вами познакомиться. Зовите меня просто Тони. Скажите, достаточно было еды и выпивки? А где же ваш бокал?

Джорди признался, что где-то его оставил.

— Что ж, пойдете, раздобудем другой, согласны? У меня во рту пересохло.

Итак, Джорди пошел вслед за ним обратно в шатер. Тони раздобыл бутылку вина и два бокала, и они уселись за один из столиков, которые остались в дальнем конце.

— Вы, наверное, очень горды за свою дочь, — предположил Джорди.

— Да, очень. Правда, она выглядит просто великолепно?

Джорди согласился, что действительно невеста выглядит сногшибательно.

— Свадьба дочери очень волнительное дело для отца, — продолжил Тони. — Вы позже это поймете. Ты помнишь ее еще совсем крохой, смешной малышкой с конским хвостом. Она смотрит на тебя с обожанием, души в тебе не чаает, а потом приходит какой-нибудь молодой щеголь и хоп, — резко взмахнул он рукой, — и она уходит с ним, как-то неожиданно повзрослев. Уильям младше, но уверен, что он тоже скоро уйдет из дома. А потому мы снова останемся с женой вдвоем, как раньше, когда мы только-только поженились. Но мы уже не молоды, а потому наша жизнь не так насыщена, если вы понимаете, о чем я.

Джорди улыбнулся.

— А сколько вам было лет, когда вы поженились? — спросил он, пока Тони затягивался своей гаванской сигарой.

— Мне было двадцать пять, а Маргарет двадцать один. В те годы люди вступали в брак раньше, чем сейчас. А сколько вам лет?

— Вообще-то, двадцать пять. Признаюсь, Эдди и Виктория поженились первыми из наших друзей-одногодок. Так что для меня все в новинку.

— Вот что я скажу вам, — произнес Тони. — Когда Маргарет была в возрасте Виктории, у нее уже было двое детей.

— И вообразить не могу, как это — иметь детей, — признался Джорди. — Я не чувствую, что готов взять на себя такую ответственность.

— Ерунда. Вы бы со всем прекрасно справились. Послушайте, на данный момент я не чувствую, что как-то особенно изменился или повзрослел с тех пор, как мне минуло восемнадцать. Ну ладно, расскажите мне лучше, где вы работаете.

Джорди рассказал.

— Ну, а что будет, если вас продвинут по службе?

— Что вы имеете в виду? — спросил Джорди и понял, что его сигара тлеет, а он затаился всего раз-другой.

— Когда вас продвинут, вы будете готовы взять на себя больше ответственности, да?

— Да.

— И как вы тогда себя будете чувствовать?

— Не знаю. Просто появится больше дел, проблем, которые надо будет решать, наверное, так.

— Точно, Джорди, точно. Но это только на работе, а когда вы будете возвращаться домой, то будете чувствовать себя таким же, как раньше. И пусть вы будете работать по двенадцать часов в день, вам о многом придется думать, со многим справляться, но вы все равно останетесь самим собой, не так ли? Вот что значит иметь детей. Быть с ними самим собой. Никак не возьму в толк, почему современная молодежь так отчаянно противится этому? Дети — это самое лучшее, что может быть у человека на свете.

Потом к их столику подошел какой-то приятель Тони. Потеряв нить разговора, хозяин вечеринки начал болтать с новым собеседником. Джорди встал и снова побрел на улицу. Размышляя по поводу того, что только что ему сказал мистер Бигл, он первый раз в жизни осознал, что ответственность не означает перемену. Если он женится, то не станет автоматически другим человеком, не перестанет развлекаться, наслаждаться жизнью. Это, удивительно ясно понял Джорди, как раз и было проблемой для Флина: он думал, что

женитьба означает, что пришел конец всему веселью. Но долго ли протянется его веселость по поводу того, что он живет в грязном съемном доме, полы которого покрывают безвкусные ковры? Без сомнения, это было стабильно и скучно — два слова, перед которыми преклонялся Флин.

Джорди стоял в уборной, зажав в зубах сигару, и все еще раздумывал об откровении, которое его только что посетило. Потом он услышал шаги. В туалет зашел кто-то из гостей старшего возраста и встал рядом с ним, причмокивая губами. Джорди было собрался уходить, как вдруг мужчина схватил его за задницу и крепко сжал.

— Вот что вам, молодым мужикам, надо, — засмеялся он.

— Какого черта! — воскликнул Джорди, пустился бежать вниз по ступенькам и вернулся обратно в шатер. Он огляделся, высматривая Флина, и вдруг увидел, как тот оживленно беседует с девушкой, которую он прежде не видел: блондинка и очень симпатичная.

— Привет, — сказал Джорди, подходя к ним.

— О, привет, — обрадовался Флин. — Это Клер. Клер, это Джорди.

Джорди подсел к ним за столик, подлил всем вина и рассказал, что с ним только что произошло. Они с недоверием посмеивались:

— Интересно, кто это был? Что за дикость такая?

— Я его раньше никогда не видел. Думаешь, мне следует что-то предпринять?

— Что, например?

— Ну, не знаю. Но не думаю, что семейству Бигл будет уж очень приятно узнать, что среди их гостей затесался извращенец.

— Какая-то невероятная история, — поморщилась Клер.

Она все никак не могла поверить, что такое вообще могло произойти.

Вдруг из другого конца шатра послышалась какая-то возня и крики, и Флин предположил:

— Очевидно, его поймали.

На самом деле сыр-бор начался потому, что снова появились Эдди с Викторией. На них были дорожные костюмы. Виктория в приподнятом настроении всех обнимала, а Эдди выглядел немного глупо и растерянно. Потом толпа проводила их на улицу, где их поджидала машина, украшенная, как и подобает случаю. Раздались аплодисменты, а Виктория повернулась к собравшимся спиной и через плечо бросила свой букет. Помахав на прощание и посигналив автомобильным гудком, они уехали.

Томми и Джессика, прекратив на время свои танцы и проводив новобрачных в дорогу, прогулялись вокруг шатра и уселись на одну из скамеек парка. Они молчали, но Томми осмелился наклониться к Джессике. Она подняла голову и поцеловала его.

— Пошли, — сказала она, поднимаясь на ноги. — Здесь стало слишком холодно. Пошли, станцуем еще один танец, а потом на ферму. Тут недалеко. Мы там сняли комнаты.

— Отличная идея, — втайне ликуя, ответил Томми.

Они направились к шатру.

Когда стихла музыка, вечеринка довольно быстро закончилась. Джессика исчезла в неизвестном направлении вместе с Томми, а Клер смотрела на Флина, одной рукой обняв его за плечи, и внимательно слушала, что он ей рассказывал. Внезапно раздался громкий звук пощечины. Подняв глаза, все увидели, как Джош держится рукой за лицо, а Зоуи быстрым шагом идет прочь из шатра. Девушки начали шептаться между собой, а парни

пытались подбодрить Джоша. Он встал, поклонился и подошел к столику, за которым сидели Флин и Клер.

— Ребята, знали бы вы, как мне больно, — пожаловался Джош, наливая себе выпить.

— А что стряслось-то? — спросила его Клер.

— Ничего. Мы очень мило беседовали. Но она была так чертовски упряма, как ослица, так настаивала на своем, что просто рассвирепела, когда я ей возразил. Я сказал ей все, что я о ней думаю, и она залепила мне пощечину. Не припомню, чтобы такое со мной раньше случалось. Что за прекрасный день! Столько всего нового произошло!

— А что ты ей сказал? — спросил его Флин.

— Что она — тупая ослица и чересчур самоуверенна. Я бы не сказал, если бы знал, что она ударит меня.

— Я бы не стал об этом беспокоиться, — засмеялся Флин. — Я сидел рядом с ней, и она со мной очень уж высокомерно себя вела.

— Да, но она же тебя не ударила. А вообще, думаю, нам пора. Где вы остановились?

— На ферме недалеко отсюда. А ты?

— Пойду в паб. Уверен, там обязательно будет еще кто-то из парней. — Джош встал и ушел.

— Он такой жизнерадостный, правда? — сказал Флин Клер.

— Да, он супер, — улыбнулась она и погладила его по коленке.

Джорди видел, как Клер вешается на Флина, поглаживает его, а потому заключил, что у друга дела идут отлично и ему предстоит провести приятную ночь. Да, Флин не мог нарадоваться: Клер была чертовски привлекательной девушкой. Джорди не хотелось мешать Флину, а потому он в одиночку решил отправиться обратно на ферму, в комнату, которую снял накануне. Он искал свой пиджак, когда Флин неторопливо подошел к нему.

— Ну что, идем на ферму? — спросил его Флин.

— Да. А как же Клер?

— А что Клер?

— Ни для кого не осталось незамеченным, что она льнула к тебе как кошка.

— Серьезно? — вяло сказал Флин.

— Правда, она надралась до черта.

— Да, она выпила лишнего, даже чересчур. Но все равно я не собирался с ней переспать.

— Да почему, черт возьми?

— Потому что она все время повторяла «супер, супер». Через слово. Словами не передать, как меня это бесило. Только представь, просыпаешься утром и спрашиваешь: «Как тебе ночь?» «Супер!» Каково было бы лежать рядом с ней и думать об этом? Она, конечно, очаровательная девушка, но я боюсь, у меня бы ничего не вышло.

— Ты просто рехнулся, — категорически заявил ему Джорди. — Уверен, ты бы мог и примириться с этим на одну ночьку.

— Не могу поверить, что слышу это от тебя. А как же наш уговор, мистер Серьезные Отношения? Как бы там ни было, я больше не вижу смысла в отношениях на одну ночь.

— Ну, я тоже не ожидал такое от тебя услышать, но, по крайней мере, ты знаешь, что все еще можешь заводить такие отношения.

Флин ухмыльнулся:

— Еще бы.

Какое-то время они шли молча, а потом Флин спросил:

— Ну, как тебе свадьба?

— Очень весело. Подумать только. Столько приготовлений, договоренностей, и вот все наконец закончилось. И Эдди с Викторией теперь муж и жена. Навсегда, понимаешь?

— Да, должно быть, после всего этого они вздохнули с облегчением. Так трудно, наверное, было все это организовывать, все время надо было думать, суетиться ради этих нескольких часов. А потом все довольно быстро заканчивается, и все возвращается на круги своя. Жизнь продолжается, все как обычно, только теперь вас двое.

— Есть над чем задуматься, — сказал Джорди.

— Да уж. Хотя я полагаю, что после медового месяца они вместе переедут в свой новый дом и создадут свою семью, но все-таки... — Флин замолчал.

— Ладно, по крайней мере, Джессике сегодня повезло. Уверен, за завтраком мы еще увидимся с Томми.

Они посмеялись, а потом снова замолчали. Воздух был невероятно свежим и прозрачным, не было даже легкого ветерка. В ночи звук их шагов был отчетливо слышен; Флин поднял голову и посмотрел в небо, усеянное звездами, которые сияли так же ярко, как в ту ночь, когда они вместе с Поппи лежали в саду на земле. Луна, как и тогда, была почти полной и удивительно ярким светом озаряла спящую деревушку, а потому двое друзей с легкостью нашли дорогу к ферме.

— Джорди, — неожиданно позвал Флин.

— Что?

— Как тебе кажется, ты женишься на Молли?

— Черт возьми, Флин, ты это серьезно?

— Не знаю. Так женишься?

— Сейчас уже слишком поздно заводить такие разговоры, понимаешь, старина. Ну, если уж тебе не терпится узнать, то скажу, что я могу себе представить, что наши отношения будут длительными, но вот женитьба... об этом я еще не думал.

— Мы становимся старше. Это вгоняет меня в депрессию. Ну да ладно, по крайней мере, завтра нас ждет отличный плотный завтрак.

— Согласен с тобой, дружище. Главное не забывать, что является действительно важным на данный момент.

Флин положил руку на плечо своего старинного и самого надежного друга, а потом понимающе похлопал его по спине. Они продолжали свой путь к ферме, которая располагалась на самом краю деревни, и звук их шагов раздавался в холодном ночном воздухе.

Лето прошло, и осень вступила в свои права. Когда Джессика была ребенком, лето для нее заканчивалось вместе с каникулами. Но даже когда она стала взрослой, ей все еще казалось, что времена года, как и раньше, сменяются всего за одну ночь. Только что был теплый, безветренный и солнечный день, а потом вдруг откуда ни возьмись появлялся холодный ветер, листья на деревьях становились сухими и желтыми. Стоял октябрь. Осени было не миновать. Джессика ненавидела начало зимы, поэтому каждый год, чтобы как-то развеяться и поднять настроение, брала несколько отгулов и устраивала себе «долгие выходные». Маленький акт неповиновения, сопротивления тому, что время отпусков и хорошей погоды подходило к концу.

Вообще-то, довольно часто погода была чудесной. Вечера становились холоднее, быстрее темнело, но днем все еще ярко светило солнце и было тепло. Корнуолл был отличным местом, где можно было отдохнуть от шума и суеты большого города. Джессика была очень рада, что ее родители туда переехали. Она считала, что это отличная идея — пригласить друзей провести вместе с ней выходные под девизом «восстание против осени» в доме ее родителей. Она с нетерпением ждала, когда осуществится ее задумка.

Поезд прибывал в Труро, и Джессика, стоя в проходе, смотрела из окна на сильный ливень. «Надеюсь, что к утру погода улучшится», — думала она про себя, потому что не собиралась позволить погоде испортить ей настроение.

— Где же папа? — поинтересовалась она, прижимая руки к щекам и стараясь разглядеть сквозь толстое стекло встречающих. Остальные в волнении и нетерпении топтались позади нее. Однако на платформе она не увидела отца. Минутой позже небольшая компания собралась на станции, но отца все еще не было.

— Ну, черт побери, где же его носит? На улице такая холодина и льет как из ведра, а он опаздывает.

— Не переживай, я уверена, что он появится с минуты на минуту, — утешила ее Люси.

Больше никто не придумал, что ей сказать.

— Ладно, сейчас я им позвоню, — заявила Джессика и достала из своей сумочки мобильный телефон.

Остальные терпеливо наблюдали за ней, пока она дожидалась соединения.

— Папа, что ты делаешь дома?!

Люси и Джорди улыбнулись друг другу. Они знали Теда и Селестину Терпин много-много лет и отлично помнили, какими эксцентричными и непредсказуемыми людьми они были.

— Просто замечательно! — рявкнула Джессика и бросила трубку обратно в сумочку. — Папа накануне перебрал, а потому не может за нами приехать. Придется взять такси, а он заплатит, когда мы приедем. Прощу у всех вас прощения. Не успела я еще и на порог ступить, а они уже ведут себя как сумасшедшие.

— А почему они нам не позвонили, не предупредили? — спросила ее Люси.

— Вероятно, не могли дозвониться, — пожалала плечами та. — А может, просто забыли. Иногда они ведут себя как ненормальные, и мне приходится за них краснеть. И как только мне до сих пор удается их тереть?

Джессика предупредила Молли и Томми, что у нее за родители.

— Они лаются, ей-богу, как ненормальные. Одну минуту кричат и говорят друг другу все, что они думают, а потом мама, разобиженная, уходит в свою комнату и просиживает там по нескольку дней, а папа отправляется куда-нибудь на своей лодке или на машине, или делает еще что-нибудь, что взбредет ему в голову. А потом как-то невзначай они мирятся и все у них становится прекрасно. Их обиды никогда надолго не затягиваются, и, в общем, они милые, симпатичные люди. Да и дом отличный, несмотря на то, что в нем порой царит полный беспорядок.

Джессика заметила, что Молли и Томми с некоторым сомнением смотрели на нее, а потому поспешила еще раз уверить их:

— Да и вообще, большую часть времени мы будем заняты своими делами, а потому вряд ли часто будем с ними видеться. Я просто подумала, что должна предупредить вас заранее, что иногда мои родители производят странное впечатление. А еще у них шесть собак, а потому шерсть там везде и повсюду, — между делом добавила она.

По правде сказать, Джессика редко беспокоилась или стыдилась абсурдного поведения своих родителей. Флин с Джорди говорили, что даже представить себе не могут, что их родители могут отчебучить что-нибудь подобное, но Джессика ко всему относилась спокойно. Что бы ни вытворяли ее родители, ничто не могло заставить ее отказаться от выходных с друзьями в их доме.

Было уже порядком за полночь, когда они выбрались из двух такси с запотевшими окнами и направились к дому. Им не терпелось быстрее избавиться от своих сумок. Их встретила громким лаем целая свора собак всех мастей и размеров, а потом они увидели Теда Терпина, который стоял в дверном проеме и напевал:

— А дождь все льет, а дождь все льет, я весь уже промок.

Потом он расхохотался и провозгласил, раскинув в стороны руки и готовясь крепко обнять дочь:

— Всем добро пожаловать! Я без ума от счастья, что все наконец добрались! Ах, Джессика, знала бы ты, как это восхитительно — снова видеть свою красавицу дочку!

— Папа, не могу поверить, что ты бросил нас под проливным дождем. Я до нитки промокла, первый раз в жизни, между прочим! — отчитала его Джессика, а потом небрежно обняла.

— Это все твоя мать, она не пустила меня за руль, — оправдывался Тед.

— И правильно сделала, ты же много выпил. А то мы бы не просто пневмонию заработали, нас бы уже в живых не было. Ладно, дай нам пройти в дом.

Тед комично нахмурился и стал пожимать всем руки. И наконец, спотыкаясь о собак и расставленные в беспорядке высокие резиновые сапоги, гости зашли в дом.

В прихожей их поджидала Селеста. Она, как обычно, была элегантно одета и спокойным голосом сказала, обращаясь к Джессике:

— Рада видеть тебя, моя дорогая.

Потом она обратилась ко всем остальным и поприветствовала их.

— Джессика, я сейчас покажу, где ваши комнаты, а потом пойду спать. На кухне вас дожидается ужин. Простите, я очень хочу спать, уже так поздно.

— Не будь такой чертовой пуританкой, — завопил Тед, когда она повернулась лицом к лестнице. — Что страшного, если еще каких-то пять минут ты не ляжешь в свою чертову кровать, а пропустишь с нами по стаканчику? С твоей стороны это будет более

гостеприимным, чем смываться. А ведь они только переступили порог!

На секунду Селеста замерла, собралась с мыслями и напряженным голосом громко сказала:

— Ради бога, Тед, не выводи меня из себя.

Все стояли и неловко переминались с ноги на ногу, а Селеста подняла взгляд к потолку и прошептала:

— Дай мне сил.

А потом спокойно и намеренно более сдержанным тоном она продолжила:

— Тед, я не намерена устраивать сцены на глазах у Джессики и ее друзей. Они и без меня прекрасно справятся, а ты потерпишь до утра. А теперь все за мной, я покажу вам ваши комнаты.

Никто не знал, к какой из сторон примкнуть, куда смотреть, что говорить. Даже собаки, которые теперь тихо сидели в центре прихожей, высунув языки, в недоумении смотрели то на хозяйку, то на хозяина.

— Папа, — сказала Джессика, с нежностью поглаживая своего отца по животу. — Пойдем вместе с тобой приготовим для всех напитки, пока мама показывает комнаты.

— Ладно, но я все равно никак не пойму, какой бес вселился в твою мамашу. Она уже полночи ругает меня почему зря.

Когда Тед вышел из прихожей, Джессика велела всем идти с Селестой.

— Наверное, вы поняли, что иногда они ведут себя, как капризные дети, а я играю роль их рассудительной родительницы, — подмигнула она.

Небольшая команда направилась вверх по лестнице вслед за ее матерью.

— Они же сумасшедшие! — шепнула Молли Джорди, когда Селеста провела их в отдельную комнату.

— Да уж, — ухмыльнулся Джорди. — Но это ужасно забавно.

Минуту спустя Томми и Флина разместили в соседней комнате, где стояли две одинаковые кровати. Оба приятеля были одинаково поражены сценой, разыгравшейся на их глазах.

— Поверить не могу, что они так скандалили у нас на глазах! — сказал Томми.

— Старина Тед получил по заслугам, — пожал плечами Флин. — Но пел он хорошо, забавно. Джессика же предупредила тебя.

К ним в комнату вошли Джорди и Молли.

— Обещаю, у нас будут отличные выходные, — успокоил их Джорди. — На самом деле, они замечательные люди.

— Я как-то неуютно себя чувствую из-за всего этого, — пожаловалась Молли. — Но, несмотря ни на что, это было в какой-то степени забавным.

— Да не волнуйтесь вы так, мы их едва будем видеть. И вообще, к утру они уже успеют помириться, — заверил Джорди.

— Хорошо, если так, — поежилась Молли. — Дом у них просто великолепный.

Хотя во всем доме витал запах мокрой собачьей шерсти, здание было впечатляющим: просторное, из толстых сосновых бревен, оно располагалось на холме, откуда открывался вид на реку Хелфорд.

Молли замерла у окна, разглядывая устье реки и огоньки, которые отражались в ее воде, а потом спросила:

— А откуда у Теда такой акцент? Я так и не поняла.

— Мы ведь в графстве, расположенном к юго-западу от Лондона, — объяснил Джорди. — Забавно, да? У нее французский акцент, а он говорит на юго-западном наречии. Удивительно, что Джессика так хорошо и чисто говорит по-английски. Ее отец родился в этих краях, но вернулись они сюда несколько лет назад. Где только их не носило, но Тед в жизни добился многого. Местный паренек выбился в люди.

— Ну что? Пойдем вниз? — предложил Флин.

— Пошли. Я чертовски проголодался, — сказал Джорди, направляясь к двери.

— Ты всегда голоден, — улыбнулась Молли.

— Но сейчас я голоден сильнее, чем обычно, — парировал Джорди.

В коридоре они встретились с Люси. Она выглядела измученной, потому что перед отъездом ей пришлось отправиться на какое-то официальное мероприятие, где она несколько часов провела на ногах.

— Вот что я обо всем этом думаю, — объявил Томми. — Нам надо расслабиться и получать удовольствие, ни то наши выходные будут сплошным разочарованием.

Когда они вошли в гостиную, Тед сидел на диване и что-то бормотал себе под нос. Подняв глаза, он сказал:

— А вот и вы. Что будете пить? Вино? Пиво? Мартини? Что вы предпочитаете? У нас есть все, что душе угодно! — Но прежде чем кто-то успел раскрыть рот, он добавил: — Погодите минутку, мы же должны отметить ваш приезд. Где у нас тут шампанское? Эй, как вам идея?

Джорди и Флин ухмыльнулись. Собравшиеся забормотали, что они вроде бы не против.

Мебель в комнате была подобрана и расставлена с большим вкусом, но вот мелкие предметы интерьера располагались повсюду в беспорядке: рядом с искусной работы сервантом стоял столик для напитков на колесиках из нержавеющей стали; на мягком, но тусклом и грязном ковре у камина растянулись собаки. Собачья шерсть покрывала все диваны и кресла. В центре длинной стены висела большая картина — портрет Селестины, который был сделан лет двадцать назад: она лежала совершенно обнаженная на широкой кровати.

Тед пошел искать шампанское, а в комнату неторопливым шагом вошла Джессика.

— Ну дела, Джессика, — крикнул Томми, показывая пальцем на портрет. — Обалденная картина.

— Правда, она роскошна? Я ужасно горжусь своей мамочкой, хотя она у меня немного странная, — проворковала Джессика, а потом, обращаясь к остальным, добавила: — Вам совсем не обязательно пить ночь напролет вместе с папой. Будьте с ним пожестче и, как только захотите спать, отправляйтесь в свою комнату.

— Ерунда, всем хочется выпить и похавать что-нибудь, — прорычал Тед, возвращаясь в комнату с бутылкой шампанского в руках.

Он выглядел таким довольным, словно только что одержал победу в сражении, а поверх своей густой седеющей шевелюры он напялил сеточку для волос. Пробка оглушительно выстрелила и пролетела через всю комнату.

— Йо-хо-хо! — завопил Тед. — Быстро бокалы!

Пенящееся шампанское фонтаном вытекало из бутылки.

Потом они пошли на кухню, чтобы поесть. Чего там только не было: продукты, коробки, журналы, письма и всякий хлам, который накопился за несколько лет. На рабочих столах под шкафчиками не было ни одного свободного уголка. На столе и на небольшом диванчике,

который стоял у окна, была навалена целая гуда всяких газет, распечатанных и нераспечатанных писем. Распихав газеты по углам, Тед расчистил на столе немного места. Флин подметил, что сел рядом со стопкой бланков баланса счета и отчетом по состоянию кредита. Он пытался не смотреть в ту сторону, но поймал себя на том, что ему страсть как хочется в них заглянуть.

Внезапно Флин почувствовал усталость. Все эти переезды, да еще и на работе выдалась сложная неделя. Он посмотрел на собравшихся. Они ели пирожки и салат и выглядели такими же уставшими и растрепанными. Томми явно был исключением и оживленно беседовал с Тедом о машинах.

— Джессика, — повернувшись к дочери хозяина дома, сказал Томми. — Не пойму, почему ты мне не рассказывала, что у твоего отца есть «бентли-блоуер»?

— Так она твоя девушка? — загоготал Тед, подливая вина в огромный бокал.

— А что? — раздраженно вскинулась Джессика. — А вообще, я не говорила про машину потому, может быть, что не считаю эту тему интересной. Если хочешь, можешь завтра взглянуть на нее. Она довольно стильная, но очень шумная, к тому же в ней печка плохо работает.

Флин улыбнулся Джорди. Оба они понимали, что думают об одном и том же: ничего у Джессики и Томми не получится.

— А какая это конкретно модель, Тед? — расспрашивал Томми.

— 1928 года, четыре с половиной литра.

— Красота! — воскликнул Томми. — Они просто супер. Полагаю, это британского производства гоночная зеленая машина?

— Почти так, — ответил Тед, широко улыбнувшись. — На каждой двери есть британский флаг. погоди, я тебе покажу.

Несколько минут спустя Тед с Томми встали и направились в гараж. Собаки всполошились, очевидно, думая, что их собираются выгуливать, и начали лаять. Какая какофония! К тому же Тед громко разговаривал и оглушительно хлопал дверями.

— Теперь вы понимаете, почему дом моих родителей стоит вдалеке от остальных домов деревни, — усмехнулась Джессика.

— Бедная твоя мама, — добавила Люси. — Никакого шанса выспаться, когда вокруг такое творится.

— Ненавижу, когда Томми строит из себя этакого мачо, интересующегося мужскими «штучками», — сказала Джессика. — Такая тоска. Почему бы ему вместо этого не шептать мне на ушко нежные слова?

— Так зачем ты с ним встречаешься? — спросил ее Джорди.

— О, я и сама не знаю. Когда он не занимается спортом и не строит из себя «настоящего мужчину», он очень мне нравится. Честное слово, Молли, ты и не представляешь, как тебе повезло.

— Вообще-то знаю, — улыбнулась Молли, и Джорди весь засиял от счастья.

— С вами хорошо, — начал Флин, вставая, — но самое время идти баиньки.

— Я бы тоже пошел спать, если все согласны, — посмотрев Молли в глаза, сказал Джорди.

— И я. На меня вдруг навалилась такая усталость, — добавила Люси и невольным зевнула.

— Ну, я-то уж точно не собираюсь тут дожидаться отца и Томми, — вставила

Джессика, а потом, поняв, что все хотят спать, добавила: — Давайте тут приберем и по кроватям.

Джессика была раздражена: ее взбесила нелепая сцена, которую закатили ее родители, а еще ее злило, что Томми явно больше интересовался машиной, чем ею. Как хорошо, что она, по крайней мере, предупредила всех заранее, что ее родители были немного не в себе. Но какими бы эксцентричными ни были ее родители, они прекрасно проведут время. В доме полно выпивки, рядом море, дискотека в помещении яхт-клуба и еще много — много всего. Что ей сейчас надо, так это хорошенько выспаться, хотя Джессика, конечно, не исключала, что в какой-то момент к ней в комнату зайвится Томми. Если такое и произойдет, она просто скажет ему, что устала, что ей не интересны его пьяные бредни, и вообще, ни пошел бы он к себе в комнату и проспался.

Флин проснулся около четырех часов утра. Его мучила нестерпимая жажда. Убедившись, что постель Томми все еще пуста, он включил свет. В его комнате не было ни одного стакана, а потому он решил спуститься на кухню. В доме было темно, и он пошарил по стене в поисках выключателя, которого так и не нашел. Флин на ощупь двинулся по коридору, и тут до него донесся какой-то звук. От испуга он замер на месте. Тут из-за облаков показалась луна, и в ее свете Флин увидел, что это мама Джессики в пижаме спускается по лестнице.

— О, Селеста, ну и напугали же вы меня, — сказал он. — Я спустился, чтобы выпить воды.

Селеста остановилась, огляделась по сторонам, а потом тихим шагом, не сказав ни слова, прошла мимо него на кухню.

— Селеста? — снова позвал он, но она не ответила.

Флин помотал головой и направился вверх по лестнице. Все, что ему сейчас было нужно, так это сон.

К утру дождь прекратился и, хотя в небе все еще были облака, казалось, что денек будет погожим. Селеста в длинном шелковом платье возилась на кухне.

— Доброе утро, *chéri*, — вся сияя, приветствовала Флина Селеста, видимо, успев позабыть, какая драма разыгралась накануне вечером. — Хорошо спалось?

— Мертвым сном, — потягиваясь, солгал Флин. — Слушайте, извините, если напугал вас ночью.

— Меня? — с недоумением посмотрела на него Селеста. — О чем это ты?

— Ну, на лестнице.

Селеста тупо уставилась на него.

— Рано-рано утром, — продолжил Флин. — На лестнице в прихожей.

Селеста развеселилась:

— Дорогой Флин, наверное, тебе все это приснилось. Вероятно, это все сыр виноват.

«Что она имела в виду?» — подумал Флин. Никакого сыра он не ел. А потом до него дошло, что она, похоже, лунатик. Все это было ужасно неловко, а потому он решил больше не возвращаться к этой теме.

— Кажется, только мы с тобой встали. Пожалуйста, бери все, что тебе захочется. Сегодня я собираюсь весь день провести в постели. Объявляю забастовку, да к тому же у меня жуткая мигрень.

— Мне очень жаль, — ляпнул Флин.

— Да, мне тоже очень жаль. Невероятно скучно валяться в тишине в постели, но это единственный выход, который я вижу в этой ситуации. Вообще-то, должна признаться, мой муж так кричит и шумит — ох уж эта его нелепая привычка, — что толку от всего этого никакого. Ну, вам ни к чему об этом беспокоиться.

Флин сочувственно улыбнулся. Разговор их, кажется, зашел в тупик.

— Ну, я тогда просто налью себе чая, ладно? — робко спросил Флин.

— О да, конечно. Чайник на плите, — хлопая дверцами навесных шкафов, отозвалась Селеста.

Флин направился к плите и чуть не споткнулся о грязную таксу, которая топталась у входа в кухню.

— Юджин, уйди с дороги, дорогой, — проворковала Селеста и взяла на руки костлявую собачонку. — Бедненький мой, об него всегда спотыкаются, — продолжила она и нежно поцеловала пса в макушку, а потом обратилась к Флину: — Самое время для легкой утренней закуски.

Она аккуратно опустила собаку на пол, вытащила из холодильника огромную палку колбасы и принялась ее резать маленькими кусочками.

— Вот, сладкий мой, — просюсюкала она, словно разговаривала с ребенком, и Юджин принялся с чавканием пережевывать свой роскошный завтрак.

— Он так любит колбасу, — объяснила Селеста. — Да, и собаке хочется пожить роскошно на старости лет. Да, Юджин? Да!

Юджин поднял голову, посмотрел на Флина и с довольным видом облизнул свои усы.

— Надеюсь, вскоре вам станет лучше, — сказал Флин, взял кружку с чаем и вышел из кухни.

— Да, — беспечно бросила Селеста.

Она все еще кормила своего пса, словно это была самая веселая в мире игра.

К полудню Джессика, сидя на кухне, строила планы.

— Думаю, нам надо пойти на пляж, — объявила она, убирая со стола тарелки, на которых остались лишь крошки от тостов. — Мы отправимся в Перранпорт. Тут совсем недалеко, и это самый лучший пляж во всем Корнуолле. Томми и папа, вы, кажется, хотели совершить небольшую прогулку на этом вашем «бентли»? Ну так давайте, поторапливайтесь. Все согласны?

Да, все были согласны.

— А можно мне с вами? — спросил Флин Теда.

— Ну конечно, — громогласно ответил Тед. — Поехали.

Гаражная дверь, которая управлялась пультом дистанционного управления, тихо жужжа, открылась. Загорелись два огромных круглых прожектора, ярко освещая до того темное логово «бентли». Томми чуть отступил назад и наклонил голову, восхищаясь чудовищем, представшим перед его взором.

— Красотка, — с благоговейным трепетом сказал он.

Тед вошел внутрь. Через минуту зарычал мотор, и машина сантиметр за сантиметром поползла из гаража на волю.

— Прыгайте ко мне, — позвал Тед, напяливая бесформенную сплюснутую кепку и солнцезащитные очки.

Флин сел назад, положил руки на сиденье и принялся поглаживать мягкую кожу обивки. Томми сел рядом с Тедом.

— Ладно, давайте испытаем ее! — закричал Тед.

Они уехали. Тед, словно полновластный король на троне, сидел за рулем великолепной машины. Флин подумал, что он напоминает мистера Жабу^[49]. С оглушительным ревом машина мчалась по дорогам Корнуолла, а Тед сигналил перед каждым новым поворотом, к которому они приближались, и яростно махал рукой испуганным пешеходам.

Флин откинулся на сиденье и наслаждался тем, как ветер треплет его волосы и ласкает кожу. Пусть он беден, пусть он потерпел неудачу в отношениях с Поппи, но, — думал он, — у него есть отличные друзья и еще много всего, благодаря чему можно радоваться жизни. В конце концов, мало кому предоставляется шанс на огромной скорости нестись по маленьким сельским улочкам на «бентли» 1928 года с откидным верхом. Огромные ватные облака отражались в длинном, до блеска отполированном капоте. Автомобиль и вправду был великолепен: чуть приглушенный рык двигателя, отличный дизайн, блестящая хромированная поверхность. Флин начал понимать, почему Теду так нравилась эта машина, и решил для себя, что однажды тоже купит такую же стильную машину высшего класса.

Пляж был почти пустым, потому что был отлив, но все же по песку бродили несколько семей, а на автомобильной стоянке Джессика чуть не наехала на маленького ребенка, который, не глядя по сторонам, несся изо всех сил через дорогу.

— И почему только родители перестают присматривать за своими детьми всякий раз, как я сажусь за руль, — раздраженно пробормотала она.

— И почему только английские пляжи так чертовски непопулярны? — в тон ей произнес Флин.

— Не знаю, — рассмеялась Люси. — Но вообще ты прав. Только представь себе, как бы это выглядело, если бы французы подгоняли к пляжу на Ривьере фургончики, в которых продается мороженое. Не вообразить, да?

— А мне кажется, что это очень даже мило, — вставила Джессика. — Часть нашего культурного наследия.

Они прошли мимо небольшого временного ангара, где хранились принадлежности для серфинга; рядом околачивались бледные угрюмые серфингисты в мокрых гидрокостюмах.

— Вот чем бы мне по-настоящему хотелось заняться, — сказал им Томми.

— Оседлать волну? — уточнил Джорди.

— В точку. Это нечто необычайное.

До моря еще было идти и идти, но они уже слышали шум волн.

— Я собираюсь поплавать, — решительно заявил Томми.

— Я тоже, — расстегивая ремень на брюках, сказал Джорди.

— Но вода уже холодная, — воскликнула Джессика.

— Ерунда, — ухмыльнулся Томми. — Тут просто надо настроиться. Да и вообще, несколько минут — и мы разогреемся.

— А в чем ты собираешься плавать? — спросила Молли Джорди.

— Да прямо в семейных трусах, — невозмутимо ответил тот.

— Боже мой, ну что с этими мужчинами поделаешь, — сказала Джессика, когда Джорди и Томми сняли свои рубашки.

Их тела были белыми-пребелыми, выделялись только загорелые V-образные участки кожи под шей.

— Когда вы закончите бултыхаться в море как дети малые, отправляйтесь вон на тот

холм. Мы будем там, — сказала им Джессика, показывая на большой мегалит, который высился неподалеку от пляжа.

— Кто-нибудь еще идет с нами? — спросил Томми, стаскивая джинсы.

— Для женщин это немного опасно, — сказала Люси. — Так что я пас, если не возражаете.

— Ну ладно, я к вам, наверное, присоединюсь, — решил Флин, когда Томми и Джорди уже собирались броситься в море. — Идите, я буду через минуту.

— Ну и дурачки — просто большие дети, — заметила Джессика, наблюдая, как Флин бежит к волнам, радостно что-то выкрикивая и окликая Джорди и Томми.

Потом, когда они уже сидели на холме, Джессика спросила Молли:

— Ну, как у вас дела с Джорди?

— По-моему, он просто замечательный, — призналась Молли, наблюдая, как трое парней резвятся в море. — Думаю, у нас впереди большой путь. Кажется, даже вкусы наши практически совпадают. Признаться, Джорди мне очень-очень нравится.

— Вот как, — улыбнулась ей в ответ Джессика. — Здорово, когда отношения так хорошо складываются. И поверь мне, последние несколько недель он только и говорит, что о тебе. Ты — самая популярная тема для разговоров. Не знаю, долго ли я еще это выдержу.

— Надеюсь, он вас не слишком утомил, — засмеялась Молли.

— Нет, я очень за него рада, но вот Флин, бедный старина Флин, немного подавлен, хотя изо всех сил старается не воспринимать все слишком остро.

— Да, бедный Флин, — присоединяясь к разговору, сказала Люси. — Кажется, сейчас в его жизни наступила черная полоса?

— Полагаю, что тяжело чувствовать, что друг, который был тебе предан, теперь связан отношениями с другим человеком и уже не может уделять тебе столько времени, как прежде, — сказала Молли.

— А ты слышала о приключениях Флина в Италии? — спросила ее Джессика.

— О да. Джорди мне все уши прожужжал. Мне вообще кажется, что почти весь Лондон знает эту историю.

— Да уж, так и есть, — рассмеялась Джессика. — Бедная овечка.

— Она вела себя с ним как настоящая стерва, — вмешалась Люси. — Представляю, как ему там было плохо.

— Что ему нужно, дорогая, так это немного внимания с твоей стороны. Тогда он почувствует себя намного лучше.

Джессика никак не могла взять в толк, почему Люси и Флин никогда не пробовали завязать отношений. Оба они были ее лучшими друзьями. И разве они не созданы друг для друга? Это все их глупое упрямство, но она искренне надеялась, что за эти выходные они сблизятся и хотя бы переспят друг с другом. А еще Джессика подумала, что, вероятно, дискотека в яхт-клубе станет для этого идеальным местом. Они напьются и вдруг почувствуют себя одинокими...

Люси, словно отметая эту тему, взмахнула рукой:

— Прекрати, Джес.

— Поверь, вы могли бы быть отличной парой. Какая досада, что вы так упрямитесь, — стояла на своем Джессика.

— Джессика, я встречаюсь с Дэйвом, так что забудь!

Молли выглядела несколько растерянной, и Люси, заметив выражение ее лица,

пояснила:

— Дэйв служит в армии. Его часть размещается в Германии. Так что я очень редко его вижу.

— А когда и видит, то он всегда хочет одного: улизнуть побыстрее к своим идиотским друзьям. Так что Люси никогда не удастся побыть с ним наедине, — вставила Джессика.

Люси вздохнула:

— Все не так плохо, как она рассказывает. Просто у Джессика навязчивая идея, что я должна дать Дэйву отставку и начать встречаться с Флином.

— Да, тебе следовало бы, — язвительно сказала Джессика.

— А ты нравишься Флину? — спросила Молли.

— Не думаю, но Джессика убеждена в обратном.

— Конечно, ты ему нравишься, спроси любого.

— Джессика? — легонько толкнула локтем Люси свою подругу.

— Да, дорогая?

— Может, сменим тему?

Ребята вышли на берег, кое-как натянули на мокрые тела одежду и побрели вдоль берега в направлении холма. Присоединившись к девушкам, они начали беседовать кто о чем. Молли разговаривала с Томми, а потому Джессика улучила минутку и шепнула Джорди:

— Она такая милая, тебе несказанно повезло.

— Знаю. Я очень рад, что она тебе понравилась. Надеюсь, что Флин не станет, как обычно, ходить с угрюмым видом.

— Знаешь, мне кажется, он должен встречаться с Люси.

— Флин и Люси? — скептически сказал Джорди. — Но они же уже лет сто как дружат, и с чего ты взяла, что их отношения должны стать другими именно сейчас?

— Потому что они — две одинокие души, которые ищут любви, и вообще, они сами не понимают, как хорошо друг другу подходят, — решительно заявила Джессика.

Джорди пожал плечами:

— Может быть. Слушай, как насчет мороженого? Я не могу вернуться в Корнуолл, пока не отведаю здешние сорта.

В здании яхт-клуба начиналась ежегодная дискотека. На стенах висели выцветшие фотографии яхт и яхтсменов и вставленные в рамки списки президентов и почетных секретарей, вымпелы и разноцветные воздушные шарики. В одном конце зала стареющий рокер, готовясь к дискотеке, рылся в коробках с кассетами. За столиками уже сидели небольшие группы тинейджеров и деревенской молодежи. Вид у них был какой-то испуганный.

— Фантастика, — объявил Томми. — Нам немедленно нужно раздобыть пива.

— Только посмотри на диджея, — прошептал Флин Джессике. — Ему же не больше восемнадцати!

— Тс-с, веди себя прилично, — с деланной серьезностью велела Джессика и начала подталкивать их в сторону столика.

Томми и Джорди пошли в бар за пивом.

— Когда включат музыку? — спросила Люси.

— С минуты на минуту, — сказала Джессика.

— Думаю, надо мне как следует выпить сегодня, дорогая, — без особого энтузиазма

сказал Флин Джессике.

— Отличная идея. Я обязательно последую твоему примеру.

Когда из двух огромных колонок раздалась музыка, собравшиеся заметно оживились и начали танцевать.

— «Я верю в чудеса — йе-е!» — подпевал в микрофон диджей. — Так что все на танцпол. Танцуем, танцуем! Покажите всем класс!

— Хорошо! — закричал Томми, постукивая пальцами по воображаемому барабану.

— Пошли, — прокричала ему Джессика, и они вышли на самый центр танцевальной площадки и закружились в танце.

Джорди чувствовал себя немного неуютно и объяснил Молли, что он обязательно потанцует с ней, но сначала ему надо немного выпить. Это придаст ему храбрости.

— Люси, не хочешь потанцевать? — спросил Флин, вставая и протягивая руку девушке.

— Конечно, с удовольствием, — ответила она и лучезарно ему улыбнулась.

Через три часа, когда вся классика диско отзвучала, друзья вновь собрались за своим столиком. Они были разгоряченные, уставшие и подвыпившие. Даже Джорди натанцевался так, что у него от усталости тряслись руки.

— Здесь намного лучше, чем в лондонских дискотеках! — воскликнула Люси.

— Ну кому нужно техно, когда у нас есть старое доброе диско, — рассмеялся Флин.

Большую часть вечера он провел с Люси, но когда диджей объявил мелодию «Танцующая королева», Флин посмотрел на Молли и протянул ей руку. Хихикая, Молли взглянула на Джорди, а потом встала.

— Ну пойдем, — сказала она. — Потанцуем.

Флин начал кружиться и размахивать руками в такт музыке, а потом взял Молли за талию и закружил ее. Он слышал, как хлопает и свистит Томми, а Молли смеялась и визжала. Он снова взял ее за талию и прокружил еще раз, а потом вдруг притянул ее к себе.

— Джорди с ума сходит от ревности! — заорал Томми, но Флин только ухмыльнулся и посмотрел в сторону Джорди.

Потом они обменялись соблазняющими взглядами и стали разводить в воздухе руками так, словно ласкали тела друг друга. Флин видел, как сердито смотрит на них Джорди из-за столика, а потому прошептал Молли на ухо:

— Твой приятель ревнует.

Флин начал раскачиваться из стороны в сторону, ведя за собой Молли, а она тем временем оглянулась на Джорди и снова повернулась к Флину.

— Господи, вот глупый!

Когда они вернулись к столику, Джорди взял свою кружку с пивом и внезапно выплеснул ее на Флина.

— Джорди! — закричала Молли.

— Приятель, успокойся, — сказал Томми.

— Какого черта? — заорал Флин.

Пиво стекало по его лицу и груди.

— А ты как думаешь? — рявкнул Джорди.

Его лицо было перекошено злобой.

— Да пошел ты, — чуть тише сказал Флин и вылил на Джорди свое пиво.

— Отлично, тварь ты такая, — завопил Джорди, вместе со стулом рывком отодвигаясь от стола.

Прежде чем Флин успел среагировать, Джорди повалил его на пол и выскочил из зала.

— Лучше бы тебе пойти за ним, — посоветовала Джессика Молли.

Молли обеспокоено кивнула и поспешила прочь.

— Парни, кончайте возню, — несколько запоздало встрял диджей.

Большинство из собравшихся смотрело в сторону, где только что произошла потасовка. Флин поднял взгляд на Джессику. Наконец все снова стали танцевать. Джессика что-то говорила Флину, но он не слышал, что именно.

Томми попытался поднять его на ноги.

— Приятель, ты в порядке? — спросил Томми, с трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

— Кажется, да, — слабым голосом пробормотал Флин, потирая затылок.

— Какой же ты идиот! — в сердцах бросила Джессика.

Что он мог ей на это ответить? Его испуг и злость исчезли так же быстро, как и появились. Ему было стыдно, он раскаивался в своем поведении.

— Что же я наделал? — спьяну завопил Флин. — Я сломал Джорди жизнь. Он никогда больше не заговорит со мной!

— Ты смешон, — сказала ему Люси. — К утру все позабудется.

— Кто-нибудь собирается продолжить танцы? — поинтересовался Томми, слегка раскачиваясь в такт музыки из стороны в сторону.

— Я потанцую с тобой, Томми, — решительно заявила Люси, отодвигаясь от стола на своем стуле.

— Превосходно! — ухмыльнулся он.

— Я отвезу Флина домой, — сказала ему Джессика, но Томми, дрыгая ногами, уже пробирался сквозь толпу к центру танцевальной площадки.

— Спасибо, Джессика. Ты настоящий друг, — вздохнул Флин, когда в ее сопровождении шатающейся походкой доплелся до своей комнаты.

— Ладно, ладно, не переживай, дорогой. Только давай-ка снимем с тебя это дерьмо, оно все пропиталось пивом.

— Да, знаю, просто чудовищно.

Но когда Флин попытался расстегнуть пуговицы, то неожиданно ощутил, что Джессика одной рукой придерживает его за талию, а вторую руку положила ему на грудь. Несмотря на опьянение, а может, именно благодаря этому, Флин почувствовал, как по его спине побежали мурашки и инстинктивно взял Джессику за руку. Она подняла на него глаза. Она выглядела невероятно сексуально. Флин наклонился и легонько поцеловал ее, но потом почувствовал ее теплый язычок у себя во рту.

— Пошли со мной, — нежно шепнула Джессика и повела его по коридору в большую ванную. Там она снова поцеловала его, потом включила душ и начала медленно снимать с себя одежду.

— Ну давай же, — позвала она, пока Флин пытался справиться со своим ремнем.

Ласкать ее нежное тело было истинным наслаждением. Теплая вода стекала по ним струйками. С семнадцати лет Джессика не делала ничего подобного: они целовались и плескались под душем. Флин чувствовал, как на него накатывает невероятная волна возбуждения. Он ликовал. Он покрывал тело Джессики поцелуями, а она шептала ему «давай, сделай это» и прижимала его к себе все плотнее, пока он наконец не вошел в нее. Прижавшись спиной к стене ванной, она обвила Флина ногами. А вода все так же струилась

по их телам. Когда они вытерли друг друга полотенцами, Джессика не произнесла ни слова, просто лукаво подмигнула. Внизу хлопнула дверь.

— Черт, — с досадой сказал Флин. — Они вернулись.

Джессика улыбнулась, крепко обняла его и шепнула:

— Пора спать, дорогой.

И испарилась.

Флин услышал, как поют свою обычную утреннюю песенку вяхири, и понял, что уже не спит. Было очень рано, а потому, перевернувшись на другой бок, он попытался снова уснуть. И вдруг с тревогой вспомнил о вчерашней потасовке с Джорди.

— Черт! — громко выругался он. — Проклятье!

А еще Джессика. Это еще хуже. И как только он умудрился? За один час в пьяном угаре расстроить отношения с двумя своими самыми лучшими друзьями на земле! И что только подумает Джессика? Ну почему она переспала с ним? А что если она захочет продолжения? Флин лег на спину и уставился в потолок. Может, так случилось потому, что им никак не удавалось найти себе подходящую пару? А что если им снова начать встречаться? Определенно, его влекло к Джессике. Вообще-то она многих привлекала. Они были пьяны но секс у них был отличный. Более того, всем было ясно, что отношения между Джессикой и Томми долго не продлятся. Флин знал, что был одним из самых лучших друзей Джессики, но неужели ей хотелось от него большего, чем просто дружба? Неужели тем, что случилось между ними прошлым вечером, она хотела дать ему понять, что желает более близких, интимных отношений?

Джессика тоже проснулась. Рядом с ней, в неведении, что она ему изменила, громко храпел Томми. Почему, ну почему она переспала с Флином? Она хорошо понимала, что будет дальше: Флин решит, что влюбился в нее, что они созданы друг для друга, и когда она скажет, что ей нужен Томми, он начнет ревновать и разобидится на нее. Так и будет. Как же печально это осознавать. Но вообще-то они отлично повеселились. Запретный плод сладок. Флин был неотразим: огромные печальные глаза и всклокоченные волосы. Она понимала, что Томми — далеко не тот мужчина, о котором она всю жизнь мечтала, но он ей очень и очень нравился. Он умел развеселить Джессику, был симпатичным. С ним было приятно проводить время, а потому ей совсем не хотелось, чтобы Флин разрушил их отношения. Джессика закусилла нижнюю губу. Ей необходимо поговорить с Флином. Остается только надеяться, что все будет хорошо. Конечно, она любила его всем сердцем, но только как друга. Как друга! Она осторожно выскользнула из-под одеяла и спустилась вниз по лестнице.

— Привет, Джессика! — сказал Флин.

Сердце его бешено забилося, когда он увидел, как в его в комнату тихо вошла Джессика.

— Тс-с, — приложила она палец к губам, на цыпочках подходя к его кровати.

Она села рядом с ним на постель, улыбнулась и попыталась подобрать нужные слова.

— То, что случилось прошлым вечером, — медленно начала она, — не должно больше повториться.

Она видела, как изменилось выражение лица Флина, как он помрачнел.

— Все было отлично, — добавила она, — но мы совершили ошибку. Я слишком сильно дорожу нашей дружбой, чтобы допустить, чтобы наша глупость все испортила.

Джессика была довольна тем, что сказала, особенно последней фразой.

— Ты права, — пробормотал Флин, кивая в знак согласия. — Совершенно права.

Отлично развлеклись, но повторять определенно не стоит.

Он еле заметно улыбнулся.

— Хорошо. Мы снова лучшие друзья?

— Ага.

— И мы никогда об этом никому не расскажем?

— Ни одной живой душе.

Джессика наклонилась и легонько поцеловала его в лоб:

— Отлично. Рада, что мы все обсудили. Увидимся за завтраком. Умираю, как хочется

повалиться в ванне и почитать «Хеллоу»^[50]!

Флин, конечно, понимал, что она была права. Но вообще-то его определенно привлекала мысль о том, что они могли бы заниматься с Джессикой любовью каждую ночь. И безусловно, как ни крути, он в очередной раз получил от девушки отставку. Он был несколько расстроен и подавлен. Еще один удар по самолюбию.

По пути в туалет Флин столкнулся с Джорди.

— Джорди! Как хорошо, что я тебя встретил, старина! — как можно искреннее воскликнул он.

— Я искал тебя, — буркнул Джорди и легонько двинул друга в челюсть.

— Прости, старина, — робко сказал Флин.

— Нет, это ты меня прости. Я вел себя как скотина, — сознался Джорди.

— Я тоже. Как глупо все вышло, да?

— Да уж. Посмешище, да и только. Видел, как на нас все пялились?

— Ага, — рассмеялся Флин. — То еще зрелище.

— Ладно, прости меня, — снова сказал Джорди.

— Да ну, забудь. Просто повеселились.

Повисла пауза.

— Молли в порядке? — спросил Флин.

— Да, кажется, она меня простила.

— Хорошо. Передай, что я извиняюсь.

— Ладно, — бросил Джорди, направляясь обратно в свою комнату. — Увидимся.

Флин понял, что уже не сможет заснуть. Но, по крайней мере, он помирился с Джорди. Одевшись, он спустился вниз. На кухне, что-то весело обсуждая, завтракали Селеста и Тед. В последний раз он видел Селесту вчерашним утром, но тогда она была «при параде» и недомогала. Кажется, они с Тедом тоже помирились и, попивая кофе и читая газеты, являли собой пример счастливого брака.

— Доброе утро! Садись, расскажи нам, как вы провели прошлый вечер, — радостно улыбаясь, сказал Тед.

— Мы от души повеселились, — чистосердечно признался Флин.

Ему совсем не хотелось описывать им вечер в подробностях.

— Хотя, когда я проснулся, у меня немного болела голова.

— Великолепно, это хороший знак! — громко заявил Тед.

И у него, и у Селесты было превосходное чувство юмора. Они стали расспрашивать его о жизни в Лондоне, о работе, о Молли с Джорди, о Джессике и Томми. И Флин с удовольствием им отвечал.

— Видите ли, Джессика мне почти ничего не рассказывает, — пожаловалась Селеста. — Так тяжело быть матерью! Я все время переживаю, что она что-нибудь выкинет

или что с ней что-нибудь случится. В конце концов, Лондон, как и все большие города, — очень опасное место. Но она говорит, что ей надоели мои бесконечные звонки.

Флин с сочувствием улыбнулся Селесте.

— А вообще здорово, что вы все к нам приехали. С вами очень весело! — продолжила она, хлопнув в ладоши.

Как будто и не встречала их столь холодно и не пропадала в своей комнате почти два дня.

— Я обожаю у вас бывать. Вы такие гостеприимные, — улыбнулся Флин, понимая, что никогда не поздно выразить признательность людям, которые тебя принимают в своем доме.

— Как мило с вашей стороны! — Тед откинулся на спинку стула и потянулся. — Да, в такие дни понимаешь, что Корнуолл — самое лучшее место во всей Англии. Я рад, что мы больше не живем во всяких никудышных местах вроде Кувейта, дорогая! — Он послал Селесте воздушный поцелуй.

— Я тоже, *chéri*, — улыбнулась она и любовно взяла своего супруга за руку. — Знаете, Флин, Теду приходилось иметь дело с плохими людьми.

Флин чувствовал себя немного неуютно. Ему что, обязательно это все слышать?

— Да, таких людей я называл маньяками. Они жаждали власти, — продолжил Тед. — А потом до меня вдруг дошло, что мне уже пятьдесят два, у меня есть на счету немного денег — так какой смысл надрываться, устраивая дела с этими ненадежными парнями. Я так затосковал по Англии, помнишь, дорогая? Точнее, по Корнуоллу. И вот мы вернулись. Честно говоря, я не совсем отошел от дел. Веду тут кое-какие проекты. И все пока у меня нормально.

— Ну, может, я и покажусь вам эгоистом, но скажу, что я тоже рад, что вы вернулись именно сюда, — признался Флин.

— Ха-ха, ты отличный малый, Флин, — рассмеялся Тед.

Селеста встала, чтобы приготовить еще кофе, а Тед продолжил:

— Вот что я тебе еще скажу. По-моему, не стоит всю жизнь рвать задницу, зарабатывая деньги, если потом тебе не удастся всем этим насладиться.

Видимо, чтобы особенно подчеркнуть свои слова, он раскинул руки в стороны и посмотрел в окно на реку.

Флин кивнул в знак согласия. Тед был на сто процентов прав: жить надо полной жизнью.

— Я все время переживаю, что ждет меня в будущем, — после некоторой паузы признался Флин. — Как знать, где мы все окажемся? Что дальше будет? Техника становится все более совершенной, компьютеры — все более умными, а на дорогах полным-полно машин. Когда все это закончится? Есть ли предел? Как-то все это зловеще. Словно жизнь наша уже не принадлежит нам, мы не можем ее контролировать.

— Честно говоря, у нас была жизнь сложнее, уверяю тебя, — вмешалась Селеста. — Когда мы были в вашем возрасте, у нас не было и половины того, что есть у вас. Мы не могли ходить на вечеринки также часто, как вы.

— Говори за себя, дорогая, — хихикнул Тед и подмигнул Флину.

— Тед, ну ты же прекрасно знаешь, что я права. А еще, Флин, никому из вас не пришлось жить в военное время. Мой отец воевал в Сопротивлении. Многие из его друзей были убиты. Чудовищное время. Ему было чуть за двадцать, примерно столько, сколько тебе сейчас. Ужасные события отобрали у него лучшие годы жизни.

Флин задумался над словами Селесты. Она была права: может, он и не слишком доволен современной жизнью, но, слава богу, ему не пришлось воевать и видеть у руля своей страны сумасшедшего диктатора.

— Хватит этих разговоров, — настойчиво сказала Селеста. — Не хотите сегодня покататься на лодке?

— С удовольствием. Вы уверены, что вас это не затруднит? — уточнил Флин.

Мало-помалу хорошее настроение возвращалось к нему.

— Ничуть! — шлепнул ладонями по столу руками Тед. — Разве можно приехать в Корнуолл и не прокатиться на лодке! Словно река не течет у нас под самыми окнами!

Все было решено. Постепенно все подтянулись на кухню, и к ланчу друзья окончательно проснулись и были готовы отправиться на прогулку. Джорди с Флином болтали и смеялись, словно и не было вчерашней потасовки. Они так радовались, что эта неприятная история не положила конец их дружбе, что их дружеские чувства друг к другу только окрепли. Сначала все подкалывали их, шутили по поводу их ссоры, но вскоре происшествие забылось. Джессика тем не менее избегала смотреть Флину в глаза, к тому же Флин заметил, что на этот раз она уделяет несравненно больше внимания Томми. Она смеялась вместе со всеми над их комической сценой на дискотеке, но Флин вдруг отчетливо понял, что она обращается непосредственно к нему. В какой-то момент она предложила всем выпить чая или кофе, но у него даже не поинтересовалась, что он предпочитает. Зачем она пытается задеть его чувства? Флину отчаянно не хотелось воспринимать все слишком близко к сердцу и расстраиваться, но ему это никак не удавалось. Больше всего ему хотелось взять и повернуть время вспять, чтобы ничего не случилось.

Снаружи к небольшой деревянной пристани была привязана лодка «Веселый пират». Томми и Джорди, не подозревая о страданиях Флина, внимательно слушали лекцию Теда о том, как управляться с лодочным мотором.

— Она миниатюрная леди, а вы вон какие тяжелые. Поэтому следите за тем, чтобы скорость всегда оставалась постоянной, — предупредил их Тед. — Далеко собираетесь плыть?

— Мы хотим переплыть через Хелфорд и на том берегу перекусить в пабе, папа, — сказала Джессика.

— Ладно, хорошей дороги, — махнул им рукой Тед, а потом развязал веревку и оттолкнул лодку от берега.

Маленький моторчик ожил.

Они добрались до другого берега, привязали лодку и нашли свободный столик в пабе. Было все еще солнечно, но ощутимо холоднее, а потому никому не хотелось сидеть снаружи.

— Ну ты негодник, — пожурила Люси Флина, когда они вдвоем подошли к бару, чтобы заказать напитки.

— Так она тебе разболтала, — не взглянув на нее, буркнул Флин. — А я думал, что эта змея будет держать язык за зубами.

— Ну, в этом вся Джессика.

— Да уж, но я ведь ничего не рассказал Джорди, а обычно я с ним делюсь всеми новостями. Извини, Люси, но меня все это бесит. Особенно когда я вижу, как она вьется вокруг Томми, пытаясь ему угодить. Почему она такая гадкая?

— Она чувствует себя виноватой, вот почему. И пытается загладить свою вину, уделяя повышенное внимание Томми. Да и вообще, ты виноват не меньше ее.

Флин сердито уставился на стойку бара.

— Флин, не надо так из-за этого расстраиваться. Прошу тебя. — Люси погладила его по плечу.

— Извини, Люси, не могу я не расстраиваться, — вздохнул он и взял напитки.

Флину хотелось поговорить с Джессикой, но это никак не удавалось. Все смеялись и оживленно беседовали. Томми и Джорди вспоминали истории и разнообразные шалости из разгульной университетской жизни. Флину хотелось присоединиться к их разговору, но он понимал, что его натянутая улыбка выглядит совсем неубедительной.

— Я бы просидел здесь до вечера, — радостно заявил Джорди, бухая на стол свою пустую кружку.

— Я тоже, — поддержал Томми. — Но я продрог до костей.

— Так давайте закажем еще выпивки? — предложила Джессика. — Флин, поможешь мне?

Она заметила, какой у него хмурый взгляд. Он был раздражен. Джессика проклинала саму себя. Какая же она дура!

— Зачем ты рассказала Люси? — прошипел Флин, когда они подошли к бару.

— Ой, Флин, ну будет тебе! Мне надо было с кем-то поделиться, — оправдывалась Джессика.

— Но ты же сказала, что ни одна живая душа не узнает. Я, например, Джорди не рассказывал.

— Люси не в счет. И вообще, я не была уверена, что ты ему не расскажешь. А теперь просто успокойся, дорогой, и перестань злиться. Тебе это не идет. Мы оба признали, что совершили ошибку, так что перестань мучить себя.

Она попыталась его пощекотать и заметила, что он едва сдерживает улыбку.

— Прошу тебя, Флин, не корчи такой убитый вид. Жалко на тебя смотреть.

— Тогда перестань игнорировать меня и вертеться вокруг Томми, — обиженно потребовал Флин. — Это действует мне на нервы.

— Хорошо, хорошо, — согласилась она, — но только если ты мне немедленно улыбнешься.

Флину казалось, что успокоился он лишь самую — самую-самую — малость, но, когда Джессика снова начала разговаривать с ним с прежней теплотой, то он забыл обо всех своих мучениях. Все остальные ничего не заметили и весело продолжали пить, а потому, когда засобирались обратно к «Веселому пирату», то были уже порядочно навеселе. Нет, они не были пьяными, просто слишком много смеялись и дурачились. Джорди сел у мотора и вызвался рулить, а вскоре начал раскачивать лодку из стороны в сторону, так что все вцепились в борта, а девушки завизжали. Джорди тут же прекратил свои проказы. Но потом у мотора сел Томми, но вместо того, чтобы направиться напрямиком к берегу, начал, подражая Джорди, раскачивать лодку. Джессика закричала, чтобы он немедленно перестал, но он только смеялся и раскачивал лодку все сильнее, а Джорди с Флином его подстрекали. Когда они доплыли до речного залива Порт-Навас, Томми качнул лодку так сильно, что она опасно накренилась и Люси внезапно полетела за борт. Все кинулись к тому краю, чтобы помочь ей. И тут накатил высокая волна, и лодка зачерпнула порядочно воды.

— Томми, чертов ты кретин! — заорала Джессика.

— Ладно, прошу у всех прощения! — прокричал Томми и повернул лодку к тому месту, где барахталась Люси. — Успокойтесь и помолчите секунду.

Когда они подплыли к ней, Флин, не раздумывая, прыгнул в воду. Ведь Люси могла понадобиться помощь.

Но его благородный поступок никто не оценил.

— Блестяще, — всплеснула руками Джессика. — Теперь нам придется вытаскивать двоих. Флин, неужели обязательно было это делать?

— Я пытался спасти Люси! — отплевываясь, рявкнул Флин. — Это ведь только тебе все до фени.

Вода была холодной, одежда прилипла, и Флин чувствовал, как новая волна раздражения накатывает на него.

— Слушайте, без паники, — приказал Томми.

Они вместе с Джорди осторожно перегнулись через борт и взяли Люси за обе руки. Мало-помалу они втянули ее в лодку. Девушка плюхнулась прямо в грязную коричневую воду, которая плескалась по днищу.

— Флин, сможешь доплыть до того сарая для лодок, вон там? — сказал Джорди, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, и показывая пальцем в сторону ветхого сооружения, которое находилось от него в пятидесяти метрах. — Думаю, нам лучше плыть без лишнего груза.

— Но вода ледяная! — отплевываясь, возразил Флин.

— Начни плыть и разогреешься. Всего-то тридцать метров с небольшим, — настаивал Джорди, а потом не выдержал и в голос рассмеялся.

«Отличное завершение ужасного дня», — думал Флин, плывя в направлении сарая то кролем, то по-собачьи, стараясь не опускать голову под воду. Здесь вода была намного холоднее, чем на пляже, да еще и грязнее. Одежда прилипла к телу и от воды стала тяжелой, поэтому плыл Флин довольно медленно. «Какой же я глупец, что прыгнул вслед за ней, — ругал он себя. — Но это же было инстинктивное действие». Теперь он заболит пневмонией и умрет. Ну, это хотя бы избавит его от всех проблем. Он плыл и плыл, а до сарая все еще оставалось прилично.

Томми выбрался на берег и, понутив голову, повел лодку к тому месту на пристани, где ее нужно было привязать, пока Джорди и Молли пытались отогреть мокрую, трясущуюся от холода Люси.

— Говорила я тебе, перестань выделывать свои идиотские трюки! — Джессика сердито посмотрела на Томми. — А что если бы кто-то утонул?

Что Томми мог ей на это сказать? Ничего. Он вел себя неосмотрительно, пытаясь порисоваться перед друзьями, но его представление явно не удалось.

— А Флин в порядке? — стуча зубами, спросила Люси.

— И кого только он из себя строит? — проворчала Джессика.

— Вон он, выбирается на берег у сарая, — сказал Джорди. — Бедняга Флин. В последнее время ему совсем не везет.

— Да, и ты к этому приложил руку.

Джорди чувствовал себя глупо. Он очень сожалел, что так бурно отреагировал прошлым вечером; от одного воспоминания об этом ему становилось не по себе. Как он обрадовался, что Флин не затаил на него злобы и что эта нелепая история позади. Самый лучший способ справиться с неприятным прошлым — это вести себя так, словно ничего и не было.

Обогнув сарай, Флин увидел тропинку и побрел обратно в деревню. Ему было холодно, он устал и чувствовал себя полным идиотом. Его лицо и руки были покрыты слоем

солончатой грязи, а еще ему придется выбросить ботинки, потому что они были безнадежно испорчены. А это означало, что опять придется тратиться, выбрасывать деньги на ветер. А прошлым вечером он вдобавок чуть не потерял двух своих самых лучших друзей.

— Никогда еще мне так плохо не было, — полным страдания голосом простонал он вслух.

Флин вышел на широкую дорогу; с него все еще капала вода.

Тед от души посмеялся над этим происшествием, особенно когда убедился, что лодка цела и что никто не ранен, но Селеста пришла в ярость:

— Боже мой, посмотрите на самих себя! Вам по двадцать пять лет! Двадцать пять лет, самое время повзрослеть! А вы такие безответственные! Если выпили лишнего, так можно всех утопить? Вы ужасно меня огорчили! И когда вы только станете умнее и будете вести себя, как подобает в вашем возрасте? Флин, ну куда это годится! Ты же мог погибнуть! Как бы я тогда смотрела в глаза твоей матери? Честное слово, какие вы все жалкие! — Она приложила руки к глазам. — Я в вас разочаровалась. Все это выше моих сил. Пойду наверх, лягу.

Джессика ничего не сказала. Слова Селесты повисли в воздухе грозowymi тучами, а потому вслед за ней, не проронив не слова, ушла в свою комнату и Джессика. «Да уж, полное фиаско», — подумал Флин. Все остальные чувствовали себя пристыженными, униженными. Никто не знал, как вести себя, что говорить, пока наконец Тед не разрядил обстановку:

— Слушайте, ребята. Вам всем надо принять горячую ванну и расслабиться, а потом спускайтесь вниз и мы чего-нибудь выпьем. Скоро и Селеста, и Джессика придут в себя, и все будет в порядке. Вы, конечно, вели себя как настоящие идиоты, но не переживайте, в жизни всякое случается.

Тем не менее выходные не задались. В течение следующей недели Флин с Джессикой практически не разговаривали друг с другом. Она проводила больше, чем обычно, вечеров у Томми или работала допоздна, а поскольку Джорди был у Молли, то дом остался целиком в распоряжении Флина, отчего ему совсем было грустно и уныло.

Глава 17

У Джессики снова дурное настроение

Джессика понимала, что с момента заключения их договора прошло уже полгода, а ее положение на работе и личная жизнь оставляли желать много лучшего. По этому поводу она все больше раздражалась, и настроение у нее было из рук вон плохим. С Томми они отлично ладили, все шло хорошо. Он баловал ее: водил в рестораны, в театры. Но, увы, не мог заставить трепетать ее сердце. Когда Джессика рассказала об этом Люси, то старинная подруга посоветовала ей немедленно прекратить эти отношения.

— Но мне с ним весело, — возразила Джессика. — Он очень милый, честное слово.

— Все это, конечно, хорошо, — перебила ее Люси, — но к чему это все приведет? Если ни к чему не приведет, тогда какой смысл?

Джессика была с ней абсолютно не согласна.

— Смысл есть. Я буду поддерживать отношения с Томми, пока не встречу мужчину моей мечты, ну, а если не встречу, там посмотрим. В любом случае, — добавила она, — уж кто бы говорил о смысле, так только не ты.

Люси нахмурилась:

— На эту тему я вообще не намерена разговаривать, но только не забывай, что ты с Томми, как бы так сказать, не очень честна. И не перестаешь его обманывать, давая ему надежду.

— Я признаю, что совершила большую ошибку, но ведь Томми об этом не знает. А раз он не знает, значит, и обижаться не может. Как бы то ни было, я намерена продолжать.

— Как благородно с твоей стороны, — подняла брови Люси.

Джессика поняла, что убедить подругу ей не удалось.

Работа — вот еще одна проблема. Дамиен — ее босс — как-то сказал, что обязательно и очень скоро повысит ее в должности. И вот несколько недель спустя появилась хорошая вакансия. Старший менеджер, в обязанности которого входило обслуживать основного клиента — автомобильную компанию. Джессика понимала, что плохо разбирается в автомобилях, но всерьез взялась за их изучение. Она была больше чем уверена, что блестяще справится с этой работой.

Первый удар последовал, когда Дамиен открыл конкурс на вакансию для специалистов со стороны. Так что вместо того, чтобы получить новую работу на блюдечке с голубой каемочкой, Джессике предстояло пройти собеседование на общих основаниях. Второй удар последовал, когда она увидела в списках членов комиссии по персоналу имя Ричарда Кибла. Увидев его на собеседовании, Джессика совсем пала духом. Сначала он ничего не сказал, даже вскользь не обмолвился о том, что произошло между ними в прошлом. Просто сел у одного края стола и с отсутствующим видом стал вертеть в руках ручку. В его присутствии Джессика чувствовала себя беспокойно. Он был похож на кота, который лениво поигрывает со своей добычей, пока не наступит время съесть ее. Она наверняка это знала, а потому ерзала в кресле. От напряжения у нее вспотели ладони.

— Ну что? Начнем с чего-нибудь очень простого? — вдруг жизнерадостно предложил он, впившись в нее глазами. — Чем отличаются, ну, скажем, «фольксваген-гольф GTI» и модель объемом 1,4 литра?

— Первая более мощная.

— Да, точно, — продолжил он, улыбаясь. — Но не могли бы вы рассказать более подробно?

Джессика понятия не имела, что говорить. Она знала лишь, что парни предпочитают «GTI», а девушки — другие модели.

— Нет, не могу, извините.

Ричард Кибл повернулся к Дамиену и другим членам комиссии.

— Очень важно, — медленно, покровительственным тоном изрек он, — чтобы тот, кто будет обслуживать самого важного клиента в Лондоне — автомобильную компанию, — знал хотя бы немного о предмете.

Джессика молчала. «Ублюдох», — думала она. Джессика понимала, что он намеренно пытается навредить ей.

— Хорошо, — продолжил он. — Что конкретно вас привлекает в автомобилях?

Джессика потерпела фиаско. Она много читала про автомобили, различные модели, изучила предыдущие рекламные кампании автомобилей, даже расспросила своего отца о его «бентли», но все же ей пришлось признаться самой себе, что автомобили ее мало привлекают. Глубоко вздохнув, она начала распинаться об эстетике, дизайне, как внешнем, так и внутреннем, и о том, как сложно продвигать на рынке новые модели или делать более безопасные машины. Она объяснила, что дело вовсе не в том, нравятся ли ей автомобили; ее задача заключается в том, чтобы убедить покупателя отдать свои деньги именно за ту машину, которую она рекламирует. Именно это ее интересует, а не то, выиграет ли Михаэль Шумахер чемпионат мира.

Едва выйдя из кабинета, Джессика уже знала, что не видать ей этой работы как своих ушей. И оказалась права. Дамиен отвел ее в главный конференц-зал со стеклянными стенами и объявил, что работу получил кандидат со стороны.

— Мне жаль, Джессика, — сказал он ей. — Я знаю, тебе не терпится продвинуться по карьерной лестнице, но у тебя недостаточно знаний об автомобилях. Чтобы работать с этим клиентом, нужно быть помешанной на машинах.

— Я могу помешаться! — взмолилась она.

— Слушай, ты отлично справляешься со своей работой. Когда будет подходящая вакансия, ты обязательно получишь повышение. Это лишь вопрос времени.

Небольшое утешение. А может, стоит поискать работу в другом месте? Разве Дамиен не говорил, что ей нужна более сильная мотивация или нечто такое, чтобы потребовало от нее полной отдачи? Джессика была расстроена. Она понимала — и знала, что Дамиен это тоже понимает, — что она отлично справилась бы с этой работой. Единственной причиной, по которой она осталась ни с чем, был Ричард Кибл и его униженное мужское достоинство.

Люси посоветовала ей написать жалобу.

— Не могу, — вздохнула Джессика. — Если я подам жалобу, то уже никогда не отмоюсь от этого позора. Компанией управляют мужчины, а потому, случись что, вперед выходит эта идиотская мужская солидарность.

— Но им все равно пришлось бы что-то сделать.

— Конечно, но тогда я никогда не получу повышения или вообще меня нигде больше не примут на работу. Если я пожалуюсь, то все станут думать, что я скандалистка и не заслуживаю доверия.

— И что же делать? Ты собираешься и дальше работать с такими людьми?

Ответ был простым: да. Джессика будет с ними работать. Ей нравилась ее работа, к

тому же она действительно отлично справлялась с ней и даже преуспевала. Самый верный способ получить повышение — это стиснуть зубы покрепче и поискать какие-то другие компании. Или сделать нечто такое поразительное, чтобы Дамиену пришлось ее повысить. Конечно, ситуация была не идеальной. К тому же это значило, что теперь Джессика плелась в самом хвосте их с Флином и Джорди состязания, и это ее порядком рассердило.

Вообще-то, сам дом был еще одной проблемой. Жить в нем оказалось не так весело, как она думала. Джорди почти никогда не было, потому что он проводил все свободное время с Молли (понятно почему). Без него дом был таким пустым, неуютным, особенно если учесть, что последние несколько месяцев Флин был не в духе и ходил мрачнее тучи. После той ночи в Корнуолле их отношения с Джессикой уже не были такими, как прежде. Они все так же были приветливы друг с другом и перезванивались, когда были на работе, но он уже не приходил к ней в комнату поздно вечером, чтобы поболтать, не обнимал и не целовал ее, как раньше. Если она садилась рядом с ним на диван, то он отодвигался в другой конец и уже не щекотал ее, как, бывало, делал раньше. Когда-то Флин был живым и веселым, но после выходных в Корнуолле переменялся. Джессика надеялась, что когда он избавится от мрачного настроения, то снова станет прежним. Разве ее вина в том, что жизнь у него не такая, как ему хочется? И вообще, он мог бы и не поддаваться ей в тот раз, после дискотеки. Джессика стала чаще оставаться у Томми, но это было еще хуже: ей нравилась ее комната, нравилось находиться в окружении своих вещей. А у Томми она чувствовала себя чужой.

Когда вдруг объявился Паоло, его звонок был как глоток свежего воздуха, который ей так необходимо было сделать.

— Привет, Джессика, угадай, кто это, детка! — пропел он, когда Флин передал ей трубку.

— Паоло! Привет! Как поживаешь? Здорово снова слышать тебя. Где ты? — стала она расспрашивать.

Она не сомневалась, что Паоло звонит с мобильного телефона: до нее доносились разговоры и шум.

— А ты как думаешь? Я в своем новом ресторане. Тебе обязательно надо прийти, чтобы я мог угостить тебя ужином. Здесь даже лучше, чем в «Барберино».

— Неужели лучше? Тогда я согласна. Когда?

— Приходи в эту пятницу, и мы проведем незабываемый вечер. Только ты и я. Я тебе обо всем расскажу.

— Звучит заманчиво! — весело ответила она.

— Обещаю, что на этот раз я не буду снимать с тебя одежду, по крайней мере, без твоего разрешения. — Он рассмеялся.

Джессика тоже захихикала:

— Хорошо, хорошо, договорились.

— А Томми-то как обрадуется, — с сарказмом сказал Флин, когда она рассказала ему о своих планах.

— Томми ничего не должен знать, — смутилась она и объяснила, что Томми собирался в пятницу пойти выпить с друзьями, а потому вряд ли ее ужин с другим может оскорбить его чувства.

— В любом случае, — добавила она, — мы же с ним не женаты. Он ходит развлекаться со своими друзьями, а я со своими. Ничего страшного в этом я не вижу.

— Хорошо, — не успокоился Флин, — но ведь Паоло не совсем друг, не так ли? Ты

видела его всего раз в жизни, и эта первая встреча закончилась тем, что ты оказалась в его постели. Ты идешь на свидание, как бы ты это ни отрицала.

— Ну и что из этого? Кому-то в этом доме пора прекратить унывать, — огрызнулась она.

Джессике удалось прийти с работы домой пораньше. Дома никого не было. Целый день она с нетерпением ждала предстоящего вечера, а потому сейчас ей хотелось немного побыть наедине с собой и привести себя в порядок. Она забралась в ванную, выставила в ряд все, какие только у нее были, косметические средства, налила пены для ванны и стала читать журналы. Целый час она наслаждалась приятными ароматами и теплой водой, а потом довольно долгое время посвятила своей внешности: красилась, шарила по шкафам, подбирая наряд.

Она даже заказала такси до «Берлини» — нового ресторана Паоло, — который располагался на Кенсингтон-Черч-стрит. Никакого метро — ей хотелось почувствовать всю необычность и важность предстоящей встречи. Впрочем, соблазнить Паоло не входило в ее планы. Или входило? В любом случае, она была не прочь пофлиртовать с ним немного и с нетерпением ждала, как Паоло будет за ужином ухаживать за ней. Это как раз то, что ей сейчас так необходимо, чтобы приободриться.

Как только Джессика вошла в ресторан, Паоло отодвинул в сторону администратора и, раскинув руки в стороны, поспешил ей навстречу, чтобы поприветствовать.

— Выглядишь сногшибательно! — воскликнул он ей и чмокнул ее в обе щеки. — Я тебе очень благодарен, что ты пришла.

— Милый Паоло, это тебе спасибо, что пригласил меня, — ответила она.

Он выглядел очень элегантно и мужественно: строгий черный костюм; в раскрытом вороте белой рубашки виднеется буйная растительность на груди. Ресторан освещался мягким светом металлических ламп на гнущихся металлических ножках. Помещение было многоуровневым, и каждый уровень был выкрашен новым оттенком традиционных цветов Средиземноморья.

— Пойдем со мной, — настойчиво потянул ее за руку Паоло. Прежде чем мы начнем ужинать, я хочу представить тебя кое-кому из своих людей.

Он повел ее на кухню и представил главному повару и нескольким официантам, которые, как и в другом его ресторане, были одеты в добротные черные костюмы, отдаленно похожие на индийские.

— Это мой особенный друг, — горячо говорил он им, а Джессика хихикала и краснела, как застенчивая школьница.

— Ладно, — наконец сжалился Паоло. — Отведу тебя за наш столик. Уверен, он тебе понравится и мы отлично проведем время.

Сначала все пошло именно так, как обещал Паоло. Со свойственной ему в этом деле серьезностью он предлагал ей различные блюда («Ты просто обязана попробовать слегка поджаренные сардины, завернутые в виноградные листья с рагу из баклажанов»), оживленно болтал и от души смеялся. Официанты были очень учтивы и внимательны, стараясь угодить боссу. Джессике нравилось, когда ее так баловали и уделяли ей столько внимания. Но когда они обсудили ресторанный бизнес, посплетничали о Ким и ее работе в гламурной среде, Паоло неожиданно спросил Джессику, если ли у нее мужчина.

— Есть, — призналась она. — Он веселый парень, Паоло. Думаю, он тебе понравится. Его зовут Томми.

— Конечно, понравится, раз уж он разрешает тебе встречаться со мной, — пошутил в ответ Паоло.

— Вообще-то, я ему не сказала, — слегка покраснела Джессика. — Он где-то пьет со своими друзьями. Я хочу сказать, что мы придерживаемся принципов свободы, не давали друг другу никаких обещаний и можем заниматься своими делами, — улыбнулась она. — А как насчет тебя? Уверена, Паоло, у тебя есть девушка, которую ты катаешь в своей блестящей машине.

Это было всего лишь невинное замечание, она просто подыгрывала ему, но Паоло вдруг резко переменялся. Он уставился в тарелку, а потом поднял большие повлажневшие глаза на нее. От его веселости не осталось и следа.

— Как ни грустно, но больше нет. На прошлой неделе она меня бросила. Знаешь, мы встречались с ней три месяца, и я чувствовал себя самым счастливым из живущих ныне мужчин. Джессика, вот что я тебе скажу: я думал, что она — та единственная, которая мне нужна. — Он грустно посмотрел на нее. Видно было, что он действительно страдает. — Я думал, что мы с ней поженимся.

— О, Паоло, извини! — воскликнула Джессика.

Он выглядел очень несчастным. Невозможно было поверить, что это был тот самый весельчак, который встретил ее в дверях совсем недавно.

— А что случилось? — спросила она, поскольку было ясно, что именно этого Паоло от нее и ждет.

Час спустя он все еще рассказывал о своей бывшей, изливая свою душу и свою боль. Он спросил, что Джессика посоветовала бы ему «как женщина». И отметил, как он рад, что нашелся человек, которому можно рассказать о своей личной трагедии.

— Мне так тяжело, — поделился он. — Ведь я должен продолжать работать, как будто ничего не произошло, быть счастливым, веселым Паоло, потому что этого все от меня ожидают, но иногда... — В его глазах заблестели слезы.

Джессика твердила «да-да» и «ах-ах» и пыталась ему сочувствовать, но это все начинало ее раздражать. Слушать, как обезумевший от горя Паоло рассуждает о своей потерянной любви, не входило в ее планы. Да еще и Флин в последнее время ходит как в воду опущенный. Хватит с нее мужчин с разбитыми сердцами.

— Извини меня, Джессика, что я так с тобой поступаю, — повинился Паоло. — Я не должен был взваливать все это на тебя. Но если бы ты только знала, насколько мне стало лучше, когда я тебе все рассказал!

Он смотрел на Джессику темно-кариими чувственными глазами, и ей стало его по-настоящему жалко. Но когда он попытался сам себя приободрить и предложил ей пойти в клуб, чтобы потанцевать («Только я и ты»), Джессика ему решительно отказала. С нее было довольно. Сидя в такси, которое везло ее обратно домой, она чувствовала себя глупо. Вспоминая свои приготовления к этому вечеру, она поняла, что переоценила для себя значение встречи с Паоло. А потому разочарования было не избежать. А еще она чувствовала, что ее просто-напросто использовали. Ведь Паоло позвонил ей только потому, что почувствовал себя одиноким и ему захотелось общества женщины. Теперь Джессика поняла, что он пригласил ее в последнюю минуту, когда не нашлось никого другого. Она представила, скольких человек он обзвонил, прежде чем глупышка Джессика с радостью согласилась поужинать с ним. А ведь она думала, что, вполне вероятно, даже переспит с ним этим вечером. Она ругала себя за то, что могла быть такой дешевкой. Еда была роскошной,

но все остальное прошло совсем не так, как она надеялась, а потому Джессика чувствовала себя опустошенной и униженной.

Джессика уже и не помнила, когда в последний раз вечер пятницы был таким тоскливым или когда она проводила его в одиночестве. Интересно, как она себя почувствует, когда вернется в пустой и холодный дом. Ей срочно требовалось утешение, а потому, раздевшись и убрав одежду в шкаф, Джессика сварила себе какао, а потом забралась в постель и прочитала последний номер журнала «Банти» от корки до корки.

К утру настроение у нее улучшилось. Когда она рассказывала Флину об ужине с Паоло, то уже могла посмеяться над собой. А ведь вчера вечером ей это казалось чуть ли не трагедией всей жизни. Но когда Джессика позже встретила за ланчем с Томми, от ее хорошего настроения не осталось и следа. Когда они встретились в «Атланте», она поняла, что у Томми все еще похмелье. Свою бейсболку он опустил на лоб гораздо ниже, чем обычно.

— Хорошо выглядишь, — бодро сказала ему Джессика.

Томми что-то пробормотал себе под нос и чмокнул ее в щеку.

— Что с тобой? — настойчиво спросила она.

— Ничего, — мрачно ответил он.

— Хорошо, — кивнула она и попыталась подойти с другой стороны. — Как провел вчерашний вечер?

— Отлично, — уныло протянул Томми.

— Может, расскажешь поконкретнее? — начиная раздражаться, предложила Джессика.

— Ладно, — все так же уныло сказал он. — Мы пили пиво, упились в дупель и разошлись по домам.

— Томми, какой черт в тебя вселился? Я что-то не так сделала?

Внезапно Томми оживился и резко бросил:

— Не знаю, Джессика. Может, сама мне скажешь?

— И как все это прикажешь понимать?

— Хочешь конкретнее? Где ты была вчера вечером?

— О, ради бога, — с облегчением улыбнулась Джессика.

— Ну и? — продолжал наступать Томми. — Где ты была?

Джессика раздумывала, что бы такого соврать, но потом поняла, что, во-первых, ему скорее всего и так известно, а во-вторых, ей было нечего скрывать.

— Господи, Томми, да что с тобой такое? Я ведь могу встречаться с друзьями, если хочется? Ты же встречаешься.

— Джессика, — начал он медленно, взвешивая каждое слово и пытаясь держать себя в руках. — Просто скажи мне, где ты была?

— Хорошо, если тебе так уж хочется знать, то меня пригласил на ужин один старинный приятель — владелец ресторана. Он только что расстался со своей девушкой и хотел со мной об этом поговорить. Честное слово, Томми, терпеть не могу, когда меня в чем-то подозревают.

Этот короткий разговор снова вывел ее из равновесия. Настроение испортилось.

— Да что ты? По-моему, у меня есть причины беситься, — взорвался Томми, повышая голос. — Во-первых, ты не сказала мне, что собираешься ужинать с этим типом, и отсюда я могу заключить, что тебе есть что скрывать от меня. Во-вторых, кажется, ты встречаешься со мной, а потому не должна бегать на свидания. А это было именно свиданием!

Некоторое время Джессика сидела молча и курила. Да как он смел с ней так разговаривать? Но Томми никак не хотел уgomониться:

— Я к тому, что ты неспроста это скрыла от меня. Кейти Симонс видела, как ты выходила их черного такси на Кенсингтон Черч-стрит, вся разодетая в пух и прах. Скажи, он хотя бы стоит всех этих усилий?

Этот перекрестный допрос зашел слишком далеко.

— Томми, — произнесла Джессика с ледяным спокойствием, — Паоло — владелец ресторана. Он открыл новое заведение. Это роскошное место, а потому я должна была выглядеть соответствующе. — Она пристально посмотрела на своего приятеля. — Честное слово, поверить не могу, что ты со мной так разговариваешь. Я имею полное право ужинать с кем хочу и когда хочу. И совершенно не нуждаюсь в постоянной слежке Большого Брата Томми. Я не твоя собственность. Когда ты пьянствуешь со своими друзьями, ты обо мне напрочь забываешь. Я чувствую себя полной идиоткой, если смиренно сижу дома и дожидаясь, пока мой мачо закончит развлекаться и снова обратит на меня внимание.

Томми попытался возразить, но Джессика еще не все сказала.

— Нет, Томми, теперь послушай меня. Думаю, мне следует предупредить, что на свете я больше всего ненавижу ревнивых мужчин. Я не намерена продолжать с тобой разговор в таком тоне. Поэтому, думаю, сейчас мне лучше уйти.

— Джессика... — слабым голосом пробормотал Томми, забирая ее пальто и сумку.

— Нет уж, Томми, меня не интересует, что ты собираешься сказать. Позвони мне, когда успокоишься. Но запомни: я не намерена строить из себя кроткую маленькую девочку, поэтому тебе решать: принимать меня такой, какая я есть, или нет. Когда решишь, чего ты хочешь, позвони мне.

Не утруждая себя даже тем, чтобы чмокнуть его на прощание в щеку, она вылетела из «Атланты» в благочестивом гневе.

— Бедняга Томми, — усмехнулся Флин, когда на следующий день они ехали к Люси на воскресный ланч. — Думаю, он понятия не имел, с кем имеет дело.

Кажется, Флин был в хорошем расположении духа.

— Да, бедненький ягненок. Сидел там, как пыльным мешком огретый. Нечего было строить из себя настоящего мужчину самоутверждаться за мой счет. Но, честно признаться, я просто взбесилась. В жизни так не злилась.

— Блестяще. Снимаю шляпу перед твоим талантом сделать виноватым собеседника. Томми начал разговор обиженным, а закончил — осужденным.

Джессика смутилась:

— Ну и что, я не собираюсь терпеть его ревность и собственнические замашки. Слишком это пошло.

— Знаешь, Джессика, будь я на месте Томми, я бы обиделся. Ведь действительно странно, что ты ему сразу не сказала о своем ужине.

— Потому что я не обязана рассказывать ему все. Я не его собственность.

— Ерунда, ты просто понимала, что это ему не понравится.

Джессика ухмыльнулась:

— Ну, наверное, отчасти поэтому и не сказала.

Флин улыбнулся ей в ответ:

— Ты безнадежна.

Люси эти выходные снова коротала в одиночестве, хотя неделей раньше ездила в

Германию, чтобы повидаться с Дэйвом. Джессике нравилось общаться с Люси, но она очень хотела, чтобы у ее подруги были настоящие отношения. Она все еще не перестала надеяться, что ей удастся свести ее с Флином. Для Джессики это был только вопрос времени, ведь идея-то отличная. Прежде чем они вошли в квартиру Люси, Джессика начала новую атаку на Флина:

— Как бы мне хотелось, чтобы вы с Люси начали встречаться! Всем же понятно, что вы отлично подходите друг другу.

— Джессика, только не надо снова заводить эту волюнку, прошу тебя, — твердо сказал ей Флин. — Этому не бывать.

Может, ему и нравилась Люси, но не настолько, чтобы начать с ней встречаться. Кроме того, Флин был уверен, что он ей не нравится. Они могут остаться друзьями, но нечто большее между ними вряд ли может быть. И это правильно.

Люси, как и следовало ожидать, была строга с Джессикой.

— Теперь, мне кажется, у тебя еще меньше оснований встречаться с Томми, — заявила она. — Если бы он был тебе по-настоящему дорог, то ты не стала бы флиртовать со всякими Паоло. Это закончится для Томми очень и очень печально. Избавь его от страданий. Скажи ему, что вы друг другу не подходите.

— Но он мне нравится, Люси, — сбивчиво возразила Джессика. — И вообще, с ним так весело. Прекрати меня пилить, Люси, ты же знаешь, я терпеть не могу, когда люди начинают проявлять по отношению ко мне собственнические чувства. И Томми я об этом и сказала.

— Он все равно не изменится, и как раз поэтому тебе надо прекращать с ним отношения.

— Слушай, я согласна, что наши отношения не идеальны, но теперь, когда я объяснила Томми свои чувства, надеюсь, у нас все будет в порядке.

— Да будет тебе, Джес. Ты же прекрасно понимаешь, что все не так просто, — упорно продолжала Люси.

— Разве? Честно говоря, у меня еще ни с кем не было идеальных отношений. Я просто ни в кого по-настоящему не влюблялась.

— Ни в кого? — ужаснулся Флин. — Даже когда тебе было восемнадцать? Я думал, что в этом возрасте все влюбляются. Я вот тогда влюблялся постоянно.

— Не думаю, — с сомнением протянула Джессика.

— А в меня разве ты не была влюблена? — настаивал Флин. — Я же души в тебе не чаял.

— Нет, — буркнула Джессика, потупив глаза.

— Уверена, однажды ты обязательно влюбишься, — заверила ее Люси. — Тебе просто не встретился твой мужчина. Это, по крайней мере, объясняет, почему ты в последнее время такая кислая.

Джессика задело последнее высказывание Люси, но на самом-то деле ее подруга была права: слишком уж много в последнее время у нее было связей. Она даже переспала с Флином, и вот посмотрите, что из всего этого получилось. Она с грустью раздумывала, права ли Люси насчет Томми. Может, она просто не способна любить? Иногда, когда они болтали с Люси, Джессике казалось, что ответ лежит на поверхности: выйти замуж за баснословно богатого землевладельца, уволиться с работы, ходить по магазинам и встречаться с друзьями за ланчем. Вот что сделало бы ее счастливой. Но сделало бы? Джессика не знала, чего на самом деле хочет от жизни, она понимала одно: настоящее положение вещей ее не

устраивает.

Флин с Люси справедливо упрекали ее из-за Томми. Неправильно все это. Она просто не сможет двигаться дальше, если продолжит с ним встречаться. Сначала Джессика надеялась, что он станет для нее тем прорывом, которого ей не хватало, но очень скоро стало ясно как день, что этому не суждено случиться. Томми не переменится. До нее, наконец, дошло: нагрубив Томми, она лишь еще больше подорвала его доверие. Ей нечем было гордиться, она с ним обошлась отвратительно, но первый раз в жизни Джессика поняла: если ей хочется стабильных отношений, то эти отношения должны строиться на равных условиях. Встречаться с кем-то только потому, что этот кто-то ей немножко нравится, хотя сам при этом обожает ее, теперь казалось явно недостаточным.

Томми чувствовал себя опустошенным. Повергнутым, брошенным. Вечером Джессика объявила ему, что между ними все кончено.

— Но почему? — не веря своим ушам, спросил Томми.

— Я просто чувствую, что это ни к чему не приведет, Томми, — мягко объяснила Джессика.

— Не понимаю, о чем ты, — сказал он. — Мне казалось, нам было хорошо вместе.

Джессика уставилась на свои ботинки. Она не могла смотреть на Томми, на лице которого явно отразилось страдание.

— Мне хочется большего от подобных отношений, Томми. Ты отличный человек, симпатичный, веселый, но... Я не люблю тебя. Получается так, что я с тобой просто спала. И хотя мне было весело, теперь этого недостаточно. Прости меня.

— Не могу поверить, — упрямо повторил он. — Извини, но это просто бред.

Никогда еще девушка его не бросала, так что для него это было полной неожиданностью.

— Ну, если ты так уверена...

— Да, уверена, извини. Слушай, ведь раньше мы были друзьями и нам снова следует вернуться к этому. Сначала тебе будет немножко обидно, но очень скоро ты поймешь, что это верное решение.

Томми выглядел уставшим, когда Джессика наконец собралась идти. А она чувствовала себя просто ужасно. Противно было расстраивать такого милого и доброго человека, как Томми. Поцеловав его в последний раз в губы, она была вынуждена посмотреть в его исполненное страдания лицо. Таким видеть Томми ей еще не приходилось. Обычно он был таким уверенным и общительным. Но по пути к Баронс-Курт Джессика почувствовала себя легко, словно гора с плеч свалилась. Она правильно поступила.

Глава 18

Год становится для Флина еще более отвратительным

Флин буквально нос к носу столкнулся с Поппи. Он работал в проекционном зале мистера Юнга: поприветствовал собравшихся, раздал рекламные листовки к фильму и убедился, что у всех есть напитки. Но еще раз смотреть эту картину ему совсем не хотелось. Поскольку время подходило к пяти, то, когда в зале погас свет, Флин, стараясь не шуметь, вышел. И едва оказавшись на Д'Арблей-стрит, напрямик налетел на Поппи.

— Извините, виноват, — сказал он, а потом поднял глаза и увидел, кто это был.

— Флин, дорогой, боже мой! Как поживаешь? — воскликнула Поппи, восторженно бросаясь ему на шею.

— Ух ты, Поппи! Что ты здесь делаешь? — пролепетал он, не помня себя от удивления, и крепко обнял ее.

— У меня встреча в Сохо, — объяснила Поппи.

В ее голосе явно читалось: «О боже, невероятно!», но потом она вдруг с деланной обидой сказала:

— Почему ты мне не звонил? Куда ты пропал?

Если ответ и предполагался, то она не стала его дожидаться. Прежде чем Флин успел хотя бы успокоиться и собраться с мыслями, Поппи потянула его за руку:

— Пошли, выпьем чего-нибудь, я угощаю. Ведь ты сейчас не занят? Если к тебе начнут приставать с работой, просто скажи, что ты развлекаешь клиента или что-нибудь в этом духе.

Флин нутром чувствовал, что ему надо бы откланяться и побыстрее сматываться, но в глубине души был рад снова видеть Поппи, а потому уже через несколько минут стоял в баре на Грик-стрит и заказывал выпивку. И почему только в городе, где живет тринадцать миллионов людей, Флин столкнулся именно с Поппи? Если бы он вышел от мистера Юнга двумя секундами позже, просто зашел бы по пути в туалет, тогда бы они никогда не встретились. Неужели судьба подбрасывает ему все эти испытания, чтобы лишний раз посмеяться над ним?

Стоя в баре, Флин раскаивался в своей слабости. Надо было ей резко и грубо отказать. Он не звонил, не поддерживал с ней контактов и даже не хотел снова ее увидеть с того самого момента, как приземлился в аэропорту Хитроу в июле. Он поступил так, как советовала ему Джессика: полностью исключил Поппи из своей жизни. А теперь малодушно радуется новой встрече. С другой стороны, с Поппи всегда так весело, да и выглядит она сногшибательно, одетая с иголки по последней зимней моде. К тому же Флин терпеть не мог глупые ненужные ссоры. Ведь намного проще некоторое время побыть общительным и приветливым, будто ничего никогда не случилось.

— С ума сойти, мы ведь не виделись с июля, — сияя от радости, щебетала Поппи, когда они усаживались за столик. — Четыре месяца, а ты мне ни разу не позвонил, негодник. — Она легонько шлепнула его по бедру.

— Ну, так случайно получилось, — соврал Флин. — Столько дел и ни одной свободной минуты. Знаешь ведь, как бывает. И между прочим, не припомню, чтобы ты мне хотя бы раз позвонила, так что тебе не на что обижаться.

— Вообще-то я звонила несколько раз, — возразила она. — Я по крайней мере дважды

оставляла сообщение для тебя, а в остальные разы линия была занята.

Флин ей не верил. Никаких сообщений не было, потому что Джессика с Джорди ни за что на свете не забыли бы ему передать.

— Ну, рад тебя снова видеть, — примирительно сказал он.

— Да, я тоже рада видеть тебя. Особенно такого элегантного. Тебе очень идет этот костюм, — проворковала Поппи.

Флин рассмеялся:

— Когда нужно, я могу отлично выглядеть.

— Ты ведь простил меня за Италию, правда? — продолжила она. — Бедняжка Флин, эта поездка, наверное, показалась тебе сущим кошмаром. Извини, что моя мать была так резка с тобой. В те дни она была сама не своя.

«Едва ли проблема заключалась в Лиз», — подумал про себя Флин. Никакие рассказы Лиз о Джотто не смогли бы испортить романтические каникулы. Нет, проблема была в том, что Поппи его отвергла. Вина за испорченное путешествие лежала на ней и ни на ком более.

— Слушай, мне уже все равно, — заверил ее Флин. — Как бы то ни было, мы снова приятно общаемся.

Поппи просияла. «Господи, и почему только я такая размазня?» — ругал Флин самого себя. Поппи снова здесь и выглядит отлично, а еще, кажется, искренне рада встрече с ним, рассыпается в комплиментах и извиняется. Вот на это он и клюнул. И без оглядки заверил ее, что она не испортила ему отпуск, а ведь в тот момент ему казалось, что жизнь его рухнула. Что еще хуже, он понимал, что Поппи просто пытается успокоить свою совесть, а он, как верный пес, пляшет под ее дудку. Надо было прямо сказать ей, что это ее вина.

Они пили и болтали о работе и о своих последних новостях. Легко и непринужденно.

— Ну, и что за счастливица сейчас рядом с тобой? — вдруг спросила Поппи.

Флин посмотрел на нее, пытаясь понять, не издевается ли она над ним. Но Поппи была совершенно серьезна.

— Вообще-то сейчас у меня никого нет. Черная полоса, — признался он.

— Значит, мы с тобой в одной лодке, — вздохнула Поппи и закурила сигарету в своей обычной манере. — Мы с Марком прекратили отношения.

— Когда? — Вот и все, что Флин смог произнести.

— На прошлой неделе. Но, честно говоря, дела у нас не ладилась несколько месяцев. Мне, в конце концов, вообще не следовало терять тебя.

Секунду Поппи, поддразнивая, смотрела прямо на него, а потом отвела взгляд и сделала глоток вина. Сердце у Флина принялось отплясывать чечетку. Что-то здесь не чисто. Нет, теперь он поумнел. Она же просто заигрывает с ним, вот и все.

— А что случилось? — спросил он, пытаясь выкинуть из головы глупые мечты.

— Знаешь, он продолжал вести себя так, словно бы меня и не было в его жизни, словно я была для него пустым местом. Мне надоело чувствовать себя ненужной. В конце концов мы разругались в пух и прах, и я обвинила Марка в том, что у него появился еще кто-то. А потом он просто ушел.

— Seriously?

— Ну да. — Она пожала плечами.

— Так, значит, на самом-то деле отношений вы не разрывали? — уточнил Флин и понял, что никакой надежды у него нет.

— О, нет, мы порвали. Определенно. Марк не появляется и не звонит уже неделю, и

если он надеется, что я его прошу, то жестоко заблуждается. Я не собираюсь наступать на эти грабли еще раз. Вот так.

Поппи вдруг накрыла его руку своей:

— Ты одинок. Жаль, что у нас ничего не получилось. Но с тобой мне было намного лучше, чем с ним.

Какой она вдруг стала с ним ласковой! В голове Флина пронеслись сумасшедшие мысли: может, у них, наконец, что-то и получится, а Италия — это всего лишь недоразумение? Поппи так красива, так сексуальна, что он готов простить ей все что угодно. Флин одарил ее очаровательной улыбкой и почувствовал, как его уверенность крепнет, а потому предложил:

— Может, сходим куда-нибудь поужинать?

Он надеялся, что его предложение прозвучало обыденно, словно это для него мало что значило. Вообще-то ему нужно было вернуться домой, потому что они договорились с Томми и Джорди пойти где-нибудь посидеть. Но он был уверен, что друзья его поймут и простят. А если не простят? Незавидное у него будет положение.

— Да, пошли, — улыбнулась в ответ Поппи. — Сегодня у меня на вечер нет никаких планов.

Они зашли в маленький ресторанчик на Бродвик-стрит, и Поппи завела долгий рассказ о Марке, так что Флин снова почувствовал себя брошенным. Его эти разговоры уже начинали утомлять.

— Слушай, Поппи, — сказал он, в очередной раз наполняя ее бокал, — ты сногсшибательная девушка, поэтому у тебя обязательно появится кто-нибудь получше Марка.

Он надеялся, что последняя его фраза заставит Поппи снова обратить на него внимание.

— Да, ты прав. У меня обязательно появится кто-нибудь получше! — воскликнула Поппи, решительно стукнув кулаком по столу.

— Вот это настрой, — восхитился Флин, и они рассмеялись.

А потом Поппи сказала:

— Прости, что завела этот разговор. Тебе вряд ли хочется слушать о наших с Марком отношениях.

«Она чертовски права», — подумал Флин.

Он молчал, а потому Поппи решила, что молчание — знак согласия, и заявила:

— Хорошо, тема закрыта. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

До конца ужина она, как и обещала, больше не возвращалась к этой теме. Остроумная и забавная, как никогда прежде, она заставляла Флина громко смеяться, и на какое-то время он даже забыл, какие неприятные события связывали их в прошлом, зато вспомнил, почему она так сильно ему нравилась. С Поппи было так хорошо, так весело, что он наслаждался ее обществом.

Когда они вышли из ресторана, Флин понял, что инициатива в его руках, но он оробел и только и смог пробормотать:

— Ну что?

Страх снова получить отказ был сильнее вождения — настолько пострадала его уверенность в себе за последнее время.

Но беспокоился он зря, потому что Поппи непринужденно предложила:

— Едем ко мне?

Флин воспрял духом — именно этого он и хотел.

— Конечно, — весело ответил он.

Она подняла руку и стала ловить такси. Когда, наконец, они уселись на заднее сиденье машины, Поппи взяла его за руку.

— Как я рада снова тебя видеть, — замурлыкала она. — Вечер был просто чудесным. Вот уж не ждала, не гадала!

Флин ликовал, и депрессия, в которой он пребывал последние несколько месяцев, рассеялась, как туман от дуновения ветра. И пусть с Марком еще не все прояснилось, но сейчас она с Флином. Почему бы и нет? Им и раньше было хорошо, и вот, пусть даже на один вечер, они снова вместе. Такие мысли блуждали в голове Флина, пока Поппи не оборвала их, шепнув:

— Я, вероятно, не должна этого делать, но я знаю, ты просто не сможешь отказаться.

Она лукаво подмигнула и принялась целовать его. Какие интересные вещи выделял у него во рту ее язычок! «Да, у судьбы быстро меняется настроение», — подумал Флин.

Голос водителя вернул их на землю:

— Мы у проезда Принца Уэльского.

— О боже, как неловко, — засмеялась Поппи, — нас поймали за поцелуями на заднем сиденье такси!

Флин тоже рассмеялся. Они вышли из машины, взлетели по ступенькам и очутились у двери ее квартиры. Поппи достала ключ и открыла дверь. Очутившись внутри, они толком не успели раздеться. Поппи захлопнула дверь, прислонилась к ней и, смеясь и целуя Флина, стала снимать с него пальто, пиджак, развязывать его галстук. Флин был невероятно возбужден и с нетерпением дергал за рукава блузки Поппи, чтобы побыстрее ее снять. Так, на ощупь, целуясь, смеясь, спотыкаясь и разбрасывая одежду, они добрались до гостиной.

— Ты чертовски красива! — воскликнул Флин, целуя ее обнаженное тело.

Да, никогда еще в жизни он так не возбуждался. Сейчас было даже лучше, чем их секс в Суссексе на фоне живописного пейзажа. Еще быстрее, еще чувственнее. Поппи запустила пальцы в его волосы и прошептала:

— Супер!

А Флину довольно легко удалось проделать некоторые сексуальные трюки, которые он вычитал в одном из журналов «Космо» Джессики. Он был сверху и отчетливо видел, как тяжело дышит Поппи, как поднимается и опускается ее роскошная округлая грудь, какая у нее белая кожа на плоском животике. А потом он почувствовал волну напряжения, исходящую от Поппи, и чуть изогнул ее тело в талии. Она потянула его за волосы. Было больно, но, в общем-то, довольно приятно. Поппи улыбнулась, как Чеширский Кот, и помогла ему войти в нее. Флин знал, что долго не продержится, а потому входил в нее так глубоко и неистово, как только мог.

— О, да! — стонала она, а потом еще и еще, впиваясь ногтями ему в спину.

Флин тяжело дышал. Это был лучший секс в его жизни и, если быть до конца откровенным, ему хотелось еще. Он чувствовал, что готов заниматься любовью с Поппи вечно.

Удовлетворив свою страсть, они на какое-то мгновение застыли, крепко обнимая друг друга.

— Я обессилена! — все еще тяжело дыша, призналась Поппи.

— Я тоже, — согласился Флин.

Его лицо горело. Поппи высвободилась из его объятий, встала и побежала в ванную. А Флин остался лежать в гостиной. Несколько его вещей валялись у двери, хотя он находился в самом центре. Его тело было белым, а пенис набухшим. Он гадал, что же будет дальше, хотя не мог отрицать, что пока все идет просто блестяще: вечер удался на славу во всех отношениях, этакое триумфальное возвращение на поле сексуальных битв.

— Хочешь принять душ или так и собираешься просидеть всю ночь голышом? — поинтересовалась Поппи, вернувшись из ванной через некоторое время.

Она завернулась в полотенце, с волос стекала вода. Она наклонилась, чтобы подобрать одежду.

— Боже мой, как мы быстро. Наверное, у нас обоих не было этого в последнее время.

Она улыбнулась и послала Флину воздушный поцелуй. Потом он встал и неторопливо побрел в ванную, надеясь, что она пойдет вслед за ним.

Но Поппи не появилась. Когда он закончил мыться и вышел из ванной, она уже лежала в кровати под огромным толстым пуховым одеялом. Они немного поболтали, поглаживая друг друга, но было件нятно, что этой ночью сексом они больше заниматься не будут. Поппи тихо спросила:

— Ну, ты будешь обо мне заботиться?

Флин горячо заверил, что будет. И вскоре Поппи уснула. Если бы он знал, что ее пыл так быстро остынет, то заранее не ждал бы слишком многого. В конце концов, было поздно, они много выпили, у них был жаркий секс, и до выходных было еще далеко. Так что Флин просто любовался Поппи, пока она сладко спала. Оранжевый неоновый свет уличных фонарей пробивался сквозь тонкие хлопковые шторы, а потому он отчетливо мог видеть ее лицо. Рот был немного приоткрыт, чуть подрагивали ресницы. Поппи казалась юной и очень незащищенной, и Флин с нежностью смотрел на нее. В его сердце поселилась надежда.

Утром он встал рано, потому что до работы ему нужно было заехать в Баронс-Курт. Тихонько собравшись, он осторожно поцеловал Поппи в щеку и ушел. Утро выдалось холодным; было все еще темно. Казалось, что город давно не спит, но Флин еще толком не проснулся и внимательно смотрел по сторонам, чтобы не налететь на кого-нибудь, пока плелся через Баттерси-парк. Он не очень хорошо себя чувствовал и не хотел ехать на автобусе, а потому решил прогуляться до Слоун-сквер. В свете фонарей, которые все еще горели в парке, было видно, что дорожки обледенели. Чтобы не поскользнуться, Флин побрел по траве, оставляя за собой цепочку глубоких следов. В парке было тихо, воздух был свежим и морозным. Несколько собачников выгуливали своих питомцев, но мороз и лед на дорожках отпугнули любителей бега трусцой. Флин засунул руки поглубже в карманы своего пальто. Как раз такие зимние деньки ему очень нравились: мороз, свежий воздух и надежда на то, что вот-вот из-за облаков проглянет яркое солнце. Он был доволен самим собой, ведь на этот раз все прошло просто отлично. Невелик был шанс вот так столкнуться на улице с Поппи, но, несомненно, на то была воля случая. Им с Поппи было очень легко вдвоем, и оба наслаждались обществом друг друга. А потом поездка на такси, секс на полу в гостиной. Просто здорово! И, кажется, Поппи просила его позаботиться о ней? Ведь не отвергнет же она его на этот раз — это было бы нелогично.

Флин вышел из парка и перешел Челсийский мост. Он все еще был в приподнятом настроении.

Когда он добрался до Баронс-Курт, Джессики уже не было дома, а Джорди стоял на пороге.

— Ты что, забыл, что мы вчера договаривались пойти выпить? — проворчал он.

— Да, прости, но я подумал, что ты не будешь против, — весело ответил Флин, хлопая друга по спине.

— Да, но ты много потерял. Славно мы погудели с Томми и Джошем. Томми все пытался найти утешение на дне пивной кружки, но к концу вечера, кажется, повеселел.

— Отлично. Так вы там и без меня прекрасно обошлись, да?

Джорди пропустил его последний вопрос мимо ушей, а потом, надевая пальто, поинтересовался:

— Рассказывай, с кем провел ночь? Уверен, другой причины для того, чтобы не ночевать дома, у тебя быть не может.

— Это — Поппи, — ликуя, признался Флин.

Джорди был ошеломлен этой новостью, а Флин продолжил:

— Знаю, о чем ты думаешь, но все изменилось. Теперь у нее никого нет, и если принять во внимание, как мы провели с ней последний вечер, то, думаю, ты будешь теперь довольно часто ее видеть. Честное слово, Джорди, все прошло отлично. Просто потрясно.

— Ну что ж, это удивительно. Поздравляю. Мне нужно идти, но позже ты обязан мне обо всем подробно рассказать.

— Так я прощен? — обрадовался Флин.

— Почти, — усмехнулся Джорди и хлопнул входной дверью.

Накануне вечером Джорди очень злился, что Флин не пришел, но утешился, когда появились Томми и Джош. В какой-то момент Джорди осознал — он был так занят Молли в последнее время, что виделся с друзьями только на тренировках и матчах по регби. А потому провести вечер в компании приятелей было очень приятно. К моменту окончания посиделок Томми был пьян как сапожник и в голос объявлял Джорди с Джошем, а заодно и всем окружающим, что так просто не смиритесь с тем, что Джессика его отвергла. С момента их размолвки он стал раздражительным, вернулся к разгульной жизни и любимой игре в регби.

— Откровенно говоря, — заявил он Джорди, брызгая слюной, — здорово, что я опять один. Не надо беспокоиться, чтобы угодить Джессике, не надо все время делать то, что она хочет. Как говорится, лови момент. Наслаждайся жизнью.

Джорди тоже выпил лишнего. Вообще-то он не собирался напиваться. Чтобы продуктивно работать, он установил себе определенные правила, куда входило и сокращение количества спиртного, которое он позволял себе выпивать в течение недели. Более того, большое количество пива само по себе вредит здоровью. «Ты потолстеешь», — предупреждала Джессика. Это, конечно, было нелепо, потому что Джорди всегда был очень худым, но тем не менее он не отрицал, что работается без похмелья гораздо лучше. Он чувствовал прилив энергии и за последнее время много чего изучил и прочитал о компании и индустрии. Раньше он бы столько не осилил. Джорди словно прозрел. А ведь раньше он просто делал свою работу и ничего более, у него не было ни малейшего желания проявить инициативу, получить целостное представление о той области, в которой он работал. Но самое главное — Джорди понял, что Берт склонен избавляться от посредственных сотрудников. В их бизнесе товар, прежде чем попасть на прилавок, проходил долгий путь от производителей через многочисленных посредников и дистрибьюторов; на языке бизнесменов это называлось «канал». Берт хотел перекрыть этот канал и проложить новый, как он его называл, «Путь Робин Гуда». «Мы заберем у богатых и отдадим бедным», —

провозгласил он. Поразмыслив над его словами, Джорди понял, что Берт имел в виду. Вместо того чтобы продавать большие партии богатым дистрибьюторам, фирма должна иметь дело непосредственно с отдельными покупателями. Но каким образом? Вот где была собака зарыта. Производитель очень рисковал и терял большие средства, разрывая налаженные поставки дистрибьюторам. На бумаге все было гладко, но в реальности... Все выглядело совсем по-иному. Тем не менее Джорди по-прежнему встречался с дистрибьюторами и проводил для них презентации, хотя много времени раздумывал о намерениях Берта. И в тот день он старался как можно быстрее добраться до работы, потому что у него было хорошее предчувствие. У него появились кое-какие идеи, а потому ему не терпелось как можно быстрее поделиться ими с Бертом.

Время до обеда Флину пришлось провести не в офисе. Когда он зашел в свой кабинет, ему передали, что дважды звонила Джессика.

— Дорогой, выкладывай, что с тобой произошло? — потребовала она, когда Флина наконец с ней соединили.

Флин рассказал ей о том, как они с Поппи выпили в баре, как потом поужинали, как чудесно провели время и что теперь, когда Марк остался в прошлом, все будет хорошо.

— В конце концов, вряд ли она станет демонстрировать такую сумасшедшую любовь ко мне, а потом взять да и вышвырнуть меня на улицу, правда?

— Ну, мне кажется, сумасшедший — это ты, — откровенно заявила Джессика. — Надеюсь, что мои опасения не подтвердятся, но, по-моему, она именно так и поступит. В конце концов, она однажды уже такое с тобой проделала. Поппи просто снова с тобой переспала, вот и все.

— Но она фактически предложила, чтобы мы были вместе. Будет тебе, Джес, ну порадуйся за меня хотя бы раз. И почему только ты все время такая злыдня? — возмутился Флин.

— Я не злыдня. Просто это мне подсказывает женская интуиция. Не слишком пока надейся.

Их разговор заставил Флина призадуматься. Он понимал, что возражения Джессики неубедительны, но его волновало не это. Он-то думал, что Джессика обрадуется, когда услышит, что у него снова появилась подруга, особенно после того, что недавно произошло между ними. В любом случае, Джессика же ничего толком не знала. Да и вообще, она неоднократно признавала, что Поппи ей просто не нравится.

Поппи действительно не нравилась Джессике, но только потому, что она хотела защитить своего друга Флина. У нее оборвалось сердце, когда Джорди рассказал ей последнюю новость. Но больше всего ее волновало то, как радовался по поводу случившеюся Флин. Будучи во многом человеком циничным, Флин был невероятно доверчив в отношениях с людьми. Напряжение, с которым они в последнее время общались, казалось, ослабло, и Джессика снова почувствовала к нему симпатию и расположение. И свою ответственность за него. Как это было похоже на Флина, заверять, что все будет хорошо только потому, что Поппи якобы не сможет отшить его во второй раз.

Но именно это Поппи и сделала, когда позвонила ему вечером.

— Привет, Поппи, — взволнованно пробормотал Флин, когда услышал ее голос.

Его сердце часто забило, и он стоял столбом, будто примерз к полу. Ноги внезапно ослабели, а лицо зарделось румянцем.

— Флин, я насчет прошлой ночи... — решительно начала Поппи.

Она уже не ворковала, не делала ему комплиментов, а взвешенно и сухо объясняла ему свою точку зрения. Флин даже был не в состоянии отвечать и просто ждал, что она скажет дальше.

— Я целый день размышляла о том, что случилось вчера вечером, и поняла, что спать с тобой было неправильно. Между нами с Марком еще не все прояснилось, и было бы нечестно давать тебе...

— Понятно, — сказал Флин.

Какой кошмар.

— Я не хочу ранить твои чувства, потому что ты мне очень нравишься. Мне бы хотелось, чтобы мы остались с тобой друзьями, но не любовниками.

Флин промолчал. Да и что он мог сказать?

— Флин, только не надо сильно расстраиваться. Я того не стою, честное слово, — чуть мягче добавила Поппи.

— Нет-нет, я в порядке, Поппи. Все нормально. Я догадывался, что это была любовь на одну ночь.

На самом деле Флин был раздавлен, сокрушен. Его огрели по самому больному месту.

— Отлично, так мы можем остаться друзьями? — Казалось, у Поппи с плеч гора свалилась.

— Конечно. Будь уверена. Звони, если вдруг что, — промямлил Флин и положил трубку.

С него было достаточно. Какое-то время он не шевелился, словно врос в то место, где стоял. Он чувствовал себя таким униженным — его гордость была буквально втоптана в грязь, — но еще хуже была мысль о том, что он больше уже никогда не будет спать с этой красавицей. И за что ему все это? За какие грехи его так наказывают? Флин чувствовал себя больным от разочарования. Каким же доверчивым, глупым идиотом надо быть, чтобы два раза подряд наступить на одни и те же грабли, чтобы снова позволить Поппи себя обмануть. «Да, я заслуживаю этого, — думал он, — потому что поверил такому непостоянному человеку, как Поппи». Он поплелся на ватных ногах наверх и зашел в комнату к Джессике. По его выражению лица она обо всем догадалась.

— О, Флин, мой бедный малыш! Мне ужасно жаль.

— Стерва, — пробормотал Флин.

— Знаю, это просто ужасно, дорогой, но так лучше. Ты, Флин, слишком доверчив. Конечно, это чудесное качество, но люди вроде Поппи всегда будут использовать тебя в своих интересах.

Джессика крепко обняла Флина, потому что решила, что в такой момент требуется именно это. Фразы вроде «я же тебя предупреждала» были неуместны. Да и что она могла сказать человеку, чье самолюбие так пострадало.

Флин сидел на диване, уставившись невидящим взглядом в телевизор, когда пришли Джорди и Молли.

— О, а вот и наш жеребец! — ухмыльнулся Джорди. — Давай, расскажи нам, как все было, да поподробнее.

— Отвали, — буркнул Флин и спрятался в свою комнату.

Когда Джорди засобирался к Молли, Флин все-таки нашел в себе силы извиниться перед ним, а потом, устроившись на диване перед телевизором, погрузился в свое несчастье. У всех когда-нибудь что-нибудь не ладится, но за свою недолгую жизнь Флин убедился, что

почему-то именно ему особенно не везет. Вот как, например, на этот раз. Днем он позвонил в банк и обнаружил, что на счете осталось куда меньше денег, чем он ожидал. И все потому, что он не завел специального блокнота для контроля над расходами, как настоятельно рекомендовал ему Джорди. А потом Флин сообразил, что этот баланс еще не отражал ту сумму, которую он потратил на вечер с Поппи. Он болезненно вспоминал, что, пытаясь произвести на нее впечатление, большую часть расходов взял на себя. Так что теперь у него оставалась смехотворно маленькая сумма, на которую надо было протянуть десять дней до зарплаты. Кажется, никто из его друзей никогда не сталкивался с подобными проблемами. Ему просто необходимо отложить про запас сколько-то денег, начать контролировать расходы и подыскать более высокооплачиваемую работу.

По крайней мере, в нем были заинтересованы работодатели. Недавно ему предложили лучшую должность и зарплату чуть повыше, но компания была меньше, и фильмы, с которыми ему пришлось бы работать, были не такими престижными — малобюджетные картины. В таких условиях невозможно сделать хорошую карьеру. Но все же из любопытства Флин пошел на собеседование. Рынок труда для промоутеров фильмов был крохотным, а потому для продвижения по службе приходилось конкурировать с другими специалистами по печати и рекламе. Флин понимал, что ему следует трудиться усерднее, ведь он работал в одной из самых крупных компаний в Лондоне: у него были все шансы на успех, нужно только придумать нечто из ряда вон.

Проблема была в том, что ни одна кинокомпания или независимое рекламное агентство не пригласили его поучаствовать в каком-нибудь стоящем проекте. Удачная раскрутка Бруклина Сейла могла бы помочь Флину в продвижении по карьерной лестнице, но фиаско в отеле «Ритци» не прошло незамеченным, а потому Флин упустил и этот шанс. В ближайшем будущем ему предстояло принять участие в некоторых хороших проектах, но это его мало радовало. Придется как следует побегать.

А может, попытаться сделать карьеру в другой области? Если ему даже не нравится его работа, то лучше уж работать там, где больше платят. Но что он может? В компьютерах он не разбирается и, кроме диплома по специальности «Английский язык», у него ничего нет. Математика ему не давалась, так что о бухгалтерском деле и думать нечего. Реальность такова, что при всем желании ему вряд ли удастся найти другую работу. Лучше на это не рассчитывать. В любом случае, может, подвернется еще какой-нибудь стоящий проект. Может, его пригласят на собеседование в какую-нибудь хорошую компанию. Должно же и ему когда-то повезти.

Флин продолжал раздумывать в том же духе, как вдруг зазвонил телефон. Включился автоответчик, потому что никто не соизволил поднять трубку. Текст на автоответчике был очень длинным: голос Джорди зачитывал длинный список мобильных и городских номеров, по которым можно связаться с хозяевами дома. Потом аппарат пискнул, и Флин, позаимствовав привычку Джессики, подождал, чтобы послушать, кто звонил.

Звонивший назвал свое имя, Джеффри Бэйли, и добавил, что ему необходимо связаться с Джессикой Терпин.

— Алло? — сказал Флин, поднимая трубку. — Это Алек Флиндерс. Мы живем вместе с Джессикой.

— Ах да, — сказал голос.

Судя по всему, он принадлежал немолодому и довольно чопорному человеку.

— Я прихожусь крестным отцом Томми Бингу. Кажется, вы его хороший друг?

— Да, конечно, мы с ним уже давно знакомы, — ответил Флин, а потом, чтобы подтвердить свое заявление, добавил: — Несколько лет назад, учась в университете, мы вместе снимали дом.

— Тогда, боюсь, у меня для вас страшная весть, — каким-то неестественным голосом произнес крестный отец Томми. — Мне тяжело вам об этом говорить, но вчера поздно вечером Томми сбил грузовик, и он умер по пути в больницу.

Сначала Флин решил, что это говорит сам Томми, в очередной раз разыгрывая его. Но голос был явно чужой. Флин пошатнулся. Его ровесники не могут умереть, это выше его понимания.

— Нет, — выдохнул Флин в трубку, — этого просто не может быть. Как это «умер»?

— Я понимаю, вам трудно это осознать. Нам всем не верится. Это ужасный, трагический случай.

Джефффри Бэйли помолчал, а потом, словно пытаясь объяснить, добавил:

— Мне поручили разыскать его друзей и сообщить им о случившемся. Его мать просила, чтобы я позвонил вам.

— Боже, нет, я просто не верю, — едва сознавая, что говорит, пролепетал Флин. — Я хочу сказать — как? Как такое могло случиться?

Крестный отец Томми устало вздохнул:

— Мы не совсем уверены, но, кажется, он возвращался домой из паба. На дорогах была гололедица, и водитель грузовика слишком поздно начал тормозить, его занесло, и он задавил Томми.

— Господи, примите мои соболезнования, я просто не знаю, что сказать. Я хотел... нет, я не могу поверить. — У Флина голова шла кругом.

Собеседник прочистил горло:

— Ненавижу сообщать такие печальные вести, но я должен передать, что похороны состоятся в следующую среду в два часа в семейной церкви в Крофте.

— Похороны? — Флин совсем растерялся. — О боже, конечно. Извините, это просто так... конечно, я приду.

Крестный отец Томми, который уже не был крестным отцом Томми, повесил трубку. После этого разговора Флин словно оцепенел. Он не плакал. Ничего не делал, а просто упал на диван и уставился в стену.

Флин продолжал неподвижно сидеть на диване, когда вниз спустилась Джессика.

— Ну хватит, соберись, — прикрикнула она на него.

И тут Флин сообщил ей страшную новость. Джессика выронила сумочку и побелела как полотно.

— Нет, — почти беззвучно выговорила она. — Нет, я не верю.

Губы у нее задрожали, и, закрыв лицо руками и сотрясаясь всем телом, она в голос разрыдалась.

— Нет, нет, — причитала она. — Это все моя вина! Если бы я не сказала ему, что между нами все кончено, он все еще был бы жив!

Флин представлял, как Томми, напиваясь вместе с Джорди, отпускал шуточки насчет Джессики. А ведь это было тем самым вечером, когда он погиб.

— Нет, Джессика, — твердо сказал Флин. — Это был несчастный случай. Обычный несчастный случай.

— Нет. — Она посмотрела на него; тушь под глазами растеклась. — Это мне наказание за то, что я была такой стервой, такой эгоисткой, такой ужасной стервой.

И тут Флин тоже расплакался. Уткнувшись друг другу в плечо, они вместе оплакивали

своего друга.

Некоторое время спустя Флин нашел в себе силы позвонить Молли и Джорди. Джорди с Томми были очень близки. Не считая Флина, Томми, вероятно, был самым его лучшим другом. Джорди тоже был ошарашен. Ведь он разговаривал с Томми буквально за час до его смерти.

— Я же понимал, что он пьян! Мне надо было остаться с ним, и тогда ничего бы не случилось, — твердил Джорди Флину.

— Перестань, Джорди, разве ты мог тогда знать. Мы и раньше напивались и в таком состоянии нормально добирались домой. Томми просто не повезло. Тут нет ничьей вины.

«Голос Джорди был таким безутешным. Слава богу, что рядом с ним Молли», — подумал Флин. Джессика была в ужасном состоянии. Она ушла в свою комнату и заперлась. Флин пытался поговорить со своей матерью, но сообщать о смерти друга в третий раз за этот вечер было выше его сил. Он снова разрыдался, и матери не удалось его успокоить.

Когда слез больше не осталось, Флин решился подняться наверх к Джессике. Он постучал:

— Джессика,пусти меня.

Джессика медленно открыла дверь; на ее лице все еще виднелись разводы туши, глаза покраснели и опухли. Весь ее внешний вид говорил о том, что она в шоковом состоянии.

— Надо отвлечься, посмотреть какой-нибудь фильм, — наконец сказала она.

— Хорошо, — согласился Флин.

Они устроились у нее на кровати и стали смотреть фильм «Городские пижоны»^[52], который шел по телевизору.

В какой-то момент Джессика даже рассмеялась, а потом в ужасе повернулась к Флину.

— Я забыла, — потрясенно пробормотала она. — Хотя бы на секундочку, но забыла. Отвратительно с моей стороны!

Флин печально посмотрел на нее. Он не знал, что ответить.

— Не оставляй меня на ночь одну, Флин, — взмолилась Джессика. — Я этого не вынесу.

И он остался. Джессика обняла его, но он никак не мог заснуть.

Невероятно, но Флин все еще расстраивался по поводу Поппи. Ему было очень стыдно, потому что такие пустяки не имели значения, особенно сейчас, когда с его другом произошла трагедия. Но ему никак не удавалось совладать со своими чувствами, а потому он признался самому себе, что, должно быть, именно теперь его жизнь достигла своего надира. Все три обитателя Баронс-Курт наутро, как обычно, отправились на работу. А что еще им оставалось делать? Но вскоре все они обнаружили, что совершенно забыли о смерти. Им было просто необходимо сосредоточиться на чем-нибудь другом, чтобы не погрузиться в отчаяние — отчаяние по поводу случившегося и стыд за то, что они ничем не могли помочь своему другу. Но их забывчивость казалась им оскорблением памяти Томми.

Джессика страдала от чувства вины. Невзирая на любые утешения, она не могла не чувствовать, что ответственность за случившееся лежит и на ней. Если бы только она не порвала с Томми, он бы остался тем вечером с ней и не оказался бы на темной скользкой дороге. Если бы только она не была такой эгоисткой, то он не стал бы напиваться до невменяемости и заметил бы приближавшийся грузовик. Если бы, если бы, если бы...

Джорди тоже чувствовал ответственность за случившееся. Но ведь паб находился

буквально рядом с домом Томми. Джорди и на минуту не мог предположить, что Томми был настолько пьян, чтобы его было опасно отпускать одного. Они и раньше добирались до дому в пьяном виде, как недавно напомнил ему Флин, и много-много раз. Но чтобы кто-то погиб — это казалось абсолютно невероятным! Джорди никогда, даже в страшном сне не предполагал, что такое возможно. И понятно почему: подобное не случилось ни с кем из их знакомых.

Флин размышлял о своей прогулке по Баттерси-парку. В то время, когда он мечтал о Поппи и счастливо улыбался, пробираясь по обледеневшим дорожкам, Томми был мертв. Мороз, которому так радовался Флин, стал причиной смерти Томми. «Интересно, когда точно это произошло? — думал Флин. — Наверное, как раз в тот самый момент, когда мы с Поппи развлекались на полу гостиной». Что он в тот момент чувствовал? Что-то необычное? Нет, ничего такого. Трудно было уловить момент между жизнью и смертью. Когда они с Поппи пришли в ее квартиру, из-за чего Флин и пропустил встречу с Томми, его друг был еще жив. А когда они закончили заниматься сексом, Томми уже был мертв. Ровно неделю назад, каких-то семь дней, они вместе ходили в паб. Томми был таким веселым, энергичным и в отличной форме — тогда Джессика еще не порвала с ним. Если бы Флин пришел на их встречу, могло бы это что-то изменить? Теперь уже никто не узнает. Если Томми было суждено умереть молодым, то он все равно бы погиб. Не важно, каким образом: разбился бы, гоня на своем «БМВ», или получил смертельную травму на матче по регби. Но вместо этого его просто переехал грузовик.

Джессика заявила, что она не сможет пойти на похороны, потому что вся семья Томми наверняка ненавидит ее. Было бы неправильно ей там появляться. Джорди с Флином убеждали ее, что им нужна поддержка, а Флин серьезным голосом произнес, что будет ей очень, очень благодарен, если она пойдет.

— Но они не захотят меня видеть, — заплакала Джессика. — У меня там начнется истерика, и я только все испорчу.

— Какая чепуха! Семья Томми обидится, если ты не придешь. Можно подумать, что все остальные не скорбят и не расстраиваются, — возразил Флин.

Джорди настаивал, что надо исполнить свой долг, отдать последнюю дань уважения своему другу, как бы тяжело это ни было. К великому облегчению для них обоих, Джессика наконец согласилась.

Еще одна проблема появилась, когда Флин сообразил, что у него не хватает денег на билет до Дарлингтона. Поскольку билет не был заказан заранее, его цена взлетала до максимальной, то есть семьдесят пять фунтов. Злясь и бессвязно бормоча себе под нос, что виноваты железные дороги — монополисты и жирные коты, которые сидят в руководстве транспортных компаний, Флин позвонил матери. Он понимал, что это игра на чувствах, но понимал и то, что другого выхода у него нет.

— Только успокойся, Алек, — сказала ему его мать, когда он начал объяснять ей, как ему нужны деньги.

Конечно, она согласилась ему помочь, но Флин терпеть не мог занимать у родителей.

— Я верну через десять дней, — пообещал он, просто чтобы почувствовать себя не таким виноватым.

— Не переживай, не нужно ничего возвращать, — успокоила его мать. — Надеюсь, это событие не слишком выбило тебя из колеи.

Рассыпаясь в благодарностях, Флин воскликнул, что она — самая лучшая мама на свете,

но вновь обрести чувство собственного достоинства это не помогло.

Множество друзей Томми приехало в Дарлингтон на одном поезде. Его старинные школьные и университетские друзья теперь жили в Лондоне. Джорди, Молли, Джессика и Флин по пути не проронили ни слова. Даже когда знакомые собрались вместе, пытаясь поймать такси, разговор не клеился. Да и что можно было сказать? Обсуждать эту трагедию просто-напросто язык не поворачивался. Полчаса спустя они вошли в церковь. Казалось, никто не знал, куда девать глаза, как себя вести. Бессмысленно было улыбаться или радостно кого-то приветствовать. Это было бы просто предательством. Церковь быстро заполнилась людьми, а потом появились члены семьи Томми. Его мать шла по проходу между скамейками, опираясь на руку его старшего брата. А перед алтарем стоял гроб с телом Томми.

Флину казалось невероятным, что Томми лежит в гробу, такой холодный и бледный. Раньше Флин никогда не видел покойников, но представлял, что мертвые тела именно так и выглядят. Ему вспомнилась статья, которую он прочитал когда-то в журнале «Санди», о человеке, который препарировал и готовил трупы к захоронению. Какая ужасная, отвратительная статья. Отчаянно пытаясь выбросить все это из головы, Флин никак не мог избавиться от картинки, на которой этот человек препарировал тело Томми. В какой-то момент Флина едва не вырвало. Но тут встал отец Томми и сказал собравшимся несколько слов. Джессика, которая до этого спокойно сидела рядом с Флином в своем элегантном черном костюме, прижала к глазам платок. Джорди выглядел серьезным и благородным. Но Флин ничего не чувствовал. Он будто был в трансе и не слышал, что говорили священник и отец Томми. Он вообще ничего не слышал.

Мать Томми начала рыдать и причитать, когда гроб с ее младшим сыном стали спускать в землю. Невозможно было равнодушно наблюдать эту сцену; даже мужчины осторожно смахивали слезы.

По-прежнему держась втроем, они пошли на поминки, где все механически, не ощущая вкуса, пили чай. И тут к Джессике подошла мать Томми.

— Спасибо вам, что пришли, — сердечно сказала она. — Томми много нам о вас рассказывал. Вы сделали его счастливым. Я просто хотела, чтобы вы это знали.

Выглядела она ужасно.

Флин стоял невдалеке и отчетливо понимал, что сейчас происходит. Томми не рассказал матери о разрыве с девушкой. Его мать думала, что он умер счастливым и влюбленным. Джессика побелела и в ужасе уставилась на нее. Ее лицо исказила гримаса, ноги подкосились.

— О боже, я так сожалею! — вдруг простонала она.

Флин подскочил к ней. Она вся тряслась, рыдая и причитая.

— Джорди, скорее, помоги мне, — позвал Флин.

Они повели Джессику на улицу подальше от матери Томми и других зрителей. Молли шла рядом с ними.

— О боже, — снова закричала она, вырвалась из рук друзей и изо всех сил стукнула кулаком в стену. — Это ужасно, я больше не выдержу! Уведите меня отсюда.

— Хорошо-хорошо, — успокаивал Флин, крепко обнимая Джессику.

Она билась в истерике.

— Я вызову такси, — решил Джорди и достал свой мобильный телефон.

Молли тоже плакала. Никто больше не проронил ни слова, пока они дожидались

машины.

Джессика заговорила только тогда, когда они проехали Йорк.

— Простите, — тихо сказала она. — Я не намеревалась устраивать сцен. Это все из-за его матери. Последняя капля.

— Знаю, — сказал Флин и взял ее за руку.

Он глубоко сочувствовал своей подруге и с нежностью смотрел на нее. Каким он был глупцом, когда расстроился из-за того, что между ними произошло в Корнуолле. Смерть Томми заставила его много переоценить. Жизнь слишком коротка, чтобы впустую тратить ее на раздумья о раненой гордости или ущемленном самолюбии. Когда Томми не стало, отношения между Флином и Джессикой стали прежними. Какой бы нелепой и бессмысленной не была их вражда, но началась она в какой-то степени из-за Томми. Флин был безумно рад, что они снова стали близки, но чувствовал себя виноватым, потому что так получилось из-за смерти Томми. Смешанные чувства переполняли его.

Джессика опустила голову ему на плечо.

— Это так грустно, так ужасно.

— Не знаю, — медленно произнес Флин. — Я просто до сих пор еще не осознал этого, не понял, что мы его больше никогда не увидим.

— В такое вообще нельзя верить, — согласился Джорди. — Мы уже никогда не увидим, как он дурачится, как носит свою бейсболку, гоняет на своем «бимере».

— На работе просто кошмар, — всхлипнула Молли. — Они уже освободили его стол. Я очень, очень по нему скучаю.

— Его уже не вернуть, — шмыгая носом, сказала Джессика. — Единственное, что я поняла: мы все смертны. Раньше мне казалось, что смерть — это удел пожилых людей, таких как наши дедушки и бабушки, которые прожили долгую, хорошую жизнь. Я знаю, что молодые тоже умирают по всему свету, но ведь не те, с которыми мы знакомы, не такие, как мы. Этого просто не бывает.

Какое-то время они молчали, размышляя о смерти, а потом Флин сказал:

— А я до сих пор не понимаю: только что Томми был веселым, остроумным, энергичным человеком, а в следующее мгновение стал ничем. Вот что в голове не укладывается.

— Как бы мне хотелось быть благочестивой христианкой, мусульманкой или последовательницей какой-то другой религии, — вставила Джессика. — Может, тогда я бы почувствовала себя чуточку счастливее, потому что была бы уверена, что Томми на небесах. Но я неверующая и считаю, что после смерти нас вряд ли что-то ждет.

Из всех их знакомых никто не был набожным. Кроме как на Рождество и на свадьбы и похороны, никто не ходил в церковь. Родители Джессики тоже не ходили в церковь, хотя предполагалось, что ее мать католичка. Джессика всегда ненавидела воскресную школу, потому что ей это занятие казалось бессмысленной тратой времени.

— Я бы предпочел думать, что он сейчас где-то есть, — сказал Флин. — Да, уверен, он где-то существует. Не знаю где, но ведь Томми был таким хорошим, а потому у него все в порядке, поверьте. Вероятно, играет в регби с ангелами. — Он печально улыбнулся.

Лишь через множество дней унылых раздумий друзья смирились с тем, что случилось. Они видели, как гроб с телом Томми закапывали в землю, много беседовали о его смерти на обратном пути в Лондон. Но мало-помалу один день сменял другой, шли неделя за неделей, и однажды они поняли, что жизнь вошла в более-менее привычное русло. Смерть Томми

стала для них невозполнимой потерей, и они всегда будут помнить о нем. Но жизнь продолжалась, и даже Джессика поняла, как много может пережить человек.

Была еще половина четвертого вечера, но уже почти стемнело. Шел дождь. Электронный термометр на приборной панели автомобиля Джорди показывал всего три градуса по Цельсию. Холодно. Холодно, темно и сыро. Джорди возвращался из Бристоля. На носу было Рождество. Джорди ненавидел короткие зимние дни. Но ему нравилась солнечная и морозная погода, когда можно было совершить приятную прогулку, а потом погреться у камина в каком-нибудь из пабов. Но сегодня погода была ужасной. Это был такой день, когда казалось, что лето не наступит никогда.

Джорди проклинал дождь и движение на дорогах, как вдруг его захлестнуло чувство вины перед Флином. Флин его друг, самый лучший на всем белом свете, а Джорди даже не разговаривал с ним уже сто лет. Он так увлекся Молли, что иногда неделями не появлялся дома. У Флина были тяжелые времена, а друга даже не было рядом, чтобы помочь. Решительно вознамерившись как можно скорее исправить ситуацию, Джорди переключил мобильный телефон в режим «хендс-фри» и набрал номер Молли.

— Ну, в последнее время мы вообще мало с кем общаемся, — согласилась с ним Молли, — но ведь ты увидишься с Флином на Рождество. Может, тебе стоит поехать в Солсбери на денек пораньше?

— Да, отличная идея, — ответил Джорди. — Флин зайдет ко мне и проведет со мной вечер перед тем, как пойдет к своим родителям.

— Точно. Вы можете с ним прогуляться и вдоволь наговориться.

— А ты не против, если я уеду на день раньше? — спросил Джорди.

— Конечно, нет. Тебе надо проводить с друзьями больше времени.

Джорди был рад, что поговорил с Молли, и тут же начал звонить Флину.

Ему ответил автоответчик: «Я говорю по телефону или меня нет на рабочем месте...»

После гудка Джорди оставил для Флина сообщение, в котором умолял друга незамедлительно перезвонить.

Чудесным образом Флин перезвонил уже через несколько минут.

— Лучше бы у тебя на самом деле было важное дело ко мне, — с напускной серьезностью сказал он Джорди. — Я безумно занят и не хочу тратить свое драгоценное время на скучающих в пробке автомобилистов.

— Это очень важно. Когда у тебя начинаются рождественские каникулы? — прямо спросил его Джорди.

— Двадцать третьего. А что?

— Я надеялся, что ты сможешь улизнуть двадцать второго, и мы заедем к моим родителям. Прогулялись бы, посидели в пабе, а потом ты пошел бы к своим. Сможешь освободиться на денек пораньше?

— Ну, наверное, смогу. Отработаю потом. Можно будет попить пивка в «Радноре».

— Определенно, — обрадовался Джорди. — Как в старые добрые времена. Да и вообще, давно мы с тобой не встречались.

— Что правда, то правда, перебежчик ты наш. Слишком влюблен, чтобы помнить старых друзей.

— Да-да, но ведь теперь я исправлюсь.

Флин задумался на секунду и решил:

— Ладно уж, ты меня подкупил. погоди, я перезвоню тебе позже.

Флин перезвонил почти тотчас же. Ему легко удалось договориться о дополнительном выходном.

«Итак, все решено», — радостно подумал Джорди.

Удивительно, ведь всего десять минут назад он беспокоился о Флине, и вот, нажав несколько кнопок, ему удалось решить эту проблему, хотя он все еще тащился с черепахой скоростью мимо ремонтной мастерской.

Как и было запланировано, в назначенный день друзья добрались до дома родителей Джорди как раз к ужину. Джорди уже начинал скучать по Молли, но увидеть ее он сможет только через четыре дня. Конечно, разлука только обостряет чувства, но нет смысла тосковать и тем самым портить время с Флином. До отъезда они попрощались с Джессикой, которая собиралась провести почти все рождественские каникулы со своей французской семьей где-то недалеко от Лиона.

Ужин был долгим. Джорди и Флин рассказывали Розе и Джону о последних событиях из своей жизни в Лондоне. Розе, как обычно, не терпелось знать все до последней мелочи. Она с огромным вниманием слушала рассказы Флина о его томлящемся от любви друге и соболезновала по поводу безвременной кончины Томми. С Джоном ребята говорили о работе и своих ближайших планах.

— На самом деле, я чувствую, что почти созрел, чтобы уехать из города, папа, — сказал Джорди. — В конце концов, большую часть работы я выполняю за пределами Лондона. Даже Борхамвуд находится на окраине.

— И чем ты намереваешься заниматься? — спросил Джон.

— Ну, Берт подумывает перенести офис в «коридор М-4»^[53], и, если ему это удастся, я всерьез буду думать о переезде. По-моему, смысла бороться с движением на дорогах Лондона нет никакого. Ты бы только знал, сколько времени занимает поездка до Борхамвуда.

— Ну что ж, разумно, — сказал Джон.

— Ты мне ничего об этом не говорил, — вмешался Флин.

— Это совсем недавно выяснилось. В любом случае, пока еще нет ничего определенного. Но ты же знаешь, я всегда хотел уехать из Лондона.

— А что об этом думает Молли? — поинтересовалась Роза.

Джорди, кажется, был немного смущен.

— Будем решать проблемы по мере их поступления, — подливая себе вина, пробормотал он.

Позже, когда Флин помогал Розе убирать со стола, она шепнула ему заговорщическим тоном:

— Ну, Флин, говори, как тебе кажется? Собирается он ей сделать предложение?

— В смысле? — удивился Флин.

Он был сбит с толку.

— Как ты думаешь, Джорди предложит Молли пожениться?

— Вы это серьезно?

— Абсолютно. Они прекрасная пара, разве нет? Молли нам очень нравится. Она всегда ему помогает, и с ней не бывает никаких проблем. Да к тому же еще и красавица. Думаю, Джорди несказанно повезло, и чем скорее он на ней женится, тем лучше.

— Но ведь они еще так мало знакомы. Не думаю, что Джорди склонен к поспешным решениям. — Флин на минуту задумался, а потом добавил: — Честно признаться, у меня и мысли такой не было.

— А почему бы тебе его не расспросить? — умоляюще схватила его Роза за руку.

— Хорошо, — пообещал ей Флин. — Попробую. Если он мне что-нибудь расскажет, я тут же сообщу вам.

На следующий день на небе не было ни облачка. Стоял чудесный ясный зимний день. Как раз то, что надо для прогулки. И Флин, и Джорди встали пораньше и, позавтракав, отправились на улицу выгуливать собак. Памятуя о предчувствиях матери Джорди, Флин решил спросить напрямую.

— Твоя мать считает, что ты должен жениться на Молли, — брякнул он без подготовки и искоса взглянул на друга, чтобы посмотреть на его реакцию.

— Да, думаю, Молли пришлась ей по душе, — ответил Джорди, а потом добавил. — И это здорово.

— Она мне говорила, что Молли — такая помощница, такая очаровательная и восхитительная. Прямо захвалила ее.

— Да, Молли умеет быть милой со всеми и очень мне помогает, — с гордостью улыбнулся Джорди.

— Так ты собираешься на ней жениться? — настаивал Флин.

Они дошли до забора. Джорди остановился и закурил сигарету.

— Слушай, Флин, я не знаю. Это, вероятно, произойдет очень скоро, но это должно оставаться только между нами...

— Да-да, конечно, — перебил Флин.

— Я уверен, что Молли — моя судьба. Мы с ней отлично ладим, она веселая, а еще чертовски сексуальна. Она ладит со всеми моими друзьями. У вас с ней вообще хорошие отношения, да и мои родители от нее в восторге. Но, честно сказать, старина, пока мне не хочется ничего менять.

— Может, ты и прав, — задумчиво сказал Флин. — Да и вообще, в таком деле спешить ни к чему.

Эгоистические мысли закрались в голову Флина. Если Джорди и Молли поженятся, то он уже не сможет жить с другом в одном доме. Какая-то часть его беспокоилась, что Джорди его позабудет. Неужели конец их дружбе?

— Да, никакой спешки, — заверил его Джорди. — Надеюсь, Молли не намерена от меня сбежать.

Они ходили по старым, излюбленным местам, по полям и холмам, которые простирались за домом семейства Хаверсов. Когда они были младше, то во время летних каникул работали на одного из местных фермеров, подбирая на полях колоски овса, которые пропустил комбайн. Тогда они жаловались на мизерную оплату и скучную работу, но теперь смотрели на ушедшие деньки сквозь розовые очки. Джорди это время запомнилось вереницей незаметно перетекавших один в другой долгих беззаботных летних дней. Что и говорить, тогда их заботы были таким простыми.

Наконец они добрались до восстановленных из дерева укреплений периода железного века. Рядом с ними они еще на какое-то время задержались. Джорди оглядел окрестности. Сколько раз они стояли на этом месте и раздумывали о событиях, которые происходили в их жизнях? Бесчисленно количество. Из всех мест, в которых Джорди довелось побывать, это

— его самое любимое место на земле.

— Зря мы пришли сюда в такой погожий денек, — мечтательно улыбнулся Флин, с задумчивым видом затягиваясь сигаретой. — Слишком уж здесь хорошо. Мне сразу захотелось перебраться за город и жить простой деревенской жизнью.

— Знаю я, к чему ты клонишь, — нахмурился Джорди.

— Джорди, — неуверенно начал Флин. — Ты серьезно говорил о том, чтобы уехать из города?

— Думаю, да. Еще нет никакой определенности, но у меня есть одна отличная идея.

— И какая же?

— Я подумываю об учреждении дочерней компании. Надеюсь, у меня получится.

— Правда? — Флин был глубоко поражен.

— Да, наверное.

Джорди давно раздумывал, что «Эф-Дэ-Ю» вместе с производством мониторов могла бы начать выпускать и коврики, мышки, клавиатуры и другие периферийные устройства. Процесс упаковки и доставки мониторов уже был отлажен, так что добавление дополнительных устройств могло бы сократить затраты на упаковку. Наладить производство и продажу этих устройств казалось делом нетрудным. Сначала Джорди поделился своими соображениями с Майком. Пару дней они обсуждали эту идею между собой, а потом Джорди выдвинул ее Берту. К удивлению Джорди, Берт одобрил его план, но заметил, что сначала надо подсчитать, во сколько им обойдется оснащение дополнительного производства. Джорди решил, что на этом все и закончится и Берт никогда больше не вернется к этому разговору. Но перед самыми рождественскими каникулами Берт вызвал его к себе в кабинет и сказал, что у него, кажется, есть план, как реализовать идею Джорди. Они бы могли связаться с крупными компаниями, производящими компьютеры, и попросить финансовой помощи в организации дочерней фирмы. В свою очередь «Эф-Дэ-Ю» выпустила бы акции специально для компаний-производителей, и те могли бы получить небольшие проценты от этого направления деятельности. Берт провел предварительные переговоры с ведущими производителями, и они, по его словам, были «более чем заинтересованы». Джорди очень разволновался от такого развития событий, особенно когда Берт дал ему дополнительный выходной к рождественским каникулам в знак благодарности за работу.

— Вот это да! — Флин был потрясен. — Никогда бы не подумал, что ты такой сообразительный.

— Я не хотел ничего рассказывать, пока дело не выгорит, но мне просто не терпелось с тобой поделиться. Может, все это ни к чему и не приведет, но вот что я тебе скажу: работаю я теперь с интересом и огромным желанием.

Флин посмотрел вдаль на шпиль собора, который едва выглядывал из-за холма.

— Ну, по-моему, ты выиграл наше пари: ты безумно влюблен и с усердием работаешь на любимой работе. Мне до тебя еще далеко.

— Может, ты и прав. Посмотрим, как все дальше пойдет. Уже очень скоро все должно разрешиться.

Флин задумчиво кивнул.

— Только скажи мне: если, предположим, ты женишься на Молли, то согласится ли она жить за городом?

— Думаю, да. По крайней мере, она не возражает. Ей очень нравится их дом в Чешире, но она не горит желанием там жить. Не знаю, Флин, как все сложится. Чего загадывать.

Поживем — увидим.

Вечером, напившись чаю и просмотрев несколько фильмов по телевизору, друзья отправились в «Раднор». Флин был рад, что, повзрослев, они не утратили способность наслаждаться тем, что радовало их в школьные, а потом и в Студенческие годы. Когда бы они ни заходили в свой любимый бар, там всегда сидело несколько постоянных клиентов. Этот вечер не был исключением. Что-то бормоча себе под нос, хозяин привычно начал наливать для них две кружки пива. Они почувствовали, что здесь по какой-то не вполне объяснимой причине их принимали за своих.

Когда они уселись за столик, Джорди поднял тему, которая его очень беспокоила, — его отношения с Лиззи, соседкой Молли и одной из ее старинных подруг.

— Кажется, я ей не очень-то нравлюсь, — пожаловался он Флину. — Она постоянно делает мне замечания, но я никогда не нахожу, что бы такого ей ответить.

— Наверное, ее можно понять, — пожал плечами Флин.

— Спасибо.

— Да нет же. Я хотел сказать, что им отлично жилось вдвоем, а потом как из тумана появился ты и практически у них прописался. Вероятно, Лиззи обидно, что все свое внимание Молли переключила на тебя. Да и вообще, вряд ли какая-нибудь девушка обрадовалась бы, что в их квартире появился еще один жилец.

— Я об этом как-то и не подумал, — признался Джорди.

— Ты же не вносишь свою долю в оплату коммунальных услуг. Но, когда ты там находишься, ты ведь пользуешься электричеством, горячей водой и так далее.

— Пользуюсь, конечно, — согласился Джорди.

— А как часто ты у них остаешься? За последние пару месяцев ты не провел и двух ночей дома, — продолжал Флин.

— Может, мне уговорить Молли почаще оставаться в Баронс-Курт? — предложил Джорди, а потом добавил: — Хотя, конечно, их уютная квартирка в сто раз лучше, чем наш задрипанный домина.

Оба друга признавали, что их дом был несколько запущенным.

— А мне он казался просто отличным местом, когда мы въехали, — грустно сказал Флин. — Вероятно, мы из него выросли. Я понимаю, почему у Молли такая отличная квартира. Она больше похожа на дом взрослых людей, нежели на студенческую берлогу, как у нас.

— Надо мне как-то попытаться подружиться с Лиззи, — задумчиво сказал Джорди. — Как ты думаешь, что я могу сделать?

— Предложи взять на себя какую-то часть расходов на коммунальные услуги. Поговори с ней, дай ей понять, что понимаешь, почему она недовольна.

Джорди сомневался, что это поможет, но кивнул.

— В любом случае, — продолжал Флин, — тебе надо с этим как можно быстрее разобраться.

— Ты прав. Пару недель назад мы с Молли поссорились как из-за этого.

— Какое облегчение, — ухмыльнулся Флин. — Вы все-таки иногда ссоритесь. А то я было подумал, все ли с вами в порядке. Слишком уж вы во всем ладите друг с другом. Слушай, все ведь просто. Поговори с Лиззи. Поставь все точки над «і».

На обратном пути Джорди признался:

— Обожаю такие вот вылазки в паб. Пара кружечек пива и чертовски приятная

задушевная беседа.

— Особенно в «Радноре», — согласился Флин.

— А может, нам перебраться жить сюда? Тогда бы мы смогли часто так отдыхать: бродить на природе, а потом тихо попивать пивко в пабе. Здорово бы было.

— Да, здорово. Но чем бы я тут стал заниматься? О таком неплохо помечтать, но не более, — вздохнул Флин.

Он наслаждался компанией Джорди, ему нравилось, как они проводили время. Он успел даже позабыть обо всех своих последних треволнениях. Ему предстояли рождественские каникулы и поездка в Шотландию в гости к Джошу. А потом неизбежно наступит новый год — год, когда Флин намеревался наладить свою жизнь.

Через двадцать четыре часа Флин стоял рядом с родными в деревенской церкви и оглушительно распевал: «Услышь ты ангельскую песнь, они возвещают». У Сэм уже был огромный живот. Она стояла с одной стороны от него, одетая в длинное черное платье, которое застегивалось аж до подбородка. С другой стороны от Флина стояла их мать, Элен, на которой был точно такой же наряд.

Рано утром Джорди подбросил его до дома родителей. Когда Флин вошел в дом, Сэм с Уиллом еще не было, а потому он с удовольствием помогал матери украшать дом к встрече Рождества. Чарльз, его отец, пришел домой к ланчу, а после, взяв собак, они вдвоем пошли прогуляться. Когда они вернулись с прогулки, то обнаружили в доме Сэм и Уилла. Сэм должна была рожать на следующей неделе, но Флин не видел ее уже несколько недель, а потому, не веря своим глаза, уставился на огромный живот сестры. Она расхаживала по дому как гусыня и явно была недовольна таким положением дел.

— Ночью, наверное, тебе жутко неудобно, да? — с сочувствием спросил Флин.

— Не напоминай мне об этом, — уныло протянула Сэм. — Скорее бы уж родить.

Во время второй строфы псалма Флин вдруг почувствовал, что сестра чем-то очень обеспокоена, а Уилл беспомощно уставился в пол.

— В чем дело? — прошептал Флин.

Сэм прикрыла рот рукой, а потом с ужасом показала глазами вниз.

— Господи, — выдохнул Флин, заметив лужу, расплзающуюся по деревянном полу под церковной скамьей. Уилл обнял побледневшую жену, а Флин начал дергать мать за рукав, потому что она ничего не заметила и продолжала петь.

— У Сэм отошли воды! — наконец громко воскликнула Элен.

Люди стали оглядываться на них.

— Боже мой, боже мой, — безостановочно причитала Сэм. Похоже, у нее начиналась истерика. — Уилл, поскорее выведи меня отсюда!

Пение начало затухать, потому что все собравшиеся переключили свое внимание на Сэм и ее растерянную семью, пробиравшихся к выходу из церкви. Флин узнал многих присутствующих. Это были люди, которых он, да и Сэм, знали всю свою жизнь. Он робко улыбался и под перекрестными взглядами прошагал по проходу между скамейками к выходу.

— Вот так, вот так, — приговаривал обезумевший от волнения Уилл, усаживая Сэм на скамейку у крыльца церкви. — Я побегу за машиной.

— Нет, — настойчиво возразил Флин. — Я побегу за машиной, а ты и мама оставайтесь с Сэм.

— Хорошо, — согласился Уилл, бледный как полотно.

— Захвати какую-нибудь одежду и дезинфицирующее средство, ладно? — крикнула мать ему вслед. — Надо потом убраться в церкви.

— Мама, спасибо тебе, — пробормотала Сэм и схватилась за голову: — Какой позор! Я теперь никогда не смогу смотреть в глаза всем этим людям.

— Да, кажется, этот Сочельник у нас будет особенным, — пытаюсь приободрить ее, улыбнулась Элен.

Четверть часа спустя они вернулись в дом. Не успели они набрать номер «скорой помощи», как у Сэм начались схватки.

— Ох, — простонала она. От боли у нее было перекошено лицо. — О, черт, началось.

— Все хорошо, дорогая, — испуганным голосом пролепетал Уилл.

— Не волнуйся, дыши, — велела Элен. — Я сейчас же вызову «скорую».

Сэм полулежала на диване, рядом с ней приютился Уилл, а беспомощные Флин с Чарльзом топтались напротив.

— Большое вам спасибо за заботу, — проворчала в перерыве между схватками Сэм. — Но не надо так на меня смотреть. Я чувствую себя музейным экспонатом.

Чарльз смутился и потянул Флина за рукав:

— Пошли. Твоей сестре нужно немного пространства.

Прибывшие врачи заявили, что Сэм должна немедленно ехать с ними, если у нее отошли воды.

— Слава богу, — вздохнул Чарльз, когда Уилл уехал в больницу вслед за Сэм и Элен. Взглянув на своего сына, Чарльз предложил выпить виски, чтобы успокоиться. Флин стоял рядом с отцом и гадал, сколько же времени потребуется Сэм, чтобы родить. А потом они, устав волноваться, решили пойти лечь спать.

Ребенок появился рождественским утром только после семи. Элен позвонила из больницы и сообщила Чарльзу новость: у Сэм родилась девочка, никаких осложнений не было. Сэм чувствовала себя хорошо. Ребеночек был здоровым и весил семь фунтов шесть унций, хотя появился на неделю раньше положенного срока.

— И что дальше? — спросил Флин отца, который стоял в прихожей в трусах и футболке и дрожал от холода.

— Хм, толком не знаю, — пробормотал Чарльз. — Думаю, надо ждать, что нам скажут.

Это было самое необычное Рождество в жизни Флина. У рождественских каникул был свой четко заведенный порядок: полуночная месса, рождественский завтрак, обмен подарками, ланч, речь королевы по телевизору и так далее. Но на этот раз Флин и его отец уже к завтраку полностью растерялись.

— Думаешь, я должен что-нибудь приготовить поесть? — с сомнением спросил Чарльз своего сына. — В кладовой есть индейка. Может, нам ее нафаршировать и запечь? Как там обычно делает мама?

— Не знаю, — пожал плечами Флин. — Слушай, как по-твоему, когда они приедут из больницы?

— Думаю, твоя мать скоро появится, да и Уилл обязательно сегодня вернется, но Сэм скорее всего на пару дней задержится в больнице.

— Хм, — задумчиво протянул Флин. — А когда мы сможем пойти посмотреть ребенка?

— Твоя мать сказала, что позвонит, так что нам надо просто сидеть и ждать.

Наконец Элен позвонила и велела им быть в больнице через час. А потом она собиралась вернуться вместе с ними домой, чтобы немного отдохнуть. Чарльз и Флин очень

удивились, когда услышали, что Сэм с ребенком могут приехать домой уже к полудню. Что же касается еды, то Элен попросила их начать приготовления, чтобы потом устроить праздничный ужин. «Мы отпразднуем сразу два дня рождения», — добавила она.

— А, ну да. Конечно, — промямлил Чарльз, который в отличие от своей жены не был набожным.

Первым, кого они увидели в больнице, был Уилл. Он выглядел изможденным, но удачное завершение всех треволнений было для него величайшим облегчением. От счастья Уилл, что совсем было ему несвойственно, начал всех обнимать, даже Чарльза, который не привык к таким открытым проявлениям симпатии, а потому лишь нервно похлопал зятя по спине. Флин был потрясен, каким крошечным и розовым оказался ребенок. Малыш лежал в безопасности на руках Сэм. «А Сэм, — подумал Флин, — выглядит умиротворенной и довольной. Суровое испытание для нее теперь позади».

— Удивительно думать, — поделился с ней Флин, разглядывая крошечный кулечек, — что вот это сделала моя старшая сестренка.

Сэм сияла.

— Мы хотим назвать ее Эмили, — с гордостью сказала она, а потом наклонилась к дочери и проворковала сладким голосом, какого Флин от нее никогда прежде не слышал:

— Это дядя Алек, да-да-да, и он будет самым лучшим дядюшкой на свете, самым лучшим дядюшкой!

Флин снова встретился с Джорди через два дня. День Рождества Христова наступил. Элен очень устала, но все они честно помогали ей приготовить рождественский ужин. Чарльз даже самостоятельно потушил брюссельскую капусту, выслушав подробные указания своей терпеливой жены. Родители Уилла приехали на второй день Рождества, и в доме начался настоящий кавардак. Элен так и не успела толком отдохнуть и начала раздражаться, потому что считала, что должна как-то развлекать родителей Уилла, которые нагрязнули так неожиданно-негаданно. Чарльз пытался помочь, но только путался под ногами, а Уилл все еще, казалось, не пришел в себя после случившегося.

— Да, это гораздо лучше, чем мое Рождество, — засмеялся Джорди, когда они отправились в долгий путь до Шотландии.

Брат Джорди все еще был в Боснии, а потому, за исключением ежегодной вечеринки с коктейлями у Хаверсов, праздники Джорди провел с родителями и еще одним каким-то родственником.

— Это был сплошной кошмар, — пожаловался Флин. — Я очень рад, что уехал. Там все ужасно нервничали, напряжение было на пределе, а когда я уезжал, вообще назревал скандал.

— А как выглядит ребенок? — спросил Джорди.

— Крошечный и розовый, — сказал Флин. — Сэм называет меня «дядя Алек». Да, не каждый день у сестры рождается ребенок. Я все еще до конца не поверил. А еще это кормление грудью. Ей-богу, Сэм может вытащить ее в любой момент, и я прямо не знаю, куда глаза девать.

Они ехали целый день и по пути подхватили Молли. Переезд был утомительным, но к вечеру они наконец свернули на проселочную дорогу, которая вела к дому Джоша.

— Ребята, наконец-то! — воскликнул Джош, радостно всех обнимая.

— Да уж, наконец-то, — сказал Флин.

— Мистер и миссис Фассл приехали к ланчу, а Джим с Кейти пару часов назад.

Давайте, заходите, выпьем чего-нибудь, — пригласил всех Джош и галантно взял у Молли сумки.

Флин здесь очень нравилось. Дом достался Джошу по наследству от какого-то дяди. Здание стояло посередине плато, с одной стороны которого протекала речушка, а с другой — вздымались невысокие холмы. Место было очень укромным, но именно это и требовалось, чтобы провести беззаботную неделю: пить, есть и совершать длительные прогулки. В доме было всего три спальни и небольшая комнатка в маленькой башенке, которая высилась с одной из сторон дома, а это означало, что Флину предстояло спать на раскладушке в гостиной.

— Извини, старина, но мне пришлось кое-кому отдать преимущество, а сам я устроился в башне, потому что хозяин здесь я, — сказал ему Джош.

— Это дискриминация, — возмутился Флин, но не позволил себе раздражаться.

— В следующий раз, когда соберешься ко мне, обзаведись подружкой, и я обещаю выделить тебе хозяйскую спальню. Хороший стимул для тебя.

На следующий день начался ливень, и небо над долиной затянулось облаками. Это был настоящий зимний день и, казалось, что нет никакой надежды на просвет. К полудню Джош, Эдди и Флин поехали в Питлохри^[54], чтобы закупить выпивку и провизию. Оставшуюся часть дня они провели за бесконечными играми в карты за огромным кухонным столом, который стоял напротив окна с выступом.

Но в последующие дни дождь перестал, было светло и солнечно, воздух был свежим и чистым, а потому их маленькая компания смогла покинуть стены коттеджа и прогуляться в горы и вдоль берега реки. Ребята даже устроили небольшое состязание по гольфу на безлюдной площадке в девять лунок.

Как-то утром они решили дойти до горного озера, которое находилось не очень далеко от коттеджа. Джорди и Эдди шли чуть впереди остальной компании, и, слово за слово, их разговор перешел к женитьбе.

— Честно, Джорди, — убеждал Эдди друга, — я не могу тебе ничего советовать, но мне очень нравится быть женатым.

— Рад за тебя. И что в этом такого? Что тебе так нравится? — допытывался Джорди.

— Ну, Виктория, кроме всего прочего, — мой лучший друг, а разве не здорово жить вместе со своим лучшим другом. И вообще, здорово осознавать, что рядом всегда есть кто-то, с кем можно поговорить, поделиться своими горестями. И это только самая малая часть. Я уж не говорю о том, как здорово спать с ней каждую ночь. Я и раньше проводил с Викторией много времени, но эти постоянные разъезды из ее квартиры в мою и обратно были утомительными и глупыми. Теперь все гораздо проще.

— Да, понимаю. Но ведь это навсегда. Это тебя не беспокоит — ну, хотя бы самую малость?

— Нет, совершенно не беспокоит, — спокойно ответил Эдди. — Лучше и быть не может. Мне уже никогда не придется кого-то искать, знакомиться, ухаживать, налаживать отношения. Я спал до нее и с другими женщинами, но, честное слово, теперь, когда я женат, мне вовсе не кажется скучным спать только с одним человеком до скончания веков. В конце концов, Виктория чертовски красива, но, что самое главное, — Эдди ухмыльнулся, — она чертовски хороша в постели.

Джорди задумался над словами друга.

— Ты собираешься жениться на Молли? — спросил его Эдди.

— Не знаю. Наверное, когда-нибудь. На это ведь надо решиться.

— Конечно. Лично я уверен, что это было бы правильно, но ты сам должен почувствовать, что время пришло. Это нечто инстинктивное.

— Я догадывался, — признался Джорди, — но это совсем как-то по-взрослому. Знаю, что мы как раз в том самом возрасте, когда заключается большинство браков... — Джорди запнулся, подумал, а потом спросил: — Ты чувствуешь себя как-то по-особому, взрослым? Что-то изменилось для тебя, когда ты стал женатым человеком?

— Нет. По правде говоря, все осталось практически так же, как во время наших отношений, разве что теперь мы живем вместе. Джорди, поверь, бояться абсолютно нечего: решайся, пора уже.

Чтобы как-то разнообразить новогодний ужин, Джош попросил всех захватить с собой черные смокинги. Ребятам очень понравилась эта идея, и вечер получился по-настоящему торжественным. Все на славу постарались, чтобы приготовить роскошный ужин, купили портвейн и сыр, а еще несколько бутылок шампанского, чтобы произнести под него тосты. Все были веселы, оживленно беседовали, и даже Флин смеялся от души, чего он давно уже не делал. В полночь они хором отсчитали бой часов, а потом бросились обниматься и распевать нетрезвыми голосами «Добрые старые времена»^[55], но обнаружили, что дальше первого куплета слов никто не знал. А потом они помянули Томми, который был где-то на небесах.

Все растрогались, и особенно Джорди — он скучал по Томми. А еще он был безумно влюблен в Молли. Никогда еще ему не доводилось видеть ее в таком элегантном вечернем платье. В нем Молли была еще красивее, чем когда-либо. Через полчаса после боя часов Джорди повел ее на улицу. Они сели на скамейку у дома, прислонились к каменной стене и стали смотреть на звезды. Он снял свой пиджак, накинул его на плечи любимой и крепко ее обнял. Он понимал, что жить без нее не может, но женитьба — дело серьезное. Он не чувствовал себя достаточно взрослым, чтобы сделать подобный шаг. Еще не время.

Флин стоял у двери и смотрел на них: обнявшись, они смеялись и целовались. Флин закурил сигарету, незаметно проскользнул за угол дома и пошел к небольшому ручью. Где-то по соседству блеяла овца, воздух был невероятно свежим, тихонько журчал горный ручеек. Наступил Новый год, а потому у Флина осталось всего пять месяцев, за которые он должен был выполнить условия пари. Когда они втроем сидели на террасе рядом с «Атлантом» столько месяцев назад, он и представить не мог, что все так серьезно отнесутся к этому пари. В какой-то момент шутливый договор приобрел для них огромное значение, отчасти потому, что меж ними всегда было негласное состязание, а еще потому, что все они понимали — им в жизни просто необходимы перемены. Всем обитателям дома в Баронс-Курт хотелось продвинуться по жизни вперед, повзрослеть наконец. И Джорди этого добился: он с азартом занимался своей работой и по-настоящему любил Молли. И теперь, решил Флин, настал его черед.

Глава 21

Джессика начинает претворять в жизнь свой план

Джессика никак не могла принять решение: они с Томми в конце января должны были ехать кататься на лыжах вместе с Джимом и Кейти. Поездку заказали и оплатили вперед за несколько месяцев, но Джессике казалось, что ехать без Томми неправильно. Разве мало она уже натворила за спиной у бедняжки Томми? Да еще эта трагедия. Не будет ли эта поездка оскорблением его памяти с ее стороны? Джессика раздумывала, как бы она поступила, если бы Томми был жив. Или, может, он простил бы ее, и они все вместе отправились в поездку как друзья. Как бы там ни было, гадать бессмысленно, потому что Томми мертв. Джессика помнила, как он радовался, планируя это путешествие, но теперь для нее все это стало дополнительной головной болью. Проблема, во-первых, была в том, что Джим и Кейти очень хотели поехать, а во-вторых, все убеждали ее, что она обидит Томми, если не поедет. Никто не верил, что Томми вряд ли понравилось бы, если бы она поехала одна. Даже Люси сказала, что отказываться — невероятная глупость со стороны Джессики.

— Зачем налагать на себя епитимью? Знаю, тебе очень грустно, что Томми нет с нами, но, ей-богу, Джес, у тебя нет никаких, слышишь, абсолютно никаких причин чувствовать себя виноватой. Поезжай, покатайся на лыжах. Ты отлично проведешь время с Джимом и Кейти.

Джессика с сомнением посмотрела на подругу.

— В любом случае, — продолжала Люси, — глупо пропускать такие выходные. Всякое в жизни бывает — может, там ты с кем-нибудь познакомишься.

— Меня это не интересует. Я даже думать не могу о каких-либо отношениях. Я — угроза для мужчин, так что для всех будет лучше, если я пока дам обет безбрачия.

Но все же Джессика поехала. Ее друзья приложили массу сил, чтобы убедить ее. Да и тому же с приближением даты отъезда шансов найти ей замену оставалось все меньше и меньше. Так что когда в последний момент так никого и не нашлось, она поддалась увещаниям. «Эта поездка станет кошмарной, — думала Джессика, — и, наверное, это и будет для меня наказанием». Эту мысль ей подсказал Флин, и Джессика решила (к великому для себя облегчению), что он был прав. Вместо Томми согласился ехать Джош.

На четвертый день поездки Джессика поняла, что жутко устала. Они ехали до Вале Д'Изер на «гольф» Кейти. Казалось, что этой поездке не будет конца, хотя Джим гнал на скорости 100 миль в час почти всю дорогу. Джессика вжалась в заднее сиденье, ей совсем не нравились ночные переезды. Когда, наконец, они добрались до места, то сначала катались на лыжах как безумные и каждый вечер шли в какой-нибудь бар, где пили и танцевали до самого утра. Однажды, порядком захмелев, они со слезами на глазах помянули Томми — слава богу, что эту тему не стали развивать. Неудивительно, почему Джессика так устала. Взобравшись этим утром на гору во второй раз, Джессика решила взять тайм-аут и сказала, чтобы они продолжали кататься без нее.

— Ты уверена? Все в порядке? — спросил Джим.

Он пытался быть галантным, но ему явно не терпелось еще покататься.

— Все в порядке. Я просто хочу немного передохнуть и выпить чего-нибудь, — махнула ему рукой Джессика.

В баре было пусто, и Джессика устроилась за столиком на деревянной террасе с видом

на горы и белеющие от снега долины. С гор катались лыжники в ярких костюмах.

Джессика с наслаждением потянулась и закурила сигарету. Теперь с горы летело несколько сноубордистов, которые пытались перещеголять друг друга, с громкими криками выделявая разные трюки, пока не скрылись из виду. Усталость навалилась так внезапно, что Джессика была рада посидеть какое-то время спокойно. Было вовсе не холодно: ветра не было и ярко светило солнце, согревая своими лучиками ее лицо. Она раздумывала, как провести оставшуюся часть дня, а потом решила, что прокатится еще пару раз, а потом съест плотный ланч. «Это будет очень разумно, — думала она. — День тишины и покоя наедине с собственными мыслями». Да и вообще, ей не хотелось выходить на следующей неделе на работу в совершенно разбитом состоянии.

Пока Джессика потягивала глинтвейн и вела с собой внутренний диалог, за соседний столик уселась компания лыжников. Некоторое время спустя к ним подошел еще один мужчина и, обратившись к Джессике, спросил, можно ли взять свободный стул.

— Да, конечно, — улыбнулась ему Джессика, а про себя не могла не отметить, какой он симпатичный, но тут же саму себя обругала за то, какие грязные мысли закрались ей в голову.

Мужчина улыбнулся ей в ответ, а Джессика заметила, как в уголках его глаз появились морщинки-лучики. Когда он устроился за столом, Джессика сообразила, что все еще смотрит на его лицо. Она гадала, сколько ему может быть лет. «Чуть-чуть за тридцать», — решила она. Ей было интересно, о чем разговаривала компания за соседним столиком, но они сидели от нее слишком далеко. Тот мужчина что-то рассказывал, все весело смеялись. Джессика все еще смотрела на него, раздумывая, чем он занимается в жизни, и тут он внезапно обернулся и поймал ее взгляд. Она быстро опустила глаза. Ей было неудобно, что он ее поймал, но боковым зрением она видела, что он продолжает на нее смотреть.

Ее покой был нарушен, а потому Джессика решила побыстрее улизнуть и встретиться с друзьями внизу склона. Несколько секунд спустя, когда она огибала здание, она увидела, что тот мужчина перегнулся через перила и на что-то показывает рукой. Заметив Джессику, он помахал ей рукой. Джессика смутилась окончательно. Спуск был не из простых, и, проехав совсем немного, она неудачно развернулась, потеряла равновесие и кубарем полетела с горы. Остановившись наконец, Джессика обнаружила, что одна лыжа осталась на приличном от нее расстоянии.

— Черт, — громко выругалась она, отряхивая с одежды снег, а потом начала с усилием снимать оставшуюся лыжу. — Ну давай, глупая железяка, — ворчала она, пытаясь расстегнуть замок крепления.

Кто-то подошел к ней сзади и сказал:

— Не снимайте. Вот — кажется, это ваша.

— О, спасибо, — обрадовалась Джессика и повернулась, чтобы посмотреть, кто ее спаситель.

Сзади нее стоял тот самый мужчина, которого она видела на террасе.

— Не за что, — улыбнулся он, протягивая ей руку. — Просто ужасно, когда падаешь, а рядом нет никого, кто бы тебе помог.

— Да, а еще очень неловко, когда карабкаешься обратно по склону, а все так и смотрят на тебя, — сказала Джессика, улыбнувшись ему в ответ.

Мужчина рассмеялся:

— Мне это знакомо. Сколько раз я падал — и не сосчитать. С вами все в порядке,

кстати?

— О да, спасибо, я в порядке.

«А он довольно высокий, — невольно подумала Джессика, — а легкий загар придает ему здоровый и симпатичный вид».

— Слушайте, почему бы мне не скатиться по склону вместе с вами? — предложил он.

Джессика встала на лыжи. Он был с ней таким обходительным, а потому ей было неловко отказать ему.

— Было бы очень мило с вашей стороны, спасибо.

Незнакомец явно катался на лыжах очень хорошо, но терпеливо сопровождал вниз по склону Джессику, которая, мягко говоря, хорошей спортсменкой не была. У подножия он ей сказал:

— Вот и приехали. Кстати, меня зовут Титус.

— Спасибо, Титус. Я — Джессика.

Несколько секунд они стояли молча друг напротив друга. Никто не знал, что делать дальше. Джессика обвела взглядом склон — как назло, поблизости никого не было.

— Вы здесь с друзьями? — спросил Титус, посмотрев в ту же сторону, куда смотрела она.

— Да, я собиралась встретиться с ними наверху, но потом подумала, что они, должно быть, уже успели спуститься.

— Тогда давайте вернемся? — предложил он.

Джессике очень нравился его голос. Несомненно, это был голос приветливого и уверенного в себе человека. Сначала она подумала, что ей лучше оставаться на месте, но Титус был таким вежливым и очаровательным, что отказываться от его компании было бы грубо. В любом случае, что плохого в том, что они просто беседовали?

— Хорошо, — решила она. — Отлично.

Пока они стояли в очереди, а потом медленно поднимались в гору на подъемнике, Титус попросил ее рассказать о себе. Джессика непринужденно описывала ему, как она живет в Лондоне, как они добирались сюда с друзьями и почему она сидела на террасе одна. Единственное, что ее беспокоило, — как бы случайно не проговориться о Томми. В конце концов, это было ни к чему. Она не хотела никаких грустных тем. Титус внимательно ее слушал и, казалось, был искренне заинтересован ее болтовней.

— Господи, я ведь даже не спросила, чем вы занимаетесь, — смутилась она, когда они добрались до вершины.

— Кажется, я — ну, что-то вроде фермера, — усмехнулся он. — Правда-правда. У меня есть немного земли в Норфолке, а еще я присматриваю за гоночной трассой.

— Ух ты, — восхитилась Джессика. Она была под впечатлением. — А что за трасса?

— Для гоночных автомобилей. Она функционирует только летом, но мы там отлично проводим время, да и вообще — хорошее дополнение к фермерским заботам.

— Наверное, у вас очень интересная жизнь, — сказала Джессика.

— Думаю, да, — улыбнулся он ей. — Мне повезло, очень повезло.

— Ой, я вижу Джима с Джошем, — невольно вырвалось у Джессики.

— Что ж, приятно было с вами побеседовать, — вздохнул Титус. — Может быть, я угощу вас завтра ланчем? Если вы не против, конечно. Только ничего такого не подумайте.

Джессика почувствовала, как по спине и шее у нее побежали мурашки, когда она подумала о предстоящем ланче. Титус был очень красивым мужчиной.

— Я не против, — улыбнулась она. — Ничего «такого» я думать не стану, уверяю вас.

— Это еще кто? — спросил Джим, когда она подошла к ним.

— Не знаю, — соврала она. — Так, просто ехали вместе на подъемнике.

— Кажется, вы премило беседовали, — с некоторым подозрением проворчал Джим.

— Да, он очень приветливый, — невозмутимо сказала она. — Как покатались?

Джессика снова почувствовала себя виноватой. Какая она отвратительная! Титус был таким милым, таким галантным и... взрослым и уверенным в себе. Но ведь она только побеседовала с ним, и все, а на следующий день они просто проведут немного времени за ланчем. Она же не собирается заниматься с ним сексом. А после этого отпуска она, вероятно, никогда его больше не увидит. Кто посмеет сказать, что в этом есть что-то дурное? Но все же ей было стыдно — стыдно, что она стала меньше думать о Томми и что его место в ее мыслях занял землевладелец из Норфолка. Может, остальные вообще ничего не заметят? И пусть она чувствует себя лицемеркой и омерзительной распутницей, но это явно не помешает ей пропустить это свидание.

На следующий день Джессике удалось отделаться от друзей. Она сказала, что хочет провести еще одно спокойное утро, а потом присоединится к ним за ланчем в баре у подножия склона около двух часов. До этого она договорилась встретиться с Титусом в другом баре в полдень. Ее друзья были счастливы, потому что катались лучше, чем она. Джессика только мешала им кататься на сложных трассах, которые Джош просто обожал. К тому же Люси одобрила бы ее поступок — она же говорила, что Джессике надо познакомиться с каким-нибудь новым человеком.

На коротком свидании за ланчем Титус был само очарование. «Такой обходительный», — подумала Джессика. Он следил, чтобы ее бокал не оставался пустым и несколько раз спрашивал, достаточно ли всего на столе и не хочет ли она еще чего-нибудь. А еще он, как поняла Джессика, очень заинтересовался ею. За разговором Джессике удалось разузнать еще кое-что о нем. Ему было тридцать два года. После окончания университета он работал в Сити, но потом заболел его отец, и Титус решил уехать из Лондона в Сиринсестер на год, чтобы помочь отцу управлять фермой. Ему это дело очень понравилось, и теперь он ни за какие коврижки не собирался ехать обратно.

— Но я все же часто навещаю туда. Многие мои друзья живут вместе со мной, а работают в Лондоне. Если уж быть до конца откровенным, Джессика, — сказал он, пристально глядя на нее, — если посещать Лондон вот так, время от времени, то можно наслаждаться его прелестями и не уставать и не раздражаться от недостатков.

Джессика поинтересовалась, как поживает его отец.

— К несчастью, он умер. Для нас всех это был страшный удар, но так было лучше — он очень тяжело болел. Моя мать снова вышла замуж, что тоже замечательно. Они уехали из дома, но мы остались довольно близки. Поэтому теперь в доме остался один я.

Джессика чувствовала, что могла бы так проговорить с ним до самого вечера, но время шло, а ей нужно было идти на встречу с друзьями.

— Я прекрасно провела время, Титус, спасибо вам огромное за ланч, — улыбнулась она.

— Я тоже прекрасно провел время, — заверил ее Титус.

— Ну тогда, — сказала Джессика, — до свидания, и спасибо, что составили мне компанию.

Она чмокнула его в щеку.

— Может, я позвоню вам, когда в следующий раз приеду в Лондон? — с надеждой в

голосе спросил он.

— Да, конечно, звоните. — Вряд ли Джессике удалось скрыть свою радость.

Вообще-то, она сомневалась, что он позвонит. Но это, пожалуй, и к лучшему. Ничего не произошло, честь не пострадала. Но она не помнила, чтобы ей кто-то так сильно понравился, да еще и с первого взгляда. Может быть, спустя несколько месяцев, если они снова встретятся... эта мысль была просто мучительной.

«И вот отпуск пролетел, и я снова в Лондоне», — думала Джессика. О Титусе она уже почти не вспоминала. Более того, через несколько дней после возвращения все ее мысли были заняты хорошими новостями. Она как обычно пришла на работу, настроение было отвратительным. Взяв свою рабочую тележку, она устроилась рядом с длинным выпуклым аквариумом с тропическими рыбками. Через некоторое время легкой неторопливой походкой к Джессике подошел ее босс.

— Не хотите уступить мне место? — сказал он мужчине, который сидел рядом с ней.

— Ни за что, — буркнул младший менеджер по работе с клиентами, который тайно увлекся Джессикой, когда поступил к ним в компанию на работу.

— Привет, Дамиен, — нерешительно сказала Джессика.

Что бы это все значило?

— Привет, как продвигаются дела?

Джессика разрабатывала рекламную стратегию для нового шампуня.

— Кажется, хорошо, — доложила она. — Я очень довольна.

— Превосходно. — Дамиен задумчиво потер подбородок, потом изучающе посмотрел на Джессику и вдруг широко улыбнулся. — Время продвижения! — заговорщически шепнул он.

— Правда? — обрадовалась Джессика.

— Да, правда. Пойдем со мной. Я угощу тебя завтраком.

Наконец-то. Как здорово! И более того, место, которое ей предложили, было намного лучше того, о котором она все эти месяцы мечтала. Дамиен оценил, что Джессика не боялась более трудной работы, и был впечатлен ее недавним проектом. Попивая кофе и затягиваясь сигаретой, Джессика поняла, что ей предлагают намного более высокую зарплату и что она окажется на служебной лестнице выше Роба, на одной ступеньке с Ричардом Киблом.

— Ты у нас будешь основным игроком, Джессика. Мои поздравления.

Эта зима выдалась для нее самой трудной из всех, и вот наконец наметился сдвиг к лучшему. Джессика выполнила половину их пари и с новыми силами и страстью взялась за новую работу, так что положение жены фермера ее привлекало все меньше и меньше. Теперь на нее не действовало очарование лыжного курорта, когда она мечтала о солнце, зеленой травке и новорожденных ягнятах; ферма перестала быть чем-то романтическим и связывалась в ее воображении только с навозом и грязью. Да и кто захочет ходить по округе, вывозившись в грязи, когда можно носить гламурные, отлично сидящие костюмы и предлагать смелые рекламные идеи компаниям с мировым именем? Ким сказала ей то же самое, когда однажды вечером Джессика рассказала ей о своем увлечении Титусом.

— Честно говоря, даже представить себе не могу, как бы ты смотрелась на фоне сельского пейзажа рядом с этими деревенщинами, — презрительно ухмыльнулась Ким. — Только подумай, как ты станешь ошипывать птицу и нарожаешь кучу детей. Чудовищная

перспектива.

— А что если я буду фермерской женой, которая следит за модой? — робко возразила Джессика.

Ким долго и от всей души хохотала.

— Мне кажется, этот фермер тебе совершенно не подходит, — прямо сказала она.

Вечером по дороге домой Джессика пришла к выводу, что ее подруга, вероятно, права.

Так что она и думать забыла о Титусе, как вдруг однажды утром он позвонил.

— Титус, как здорово, что ты позвонил! — в восторге воскликнула Джессика, услышав его голос.

Он засмеялся и сказал:

— Ну, как поживаешь?

— Спасибо, хорошо. Когда ты собираешься приехать в Лондон?

— Честно говоря, — замялся Титус, — так вышло, что я уже здесь. У меня тут назначено несколько встреч. Ты сегодня вечером не занята? Может, сходим куда-нибудь?

Да, она была свободна. В последнее время Джессика так много работала, что уже и позабыла, когда ходила куда-нибудь с друзьями. Титус тут же предложил сводить ее куда-нибудь поужинать. Джессика разволновалась, особенно когда он попросил ее после работы не заезжать домой, а сразу встретиться с ним.

— Так у нас будет больше времени, чтобы пообщаться, — объяснил он.

Джессика никому, за исключением Ким, не рассказывала о Титусе, и теперь раздумывала, не было ли это ошибкой. Даже Люси не знала, хотя обычно Джессика всем обо всем рассказывала. Конечно, раньше времени что-то рассказывать не имело никакого смысла, но даже сейчас Джессика решила, что этот вечер будет ее маленькой тайной. Незачем усложнять себе жизнь — ведь если она расскажет все друзьям, то будет чувствовать себя виноватой перед Томми, особенно если ничего хорошего из этого свидания не выйдет.

Они договорились встретиться в маленьком баре у Лестер-сквер, а потом пойти поужинать в «Критерион». Удобно, что ей не придется долго идти пешком, потому что от Беркли-сквер до Лестер-сквер рукой подать. Интересно, они с такой же легкостью найдут, о чем говорить? И будет ли Титус таким же очаровательным и привлекательным, каким был во Франции? Джессика очень из-за всего этого переживала, хотя это были приятные переживания.

Он уже ждал ее. На нем был двубортный темно-синий пиджак в тонкую белую полоску и отличный галстук. Титус выглядел намного лучше, чем тогда во Франции. Джессика-то предполагала, что он наденет твидовые или вельветовые брюки и поношенный хлопковый свитер. Титус лучезарно ей улыбнулся и чмокнул в щеку, и после неловкой короткой паузы они с удовольствием начали общаться. Джессика рассказывала ему о себе. Он был очень рад, что она получила новую должность, а потом рассказал немного о жизни в Норфолке и о гоночной трассе. Джессика начала понимать масштабность и успешность обоих его предприятий. А когда он расплачивался за ужин, она не могла не заметить, что у него была золотая кредитная карта, которую он деликатно положил поверх счета. Джессике нравилась его скромность, в его уверенности в себе не было ни капли высокомерия или заносчивости. Титус был таким взрослым, и это Джессике очень привлекало. А потом она поняла, что именно этого недоставало всем ее предыдущим приятелям. Ей было с ними скучно, потому что они еще до конца не повзрослели.

Вечер был просто чудесным, о чем Джессика и сказала своему спутнику, несколько раз

поблагодарив за приглашение.

— Теперь мне, пожалуй, пора домой, — нерешительно сказала она, когда они вышли в прохладу ночного воздуха из душного ресторана. — Где ты остановился?

— О, совсем недалеко отсюда. — Титус махнул рукой в направлении парка Сент-Джеймс, не вдаваясь в лишние подробности. — Позволь, я поймаю тебе такси.

Такси появилось почти мгновенно, и Джессика забралась внутрь. Она поцеловала Титуса в щеку и попрощалась. Он, казалось, и не рассчитывал на большее, просто спокойно, с улыбкой помахал ей вслед рукой. Неужели она влюбилась? Джессика не была в этом уверена, но она не могла припомнить, чтобы до сих пор ей кто-нибудь нравился так сильно. Ее привлекала немного старомодная обходительность Титуса, вежливость, с которой он с ней прощался, и полное отсутствие хвастовства и тщеславия. «Но как же Томми?» — подумала она, кусая нижнюю губу, когда такси медленно, но уверенно подъезжало к Баронс-Курт. Разве это не омерзительно с ее стороны, что Джессика увлеклась другим так скоро после смерти Томми? Затруднительное положение. Вероятно, Титус ей снова позвонит и примет решение за нее. Как Джессика успела понять, у него не было подруги, но неужели он всерьез заинтересовался ею? И если она все же начнет с ним встречаться, как все это будет? Он ведь в Норфолке, а она в Лондоне, да еще на новой должности. Она вспомнила категоричные слова Ким и решила, что это было не совсем справедливо. Вся эта ситуация слишком сложна. Нужно просто подождать, а там, глядишь, само собой все и решится.

Титус снова позвонил через два дня и пригласил Джессику в гости в Норфолк в предстоящие выходные.

— С удовольствием! — не раздумывая, воскликнула Джессика, но потом с сожалением вспомнила, что на эти выходные намечена вечеринка по случаю дня рождения Флина. — Но на этих выходных я не смогу.

— Хорошо, тогда в следующий уикенд.

— Отлично! Кто еще приедет? — спросила Джессика.

— Вообще-то, я больше никого не собирался приглашать. Это тебя не смущает?

— Нет, — решительно заявила она. — Нет, это просто замечательно. Жду встречи с нетерпением.

Когда Джессика положила трубку, то почувствовала, как возбуждена. Вот и решение, на которое она рассчитывала. Это приглашение было явной прелюдией к тому, чтобы предложить ей начать встречаться, и она вдруг поняла, что никакое чувство вины не остановит ее. Но ведь ждать придется почти две недели! Целую вечность. Но Флина она обидеть не могла. Не в силах терпеть, Джессика тут же позвонила Люси и во всем ей созналась.

— Как здорово! — порадовалась за нее Люси. — Ну вот, наконец ты и встретила богача с огромным загородным имением!

— Не думаю, чтобы имение у него было таким уж огромным, — смутилась Джессика.

— Могу поспорить, что не маленькое, — парировала Люси. — Поместье в шесть тысяч акров — это тебе не скромная семейная ферма, к тому же, у него есть своя гоночная трасса и золотая кредитная карта.

— Так ты думаешь, что шесть тысяч акров — это большое поместье? Меня, честно говоря, не слишком это впечатлило. Я решила, что поместье как поместье, самое обычное. Понятия не имею, что такое акр.

— Просто поверь мне на слово, это очень большая ферма. Честное слово, Джес, уверяю

тебя, он наверняка баснословно богат.

— Как здорово, — хихикнула Джессика, а потом добавила: — Но только не забывай, что он мне понравился до того, как я узнала о его богатстве, так что у тебя нет причин обвинять меня в корысти.

— Я и не собиралась, — рассмеялась Люси.

— Признаться, я не буду жаловаться, если окажется, что он на самом деле богат, — лукаво добавила Джессика.

Они снова рассмеялись, а потом Люси сказала:

— Думаю, ты поступаешь правильно. Самое время изменить свою жизнь.

— Да, знаю, Люси. И я не собираюсь по этому поводу чувствовать себя виноватой.

Глава 22

Сюрприз ко дню рождения

Вечером за ужином Джессика рассказала Флину и Джорди с Молли обо всем. Как они с Титусом познакомились во Франции, как ужинали вместе и как он пригласил ее к себе за город.

— А он не слишком старый? — проворчал Флин.

— Нет, наоборот, — загорелась Молли. — Мне кажется, это как раз то, что нужно.

— Я спрошу прямо, — заявил Флин, тыча своей вилкой в сторону Джессики. — Тебе он понравился до того, как ты узнала, что он состоятельный помещик?

— Да, но на самом деле я до сих пор не уверена, так ли он богат. Может быть, он помещик-банкрот, — пожалала плечами Джессика.

— Ладно, — прищурился Флин. — А если он окажется бедным? Тебе он все равно будет так сильно нравиться?

— Конечно. Хотя, должна признаться, было бы чудесно, если бы он оказался состоятельным — тогда он смог бы меня возить куда-нибудь в отпуск и водить в рестораны.

— Да, для меня это проблематично, — вздохнул Флин. — Что и требовалось доказать. Девушки предпочитают богатых мужчин. Надо бы мне стать владельцем банка.

— Ой, Флин, прекрати пороть чушь, — рассердилась Джессика. — Я пошутила. Честное слово, надоело уже слушать твое нытье, какой ты бедненький и как тебе себя жалко. — Она резко встала и ушла на кухню.

— Она права, Флин, — заметил Джорди. — Взбодрись, гляди на жизнь веселее.

— Ага, вам легко так говорить, не правда ли? — со злостью бросил Флин. — Вы же такие, блин, обеспеченные, вам так везет. И когда только удача повернется ко мне лицом? Ты выполнил условия нашего пари. И, кажется, Джессика тоже. А я ни на йоту не продвинулся. Признаться, мне кажется, что я имею полное право себя жалеть. В конце концов, один из моих лучших друзей погиб, какая-то глупая девка дала мне отставку, а все вокруг такие счастливые и влюбленные, что смотреть противно.

— Все будет в порядке. Скоро и у тебя жизнь наладится, — неуверенно пробормотал Джорди.

— Да-да, знаю, — немного поостыв, вздохнув Флин. — Слушайте, извините, я не хотел всего этого говорить. И я рад, что у вас все так хорошо складывается, честное слово, очень рад. Я только... ну, моя жизнь — полное дерьмо.

— Флин, дорогой, тебе надо передохнуть, — вернувшись в комнату, ласково сказала Джессика. — Почему бы тебе не съездить куда-нибудь на недельку побездельничать. Восстановишь силы и с новой энергией возьмешься за дело.

— Может быть, — угрюмо буркнул Флин.

Он надеялся, что отдохнет в Шотландии, но ничего не вышло.

— Это отличный план, — заверила его Молли. — Слишком уж затянулась твоя черная полоса. Ходишь, как в воду опущенный. И где, спрашивается, тот весельчак Флин, которого мы все знаем и любим.

У Джессики и Джорди был другой план, как поднять настроение своему другу. Они решили устроить большую вечеринку на его день рождения, который в этом году выпадал на

субботу, что было очень удобно. Они понимали, что просто обязаны что-то предпринять, чтобы приободрить Флина. Все планы держались в строжайшем секрете от виновника торжества. В любом случае, как заметила Джессика, они ведь так и не устроили вечеринку по поводу новоселья. Они с Джорди вели бесконечные споры, как все организовать наилучшим образом. Стоит ли затевать тематическую вечеринку? Как уговорить Флина уйти на целый день из дома? Сколько людей приглашать? В конце концов, они решили устроить «вечеринку Джеймса Бонда». Флин обожал фильмы про непобедимого агента 007. Они купят мартини, да и маскарадные костюмы будет легко достать. Джессика попросила друзей с работы напечатать приглашения, на которых к туловищу Роджера Мура была приделана голова Флина, а потом они разослали приглашения всем, кого только знали.

— Я хочу, чтобы это была по-настоящему грандиозная вечеринка, — возбужденно потирал руки Джорди.

— Да, тем более мы всех приглашаем заранее, — заметила Джессика. — Так что отвертеться никому не удастся.

До дня рождения Флина оставалось шесть недель. Джорди удалось достать два билета на международный матч по регби в Туикнеме, чтобы Флин ни о чем не догадался и дал им спокойно подготовиться к вечеринке.

План отлично сработал. Флин был в восторге от подарка Джорди.

— Только я должен предупредить тебя, что матч состоится как раз в день твоего рождения, — уточнил Джорди. — Так что придется тебе отменить все остальные планы.

— Как будто у меня есть какие-то планы, — саркастически скривился Флин. — Разве что отправиться к родителям и провести весь день с ними.

Флин очень радовался тому, что Джорди помнил о его дне рождения. Обычно они просто покупали друг другу кружку-другую пива, так что теперь Флин забеспокоился, что Джорди будет ждать от него такого же щедрого подарка на собственный рождения.

— По правде сказать, я получил эти билеты на работе, — солгал Джорди, понимая, о чем раздумывал Флин. К тому же он не хотел, чтобы Флин заподозрил в этом что-то неладное (они были знакомы уже двадцать лет и никогда не делали каких-то подарков друг другу). — Да и вообще, Молли не большая поклонница регби, поэтому я подумал, что мы вдвоем отлично проведем время.

Джорди очень не хотел, чтобы Флин подумал, что друг дарит ему подарок из жалости, хотя так на самом деле и было.

— Просто здорово. Спасибо, старина. Жду не дождусь, — искренне поблагодарил Флин.

Пока Джорди с Флином были на матче, Молли и Джессика готовили дом к встрече гостей. По стенам они развесили плакаты с Джеймсом Бондом, а в коридоре поставили фигуру Шона Коннери в натуральную величину, которую одолжили в одном из кинотеатров Сохо; под потолком и по углам повесили воздушные шары. Джессика купила диски с музыкой из фильмов о Джеймсе Бонде, а потом они приготовили закуски и большущий чан с пуншем с мартини, во весь голос распевая «Человек с золотым пистолетом».

Джессика с Джорди понимали, что большинство друзей придут довольно поздно, но сделали все для того, чтобы к приходу Флина в доме уже были главные гости. Пропустив по паре кружек после матча, Джорди с Флином вернулись домой, где их уже поджидали Джош, Молли, Эдди с Викторией, Саймон и Софи, Джим и Кейти, Люси, Сэм и Уилл. Из каждого угла на них смотрел Джеймс Бонд.

— С днем рождения, дорогой! — Джессика, радостно улыбаясь, подскочила к Флину и от всей души обняла его.

— О боже, — выдохнул Флин. — С ума сойти, я и подумать не мог!

— Да, нелегко нам пришлось, как сам понимаешь, — засмеялся Джорди, протягивая другу большой бокал мартини. — Если бы только ты знал, как мне не терпелось тебе рассказать!

Флин был тронут до глубины души. Какие же у него замечательные друзья! Как он счастлив! Сколько же им труда стоило, чтобы все это организовать — сначала матч по регби, а потом вечеринку, и все ради него. Флину стало стыдно: он не заслуживал таких хороших друзей и вел себя глупо, брызжа по пустякам.

Сэм даже испекла для него торт, и все хором спели поздравительную песенку, а потом разрезали торт на кусочки и побыстрее съели, пока не набежало много народу.

— Кажется, все отлично получилось, как думаешь? — спросил Джорди Джессику.

— Определенно, я собой очень довольна. Флин! — закричала она через всю комнату, махая рукой.

— Да, дорогая, — сияя, откликнулся тот.

— Флин, любовь моя, походи надень свой смокинг. Это тематическая вечеринка, а потому ты у нас сегодня будешь Бондом.

Джессика повела его на кухню и вручила ему подарок — игрушечную модель «вальтера-ППК».

— Отличное дополнение к костюму, — заявила она.

К полуночи вечеринка была в самом разгаре. Музыка из фильмов о Бонде была позабыта, а Джош, назначив самого себя диджеем и просмотрев коллекцию дисков Джорди, стал включать музыку, под которую все могли вдоволь потанцевать. Флин был в самом центре комнаты и без усталости танцевал то с Джессикой, то с Люси.

Джорди сидел на ступеньках лестницы и болтал с Джимом.

— Здорово снова видеть прежнего Флина, — улыбнулся Джим, глядя, как веселится и танцует посреди комнаты виновник торжества.

— Надеюсь, это надолго. В последнее время на него смотреть было жалко.

— Да уж, признаться, никогда я его таким угрюмым не видел. Мне казалось, он из тех людей, которые никогда не унывают.

— Ну, просто все на него как-то сразу навалилось. Да еще и эта трагедия с Томми.

Джорди замолчал. Это была первая большая вечеринка с того самого времени, когда погиб Томми, а потому казалось странным, что их друга не было рядом.

Джим молча отхлебнул из своего бокала.

— Мне кажется, он просто куда-то уехал или его отправили в командировку за границу, — признался Джорди.

— Да, только вот оттуда он уже не вернется, и открыток мы от него не получим, — вздохнул Джим. — Я тоже все никак не могу смириться. После этого случая я пересмотрел свое отношение к жизни.

— Что ты имеешь в виду?

— Я понял, что надо жить полной жизнью, не упускать свой шанс. Конечно, это звучит банально, но никогда не знаешь, что ждет тебя за поворотом, так ведь?

С этими словами Джим встал и пошел налить себе еще пунша. Джорди поискал глазами Молли. С ней танцевал Флин, но на этот раз Джорди не ревновал. Ему нравилось, что они с

Флином так подружились. Молли заметила, что Джорди смотрит на нее, улыбнулась и подошла к нему.

— Пойдем со мной, — шепнул Джорди, взял ее за руку и повел наверх в свою комнату.

Усадив ее на свою кровать, он пристально на нее посмотрел.

— Джорди, в чем дело? — рассмеялась Молли. — Ты такой таинственный!

— Выходи за меня.

Как легко оказалось произнести эти слова.

— Что ты сказал?

— Выходи за меня, — повторил Джорди. — Молли, ты выйдешь за меня замуж?

Молли подняла на него глаза и, счастливо улыбаясь, поцеловала его:

— Да, выйду, Джорди.

Вообще-то Джорди не собирался делать ей предложение так скоро. И только в самый последний момент решился. В последнее время он много думал об этом. Разговор с Эдди, когда они были в Шотландии, придал ему решительности, но все же он сомневался, что ему хватит мужества, чтобы произнести эти волшебные слова. Но потом, внезапно, сидя на ступеньках и болтая с Джимом, он понял, что просто обязан решиться. Простые слова Джима заставили его задуматься. Джорди души не чаял в Молли, она была девушкой его мечты, и он понимал, что никогда не захочет быть рядом с каким-то другим человеком. Так что же его тогда останавливает? Ничего. И как изменится теперь его жизнь, когда он произнес всего несколько слов! Они целовали и обнимали друг друга, а потом начали смеяться от нервного возбуждения.

— И что будем делать? — спросила Молли.

— Не знаю. Надо всем сказать о нашем решении, да? Я вряд ли смогу держать это в секрете.

Молли снова рассмеялась.

— Не могу поверить. Я так счастлива, просто ужасно счастлива! Пошли, расскажем им, — воскликнула она, подпрыгивая на месте. — Но тогда завтра мы должны напрямик отправиться к моим родителям.

— Ты серьезно? — обнимая ее, спросил Джорди.

— Конечно!

Спустившись по лестнице в гостиную, Джорди обнаружил, что никак не может согнать с лица улыбку. Крепко сжимая руку Молли, он подвел девушку к Флину и тронул друга за плечо.

— Флин, — торжественно начал Джорди, — мы с Молли решили пожениться.

Флин переменялся в лице и уставился на них, словно они были призраками. Но тут же, быстро собравшись с чувствами, еле заметно улыбнулся.

— Ну, старина, — сказал он, а потом добавил: — Мои поздравления.

Молли подошла к Флину и тоже положила руку ему на плечо.

— Ты рад? — нервно спросила она.

— Я в восторге, просто в восторге, — признался Флин. Он расчувствовался и боялся расплакаться. — Ты самое лучшее, что когда-либо происходило с Джорди. Ему очень и очень повезло.

— Спасибо, Флин, очень мило с твоей стороны. Такие теплые слова, — сказала Молли и чмокнула его в щеку.

В ее глазах заблестели слезинки.

Через минуту новость облетела всех собравшихся. Они хлопали в ладоши и поздравляли Молли и Джорди, а Флин поднялся к себе в комнату. Ему нужно было пару минут побыть одному, чтобы понять, какие последствия вызовет сногшибательная новость Джорди. Во-первых, он выполнил их договор. А во-вторых, их помолвка с Молли означала, что они больше не будут жить одним домом с Флином. У его друга детства начиналась новая самостоятельная жизнь. Флин отчаянно хотел радоваться за Джорди и понимал, что тот поступил правильно, но все же не мог не чувствовать себя брошенным, забытым. В жизни все слишком быстро менялось, и это его пугало.

К нему в комнату вошел Джорди:

— С тобой все в порядке?

— Конечно, — улыбнулся Флин. — Я просто немного пьян и ошарашен.

Джорди сел рядом с ним на кровать, а Флин продолжил:

— Но я уверен, что ты поступил правильно. Молли — отличная девушка.

— Будешь моим шафером? — спросил Джорди.

— С радостью, старина.

— Спасибо, Флин. Не переживай, пока мало что изменится. И обещаю тебе, ты всегда останешься моим самым лучшим другом, — сентиментально добавил Джорди, что стоило ему немалых сил.

— Знаю, — сказал Флин. Но теперь вряд ли все будет так, как прежде.

На следующий день, все еще не веря тому, что они помолвлены, Молли и Джорди направились в Чешир домой к семейству Дугитов.

— Только, чур, ты им рассказываешь, дорогой, — решительно сказала Молли.

— Хорошо, — согласился Джорди. — Но, как ты думаешь, может, сначала мне попросить твоей руки у отца? Или сразу всем рассказать?

— Боже, я не знаю, — занервничала Молли. Она была явно взволнована. — Думаю, спрости сначала папу, ему нравится, когда люди ведут себя как полагается. — Она неуверенно взглянула на своего суженого и закусила губу.

— Отлично, — решительно заявил Джорди. — Улучу минутку и попрошу его разрешения.

Чем ближе они подъезжали к Чеширу, тем больше нервничали.

— Я чертовски волнуюсь, — признался Джорди, когда до дома Дугитов оставалось миль десять. — Как думаешь, твой отец не выставит меня за дверь?

— Не знаю, дорогой, — вздохнула Молли. — Я понятия не имею, как он отреагирует.

Они заранее позвонили и предупредили, что приедут к ланчу. По крайней мере, родители Молли ждали их. Но оба очень волновались, когда, наконец, подъехали к дому и переступили его порог.

Вышла мать Молли, чтобы поприветствовать их.

— Какая приятная неожиданность, что вы решили приехать.

— Где папа? — спросила Молли.

— Его нет дома, он играет в гольф, но скоро должен прийти, — объяснила миссис Дугит и повела их на кухню.

Молли удрученно нахмурилась.

Джорди чувствовал, как от волнения у него сводит мышцы живота. Час, пока они ждали возвращения отца Молли, показался Джорди самым долгим в его жизни. Они старался

выглядеть заинтересованным и расспрашивал, как Дугиты провели Новый год.

— Как-то ты устало выглядишь, Джорди, — вдруг заметила миссис Дугит.

— Извините, — сказал он. — Я действительно не успел еще отдохнуть после вчерашних событий.

— Да и вообще, до вас долго ехать, мама, — добавила Молли.

Наконец входная дверь отворилась, и они услышали, как мистер Дугит поставил на пол сумку с принадлежностями для гольфа.

— Привет, папа! — прощепетала Молли, выбегая в прихожую, чтобы поприветствовать отца.

— Здравствуй! — угрюмо буркнул тот, а потом добавил. — Еще никогда я с таким позором не проигрывал.

— О, просто удача была не на вашей стороне, — вставил Джорди и тут же пожалел об этом.

Мистер Дугит с подозрением посмотрел на него, а потом проворчал:

— Я пойду переоденусь и через минуту спущусь.

Напряжение стало невыносимым. И зачем он только полез в разговор с отцом Молли! Но потом Джорди заставил себя успокоиться и стал ждать удачного момента для разговора. Только вот мистер Дугит не в духе, и это плохое начало.

Через несколько минут мистер Дугит вернулся в гостиную, сделал себе коктейль, потом спросил, не хочет ли кто-нибудь выпить вместе с ним. Когда он наконец сел за стол, повисла неловкая пауза, и Джорди с волнением посмотрел на Молли.

— Прошу прощения, мне надо на кухню, — неожиданно произнесла мать Молли.

— Я помогу тебе, — вскочила Молли, украдкой взглянув на Джорди.

— Не нужно, — махнула рукой миссис Дугит.

— Нет, я настаиваю, — возразила Молли и вышла из комнаты вслед за матерью.

Сердце Джорди заколотилось как бешеное.

Мистер Дугит огляделся по сторонам, а потом нерешительно поинтересовался:

— Ну, молодой человек, как съездили в Шотландию?

— Превосходно, — сказал Джорди. — Очень хорошо провели время. Хм, мистер Дугит, я бы... ну, я бы хотел сказать вам кое-что.

Мистер Дугит поправил очки и сел в кресло.

— Я слушаю, — произнес он, машинально взяв газету.

— Это касается меня и Молли, — продолжал Джорди.

— Да-да, — сказал мистер Дугит, отложил газету и посмотрел молодому человеку прямо в глаза.

— Дело в том, что мы собираемся пожениться.

Какое-то время мистер Дугит сидел неподвижно и смотрел на Джорди, а потом почесал в затылке.

— Мистер Дугит?

— Я Понял, — наконец сказал тот и закричал: — Молли! Сьюзен!

Молли и ее мать влетели в комнату.

— Что случилось, дорогой? — спросила миссис Дугит своего мужа.

— Молли и Джорди помолвлены, — как бы между прочим сказал он.

Миссис Дугит прижала руки ко рту. Она была ошеломлена.

— Ты этого действительно хочешь, дорогая? — Она повернулась к дочери, вытирая

непрощенные слезы.

— Да, мама, — призналась Молли, и ее глаза тоже заблестели.

— Это так неожиданно, — вздохнула миссис Дугит, протягивая руки, чтобы обнять свою дочь.

Джорди хотелось умереть. Никогда еще в жизни он не попадал в такое щекотливое положение. Он не знал, что сказать и куда смотреть, и просто глупо улыбался. Да и что он мог поделать?

— Я не против, — наконец смилостивился мистер Дугит, а потом, повернувшись к Джорди, добавил: — Но смотри мне, заботься о ней как следует, иначе придется иметь дело со мной.

— Могу вам это обещать, — выпалил Джорди.

Он хотел назвать будущего тестя «сэр», пожать ему руку, но вместо этого замер с глупым видом, не в силах двинуться с места.

— Ой, папа, ну порадуйся за нас! — воскликнула Молли. — Джорди сделал меня самым счастливым человеком на Земле, и поверь мне, мы ни в коем случае не торопим события. Но сейчас нам очень-очень важно получить твое благословение.

— Считайте, что получили, — улыбнулся мистер Дугит. — Но нечего удивляться, что мы с мамой так поражены. Мы видим этого молодого человека во второй раз в жизни, и вдруг вы заявляете, что помолвлены. Постарайся встать на наше место, Молли.

— О, мы очень рады, дорогая, — заторопилась миссис Дугит, снова обнимая дочь. — Но нам нужно время, чтобы свыкнуться с этой новостью. Понимаете, Джорди?

— Безусловно, — согласился Джорди, по-прежнему глупо улыбаясь. — Ясно как день.

— Ну, тогда добро пожаловать в нашу семью, Джорди, — улыбнулась сквозь слезы мать Молли, обнимая своего будущего зятя.

— Спасибо, миссис Дугит, — произнес Джорди.

Время за ланчем тянулось мучительно, но, хотя мистер Дугит не произнес и двух слов, мать Молли, казалось, была очень рада. Подав на стол пудинг, она с восторгом расспрашивала, когда они планируют пожениться, в какой церкви пройдет церемония, и будут ли они размещать объявление в газете «Телеграф». Молли и Джорди несколько успокоились, что миссис Дугит с таким восторгом приняла новость, и легко согласились на все ее предложения. Наконец настало время прощаться.

— Слава богу, все закончилось, — вздохнул Джорди, когда они отъезжали от дома.

— Просто кошмар какой-то, — призналась Молли. — Но воспринимай это как испытание любви ко мне.

— И я прошел это испытание с блеском, — похвастался Джорди.

— В этом году нас ждет много перемен, дорогой, — предупредила Молли.

— Знаю. Как думаешь, твои родители не против?

— Мама уже согласна, — заверила его Молли. — А на папу не обращай внимания. С ним не будет проблем.

Джорди решил не беспокоиться. У них будет чудесная жизнь, да и разве Дугиты не благословили их? «Моя мама наверняка будет в восторге», — с удовлетворением подумал Джорди, когда они выехали на автостраду.

В пятницу Джессика села на поезд на станции Ливерпуль-стрит и отправилась в путешествие в новую жизнь. На улице было еще светло. В воздухе чувствовалась весна, дни становились все длиннее. А скоро должно было наступить лето. Известие о помолвке Джорди застало Джессику врасплох, она была ошеломлена. Грядущая дата годовщины их пари, 24 мая, стала для нее еще более важным событием. И не только потому, что они должны были подвести итоги договора, им предстояло еще и освободить дом в Баронс-Курт. По крайней мере, Джессика выполнила половину пари. И, возможно, к концу выходных ей удастся выполнить вторую половину. От нервного напряжения и щемящего предчувствия восторга она вздрогнула. Что ее ждало в конце этого путешествия, она не знала. Получится ли у них что-нибудь с Титусом или они останутся просто друзьями? А может, он просто пытается заманить ее к себе в логово? Или он на самом деле такой скромный и добрый, каким казался? Джессика пыталась представить себе его ферму: дорожки, выложенные плитняком, сеновал и постоянный запах животных. На самом деле, она понятия не имела и не могла даже вообразить, как выглядит его дом. Вдруг Джессика не на шутку разволновалась. Куда ее понесло? Она едва знакома с этим мужчиной и приняла приглашение провести целые выходные с ним наедине, в доме, который она раньше никогда не видела. Они даже не целовались! А поезд все несся, его колеса стучали по рельсам. На коленях Джессики лежала книга, которую она так и не открыла... Поезд мчал ее навстречу ее судьбе мимо Бишопс-Стортфорда, Одли-Энда и Кембриджа.

Титус стоял на платформе в Кингс-Лин, с нетерпением поджидая гостью. В руках он сжимал огромный букет цветов. Когда Джессика увидела его из окна поезда, все ее опасения улетучились, а напряжение уступило место приятным предчувствиям. Впереди у нее были блаженные выходные за городом.

— А вот и ты, — произнес Титус, подбегая к Джессике, чтобы взять у нее сумку.

Потом он поцеловал ее. На этот раз в губы.

— Я боялся, что ты можешь в последнюю минуту передумать и решить, что выходные с человеком, которого ты видела всего два раза в жизни, будут слишком большим риском.

— Нет, я не передумала бы и за миллион, — улыбнулась ему Джессика.

Титус подвел ее к своему «рэндж-роверу», который казался просто роскошным по сравнению с «гольфом» Джессики.

— О, какая хорошая машина, — восхитилась она, когда Титус аккуратно вырулил на дорогу.

— Да, эти машины просто великолепны, только вот очень много бензина потребляют, — ответил он, а потом добавил: — Мы поужинаем дома, если не возражаешь. Надеюсь, тебе понравится моя стряпня.

— Отлично. Далеко ехать?

— Нет. Двадцать минут, может, чуть больше.

Джессика посмотрела на кассеты, которые валялись в машине, и вдруг поняла, что понятия не имеет, что он слушает. «Блер», Боуи, Малер, Финли Куэй. «Ему нравится разная музыка», — не без удовольствия отметила Джессика.

— Не терпится увидеть твой дом, Титус, — сказала она. — Я пыталась представить его

себе, но уверена, что не угадала.

Титус рассмеялся:

— Расскажи, как ты его себе представляла.

Джессика рассказала, а он снова рассмеялся.

— Ну, — потребовала ответа Джессика. — Я угадала? Или нет?

— Скорее, нет. Но, надеюсь, тебе понравится. Завтра я покажу тебе все свои владения.

Через некоторое время Титус свернул с главного шоссе, и они поехали по проселочной дороге, вдоль которой росли деревья и стояла кованая железная изгородь. Джессика видела только маленький участок, который высвечивали фары автомобиля. Вскоре они выехали на открытую, выложенную булыжником площадку, рядом с которой стоял дом. Он был выкрашен белой краской и украшен большой парадной дверью, портиком и большими изящными окнами. Здание оказалось гораздо больше, чем представлялось Джессике. С одной стороны дома было пристроено множество небольших хозяйственных помещений, сараев и конюшня. Джессика слышала, как взволнованно лаяли собаки.

— Ты здесь живешь?! — не удержалась Джессика.

— Да, — скромно ответил Титус.

— Но, Титус, дом слишком большой для одного человека! — воскликнула она, когда они вошли внутрь.

Она вспомнила свой дом на Тернвилл-роуд. Каким крошечным казался он по сравнению с этим особняком!

Поставив сумку на пол в прихожей, Титус повел гостью на кухню. Когда он открыл дверь, из кухни выскочили два далматинца. Они виляли хвостами и вились вокруг хозяина. Как они радовались его возвращению!

— Какие красивые, — улыбнулась Джессика. — Как их зовут?

— Тот, у которого на глазу черное пятнышко, — Нельсон, а второй — Харди, — сказал Титус, поглаживая своих псов.

— Ага, а это, кажется, ужин, — принялась Джессика, когда они вошли в кухню, которая располагалась во флигеле.

Титус улыбнулся и подошел к плите, чтобы проверить, готово ли блюдо.

— Выглядит неплохо, — объявил он. — Не хочешь пока сходить на небольшую экскурсию по моему царству?

Джессика была в восторге. Красивый дом, в котором было множество красивых вещей: прекрасная мебель искусной работы и роскошные пейзажи старых мастеров. Гостиная была большой и уютной, с огромными двустворчатыми окнами, выходящими в сад. Столовая была выдержана в более строгом стиле. В доме также имелась бильярдная, на стенах которой были развешены фотографии Титуса и его отца в составе различных университетских команд по регби, футболу и крикету.

— Ты совсем не изменился, — заявила Джессика, рассматривая одну из фотографий.

— Знаю. Я большую часть времени чувствую себя так, словно мне все еще пятнадцать.

Титус было направился к парадной лестнице, но Джессика остановила его:

— Думаю, второй этаж может и подождать.

— Ладно, но тогда позволь я покажу тебе винный погреб, — улыбнулся хозяин дома.

В погребе было сыро и прохладно. Как раз то, что нужно для вина.

— Боже мой, вы только посмотрите! — воскликнула Джессика.

— Это собрал мой отец, но, честно признаться, я практически не пью, когда остаюсь

один, — скромно заметил Титус.

— Никогда не видела так много вина! — Джессика открыла рот от восторга.

Она и представить себе не могла такого изобилия, а потому вся окружающая обстановка казалась ей нереальной.

— Давай возьмем с собой несколько штук, — предложил Титус и прихватил с полок три пыльные бутылки.

За ужином Джессика забросана его вопросами. Нельсон и Харди терпеливо лежали возле плиты. Гостья рассказала Титусу очень многое о себе и теперь захотела узнать побольше о нем. Она попросила его рассказать об отце, об истории дома и о том, каково это, расти в таком месте. Она с удовольствием ела и внимательно слушала. Дом был построен в восемнадцатом веке на месте прежнего, еще более старого помещения. Этот дом и конюшня были остатками нормандских владений. Титус вспомнил историю, как во время войны, когда его отец был мальчишкой, в поле за домом разорвалась немецкая бомба. А потом он рассказал, как рос в этом доме вместе с двумя своими сестрами, и как здорово было беззаботно носиться по саду, лазать по разным сараям и конюшне.

— Какая у вас была счастливая семья, и вот теперь ты тут остался один, — с грустью заметила Джессика.

— Но, надеюсь, однажды я обзаведусь своей собственной семьей, — подмигнул ей Титус.

Старшую его сестру звали Сара, а младшую — Корделия. Они обе уже были замужем, хотя Сара все еще жила неподалеку от дома.

— Я часто вижусь с ней и с мамой. Знаешь, забавно: когда я окончил университет, то ни за какие сокровища не хотел сюда возвращаться. Я хотел быть абсолютно независимым, вот почему направился в Сити. Но теперь, — он огляделся, — теперь я ни за что не поеду в другое место. Мне здесь очень нравится. Это стало частью моей жизни.

Джессика не могла не признать, что это великолепное и очень романтическое место. Они сидели в большой, красивой кухне, вокруг дышал огромный старинный дом. Джессика чувствовала, что стана чуточку ближе к Титусу; их отношения изменились. Может, со стороны это было незаметно, но они оба это прекрасно понимали.

Какое-то время спустя они стали подниматься по лестнице. Титус нес ее сумку. На лестничной площадке он остановился и негромко произнес:

— Джессика, большое спасибо, что приехала.

Она знала, что этот момент наступит. Улыбаясь, она поцеловала Титуса. Он уронил сумку на пол и обнял Джессику. Ее сердце затрепетало. Ей хотелось, чтобы эти выходные длились целую вечность.

Той ночью они не занимались любовью. Титус целовал Джессику, ей это очень нравилось, но потом они просто уснули, обнявшись. Когда Джессика проснулась, Титуса рядом не было, а потому она могла как следует осмотреться. Она и представить себе не могла, что спальня может быть такой огромной. В противоположном конце комнаты было окно с широким подоконником. Обнаженная, она выбралась из кровати, подошла к окну и отдернула шторы. Окно выходило в сад. За садом простирались поля, а на горизонте виднелось мерцающее в лучах весеннего солнца море. Она понятия не имела, что оно так близко. Титус рассказывал, как в детстве они ездили на побережье, но он не упоминал, что море находилось чуть ли не на заднем дворе. Вид был захватывающим, и Джессика застыла на какое-то время, глаза на весенний пейзаж, открывшийся ее взору.

В воскресенье вечером ей очень не хотелось уезжать. Когда Титус махал ей на прощание рукой на платформе в Кингс-Лин, ей вдруг показалось, что следующей встречи с ним ей придется ждать целую вечность. Джессика призналась самой себе, что могла бы остаться в этом поместье навечно. Лондон встретил ее грязными и переполненными улицами. Он казался настоящим адом. А в Норфолке было там много пространства, такой чистый воздух. Джессике предстояло провести сорок пять минут в метро, в котором было невыносимо душно. Она решила сосредоточиться на воспоминаниях о том приятном времени, которое они провели с Титусом за городом.

На этих выходных они впервые занимались любовью. Тогда, свежий после утренней пробежки, Титус вошел в комнату, быстро разделся и без слов заключил ее в объятия. Джессика была желанной в его огромной комнате, в его огромной постели. От долгих прелюдий она вся дрожала. Так счастлива она еще никогда не была. Когда в очередной раз они без сил лежали на кровати, она подумала, что это был самый лучший секс в ее жизни. Потом Титус показал ей оставшуюся часть дома и угодья. Рядом не было ни единой живой души, а потому никто не мог им помешать. Когда весь дом, да и все соседние сооружения в твоём распоряжении, появляется необыкновенное чувство свободы. Никого. Как раз то, что нужно в самом начале отношений. Даже когда они бродили по пляжу, Джессика, как ни старалась, не заметила поблизости ни одного человека.

Совершенно другой образ жизни! Ее и его работа, словно два полюса Земли, абсолютно противоположны друг другу, а потому ей ни за что не удастся уговорить Титуса переехать в Лондон. Слишком уж большим был контраст. Она была впечатлена. Понравится ли он ее друзьям? Люси точно понравится, а Флину с Джорди и всем остальным? Джессика очень на это надеялась. Неужели она наконец влюбилась? «Ну, — победоносно улыбнулась она, — наверное, в конце концов, влюбилась».

Конечно, Флин был в восторге, что Джорди и Джессика были так невероятно счастливы и успешны, но когда он провел вот уже четвертые выходные в одиночестве в их, как он себе теперь признался, ужасном доме, то на душе у него стало совсем тяжело. Он был подавлен и ничего с этим поделать не мог. Не то чтобы он перестал общаться с друзьями (он все так же часто ходил на прогулки и виделся с Джошем и Джимом, а также со всей остальной компанией), да и вообще, лето еще не наступило, а потому поводов собраться было не так уж и много — никаких состязаний по крикету, никаких летних вечеринок, даже никаких свадеб. Но дело было совсем не в этом. Нет, просто за шесть последних месяцев все, что только возможно, пошло в жизни Флина наперекосяк. И это было еще более обидно по контрасту с тем, что происходило в жизни двух его лучших друзей. Флин вспомнил, как в последний раз вылил на них свое недовольство и как Джессика сказала, что неплохо бы ему было отправиться в отпуск. Вероятно, она была права. В середине недели ему на пару дней надо было ехать на западное побережье Ирландии по работе. После этой поездки он будет не так загружен и, возможно, ему удастся взять несколько выходных. Он поедет домой, будет гулять, а мама будет его кормить и утешать. Флину хотелось убежать от всего и всех хотя бы на короткое время. Тиффани прикроет его, в это он не сомневался.

Тиффани поддержала его и заявила, что отпуск — отличная идея.

— Это как раз то, что тебе сейчас нужно, — сказала она. — Ты выглядишь таким уставшим. Внимание и забота твоей мамы приведут тебя в порядок.

Флин посмотрел на нее: худенькая, одетая в брюки с заниженной талией и футболку, открывающую животик; белокурые пряди в беспорядке ниспадают на плечи. Он улыбнулся:

— Неужели ты никогда не унываешь?

Тиффани улыбнулась в ответ:

— Унываю иногда, но только совсем чуточку. Жизнь, знаешь ли, слишком хороша, чтобы унывать. К тому же жаловаться все равно нет никакого толка.

Когда Тиффани ушла, Флин подумал про себя, что она самый нормальный, доброжелательный и простой человек из всех, кого он знал.

— У меня для тебя кое-что есть, — заявил Джорди, когда они вместе выпивали однажды вечером. — Это самая лучшая книга из всех, что я когда-либо читал.

Джорди вообще-то не очень любил читать, но тем не менее эта небольшая книжка «Алхимия для богов» произвела на него неизгладимое впечатление. Автора звали Паулюс Кампостелло, и Флин, зная, какую страсть Джорди питал ко всему южно-американскому, подозревал, что эта его страсть и была основной причиной такого восторга от книги. Но Джорди продолжал настаивать. Он заверил друга, что эта книга определено поможет ему справиться с депрессией: смесь древней мудрости и современных мифов поможет Флину снова начать положительно относиться к жизни и реализовать свои мечты. А еще Джорди сказал, что в этой книге есть над чем хорошенько поразмыслить. И вообще, отличное чтиво для отпуска.

— Честное слово, Флин, она дает столько вдохновения, столько сил появляется, когда ее прочтешь. А ведь она такая крошечная, — убеждал Джорди, словно его слова могли

сделать книгу более привлекательной. — И я тебе настоятельно рекомендую приобрести ее немедленно.

Флин купил экземпляр в аэропорту. «Основанная на утраченных герметичных знаниях древности, эта книга учит нас простой мудрости слушать свое сердце, замечать знаки, которые сопровождают нас в течение всей жизни, и следовать нашей мечте», — прочитал он на задней обложке книги. «Отлично», — подумал он. Он был рад, что ему удастся предпринять хотя бы что-нибудь, чтобы развеять вокруг себя тьму уныния.

К большому удивлению, Флину очень понравилась книга. Теперь он понял, что спиритуализм — это то, чего ему не доставало в религии. Как и обещал Джорди, Флин был вдохновлен и полон решимости предпринять новую попытку выйти из ступора и энергично взяться за работу, которая ждала его в следующие два дня. Когда он прилетел в Ирландию, все пошло как нельзя лучше. Ему повезло: на этот раз с актерами и другими членами группы было легко общаться, и это во многом скрасило ему жизнь. К тому же, взявшись за дело с энтузиазмом и полностью отдаваясь работе, Флину удалось великолепно наладить всеобщее взаимодействие. Он не мог припомнить, чтобы когда-нибудь столь же наслаждался выездной работой или так гладко и четко следовал расписанию. Так что к концу третьего дня Флин почувствовал удовлетворение от проделанной работы — чувство, которое он уже почти забыл. А ведь ему еще предстояла целая неделя отпуска.

Поезд несся мимо зеленеющих полей, а Флин глядел из окна на знакомый деревенский пейзаж. Весна вступила в свои права, а совсем скоро наступит лето. Сначала он очень обрадовался этой мысли, но потом отчетливо понял, что с началом лета все в его жизни должно измениться. Джессика и Джорди выполнили условия пари, а он провалился. Причем по всем статьям. Времени оставалось в обрез. Ему ведь уже почти тридцать, а он все еще едет домой к родителям, чтобы провести с ними отпуск, — ну куда это годится?

Хотя мать Флина не работала, он и представить себе не мог, что ее так часто не бывает дома. Встречи «Женского института»^[56], «обеда на колесах», художественные кружки и ланчи с подругами. Флин практически не виделся с матерью, а потому, устроившись на диване, читал книгу или смотрел телевизор. На третий день такой жизни он заскучал и начал расстраиваться. Ему было абсолютно нечем заняться, и после невеселых раздумий о своей жизни он почувствовал себя совершенно одиноким. Но потом он неожиданно воодушевился. Флин бродил по гаражу отца и в одном из углов нашел свой старый, покрытый пылью и паутиной велосипед с проржавевшей цепью. Как он любил этот велосипед в детстве! Когда Флин был младше, то катался на нем по округе вместе с Джорди. Они только этим и занимались, когда им было чуть за десять. Флин вспомнил то Рождество, когда ему подарили этот велосипед. Увидев под елкой маленькую коробочку, он поначалу ужасно расстроился. Открыв ее, он нашел внутри записку с указанием местонахождения следующей подсказки. Так, следуя указаниям записок, которые поджидали его в самых неожиданных уголках дома, он наконец увидел подарок — к стене гаража был прислонен новенький блестящий десятискоростной гоночный велосипед с огромным бантом на руле.

Флин внезапно вновь ощутил то чудесное и беззаботное время и решил прокатиться по местам своего детства. Цепь была не в таком уж плохом состоянии, как ему сначала показалось, он отполировал ее, и она заблестела как прежде. С тех пор он изрядно подрос, а потому ему пришлось существенно поднять сиденье. Флин не спеша ехал по деревне и радовался, что велосипед все еще в отличном состоянии.

Он проехал много миль. И наконец дорога привела его на место, откуда вся долина и

речка с крутыми меловыми берегами были видны как на ладони. Пристроив велосипед у дороги, Флин побрел к уединенному пляжу и замер на месте в восхищении от открывшегося ему вида. Книга, которую ему посоветовал прочесть Джорди, заставила его задуматься. Когда Джорди впервые упомянул о ней, Флин отнесся к его словам скептически — какая-то современная сказочка. Но основные принципы — быть честным с самим собой и стремиться раскрыть собственный потенциал — такие простые и очевидные, оказались близки настроению Флина. Он снова наслаждался своей работой. После одной коротенькой поездки в Ирландию он снова загорелся энтузиазмом. Конечно, дело было не только в книге, просто он понял, что уныние мало помогает добиться успехов на работе. Некоторые вещи Флин переживал впервые: обходиться без девушки больше полугода было ужасно, особенно когда все остальные так счастливы в любви. «Но, с другой стороны, что тут такого?» — подумал Флин. Он понял, что основной причиной отсутствия у него девушки является его излишняя разборчивость и привередливость. Ему хотелось сразу найти человека, отношения с которым могли бы продлиться долго. Это откровение было для Флина как гром среди ясного неба: он был готов к настоящим серьезным отношениям. К тому же он неплохо выглядел. Конечно, он уже не такой стройный, как раньше, зато высокий и темноволосый. К тому же он знал, что в хорошем настроении бывает весьма приветливым, общительным человеком. У него было много хороших друзей, что лишний раз это доказывало.

И деньги. Ему просто надо поумерить свои запросы. Научиться говорить «нет», если он не может позволить себе что-то купить, и снова попытаться откладывать по чуть-чуть каждый месяц. Напрячь все силы и взять на себя больше ответственности. По крайней мере, теперь, когда Джорди рядом не было, у Флина стало меньше соблазнов. В его возрасте просто смешно просить деньги у родителей. Он решил, что этому немедленно надо положить конец. Он ведь зарабатывает гораздо больше, чем другие. Да и вообще, бесконечно сравнивать свою зарплату с зарплатами друзей нелепо и совершенно бессмысленно. Флин и прежде давал себе такие обещания — всякий раз, когда оставался без денег или превышал кредит, — но на этот раз он был уверен, что их выполнит. Что-то внезапно щелкнуло, как будто он преодолел трудный барьер, который мешал ему изменить свою жизнь. Неужели все это произошло благодаря «Алхимии для богов»? Или просто потому, что Флин наконец повзрослел и взял на себя ответственность за свою жизнь? Он улыбнулся самому себе и ощутил, как от ветра у него слезятся глаза. Он подумал о Томми. Книга научила его, что конечной целью бытия является жизнь после смерти. Теперь Флину легко было думать, что его друг где-то живет себе сейчас припеваючи.

Флин неожиданно понял, что в этот момент решается вся его дальнейшая судьба. Он застыл, наблюдая картину, представившуюся его глазам. Ему хотелось как можно лучше впитать это зрелище, чтобы потом вспоминать эту землю, эти краски, холмы и эти слезы, которые струились из глаз из-за ветра. Он хотел запомнить все звуки, которые его окружали и все обещания, которые он дал самому себе.

Глава 25

Возрождение

Джорди пришлось признаться самому себе, что помолвка была не совсем такой, как ему представлялось. Ему казалось, что они с Молли, счастливые, рука об руку будут ходить по ювелирным магазинам, чтобы найти красивые обручальные кольца, что он будет бесконечно пить шампанское, а потом, поближе ко дню свадьбы, они обсудят остальные детали. Как же он ошибался! Рука об руку с Молли они ходили по ювелирным магазинам всего один день, но так и не смогли найти ничего подходящего. Потом как-то вечером они снова зашли в магазин, а потом еще раз в следующую субботу. Все эти прогулки были утомительными для Джорди, он понял, что если ему больше никогда в жизни не удастся зайти в ювелирный магазин, то он не будет сожалеть. Он потерял интерес ко всем этим походам, а потому Молли стала на него понемногу сердиться.

— Очень важно, чтобы тебе тоже понравилось, — твердила она. — Так что, прошу тебя, попытайся быть хотя бы чуточку повнимательнее.

Наконец проблема разрешилась: Молли выбрала колечко с бриллиантом. Для Джорди не осталось незамеченным, что это кольцо было в точности таким, какое они видели в первые пять минут первого же похода по ювелирным магазинам.

Они действительно пили много шампанского, когда начинался какой-нибудь ужин, но тосты быстро иссякали. К тому же их стали постоянно приглашать в гости люди, которые никогда прежде этого не делали. И они с ужасом для себя поняли, что все эти люди просто хотят обеспечить себе приглашение на главную вечеринку. Да и вообще, кого приглашать? Свадьбу запланировали на июнь, а потому оставалось еще достаточно времени. Но список гостей нужно было составить как можно раньше. Родители Молли настояли на том, что присутствовать должны все члены семьи и все друзья, с которыми они когда-либо общались. Это означало, что Молли и Джорди могли пригласить куда меньше своих собственных друзей, чем им хотелось. И это если не считать сотни родственников Джорди. Но как объяснить своим друзьям, что они не могут пригласить их всех? Положение казалось безвыходным, и Джорди начал приходить в бешенство. Он не хотел показаться грубым или выходить из себя перед будущими родственниками, а потому все раздражение срывал на Молли. Молли, как могла, старалась убедить своих родителей сократить список хотя бы чуточку.

— Но ведь ни я, ни вы не видели их уже сто лет, — убеждала она отца и мать.

— Но они так к тебе хорошо относились, когда ты была маленькой девочкой, и они ужасно обидятся, если мы их не пригласим, — возражала мать Молли.

— Разве ты забыла, кто платит за вечеринку? — вмешался отец.

Джорди вздохнул и сдержал вертевшееся на языке возражение.

— Лучше бы я сам за все заплатил и сделал так, нам хочется, — сказал он Молли позже.

— Прекрати, дорогой, не надо так расстраиваться. Прощу тебя, — устало ответила Молли.

Придумать сценарий торжества тоже оказалось непростой задачей. Когда Джорди попросил Молли выйти за него замуж, он ни о чем таком не задумывался. Поиски кольца и одно субботнее утро в «Питере Джоунзе»^[57] были довольно забавными, но потратить на все остальное еще две или три субботы, особенно в самый разгар мирового чемпионата по регби,

ему не хотелось.

— Я так счастлив, что могу доверить тебе все выбирать самой, — великодушно предложил Джорди своей невесте.

— Нет, дорогой, мы должны выбирать все вместе. Эти вещи будут потом с нами всю оставшуюся жизнь. Я не хочу купить что-нибудь такое, что тебе потом будет жутко не нравиться.

Она была непоколебима. Еще одной проблемой стало то, что они до сих пор не знали, где будут жить, а потому пока решили не покупать ничего, что потом не подошло бы к их новому дому.

Межу тем вероятность, что Берт организует дочернюю компанию в Саутгемптоне, все возрастала. Джорди обсудил это с Молли, и они договорились, что переедут туда, если Джорди предложат эту работу. Денег у них было достаточно, так что Молли могла не торопясь подыскать себе новую работу. Более того, им обоим не терпелось поскорее уехать из Лондона, осесть в каком-нибудь поселке и наслаждаться идиллической деревенской жизнью. А если Джорди будет работать в Саутгемптоне, то они смогут подыскать жилье неподалеку от его любимого Солсбери. Проблема была в том, что Берт не торопился принимать окончательное решение, что лишь прибавляло сложностей в их и без того нелегкой жизни.

Джорди больше всего раздражало невероятное количество времени и сил, необходимых, чтобы преодолеть путь до церкви в Чешире. Им пришлось встретиться со священником, отстоять несколько служб, чтобы показать свою заинтересованность, а потом, когда они уже почти собирались уйти, прослушать оглашение списка лиц, которые собирались вступить в брак. Джорди была ненавистна сама мысль о церковном венчании. Если бы родители Молли и его собственные родители не настаивали на свадьбе в церкви, он бы отлично обошелся и гражданской церемонией. У Джорди появились крамольные идеи, что свадьба на пляже в Сент-Киттсе — не такая уж плохая мысль.

Зато он наладил отношения с Лиззи. Следуя совету Флина, он предложил девушке оплачивать часть счетов за коммунальные услуги. Она не приняла его предложение, но было видно, что ей приятно это услышать. И однажды, когда Молли задержалась на работе, Джорди купил бутылку очень хорошего вина, и они с Лиззи вдвоем ее выпили. Тут она и поделилась с ним своими переживаниями: в ее планы не входило делить квартиру с еще двумя людьми, да и вообще, она и подумать не могла, что ее отношения с Молли так переменятся после его появления.

— Извини меня, — вздохнула Лиззи, — но я просто прихожу в бешенство, когда мне нужно в ванную, а ты ее занимаешь. Это глупо, я знаю, но это действует мне на нервы, особенно если учесть, что ты ни за что не платишь.

Джорди все отлично понял, а еще настоял на том, что будет оплачивать часть счетов, даже если она не хочет брать с него деньги за аренду, и что они должны чаще проводить время все вместе.

Потом Джорди незамедлительно организовал встречу Лиззи и Флина. Он был шафером а она — подружкой невесты, а потому свести их было просто необходимо. Молли пригласила Флина к себе, и они поужинали вчетвером. Флин и Лиззи, казалось, отлично ладили и задорно смеялись, когда Молли с Джорди рассказывали ужасные истории о подготовке к свадьбе.

— Я и представить себе не мог, что организовать свадьбу так тяжело, — признался

Флин. — А ведь я еще завидовал, когда Джорди обручился.

— Да уж, держись от этого подальше, пока можешь, вот что я тебе скажу, — добавил Джорди.

— Джорди! — воскликнула Молли обиженно.

— Да, я просто шучу, дорогая, — поспешно произнес Джорди. — Но ты должна признать, что иметь дело с твоими родителями — это кошмар.

— Просто у них свои представления обо всем. Они — другое поколение. Для них все это тоже тяжело.

— Да, знаю, но, честно говоря, буду несказанно рад, когда все это закончится.

Повисла пауза, Флин растерянно посмотрел на Лиззи.

— Что ты этим хочешь сказать? — возмутилась Молли.

На сей раз она была по-настоящему обижена.

— Да ничего, — с раздражением бросил Джорди. — Просто эти еженедельные поездки в Чешир, да еще занудствования твоего отца, да еще эти скучные заседания в церкви — я так отдыхать не привык. Поэтому я и сказал, что буду только рад, когда все это закончится.

— Какие ужасные вещи ты говоришь, — пролепетала Молли дрожащим голосом. — Ты ведь говоришь о нашем венчании, и мои родители были более чем щедры, оплачивая свадьбу и делая все для того, чтобы организовать ее так, как нам... как тебе хочется.

— Она права, Джорди, — подтвердил Флин.

— Ой, да будет тебе. Ты ведь знаешь, как с ними трудно, сама мне об этом говорила. И вообще, дорога в Чешир отнимает чертовски много времени. Я и так разъезжаю на машине целую неделю, так что проводить и выходные за рулем — чертовски скучное занятие.

Флину хотелось стукнуть Джорди. Молли и так была расстроена, а он только все усугублял.

— Иногда ты бываешь таким эгоистом, — всхлипнула Молли.

Слезы текли по ее щекам.

— Отлично, Джорди. Что, доволен собой? — зло бросила Лиззи.

— Что? Что я такого сказал? Брось, Молли, не надо так расстраиваться.

— Да заткнись ты, Джорди, — закричала Молли и выбежала из комнаты.

Лиззи выразительно на него посмотрела и ушла вслед за подругой.

— Какой ты идиот, — через некоторое время вздохнул Флин.

— А что я такого сказал?

— Если ты не понимаешь, то я-то уж точно не собираюсь тебе объяснять.

Джорди тоже вздохнул:

— Черт, прости. Ты прав. Но... я не знаю, Флин, просто не так я себе все это представлял. Иногда кажется, будто жениться собираются родители Молли, а не мы.

— Послушай, Джорди, — начал Флин. — Ты неправильно все воспринимаешь. Помни, что свадьба очень важна для Молли и ее родителей. Тебе просто надо будет сказать то, что от тебя требуется. Перестань так активно заниматься этим делом. Если ты освободишься от груза этой ответственности, то не надо будет и расстраиваться и злиться и в итоге срывать все это на Молли.

Джорди угрюмо кивнул:

— Когда девушка плачет, я не знаю, что делать. Никогда не могу найти подходящих слов.

— Просто извинись. Признайся, что вел себя как эгоист, что ты не хотел всего этого

говорить, и при этом крепко ее обними. И скажи ей, что она — самый важный для тебя человек на свете и что ты никогда больше не заденешь ее чувств. Покайся.

Наконец вернулась Лиззи.

— Кажется, она с этим справится, — проворчала она Джорди, — но не будь же ты таким придурком.

Последовав совету Флина, Джорди удалось успокоить Молли. Его друг был прав: не надо так много внимания уделять подготовке к торжеству. Что бы ни случилось, у них с Молли будет прекрасный праздник, главное не забывать, что на самом деле важно. Первый день свадьбы будет и первым днем их совместной жизни. Несколько выходных с родителями Молли — совсем небольшая плата за ту прекрасную жизнь, которая их ждет. Удивительно, как Флин мог быть таким проницательным и разумным, когда дело касается чужих проблем, и как ему трудно наладить свою собственную жизнь. Джорди был уверен, что скоро у Флина все переменится. Слишком много неприятностей выпало на его долю в последнее время, потому он и приуныл. Но как только Флин сам поймет это, все у него будет в порядке. Джорди был в этом уверен.

Может, это было чистой случайностью, а может, судьбой, но не прошло и двух недель с момента возвращения Флина из отпуска, как ему позвонили, чтобы предложить другую работу.

— Вы можете говорить? — сказал голос по телефону.

Флин огляделся. Отдел пустовал, а потому он тихо ответил:

— Конечно.

Одна из крупнейших компаний — дистрибьюторов фильмов в городе подыскивала начальника рекламного отдела. Человек из бюро по найму персонала сказал, что отдел будет в непосредственном подчинении Флина, и добавил, что его рекомендовали как отличного сотрудника. Флин был в восторге: такое неожиданное продвижение по служебной лестнице. Он пошел на первое собеседование и, кажется, оно прошло довольно успешно. Интервьюер был явно доволен и, к огромной радости Флина, попросил его прийти на встречу с директором по распространению фильмов в Великобритании. Второе собеседование прошло в дружеской обстановке: они просто поговорили за ланчем, где и выяснилось, что продюсер фильма, с которым Флин работал в Ирландии, был другом финансового директора и порекомендовал ему хорошего сотрудника.

Флин никак не мог поверить своей удаче и с готовностью согласился на все условия. Он ликовал, когда обнаружил, что его зарплата теперь будет больше, чем у Джорди, а еще ему сказали, что компания предоставит ему служебную машину и место на парковке рядом с офисным зданием. Эти дополнительные деньги все меняли. Наконец Флин сможет спокойно жить целый месяц, не занимать у родителей и не отказывать себе в маленьких радостях. Он сможет приодеться и отдохнуть со спокойным сердцем.

Правда, Флин беспокоился, что не справится с новой работой. К тому же ему предстояло говорить об увольнении с Мартиной. А как он расскажет об этом Тиффани? И все же в преддверии нового назначения у него словно груз с плеч свалился. Эмоции переполняли его, и наконец он не удержался и признался во всем Тиффани.

— Поверить не могу, что теперь у тебя будет машина! Вот повезло! — воскликнула Тиффани.

— Я тоже еще до конца не поверил. У меня никогда не было машины. Теперь я буду

свободен.

Тиффани улыбнулась печально и поцеловала его в щеку:

— Поздравляю. Ты заслужил. Только не забывай своих старых коллег, ладно?

— Конечно, не забуду. Если я меняю работу, это не значит, что я не могу с вами встречаться, как и раньше. Не беспокойся, я буду тебе звонить.

Флин действительно не хотел терять старых связей, потому что со временем Тиффани из коллеги по работе превратилась в его хорошего друга. Он будет по ней скучать. Это, пожалуй, было самым большим расстройством из-за смены работы.

Джорди и Джессика были очень рады, что дела Флина так быстро пошли в гору.

— Это просто чудесно, дорогой. Я так переживала, что ты ходил таким мрачным, — с нежностью обняла его Джессика.

— Я же говорил тебе, что стоит только полюбить свою работу, как все образуется, — сказал ему Джорди позже, когда они вдвоем сидели в пабе.

— И ты оказался прав, как всегда, старина, — засмеялся Флин.

— Ну, теперь тебе осталось только встретить девушку своей мечты, — продолжил Джорди. — Ты ведь не хочешь оставаться одиночкой.

— Я к этому теперь отношусь иначе, — с удовлетворением признался Флин. — Кто-то обязательно появится, когда придет время.

Джорди задорно рассмеялся, а Флин продолжал:

— В последнее время я был слишком напряжен и слишком много значения придавал тому, что у меня не было девушки. Это нелепо, поэтому я решил больше не волноваться и не расстраиваться по этому поводу. Меня это больше не задевает. Я почти целый год об этом беспокоился и слишком близко принимал это к сердцу. Сам видишь, куда это привело. Как бы то ни было, теперь у меня отличная должность и зарплата, на которую я могу позволить себе заплатить за напитки за всю ночь по условиям нашего пари.

— Что ж, отлично, — сказал Джорди, продолжая улыбаться. — Еще кружку пива?

— Конечно, — согласился Флин. — А потом расскажешь, как обстоят дела у тебя на работе.

Ситуация на работе у Джорди менялась быстро. Берт заключил сделку с компанией «Контак» — крупным производителем компьютеров. У «Контак» были незадействованные производственные мощности — целый завод в Саутгемптоне. Они отрегулируют или заменят оборудование и «Эф-Дэ-Ю» запустит производство. А если более точно, то за пуск и отладку производства должен взяться Джорди.

— Просто блестяще, — обрадовался за друга Флин. — Какие перемены всего за один год!

Когда Флину оставалось доработать последнюю неделю на старом рабочем месте, ему приснился сон про Тиффани. Он очень расстраивался, что больше не будет с ней работать, и, возможно, поэтому ее образ так прочно сидел у него в подсознании. Но сон был эротический, по-настоящему эротический. Флин проснулся на седьмом небе от удовольствия. Никогда прежде он не думал о Тиффани в таком ключе. Она просто была для него коллегой по работе, помощником менеджеров по рекламе в отделе.

Тем утром по пути на работу он невольно продолжал думать о ней. Она была прямой противоположностью Поппи. Во-первых, она была австралийкой. Пусть она была невысокого роста, зато у нее было очень милое личико, она постоянно улыбалась, у нее были

красивые белокурые волосы, которые она обычно собирала в пучок на затылке. Флину нравился ее стиль в одежде: она обычно носила мешковатые брюки или юбки из хлопчатобумажной ткани и легкие парусиновые туфли на резиновой подошве; ее хрупкое тело скрывали юбки и свитера, которые были ей всегда немножко велики. В ее компании Флин чувствовал себя легко и непринужденно, а еще Тиффани всегда искренне смеялась, когда он шутил. «Ты такой забавный, Флин!» — часто говорила она, все еще смеясь. Неожиданно он понял, что Тиффани ему очень и очень нравится. И почему он не понимал этого раньше? Как он мог быть таким слепым? Может, прежде он просто не смотрел на нее в таком свете, потому что она была его коллегой по работе? Флина слишком смущали все эти служебные романы. Но скоро все изменится. Тиффани уже не будет работать под его началом, так что они будут в равном положении.

Но в то же время Флин очень беспокоился, что Тиффани не испытывает к нему такого же чувства. В конце концов, он понял свои чувства к ней только после того сна. Причин, по которым она таким же чудесным образом изменила свое отношение к нему, не было. Так, по крайней мере, он думал, пока в последний рабочий день на старом месте случайно не услышал ее разговор с подружкой по телефону. Он ушел из своего кабинета, чтобы поговорить с Мартиной, но по пути в ее офис вспомнил, что забыл нужные документы, а потому вернулся. Тиффани сидела, спрятавшись за углом, а потому не видела, как он вошел.

— Я не знаю, не уверена, что нравлюсь ему, и не хочу с ним портить отношения, — говорила она печально.

Сначала сердце у Флина ухнуло, но потом он услышал, как Тиффани сказала:

— Он отличный парень. Мы очень хорошо ладили и... да... да... Флин, знаю, забавное имя!

Выскользнув из кабинета, Флин победоносно потряс головой. Он с трудом мог сосредоточиться на том, что говорила ему Мартина. Он был слишком возбужден.

Когда чуть позже Тиффани зашла в его кабинет, Флин посмотрел на нее и улыбнулся.

— Чему ты так улыбаешься? — спросила она, улыбаясь ему в ответ.

— Да так, просто думаю, как чудесна жизнь, — ответил он.

Флин робел, но понимал, что должен что-то сказать, хотя совершенно не представлял, каким образом. Такое странное чувство для него: робость.

— Ты все еще не отказался от идеи повести меня выпить в паб? — неожиданно напомнила Тиффани.

— Что ты, как я могу от такого отказаться?

— Я спросила на всякий случай. Вдруг ты про меня уже забыл.

— Ни за что.

«Какое у нее милое лицо, — думал он, — и эта ее улыбка, которая растопила мое сердце». Казалось, все в его жизни наладилось в один момент. А ведь всего несколько недель назад, по пути в Ирландию, он был мрачнее тучи и никак не мог справиться со своим унынием. И почему вдруг судьба стала с ним такой ласковой? Или это просто компенсация за те страдания, которые он пережил из-за Поппи и Томми, да и за все остальное?

К девяти вечера на работе оставались только он и Тиффани. Как Флин и рассчитывал, прощание с коллективом прошло быстро. Мартина говорила о нем только приятные слова и подарила ему новенькую авторучку. Некоторые из коллег пошли в паб, который находился за углом офисного здания, а потом и оставшиеся один за другим откланялись. В конце концов, рабочая неделя подошла к концу, к тому же Флин и раньше никогда много с ними не

общался.

— Ну, — решительно сказала ему Тиффани, — остались только мы.

Флин толком ничего не ел, а потому спиртное подействовало на него как эликсир смелости.

— Знаешь, — начал он, глядя Тиффани прямо в глаза, — я бы очень и очень хотел видиться с тобой в будущем. — Он помолчал и добавил: — Очень и очень часто.

Тиффани обвила его шею руками.

— Так ты согласна? — смеясь, спросил Флин.

— А ты как думаешь?

Она ласково глядела на него своими голубыми глазами, она улыбалась, и от этого на ее щеках появились очаровательные ямочки. Тиффани ему и в самом деле нравилась.

— Ну, в таком случае, — заявил Флин, пытаясь быть серьезным, — пошли куда-нибудь и отметим это дело.

— Хорошо, куда?

Она все так же лучезарно улыбалась, и Флин почувствовал, как сладостно билось его сердце.

— В паб? — пожал он плечами. — Ты живешь в Эрлз-Корте, так что мы пойдем в «Атлант». Он находится на равном расстоянии от твоего и моего дома.

Тиффани взяла его за руку. У нее была маленькая теплая ладонь.

— Я рада, что все прояснилось. Я и представить не могла, что мы с тобой больше никогда не увидимся.

В «Атланте» они нашли свободный столик и стали вести разговоры, которые ведут не просто друзья, а влюбленные: обсуждали, что каждый из них любит, а что не любит; вспоминали истории из детства. Тиффани рассказала ему, как росла на ферме вместе с тремя своими старшими братьями.

— Тебе обязательно нужно там побывать. Это чудесное место, только вот располагается очень далеко.

— Кажется, в детстве тебя баловали. И ты наверняка была испорченной девчонкой.

— Да уж, — рассмеялась Тиффани. — Я была ужасно непослушной. Братья меня от всего оберегали. Когда я чуть подросла, то просто с ума сводила своих дружков.

— Как мне повезло, что твоих братьев здесь сейчас нет.

— Ну, ты им обязательно понравись, если, конечно, будешь обо мне заботиться.

— Обещаю тебе.

Однажды Поппи сказала нечто подобное, но теперь Флин знал, что по отношению к Тиффани сможет выполнить свое обещание. Он доверял ей безоговорочно и безотчетно, как никогда прежде не доверял ни одной девушке, и меньше всего Поппи. Им с Тиффани было необыкновенно весело вместе. Флин упоенно мечтал, как повезет ее в путешествие по всей Англии, как они будут проводить вместе романтические выходные в Озерном крае [\[58\]](#), в Корнуолле, в Йоркширской долине. Лучше и представить нельзя.

— Сначала я бы хотела поехать в Солсбери, — заявила Тиффани. — Когда ты меня туда отвезешь?

— Завтра? — предложил он.

— Вот здорово! — воскликнула она, хлопая в ладоши.

К десяти часам оба уже порядком захмелели. Они забыли заказать еду заранее, а теперь уже было поздно, кухня паба закрылась.

— Я голоден, — пожаловался Флин. — Пойдем поедем где-нибудь.

— Отличный план, я тоже голодная, — согласилась Тиффани.

Когда они вышли на улицу, она обняла его и сказала:

— Я когда-нибудь говорила, что ты очень симпатичный?

— Нет, не припомню, — улыбнулся Флин.

— Ну что ж, — решительно заявила она, — ты — очень симпатичный.

Она широко улыбнулась, а потом поднялась на цыпочки и поцеловала его. Флину казалось, что он попал на небеса, а не стоит рядом с огромными черными мусорными пакетами на Сигрейв-роуд. От восторга по его спине побежали мурашки.

— Ты такая красивая. Мне так нравится, когда ты улыбаешься, — шепнул он. — Если ты будешь улыбаться мне каждый день, то я всегда буду счастлив.

— Спасибо, Флин, — тихо отозвалась она и сжала его руку.

Они медленно брели по улице в сторону Баронс-Курт, заглядывая в окна китайских и индийских ресторанов.

— Нет, здесь мне не нравится, — пробормотал Флин, когда они остановились напротив ресторана «Золотой дракон».

— Что-то я не в восторге от этого места, — подхватила игру Тиффани, уводя Флина прочь от «Раджпута».

— Нет, здесь слишком тихо, — заявил Флин, зайдя в «Тадж-Махал».

Так они и шли, пошатываясь и смеясь, до самой Норт-Энд-роуд.

— Слушай, Флиндерс, собираешься ты меня где-нибудь покормить, или мы так и будем ходить по улицам? — наконец шутливо возмутилась Тиффани.

— Почти пришли. Это за углом, — успокоил он.

Несколько шагов по Тернвилл-роуд, и они подошли к парадной двери их дома.

— И где же? — спросила Тиффани, сонно прислоняясь к плечу своего спутника.

— Здесь. Это мой дом.

— Ах ты, хитрый коварный лис! — засмеялась она, а потом повернулась к нему и еще раз поцеловала. — Я уже не голодна.

Да и Флину есть не хотелось. Они вошли в дом, и он повел Тиффани вверх по лестнице напрямик в свою комнату. Какое-то время они лежали на его кровати, целовались, смеялись и болтали всякий вздор. Флин был невероятно счастлив.

Он не собирался засыпать, но когда через несколько часов проснулся, было уже светло. На носу было лето. Он смотрел на Тиффани и был невероятно счастлив, что она по-прежнему была в его постели. А ведь еще вчера он и подумать не мог, что все так обернется. Тихо выскользнув из комнаты, Флин спустился по лестнице и пошел на кухню, чтобы попить воды, а потом на цыпочках прокрался обратно в комнату и лег рядом с Тиффани. Она спала, а Флин пытался как можно тщательнее рассмотреть черты ее лица: ровная, четкая линия бровей, отличная форма губ, маленькая родинка под правым ухом.

Наконец она стала просыпаться. Еще с закрытыми глазами она улыбалась.

— Будет тебе урок так меня спаивать, негодник, — сказала она и зевнула.

— Старая уловка, — довольно рассмеялся Флин.

Тиффани потянулась и встала с кровати.

— Боже, я даже не знаю, где тут ванная!

Вернувшись, Тиффани встала напротив него и решительно стащила с себя свитер, потом сняла юбку, футболку и носки.

— Ух ты! — с восхищением выдохнул Флин.

Выглядела она и впрямь сногсшибательно.

— Замолчи! — буркнула Тиффани и забралась в постель. — Давай раздевайся, — велела она.

Флин несколько опешил, но потом пришел с себя и быстро разделся.

— Ну наконец-то, — вздохнула Тиффани, поглаживая его по груди.

Потом она крепко обняла его, и он почувствовал совсем близко ее мягкие груди. Это было великолепное ощущение. Он целовал и ласкал ее, пока она не растянулась в полный рост, улыбаясь от удовольствия:

— Ой, мур-мур, чувствую себя кошечкой! — слабым голосом пробормотала она, когда Флин снимал с нее плавки.

Каким он был глупцом, что так расстраивался из-за Поппи! Флину было стыдно за ту ночь, что он провел с ней несколько месяцев назад: это был просто секс и ничего больше, никакой настоящей симпатии. Сейчас ему было в тысячу раз лучше, потому что он занимался любовью с такой отличной, веселой и милой девушкой. Он еще никогда ни к кому не чувствовал такой нежности, и когда он медленно целовал ее и аккуратно раздвигал ее ноги, то был по-настоящему счастлив. Он готов был еще раз перенести все страдания и горести, которые выпали на его долю, лишь бы они снова этим закончились.

— Тиффани, как ты думаешь, этому суждено было случиться? — спросил наконец Флин. Голова Тиффани покоилась у него на груди. — Просто в последнее время я поверил в судьбу и предназначение.

Он думал об «Алхимии для богов». Конечно, эта книга его вдохновила, но он и подумать не мог, что она настолько переменит его жизнь.

— Не знаю, — сказала Тиффани, — но теперь, когда ты мой, я тебя никуда не отпущу.

Они все-таки поехали в Солсбери. Сначала Флин сомневался, серьезно ли Тиффани хотела поехать или сказала это просто так, к слову. Но она заверила его, что это отличная затея, особенно если учесть, что за все время она лишь пару раз выезжала за пределы Лондона.

— Ты все еще не сводил меня на выставку динозавров, хотя давным-давно обещал. Но сначала мне бы хотелось посмотреть окрестности. Я уже порядком устала от этой городской суеты, — объяснила она, а потом лукаво поинтересовалась: — А где мы остановимся на ночь?

У Флина началась новая жизнь, в которой ему несказанно везло. Он выяснил, что родителей на этих выходных дома не будет. Не то чтобы он не хотел знакомить их с Тиффани, ему просто хотелось подольше побыть с ней наедине. Здорово, что в первый настоящий визит в деревенскую Англию он отвезет Тиффани в старый, крытый соломой коттедж, настоящий архитектурный памятник. Тиффани заявила, что это превосходный план, особенно что касается походов по хорошим пабам и посиделок у камина перед открытым огнем. Они быстро доехали до ее квартиры, взяли одежду, а потом наняли небольшую машину.

— Никогда больше не буду этого делать, — пообещал себе Флин вслух и подумал о той свободе, которую он получит вместе с новой машиной.

Выходные были чудесными. За эти два дня влюбленные смогли хорошо узнать друг друга. Во время поездки они так увлеклись разговорами, что даже не включали магнитола. Они рассказывали друг другу о своем детстве, делились мнениями обо всем на свете и к

обоюдному удовольствию выяснили, что на многие вещи в жизни смотрели одинаково. А еще они много смеялись. Они остановились на ланч в «Раднор армз», а потом, решив, что погода как раз располагает к прогулкам, Флин повел Тиффани к старой крепости на холме недалеко от дома Хаверсов.

— Как же тут красиво, — восхитилась Тиффани, когда они стояли на холме, болтали и курили.

Флин был счастлив, что может показать Тиффани одно из самых своих любимых мест, и очень тронут ее восторгами. Для него самого такие места стали очень много значить с тех пор, как он уехал в Лондон. В его памяти они связывались с детством, с тем временем, когда он был счастлив, весел и беззаботен. Для него было очень важно, что Тиффани тоже могла увидеть и оценить красоту этого места.

Он говорил с ней о Томми — своем друге, по которому сильно скучал. Но в то же время Флин заметил, что в последнее время стал вспоминать о нем все меньше. Он стал привыкать к тому, что друга больше нет рядом.

— Ты всегда будешь по нему скучать, — вздохнула Тиффани, — но ведь жизнь продолжается. Человек не может долго грустить.

— Да, ты права, — согласился он, — но тогда мне это казалось ужасным. Такой шок. Я никак не мог поверить. Мне до сих пор все еще чудится, будто Томми просто уехал в путешествие.

— Так проще, — успокоила его Тиффани. — А еще это должно научить тебя ценить то, что у тебя сейчас есть.

— Да, — кивнул Флин, обнял ее и поцеловал со всей нежностью. — Так и есть.

Вечером Флин повел Тиффани еще в один старый паб, где ей очень понравилось. Там не было ни музыкального, ни игровых автоматов, а по стенам были развешены котелки, пилы, косы и множество других сельскохозяйственных инструментов. Паб состоял всего из двух небольших комнатушек и был до отказа набит местными жителями. Тиффани по-детски радовалась, что Флин знаком с владельцем паба и может сам наливать себе пиво прямо из бочек.

— О, Флин, почему бы нам ни сбежать из города и не поселиться здесь? Какое блаженство! — счастливо вздохнула Тиффани, когда они вышли в тихую ночь.

Они вдыхали аромат влажной травы. Тиффани улыбалась Флину и прижималась к его плечу. Он был счастлив, но очень боялся потерять только что обретенное счастье. Его жизнь так неожиданно переменилась к лучшему. Надолго ли?

Через несколько недель, ближе к вечеру, когда Флин сидел в своем офисе, раздался телефонный звонок. Это была Поппи. Он не видел ее с той самой ночи, когда погиб Томми, и ни разу о ней даже не вспомнил, когда в его жизни появилась Тиффани.

— Дорогой, ты не занят? Может, я не вовремя? Я тут недалеко от тебя, и вместо того, чтобы сталкиваться с тобой, я на этот раз решила позвонить, — прощепетала она. — Может, пропустим по рюмочке?

— Хорошо, — согласился Флин, — было бы чудесно. Расскажешь свои последние новости.

— А ты расскажешь мне свои, — сказала Поппи.

Через полчаса они сидели в том самом баре в Сохо, в котором встречались в ноябре. Поппи заверила, что Марк теперь уже навсегда ушел из ее жизни, а еще она порвала с

биржевым маклером Гленом, с которым в последнее время встречалась.

— Честное слово, Поппи, — ругал ее Флин, — я думал, после Марка ты поняла, что эти парни из Сити не для тебя.

— Знаю, ты прав, — с тоской вздохнула она. — Мне нужен ты, особенно теперь, когда ты стал таким завидным женихом.

Она улыбалась ему, гадая, готов ли он поддаться ее уловкам. Флин улыбнулся ей в ответ, но ничего не сказал. Поппи была очень привлекательной девушкой, выглядела она просто великолепно, да к тому же откровенно заигрывала с ним.

— Знаешь, Флин, я так рада снова тебя видеть. Теперь ты выглядишь более уверенным в себе.

— Правда? — усмехнулся Флин. — Вообще, конечно, дела у меня идут неплохо.

— Очень рада это слышать, — серьезно сказала она.

Они продолжали разговаривать, а потом Поппи вдруг решительно шлепнула ладонями по столу:

— Слушай, у меня есть отличный план. Что, если мы сейчас пойдём ко мне, и я приготовлю нам ужин?

— Я бы с удовольствием, Поппи, но у меня другие планы на сегодня.

— Ну так отмени их! — соблазнительно улыбнулась она. — Пошли, будет весело, я ведь так давно тебя не видела.

— Не могу, Поппи, — покачал головой Флин.

Она состроила обиженную гримасу.

— Извини, но я на самом деле не могу.

Через несколько минут Флин поднялся и направился к своей удивительной Тиффани. Конечно, ему есть за что благодарить Поппи. В конце концов, если бы он продолжал с ней встречаться, то никогда бы не узнал Тиффани по-настоящему. Поппи была очень красива, и Флин прекрасно понимал, почему она ему так нравилась, но, по правде сказать, теперь ему казалось, что Тиффани гораздо красивее, такая очаровательная в своей простоте. В отношениях с Поппи все было просто игрой, фальшивкой и флиртом, из их отношений никогда ничего хорошего бы не получилось. Теперь Флин понимал, о чем ему говорила Джессика. Нет, Тиффани подходила ему намного лучше. В их отношениях не было никаких осложнений, они идеально подходили друг другу.

Вещи в доме на Тернвилл-роуд были почти упакованы. Джорди уже переправил большинство вещей в свою новую квартиру. Здесь оставалось только его пуховое одеяло, немного одежды и сумочка с банными принадлежностями. Мечта об идиллической жизни в деревне почти осуществилась. Берт наконец заключил сделку и официально назначил Джорди на должность в Саутгемптоне. Деятельность там предполагалось начать только к концу года, поэтому они с Молли решили снять квартиру в Чизвике, в западной стороне города, почти на выезде: оттуда проще было ездить за город, чтобы подыскать там жилье. Несмотря на нынешнюю неустроенность, они так радовались, что скоро смогут жить в собственном коттедже за городом, что согласны были немного потерпеть. А еще они спокойно могли вернуться в эту квартиру из свадебного путешествия и ждать, пока решится их судьба.

Джорди очень обрадовался, когда Флин стал встречаться с Тиффани. Он был вынужден признать, что такие девушки совершенно не в его вкусе, но Тиффани ему очень нравилась. Она явно обожала Флина, и Джорди понимал, что она ему идеально подходит. К тому же теперь Джорди перестал чувствовать за собой вину, что бросил друга в трудные времена. Он снова видел своего старого друга-весельчака Флина и понимал, что их дружбе время не помеха.

— Наши жизни, наверное, чуточку изменились, — подтвердил Флин, — но для нашей дружбы это не имеет ни малейшего значения.

А потом Джорди предложил обязательно, хотя бы раз в году, проводить выходные только вдвоем.

— Вот это дело, — улыбнулся Флин. — А когда вы переберетесь за город, то я буду к вам часто приезжать.

Как бы то ни было, Джорди было грустно расставаться с домом, прощаться с Флином и Джессикой. Очередная глава книги его жизни была дописана.

В комнате Джессики и в гостиной громоздилось несметное количество ее сумок и коробок с вещами. Она обнаруживала, как много у нее одежды, только когда в очередной раз переезжала. Сначала она планировала остаться в этом доме и позвать кого-нибудь на место Джорди, чтобы не переезжать, но потом изменила решение. Флин не хотел жить ни с кем, кроме нее, и теперь и Джессика поняла, что не хотела жить ни с кем, кроме него. Тем более на этот раз они могли снять жилье попроще. По сравнению с этим домом их новая квартира в Хаммерсмит была просто чудесной. Крыша кухни наполовину была сделана из стекла, а потому квартиру заливало яркое солнце, а окна ее выходили в сад. Единственная неприятность — это переезд.

Но почему-то настроение у Джессики никак не улучшалась. Уж слишком много сложностей было в ее личной жизни. Она обожала Титуса, и, кажется, он очень нравился ее друзьям. Разница в возрасте совершенно не чувствовалась: Титус потягивал пиво и общался с Флином и Джорди без особых проблем. Он даже пригласил их в Норфолк. Люси откровенно завидовала Джессике, и даже Ким пришлось признать, что Титус вовсе не выглядит деревенщиной, как она себе представляла. Все было замечательно, Титус был милым, а его поместье и дом — сказочными. Но Джессика постепенно стала понимать, что Титус уже

достиг того момента в жизни, когда ему хотелось осесть и создать свою семью. Он все время говорил Джессике, что однажды обязательно обзаведется семьей, но она понимала, что ему хотелось сделать это как можно быстрее. Джессика его обожала, и Норфолк ей нравился, но хотела ли она немедленно уезжать из Лондона? Ведь тогда придется уйти с работы. Мечты мечтами, но жизнь в Норфолке ей быстро наскучит, если у нее не будет работы. Чем она будет заниматься весь день? Кормить кур? Готовить завтраки, ланчи и ужины? Рожать и воспитывать детей? День за днем, до конца жизни?

К тому же недавно Джессике звонили из конкурирующей фирмы и предложили отличную должность. Как к этому отнесется Титус? Будет ли он ждать, если Джессика согласится на эту должность? Она не могла вынести даже мысли о том, что ей придется с ним расстаться.

Люси не понимала колебаний подруги.

— Мне казалось, ты как раз о таком и мечтала, Джес, — убеждала она. — Баснословно богатый муж с загородным особняком.

Ну, возможно, через десять лет Джессика и согласилась бы, но хотела ли она этого прямо сейчас, особенно когда ее карьера так стремительно развивалась. Что же делать? Как ей хотелось, чтобы ее жизнь была такой же легкой, как у Джорди. Она еще не рассказала Титусу о том, что ей предложили новое место. Об этом знали только Люси, Флин и Тиффани. Тиффани очень нравилась Джессике. Сначала она ей не доверяла, потому что думала, что Флин, как обычно, кинулся в водоворот новых отношений, не разобравшись в своих чувствах, и теперь ему грозит очередная трагедия а ля Поппи. А еще Джессика немного, совсем чуточку, его ревновала. Но Тиффани была так предана Флину, что сердце Джессики растаяло. Они с Тиффани были довольно разными, но всегда находили темы для разговоров, и Джессика поняла, что под забавной внешностью скрывается серьезный, чуткий человек, чьим мнением Джессика стала дорожить.

— Да, это трудное решение, — нахмурилась Тиффани, когда Джессика поведала ей о своих сомнениях.

Ее слова были полной противоположностью тому, что говорила Люси.

— Постарайся понять, что ты сама чувствуешь. Если ты считаешь, что будешь счастлива с Титусом, тогда все замечательно. Но если тебе кажется, что ты будешь чувствовать себя там ненужной, то лучше отказаться от этой затеи, — наконец сказал а Тиффани.

— Я знаю, что буду там счастлива, и я обожаю Титуса, но я очень боюсь пожалеть о своем решении. Вдруг, когда я туда приеду, то буду постоянно думать, что было бы, если бы я не поехала? Или я так не буду думать? В общем, я не знаю.

— Думаю, тебе стоит прочесть вот это, — усмехнулся Флин и протянул подруге книгу «Алхимия для богов». — И попытайся следовать тому, что говорит тебе сердце.

— Флин, дорогой, я не очень-то верю всем этим новомодным течениям. Это тебе не идет, — скривилась Джессика.

Но все же книгу прочитала, отчего еще более растерялась.

У Флина вещей было так же мало, как и в прошлом году, так что ему потребовалось совсем немного времени, чтобы их упаковать. Он уже свыкся с мыслью, что Джорди от них уезжает и женится, а потому как можно быстрее хотел переехать на новое место. Тиффани сможет часто к ним заходить, а еще с ним рядом будет Джессика. Они отлично устроятся. А ведь когда-то ему казалось, что жизнь уже никогда не будет лучше. А впереди еще ждал вечер в «Атланте», о котором они договорились с друзьями год назад. Но если Флин и

волновался по этому поводу, так только потому, что никак не мог дожидаться, когда же они соберутся и начнут пить.

— Нам пора! — прокричал он Джессике и Джорди в третий раз. — Время подводить итоги.

— Отлично, — упираясь в стол руками, сказала Джессика и решительно посмотрела сначала на Флина, а потом на Джорди. — Все согласны?

Джорди посмотрел на Флина, кивнул, а потом снова перевел взгляд на Джессику:

— Согласны.

— Мы на равных. Победителя в нашем состязании определить не удалось.

— Согласен, — кивнул Джорди.

— Ну, тогда будем покупать друг другу напитки по очереди, — развеселился Флин. — Но Джорди обязан угостить нас шампанским, потому что он перевыполнил условия, ведь скоро он женится.

— Я поддерживаю это предложение, — рассмеялась Джессика.

Джорди пришлось раскошелиться на бутылку шампанского. Он наполнил бокалы и сказал:

— За моих самых лучших друзей на свете, за наш старый дом и за очень успешный год.

— И за то, чтобы наша дружба продолжалась, — подхватила Джессика.

— И за выходные в загородном доме Джорди, — добавил Флин.

Они подняли бокалы и чокнулись.

— Выпьем за все вместе, дорогие мои, — рассмеялась Джессика. — Договор заключен и выполнен.

Джорди с волнением оглянулся и увидел, что все люди, сидящие на скамейках в церкви, смотрели на него. Он быстро отвернулся и, постукивая каблуками своих начищенных до блеска туфель по холодному каменному полу церкви, прошептал Флину:

— Кажется, я начинаю нервничать.

Флин сидел рядом с ним в самом первом ряду и тоже начал постукивать каблуками по полу.

— Я тоже немного нервничаю. За тебя переживаю, старина, — шепнул он в ответ.

— Думаешь, она будет вовремя? — тяжело вздохнул Джорди.

— Уверен, — успокоил его Флин.

До трех часов оставалась одна минута. Флин оглянулся. Джессика выглядела сногшибательно в своей черной широкополой шляпе с перьями. Она заметила, что он смотрит на нее, и улыбнулась. Титус тоже улыбался; на нем был стильный двубортный пиджак. Через несколько рядов от него Флин отыскал глазами Тиффани. Ее лицо практически полностью скрывала огромная белая шляпа. Она сидела рядом с Джошем, и Флин видел, как они оживленно что-то обсуждали. А потом заиграл орган, и все встали. Флин легонько толкнул локтем Джорди.

— Ну, началось! — прошептал он, и они заняли свои места.

Джорди чувствовал, как вспотели ладони, но он был счастлив: девушка его мечты медленно шла к нему по проходу. Она была ослепительно красива. Внезапно люди, которые собрались в церкви, перестали для него существовать. Они слились в одну бесцветную массу, а потому Джорди перестал волноваться и стал чувствовать себя увереннее. Он думал сейчас только о Молли и о том, что наконец наступил долгожданный момент. Чтобы все организовать, им потребовалось несколько месяцев, и теперь это случится. Он прожил на Земле двадцать пять лет, и ему предстояло прожить еще многие и многие годы — вместе с Молли.

Флину было как-то странно видеть, как его друг произносит клятву. Много лет назад, когда они были детьми, он раздумывал, как это будет, когда его друг женится. Тогда это казалось ему невероятным, таким же невероятным, как самостоятельно подписать чек или водить машину. И вот теперь все это ему знакомо. Но Флин знал, что никакие свершения на пути взросления и никакая ответственность, которая лежала сейчас на нем, не изменят его: он оставался таким же человеком, как и прежде, — самим собой. Он понял, что взрослеть — не означает перестать получать от жизни удовольствие. С Тиффани ему было весело и интересно, как ни с кем другим на свете. Пари, которое предложила им заключить Джессика в прошлом году, удалось на славу. Все трое выполнили условия договора. И теперь Флин мог со спокойным сердцем и радостью смотреть в будущее.

Флин так волновался за свою речь, что не мог толком есть. Он сидел за столиком рядом с Лиззи и слабо улыбался Тиффани, которая сидела напротив. После речи Бомы на свадьбе Эдди Флин прекрасно понимал, чего говорить не следует, а потому его собственное выступление прошло на ура: все смеялись именно там, где он и предполагал.

— Чертовски хорошая речь, — заявил Джорди, и его отец с ним согласился.

— Очень познавательно, — подмигнул он Флину.

В одиннадцать часов молодожены собрались уезжать. Все гости столпились у дома Дугитов. Джорди и Молли уже переоделись в обычную одежду и, пробравшись сквозь толпу, уселись в ожидавшее их такси.

— Спасибо за все, Флин. Ты был великолепен! — воскликнул Джорди, обнимая своего друга.

Его переполняли эмоции. Потом он повернулся к Джессике и так же крепко обнял ее.

— Хорошенько повеселитесь и отдохните, — хлюпая носом, пробормотала та, обнимая Джорди и Молли.

А потом Молли бросила свой букет так высоко, что только Джессика смогла его поймать. Все одобрительно захлопали и закричали.

— До свидания! До свидания! — махала руками счастливая парочка, прощаясь со своими семьями.

Наконец такси скрылось из виду.

Люди махали вслед, а потом один за другим потянулись обратно в сад в шатер. Джессика с Флином обнялись и вздохнули.

— Ну, вот и все, — сказал Флин, а потом, увидев Тиффани, позвал ее: — Пошли, выпьем чего-нибудь.

— Я так расчувствовалась, когда Джорди и Молли стали прощаться, — призналась Джессика Титусу, когда они медленно брели к дальнему краю сада. — Мне вдруг показалось, будто целая эра закончилась.

— Или началась новая. — Титус улыбался. — Джессика, — сказал он. — Ты выйдешь за меня замуж?

Флин и Тиффани танцевали, пока не стихла музыка, а потом, разгоряченные и мокрые, вышли на улицу освежиться.

— Какой день! — воскликнул Флин. — Тебе понравилось, Тифф?

— Да, очень. Все было просто чудесно, — улыбнулась она. — По-настоящему счастливый день. Я очень горжусь тобой, ты произнес прекрасную речь. Все говорили, что она была просто блестящей.

— Ах, — счастливо вздохнул Флин.

Он сел на деревянную скамейку в саду, а Тиффани прилегла, положив голову ему на колени.

— Флин? — позвала она.

— Да? — откликнулся Флин, расслабленно глядя в звездное небо.

— Я люблю тебя больше всех на свете. Как ты думаешь, мы всегда будем вместе?

Флин улыбнулся; его сердце переполняла любовь к этому удивительному человеку, который так неожиданно появился в его жизни.

— Конечно, — легко ответил он.

Тиффани повернула голову и широко улыбнулась ему. Флин нагнулся и поцеловал ее. «Жизнь — отличная штука», — подумал он.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Район в западной части Лондона. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Одна из линий лондонского метро.

Еженедельный комикс для девочек школьного возраста; издается с 1958 г.

Район в западной части Лондона.

Жизнь прекрасна (*ит.*).

Герои романа «Любовник леди Чаттерлей» Д. Г. Лоуренса.

Пригород Лондона.

В этом квартале существует музей истории темнокожих в Британии.

В Альберт-холле, помимо различных концертов, проводятся митинги и спортивные соревнования.

Административный район в восточной части Лондона, один из крупнейших финансовых и коммерческих центров мира.

Большой выставочный зал в западной части Лондона, в котором среди прочих проводится Лондонская международная книжная ярмарка.

Бейсбольная команда г. Окленда, шт. Калифорния, США.

Дорогие марки соответственно скутера и двухместного автомобиля.

«Фрешфилдс Брукхауз Дерингер» — крупная международная юридическая корпорация.

Район Лондона.

Город на юге Великобритании.

Дорогая (фр.).

Еженедельный журнал для девушек-подростков.

Английский язык (*ит.*).

Прошу прощения (*ит.*).

Известный независимый кинофестиваль.

Комикс из серии «Тэнтэн».

Пригород Лондона.

Дворец с ценным собранием мебели рядом с деревней Питершам недалеко от Лондона; филиал Музея Виктории и Альберта.

Сеть фирменных продовольственных магазинов самообслуживания.

Ежедневная лондонская газета бульварного толка.

Шоу борцов.

Площадь в центральной части Лондона со знаменитой статуей Эроса, а также пересадочная станция метро.

Площадь в Уэст-Энде.

Аптеки компании с одноименным названием, в которых помимо аптекарских товаров продаются некоторые товары для дома, канцелярские принадлежности, книги и диски.

Город в Великобритании.

Второй день Рождества, 26 декабря, — официальный выходной день, в который принято дарить подарки.

Игра слов: в английском языке словосочетание «carry on» может переводиться и «продолжать что-то делать», и «иметь любовную связь».

Фешенебельный район в западной части Лондона, известен как район художников.

Самый сложный удар, за который бэтсмен — игрок в крикет — получает шесть очков. Также устойчивое словосочетание «to hit somebody for six» означает — «полностью разбить кого-либо».

Игровой период в крикете.

Бросающий мяч по калитке противника.

Фильм 1958 года с участием Ингрид Бергман.

Флан — фруктовый пирог или открытый пирог с сыром из слоеного теста.

Культурный научно-фантастический телесериал 1965–1969 гг. В 1979 г. вышел полнометражный фильм, а затем второй телесериал.

Убийство эрцгерцога явилось поводом к началу Первой мировой войны.

Дорогой ежемесячный журнал.

Система доставки горячей пищи престарелым и инвалидам; организуется добровольцами.

Предметы искусства (*фр.*).

Лондонский оперный театр.

Английский художник, известный изображениями умерших животных, залитых формальдегидом.

От bomber (*англ.*) — террорист, бомбометатель.

Графство на юго-западе Великобритании, крупный туристический центр.

Персонаж книги Кеннета Грэма «Ветер в ивах».

Ежемесячный журнал.

Точка, противоположная зениту.

Кинокомедия 1991 г., в главной роли Билли Кристал.

Участок автомагистрали № 4 в графстве Беркшир, где по обеим сторонам шоссе расположены многие научно-исследовательские учреждения и фирмы по производству электронной техники.

Город-курорт в графстве Перт, Шотландия.

Шотландская застольная песня на стихи Роберта Бернса.

Организация, объединяющая женщин, живущих в сельской местности, в рамках которой действуют различные кружки.

Большой универсальный магазин женской одежды и принадлежностей женского туалета в Лондоне.

Живописный район на северо-западе Англии.